

В. В. Штоль

**Армия
«Нового мирового порядка»**

Москва 2010

УДК
ББК

Научные рецензенты:

доктор военных наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации В.В.Круглов

доктор политических наук, профессор, Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации Г.А.Рудов

доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации А.Д.Шутов

Штоль В.В.

Ш Армия «Нового мирового порядка».

ISBN

В монографии рассмотрен Североатлантический альянс как ключевой элемент сохранения и укрепления западного лидерства. При этом глобальное доминирование показано как проектная задача западной цивилизации.

В работе проанализированы роль и место НАТО в системе институтов, ответственных за формирование «Нового мирового порядка»; показаны особенности трансформации НАТО в современных условиях и совершенствование ее оперативного потенциала.

Оценена роль НАТО в миротворческих процессах, а также рассмотрено взаимодействие альянса с Европейским союзом, Российской Федерацией, со странами и межгосударственными структурами на постсоветском пространстве.

Монография предназначена для специалистов в области международных отношений и широкого круга читателей.

УДК

ББК

ISBN

© В.В.Штоль

Содержание

Предисловие	5
Введение	17
РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ. НАТО – ключевой инструмент сохранения и укрепления западного лидерства	53
Глава 1.1. Глобальное доминирование – проектная задача западной цивилизации	53
Проект «глобальная империя» Запада	55
Доминирование через трансформацию западной проектной идеи	71
Проектные институты современного Запада	82
Глава 1.2. Трансформация мирового порядка и НАТО	91
Глава 1.3. Роль и место НАТО в системе институтов, ответственных за формирование «Нового мирового порядка»	106
РАЗДЕЛ ВТОРОЙ. Особенности трансформации НАТО в современных условиях	124
Глава 2.1. Новое расширение НАТО – очередной этап трансформации	131
Пространственное расширение блока	132
Расширение зоны действия блока через партнерство	162
Глава 2.2. Совершенствование оперативного потенциала НАТО	191
Пражское обязательство о потенциале	192
Реформирование военной структуры блока	203
Силы реагирования НАТО	219
РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ. НАТО в миротворческом процессе	233
Глава 3.1. Трагедия Республики Босния и Герцеговина	238

Глава 3.2. НАТО и Македония: очередной этап славяно-албанского противостояния	254
Глава 3.3. Прецедентный характер кризиса в Крае Косово и Метохия	257
Глава 3.4. Афганистан: миротворческая оккупация или геополитический тупик?	274
Глава 3.5. НАТО и Ирак. Оправдание и поддержка американской агрессии	295
Глава 3.6. Содействие НАТО Африканскому союзу в Дарфуре (Судан)	301
РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ. НАТО в системе европейской безопасности	309
Глава 4.1. Сотрудничество НАТО и Европейского союза	309
Глава 4.2. Россия и НАТО: партнерство или противостояние?	330
Глава 4.3. Отношения НАТО с государствами и межгосударственными структурами на постсоветском пространстве	372
Глава 4.4. Мировой финансово-экономический кризис и будущее международной безопасности	395
Заключение	411
Приложение 1. Доклад группы экспертов альянса с предложениями по новой Стратегической концепции «НАТО 2020: обеспеченная безопасность; динамичное вмешательство»	437
Приложение 2. Перечень упоминаемых в монографии документов и международных организаций	461
Приложение 3. Указатель имен	484
Приложение 4. Список сокращений	582

Предисловие

Все сущее имеет идею.

Платон.

XXI век вступил на историческую стезю с грузом тяжелого наследия века ушедшего, самого кровопролитного в человеческой истории, насыщенного теориями, концепциями и доктринами планетарного масштаба, попытками реализации их на практике на всем пространстве земного шара.

Англосаксонская доктрина морского владычества, помноженная на венецианскую ростовщическую монетаристскую идеологию, привела Европу к Первой мировой войне.

Немецкая классическая геополитика, положившая в основу поведения государства расширение жизненного пространства в качестве естественного закона развития, помноженная на расовую теорию, ввергла человечество во Вторую мировую.

При этом британская стратегия поддержания баланса в европейском пространстве путем непрерывного сталкивания своих соперников тоже внесла солидный вклад в развязывание мировой бойни 1939–1945 годов.

Мессианские идеи и теории русских мыслителей (подобных «Москва – третий Рим»), концепции славянофилов и евразийцев также нашли воплощение в советском проекте мировой социалистической системы. Теория «Хартленда» англичанина Х.Маккиндера, стратегия морского могущества американца А.Мэхэна, концепции

атлантизма Н.Спайкмена несомненно привели к рецидиву холодной войны.

Тем не менее после окончания Второй мировой войны стал складываться баланс сил в глобальном измерении, что, несмотря на балансирование на грани термоядерной войны, делало мир более стабильным и безопасным, особенно с достижением стратегического равновесия. Это был мир государств, объединенных в три глобальных геополитических системы: по Маккиндеру и Спайкмену – континентальный мир (теллутократия), морская цивилизация (талассократия) и третий мир (римленд); по Марксу и Ленину – капиталистическая система, система социализма и система государств, избравших собственный путь развития (страны народной демократии); по Данилевскому и Тойнби – страны духовной ориентации, страны рационально-материалистических приоритетов, страны, только делающие свой выбор.

С разрушением СССР и мировой социалистической системы большинство стран мира потеряло свою ориентацию в мировом геополитическом пространстве, образовался вакуум в международной системе безопасности, обозначилось отсутствие теоретических основ в развитии человечества. Похоже, растерянность проявилась даже у победителей в холодной войне – стран западного мира. Особенно, когда Россия, правопреемница СССР, устами своего президента запросилась в «цивилизованное» западное сообщество.

Однако растерянность в стане победителей длилась недолго. Перед англосаксонской элитой и владельцами Финансовой резервной системы США замаячили контуры

однополярного мироустройства. Это когда можно весь мир заставить работать на прибыли собственных банков и компаний и через долговые удавки, а также угрозы убийств, переворотов, революций повелевать правительствами стран мира. А для этого необходимы не только печатный станок мировой валюты (которую американский исследователь Матиас Чанг называет «туалетной бумагой») и безмерная политическая наглость, но и военная сила, способная подавлять любое сопротивление и загонять страны и континенты в тот самый однополярный мир.

И тогда монополизаторы вспомнили о НАТО. Под спешно формируемую концепцию «Нового мирового порядка» стали разрабатывать проект соответствующей военной организации, взяв за основу Североатлантический альянс. Первое, что было необходимо сделать, это придумать новые мотивации сохранения альянса, ибо прежние – сдерживание коммунизма, оборона западного мира от угроз Организации Варшавского договора и СССР, уже не работали, поскольку исчезли сами субъекты так называемых угроз. К тому же возникла еще одна проблема: с исчезновением советской «угрозы» исчезла необходимость американского военного присутствия в Европе.

Объединенная Германия, Франция и ряд других западноевропейских стран возмечтали об освобождении от англосаксонской опеки и строительстве самостоятельной евроцивилизации как субъекта мировых исторических процессов. И здесь роль НАТО оказалась незаменимой. Мало о том говорят ныне, но первопричиной создания

Североатлантического альянса явилось не противостояние с СССР (это потом вышло на передний план), а установление англосаксонского контроля над разрушенной и ослабленной войной Западной Европой. Именно об этом контроле говорилось еще 28 января 1942 года (после разгрома немцев под Москвой) в секретном меморандуме WP/42 министра иностранных дел Великобритании Энтони Идена.

В меморандуме, в частности, есть такая фраза: «Я думаю, что если в ближайшем будущем Франция не будет восстановлена как великая держава, то в наших интересах иметь на французском побережье военные и морские базы. Бельгия и Голландия должны находиться в открытом военном союзе с Великобританией, с правом последней иметь в этих странах военные и морские базы, а также, при необходимости, держать там свои войска».

В отношении Германии в меморандуме есть четкое указание: «восстановить в наших собственных интересах такое соотношение сил, .. которое могло бы помешать возрождению Германии, ... чтобы в военном отношении Германия была окружена». Прочитывается и предупреждение о недопустимости сотрудничества России с Германией: «Если допустить, что Германия потерпит поражение, германская военная мощь будет уничтожена, ... может оказаться необходимым и дальше сотрудничать с Россией, потому что иначе она может поддаться искушению сотрудничества с Германией, побужденная к этому историческими тенденциями и экономической необходимостью».

Неслучайно, именно Лондон противился объединению ФРГ и ГДР, не хотелось англичанам усиления своего вечного соперника – континентальной Германии, к тому же стремящейся стать центром Европы и активным партнером России.

В 90-х годах прошлого столетия запускается сложный механизм переустройства мира, где НАТО постепенно реформируется из региональной военно-политической структуры в глобальную силовую систему, обслуживающую интересы англосаксонской элиты, мировой финансовой олигархии, ТНК.

Технологии придания нового качества Североатлантическому альянсу, трансформация его функций подробнейшим образом раскрываются в работе В.В.Штоля «Армия "Нового мирового порядка"». Это первая в России монография, в которой объективно и документально аргументированно исследуется процесс превращения НАТО в глобального военного монстра. Автор срывает с политики США и Великобритании завесу «гуманности и человеколюбия», убедительно доказывает, что все так называемое миротворчество и забота о правах человека, будь то события в Югославии, вторжение в Ирак и Афганистан, цветные революции на постсоветском пространстве – есть попытки установить новый миропорядок, где НАТО отводится многофункциональная роль мирового полицейского. При этом В.В.Штоль подмечает «неодолимую, прямо-таки патологическую тягу НАТО и ЕС к расширению на Восток» и вскрывает глубинные исторические причины подобных устремлений.

Причин тому несколько, автор их выявляет и развивает в своем исследовании.

Мне же представляется наиболее важным вывод о цивилизационной несовместимости России и Запада. Прочитав автора: «... благодаря историческим событиям, связанным с обретением погибавшей Византией исторического наследника в лице Московской Руси, Восток не прекратил своего существования именно как христианско-православной антитезы Западу». Россия, как и православные Сербия, Беларусь, Украина – цивилизационное препятствие на пути определенных сил Запада к воплощению многовековой мечты о мировом господстве. Вот и вертятся вокруг России и внутри нее сторонники «встраивания» в западную цивилизацию, открыватели европейских корней у русских, татар, удмуртов, калмыков, не говоря уже о белорусах, украинцах, молдаванах. Глубоко, видимо, сидит в головах у устроителей «Нового мирового порядка» геополитический вывод Х.Маккиндера (1904 г.) о том, что без контроля над «Хартлендом», то бишь Россией, никакого мирового господства не получится. Да и наш современник, известный американский экономист и публицист Ф.Уильям Энгдаль, в докладе на международной конференции в Мюнхене 13–15 октября 2007 года заявил: «Окружение России странами-членами НАТО, цветные революции в странах Евразии, война в Ираке – это определяющие элементы геополитической стратегии США как составной части общей американской стратегической линии, направленной на окончательную дестабилизацию России, выступающей в качестве потенциального соперника США в

борьбе за единоличную гегемонию и статус сверхдержавы. Россия, а не Ирак или Иран, – вот первоочередная цель этой стратегии» ([www/namakon.ru](http://www.namakon.ru). 28.04. 2008.). В отношении борьбы России за единоличную гегемонию можно с Ф.У.Энгдалем поспорить, ну а в остальном не согласиться нельзя.

Возникает еще один вопрос: зачем американцам столько возни с трансформацией и содержанием НАТО? Сегодня США тратят на свою безопасность (точнее будет сказать «на свою безнаказанность») более всех других стран мира вместе взятых (без стран НАТО). Они создали самые мощные вооруженные силы на планете, оторвались в военно-техническом отношении от всех своих друзей и оппонентов, способны в одиночку разгромить любое государство. Но, тем не менее, держатся за НАТО.

Во-первых, НАТО для Вашингтона своеобразная международная крыша. Кто разбомбил Югославию? Конечно, альянс. Американцы лишь пришли на помощь Европе и защитили несчастных албанцев от геноцида.

Кто демократизирует авиацией Афганистан? Коалиция, штабные структуры которой натовские.

Не все гладко вышло с Ираком, но здесь была все же резолюция Совета Безопасности ООН, которую американцы прочли по-своему, не по-европейски. Тем не менее, англичане и даже поляки имеют свои сектора ответственности, другие же члены альянса и его партнеры участвуют в боевых действиях. Даже Саакашвили послал сюда целый батальон.

Во-вторых, основной категорией геополитики считается пространство. Непрерывная борьба за контроль

над пространством возведена в ранг закона геополитики. Овладение важнейшими территориями или контроль над ними повышают геополитический статус государств и коалиций, позволяют им безбедно существовать и развиваться за счет ресурсов подконтрольных стран, и это известно с древнейших времен.

В действующей Стратегии национальной безопасности США в качестве целеполагания военно-политической деятельности четко прописано: «обеспечить безопасный доступ (читай: контроль. – Л.И.) к ключевым районам мира, стратегическим коммуникациям и глобальным ресурсам». Эта «триада» открывает путь к глобальному доминированию. В одиночку или даже с англичанами контролировать важнейшие регионы планеты весьма затруднительно. И НАТО здесь первейший помощник: прежде всего она позволяет держать под контролем саму Европу. Затем – Россию вне Европы, отвоевывая у нее геополитические позиции, завоеванные в ходе и после Второй мировой войны. Примечательно здесь вспомнить фразу, брошенную в 1949 году первым генеральным секретарем альянса англичанином Г.Л.Исмеем дотошным журналистам: «НАТО необходима, чтобы держать Америку в Европе, Россию – вне Европы, а Германию – под Европой». Вот и несут «права человека» на Восток к границам России натовские стратеги, попутно модернизируя всю военную инфраструктуру, создавая новые военные объекты, наращивая американское военное присутствие и американский контроль на евротерритории. А далее, с помощью европейцев завоевывать новые ключевые пространства планеты.

В феврале 2009 года Атлантический совет Соединенных Штатов совместно с Центром стратегических и международных исследований и другими научными организациями «выдал на гора» труд под названием: «Новое рождение альянса: Атлантический договор для 21-го столетия» (www.namakon.ru 28.12. 2009). В нем как бы мимоходом говорится следующее: «По серьезным соображениям в прошлом альянс сопротивлялся разделению труда. ... Поэтому важно обеспечить координацию по функциональным и географическим направлениям. ... Например, НАТО отвечает за коллективную оборону на территории союзников, а также за операции в южной Азии, особенно в Афганистане. ЕС взял бы на себя инициативу за большую часть антикризисных операций в Африке и все большее число миссий на Балканах». Говорится в проекте и о других мировых пространствах, в том числе высказываются озабоченности Запада ситуацией на российских просторах. Конечно, с апелляцией к НАТО.

В-третьих, через НАТО Вашингтон поддерживает и расширяет рынок военно-технической продукции для компаний своего ВПК, привязывает экономику стран-сателлитов к своей политике, активно влияет на расстановку в них политических сил.

В целом получается интересная картина: финансово-банковская система держит под жестким контролем государство по имени Соединенные Штаты Америки. Государство США контролирует Европу (о Великобритании чуть ниже), Японию, Южную Корею – через военные союзы. Ближний Восток – через постоянные вооруженные конфликты, государство Израиль, мощное военное

присутствие. Значительную часть Южной Америки – с помощью кабальных долгов и перманентных военных переворотов. С помощью НАТО создана глобальная дуга нестабильности, включающая Балканы, Черноморско-Кавказский регион, Каспий, Иран, Афганистан, Пакистан. Можно ожидать цветных революций в Иране и Турции с последующим вмешательством НАТО, чтобы пространство хаоса обрело цельность и неразрывность.

Главный союзник США не только в Европе, но и на планете это Великобритания. И связывают их, прежде всего, не родственность англосаксонских корней, а единство и мощь мировой финансовой элиты. Вот здесь отчетливо проявляется кровное родство. И как тут не вспомнить знаменитую фразу одного из Ротшильдов о финансовой системе и реальной власти. В Британии правит (так принято считать) королевская семья. Но британская королева одновременно является главой Канады, Австралии, Новой Зеландии, Гренады, Ямайки и еще десятка малых стран. Кто-то скажет: это все формально, традиционно. Но вспомним историю. 3 сентября 1939 года войну Германии одновременно объявили Великобритания, Австралия, Индия, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз; 7 сентября – Канада. Глава английской короны даже сейчас имеет право в подмандатных территориях объявлять войну, назначать премьер-министров, распускать парламент, руководить вооруженными силами.

А теперь взглянем на карту мира, оценим пространство, контролируемое США и Великобританией, вспомним, кто их контролирует, и сделаем вывод: кто же реально и во имя чего сохраняет и развивает военный

блок НАТО? И задумаемся о России, ее безопасности, ее будущем.

Обо всем этом пытается нам рассказать В.В.Штоль в своей книге о НАТО как составной части глобального западного проекта, проекта установления мирового господства финансовыми домами, контролирующими производство американской «туалетной бумаги» под названием доллар и строго надзирающими за его состоянием и хождением по миру. И непременно наказывающими с помощью военного потенциала альянса всех отступников от «зеленого» и вообще непослушных, как С.Милошевич, С.Хусейн, П.Мушарраф и др. Да, и американских президентов, пытавшихся поставить под национальный контроль производство доллара почему-то всех отстреливали, правда, без помощи НАТО.

И в заключение: а возможен ли однополярный миропорядок? Отвечаю однозначно – никогда. Это противоречит природе человеческого сообщества, многообразию его бытия, путей развития, гармоничному взаимодействию с окружающей средой. Западный проект ведет человечество к катастрофе. И не случайно на мировую арену в качестве главных субъектов исторических процессов выходят восточные цивилизации, исповедующие иные принципы жизни, развития, взаимоотношений друг с другом.

Для установления монополярного миропорядка потребуется внедрить единую духовно-нравственную систему (религию), единую мировую валюту, единую форму власти и полицейскую систему. НАТО и другим институтам нового проекта, какими таинствами они бы себя не

оказывали, в какие пушистые одежды не рядились, это не под силу. Но спровоцировать несколько вооруженных авантур, в том числе глобального масштаба, они способны.

России следует напрячь обе головы, смотрящие на Запад и Восток, разобраться в происходящих событиях, перестать «обезьянничать» и двинуться в развитии собственным путем, опираясь на свои ценности, традицию, опыт прошлых поколений.

И, конечно, осваивая лучшие достижения и Востока, и Запада, но укрепляя серьезно свою оборону и безопасность, чтобы не оказаться в вилке артиллерийских прицелов: с Запада и с Востока.

Л.Г. Ивашов

Президент Академии геополитических проблем,
доктор исторических наук, генерал-полковник

Введение

Продолжая цепочку событий, так или иначе связанных с растянувшимся уже более чем на три года глобальным финансово-экономическим кризисом, 2010 год явил миру пусть и противоречивые, но достаточно устойчивые признаки все более последовательного распространения кризисных тенденций на политическую сферу. Сегодня это очевидный и непреложный факт нашей жизни, влияние которого на стратегические перспективы глобального развития, без сомнения, будет усиливаться. При этом связанные с этим развитием события все более явно и открыто переходят в институциональную плоскость, обозначая процесс, получивший в 1991 году, с «легкой руки» Дж.Буша-старшего, наименование «Нового мирового порядка»¹.

Данный феномен, имеющий весьма далеко идущие последствия, на наш взгляд, далеко не в полной мере замечается, оценивается и осознается большинством современных политиков и экспертов – отечественных и зарубежных.

Дело в том, что 2008–2009 годы выявили лишь одну из институциональных сторон кризиса, продемонстрированную постепенным, но глубоко последовательным сближением «большой семерки» (группы G7)* с «большой двадцаткой» (группой G20). Осуществляемое переплетение организационной структуры этих объединений, которое на

¹ *Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегии для меняющегося мира // М.: Альпина Паблишерз, 2003. С. 52-53.*

* Неучастие представителей Российской Федерации в ряде структур, вхождение в которые для полноценных членов G7 является обязательным (например, в списке учредителей Базельского клуба, а также в Трехсторонней комиссии), на наш взгляд, является серьезным основанием для того, чтобы не рассматривать нашу страну полноценным участником этих элитарных клубов.

примере фактического совмещения саммитов 2010 года в канадских городах Хансвилл и Торонто преподносится их организаторами под видом «расширения круга стран, ответственных за глобальную финансово-экономическую стабильность» и «принятие судьбоносных решений», на деле отражает куда более глубокую тенденцию. Точнее, две тенденции.

Одной из них остается осуществляемое еще с момента окончания Второй мировой войны перераспределение полномочий от легальных, публичных политических институтов к закрытым, нетранспарентным. Для знакомых с этим процессом исследователей не является особым секретом, что своим происхождением группа G7 обязана Трехсторонней комиссии - неформальному объединению элитных кругов и групп Северной Америки, Европы и ряда ведущих государств Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР).

«Семерка» - легальное политическое крыло Трехсторонней комиссии. Именно ежегодным заседанием («Plenary Meeting») этого закрытого, непубличного клуба (состоявшимся в 2010 г. 7-9 мая в Дублине), не ограниченного ни законами входящих или невходящих в него государств, ни межгосударственными договорами и соглашениями, ни уставами официальных и общепризнанных международных организаций (таких как ООН), формируется повестка дня «семерки».

Второй тенденцией, явственно обозначенной появлением рядом с «семеркой» еще и «двадцатки», генезис которой связан с тесно пересекающимся, но определенно иным «кластером» элитных групповых интересов - финансово-экономическим, можно считать такой же

последовательный, но еще менее транспарентный (точнее, откровенно засекреченный) процесс постепенного выхода на авансцену связанной с этими интересами ЧАСТНОЙ власти.

Базельский Банк международных расчетов (БМР), история которого уходит корнями еще в подготовку Второй мировой войны и связана с рядом ключевых фигур тогдашней западной политики (президентами Банка Англии и Рейхсбанка Германии М.Норманном и Я.Шахтом, а также лордом Бивербруком, Б.Барухом, семействами Гарриманов и Бушей - крупнейшими посредниками между англосаксонскими и европейскими элитными кругами), представляет собой институциональное оформление этой частной власти. Формальное участие в БМР оформляется членством в Базельском клубе; однако реальное принятие решений, осуществляется лишь узким кругом «избранных», причастных к созданию этого банка в период между двумя мировыми войнами XX века, а также к трансформации его роли в мировой финансовой системе в послевоенный период.

Инициативный сторонник подобной трансформации Кэрролл Куигли, многие годы проработавший в «кузнице кадров» глобальной дипломатии - Школе дипломатической службы Джорджтаунского университета (США), напрямую связывал частное финансовое управление с перспективами господства над политическими системами не только отдельных стран, но и мира, в целом².

Вслед за ним, в 1999 году, Д. Рокфеллер - «крестный отец» всех созданных после Второй мировой войны глобально-управленческих структур - перевел идею частной власти «интеллектуальной элиты и мировых банкиров» как

² Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. М., 2009. С. 235.

предпочтительной альтернативы власти правительств³ в практическую плоскость «большой политики». Именно тогда и появилась «двадцатка» – как объединение председателей центробанков и министров финансов. В самом этом объединении четко просматривается формат взаимодействия, а, точнее, управления доминирующих частных финансовых институтов (центробанков ведущих государств, а также БМР как «центробанка центробанков») государственными институтами, представленными в этой системе минфинами. Добавить здесь можно лишь то, что «обкатка» этой системы была осуществлена еще на заре XX столетия в 1907–1913 годах. И происходило это в США – в форме создания Федеральной резервной системы (ФРС), частного объединения частных же банков, получивших эксклюзивное право печатать валюту, что позволило им подчинить себе правительство, превратив его в некую функцию банковской системы.

Из этого следует, что образование ФРС стало поворотным пунктом в истории США, поспособствовало их трансформации из национального государства в то, что наш выдающийся соотечественник А.А.Зиновьев удачно назвал «глобальным сверхобществом»⁴. Одновременно это явилось прообразом и моделью дальнейшего распространения частной власти.

Генезис «глобального сверхобщества», предполагающий переход к «Новому мировому порядку», раскрывается одним из его видных сторонников П.Викерс-Холлом, считавшим, что «постиндустриальная Америка» должна уничтожить «основанное на тяжелой промышленности общество XIX века», а также предсказывавшим, что предстоящий конфликт

³ Эстулин Д. Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. М., 2005. С. 76.

между этими моделями мироустройства, экстраполированный на глобальный уровень, «породит экономическую и социальную катастрофу»⁵. По сути, Викерс-Холл, имевший в виду перспективу 90-х годов, предвидел и нынешний глобальный кризис. Тем самым он предвосхищал появление современной точки зрения ряда видных исследователей и экспертов, склонных рассматривать его в качестве катастрофы⁶. Постиндустриализм в этой оптике увязывается с Постмодерном, то есть преодолением «большой эпохи» Модерна в прочтении М.Вебера, означающем фактический возврат в предвидевшие в свое время Модерн средневековые докапиталистические формации.

В своем становлении в институциональной сфере постиндустриализм прошел два основных этапа.

Сначала, в завершающий период Второй мировой войны, в виде Бреттон-Вудской системы. Эта модель, предполагающая формирование частной власти, охватила Запад и оказавшуюся под его контролем часть «третьего мира», а впоследствии, после завершения холодной войны, распада «восточного блока» и СССР, в ее власти, по сути, оказалась вся планета. Определенное исключение составляет Китай, степень интеграции которого в «Новый мировой порядок» в среднесрочной и длительной перспективе, по-видимому, традиционно определяется скорее внутренними, нежели внешними факторами.

Итак, широко разрекламированное в качестве инструмента «восстановления исторической справедливости» перетекание властных полномочий от «семерки» к «двадцатке» на деле представляет собой не что иное, как

⁴ *Зиновьев А.А.* Мировая закуска // Российская Федерация сегодня. 2000. № 18.

⁵ *Эстулин Д.* Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. М.: 2005, С. 58.

⁶ *Кургинян С.Е.* Кризис и другие // Завтра. 2009. № 7–9.

все более глубокую и последовательную – институциональную! – концентрацию глобальной власти в руках мирового банковского сообщества («Фининтерна»). А, следовательно, и заявку на полный и окончательный увод этой власти «в тень» по мере расставания «семерки» даже с теми призрачными, формальными и делегированными ей на протяжении последних трех с половиной десятилетий из-за тех же банковских «кулис» полномочиями. Таким образом, можно без всякого преувеличения утверждать, что утверждение «двадцатки» вместо «семерки» станет «актом полной и безоговорочной капитуляции» Модерна перед Постмодерном. На выходе мы получим уже не капитализм (генетически связанный с Возрождением и, следовательно, с Модерном), а нечто совсем иное.

В политической сфере эта капитуляция распространяется и на легальную политическую власть, а, следовательно, и на публичную политику, как таковую. Ибо все более очевидно, что этот общественный процесс, по мере превращения в откровенный фарс и осуществляемое в режиме «нон-стоп» предвыборное шоу, «разоружается» и капитулирует перед «теневым», скрытым от глаз глобально-криминальным суррогатом, это шоу заказывающим и организующим.

Следовательно, все шире обсуждаемый ныне «Новый мировой порядок» – предприятие частное. Но, подобно тому, как с началом рыночных реформ и приватизации в России привычные отряды «социалистической» военизированной охраны (ВОХР) стали заменяться «капиталистическими» ЧОПами – частными охранными предприятиями, похожие процессы протекают и в мировом масштабе. В отличие от государственной, частная власть

требует и частной же охраны. И, разумеется, обороны.

А если эта власть еще и глобальная (или, по крайней мере, стремится к глобальному статусу), то очевидной становится ее приверженность идее замены национальных, государственных по своей сути воинских формирований, включая войска ООН, контролируемые, согласно принятому весной 1945 года в Сан-Франциско Уставу этой международной организации, Военно-штабным комитетом, принципиально новой армией. Армией, в которой национальные контингенты, составляющие упомянутые войска ООН, призваны не просто ситуативно и временно переподчиняться международному командованию, но и находиться в его ведении на постоянной основе, интернационализируясь и теряя при этом национальную привязку.

Обратимся, например, к Докладу Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству «Наше глобальное соседство» (1995 г.) – важнейшему документу, декларирующему цели и задачи протекающих трансформаций. В нем прямо говорится, что если не пройдет вариант с реформированием ООН и превращением работающих в увязке с ней «специализированных учреждений» в фактическое мировое правительство («центры управления»), у разработчиков сценария имеется запасной вариант. Одной из предусмотренных ими мер, в частности, является передача управленческих функций «региональным организациям». То есть, в том числе Европейскому союзу (ЕС) и НАТО⁷.

Еще одним условием формирования глобальной частной

⁷ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 280.

власти становится жесткий контроль над международным командованием «едиными вооруженными силами» со стороны наднациональных структур частной власти «Фининтерна».

Поскольку окончание холодной войны положило начало не только перманентному расширению Организации Североатлантического договора – НАТО, но и решительному выходу ее за рамки зоны своей географической ответственности, постольку имеется все больше оснований видеть подобной частной армией «Нового мирового порядка» именно блок НАТО.

Иначе говоря, условием трансформации НАТО и ее приспособления к современной эпохе Постмодерна становится институциональное преобразование альянса в структуру, обслуживающую частные интересы глобальных элитариев, основу которых составляют «верхи» мирового банковского сообщества, а также представители ряда других элитных кругов Запада. Например, университетскую профессию, консолидированную влиятельными неправительственными организациями (НПО), «глобальные СМИ» и т.д.

За разговорами о том, что Североатлантический альянс после утраты спарринг-партнера в лице СССР и Варшавского договора «переживает период тяжелого кризиса самосознания» последовательно прячется изменение самой сути этого военно-политического блока, хорошо знакомого нам по биполярному советско-американскому противостоянию. Военно-политические операции по расчленению бывшей Югославии, агрессивные военные акции в Афганистане и Ираке быстро превращают НАТО в военно-полицейский альянс сил, занятых глобальным распространением «Нового мирового порядка». На повестке

дня – перенос этих процессов на постсоветское пространство и в Россию. Именно в этом и ни в чем другом смысл так называемой «перезагрузки» российско-американских отношений.

Это доказывается сопровождающими «перезагрузку» беспрецедентными для недавнего исторического прошлого мерами российского сближения с Западом в таких специфических сферах, как национальная безопасность и оборона, ранее жестко обособленных и охраняемых.

Обращение к некоторым событиям постсоветской истории международных отношений может с достаточной точностью указать и сроки принятия соответствующих политических решений. Можно говорить о 1997 году, когда впервые за всю послевоенную историю были нарушены неформальные договоренности, заключенные между СССР и США в рамках антигитлеровской коалиции. Речь, в частности, идет о переходе именно в этом году в ведение НАТО (конкретно – представителя Великобритании К. Прендергаста) руководства Департаментом по политическим вопросам и делам Совета Безопасности ООН, ранее бесспорно принадлежавшего советской, а затем российской стороне. Является ли этот факт частью закрытых договоренностей, сопровождавших заключение основополагающего Акта «Россия – НАТО», и в какой мере он связан с итогами президентских выборов в Российской Федерации 1996 года, обусловивших повторный массовый приход в российскую исполнительную власть либералов-западников, пик которого пришелся как раз на 1997 год? Возможно, хотя и отнюдь не обязательно. Здесь, на наш взгляд, важнее общая логика развития событий, нежели конкретная причинно-следственная связь, доказать которую

гораздо сложнее, чем эту логику уловить.

Обратим внимание: одновременно с осуществляемым, по сути, явочным порядком расширением геополитической (географической и политической) зоны влияния НАТО протекает и другой процесс – выправление этого дисбаланса за счет институционализации данного расширения. Этому со всей очевидностью служит обнародованный 17 мая 2010 года доклад группы экспертов альянса с предложениями по новой стратегической концепции «НАТО 2020: обеспеченная безопасность; динамичное вмешательство» (Приложение 1). Принятие новой Стратегической концепции блока намечено на конец текущего 2010 года саммитом НАТО в Лиссабоне. Несмотря на видимость «бурного» обсуждения с союзниками, для генерального секретаря А.Ф.Расмуссена, созданного им «Совета мудрецов» во главе с М.Олбрайт, а также для политического и военного руководства США, других ведущих стран НАТО – дело практически решенное.

Стратегическая концепция НАТО – это официальный документ, формулирующий последовательные цели альянса и его основные задачи по обеспечению безопасности. Этот документ, являющийся применительно к отдельным странам, например, к России, аналогом военной доктрины, указывает иерархию и очередность приоритетов в сфере безопасности, исходя из видения его авторами обстановки в мире и динамики изменения обусловленных ею угроз и вызовов.

В связи с этим отметим два момента.

Во-первых, предлагаемая к принятию на лиссабонском саммите Стратегическая концепция НАТО – третья по счету. Первая, принятая в 1991 году, отражала и закрепляла итоги холодной войны, которые кардинально изменили всю

глобальную ситуацию и баланс сил. Это нашло отражение во введении таких приоритетов как диалог, сотрудничество, консультации, предупреждение кризисов и управление ими и т.д. Тем самым была сформирована почва под выполнением НАТО миротворческих функций.

Следующая Стратегическая концепция была принята в 1999 году и отражала опыт распространения влияния блока на территорию государств-бывших участников распавшегося Варшавского Договора. К числу фундаментальных задач в ней отнесено не только сотрудничество, но и партнерство – как реакция на учрежденную в 1994 году программу «Партнерство ради мира» (ПРМ), которая будет подробно освещена ниже.

Что предлагается и почти наверняка будет принято на этот раз?

Прежде всего, принятие новой Стратегической концепции формально объясняется количественным увеличением членов блока, также будет продекларирован переход от однополярной системы управления мировыми процессами к многополярной. Повышенный оптимизм ее авторов здесь, по-видимому, тесно увязан со стремлением «помириться» с Россией, разумеется, на собственных условиях превращения как контролируемых, так и отражающих интересы Москвы международных организаций (прежде всего, ОДКБ и ШОС) в «младших партнеров» Североатлантического альянса с сохранением Западом максимальной «свободы рук» на постсоветском пространстве.

В рамках формирующейся системы глобального управления предлагается некая «ограниченная субъектность» новых «центров силы». Они признаются

частью «многополярного мироустройства», на них возлагается ответственность за конкретные региональные «участки», прилегающие к их границам. Но прерогатива выработки общей стратегии в этом случае остается за неким «глобальным центром» (по-видимому, в лице упоминавшихся выше нетранспарентных элитных групп и созданных ими институтов). Именно поэтому подобная модель столкнулась с определенным сопротивлением в кругах самой НАТО: появившаяся в ней группа «скептиков», представляющая в основном континентально-европейские государства, убеждена, что надежный и эффективный контроль над интересами таких потенциальных партнеров альянса, какими призывается сделать Китай и Россию, невозможен в принципе. При этом декларации установления такого контроля, опирающиеся на соответствующую систему неформальных договоренностей, не дают никаких гарантий их реального исполнения.

Насколько велика вероятность того, что «скептики» окажутся правы, в НАТО, по-видимому, еще не решили, особенно в свете опыта «пятидневной войны» 2008 года на Кавказе. Поэтому, на наш взгляд, возрастает вероятность попыток проверки действенности устанавливаемого механизма эмпирическим путем. Например, с помощью римейка ситуации ограниченного вооруженного конфликта с соответствующей отработкой инструментов взаимодействия с потенциальными партнерами, а при необходимости – и контроля над ними.

Появляется все больше признаков того, что на роль одного из наиболее вероятных и перспективных (учитывая близость к Ирану) «полигонов» подобного рода избран «замороженный конфликт» в Нагорном Карабахе,

интенсивность обострения которого в последнее время вполне может указывать на его предстоящее «размораживание».

Внимание, уделяемое авторами рассматриваемого документа региону, именуемому Зб.Бжезинским «евразийскими Балканами», совпадающему в своей геополитической конфигурации с известным американским проектом «Большого Ближнего Востока», указывает на особое внимание НАТО не только к Южному Кавказу, но и к знаменитой «дуге нестабильности», охватывающей территорию бывшего СССР с юга.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что следующим аспектом проекта новой Стратегической концепции НАТО является институциональная легализация миссии блока в Афганистане, являющаяся одновременно неким зондажем возможностей (и вероятности) его превращения в инструмент глобального военно-политического контроля, а также, если иметь в виду перспективу установления «Нового мирового порядка», – глобальной военно-политической экспансии.

Здесь становится понятной привязка этих планов к следующему важнейшему концептуальному положению рассматриваемого стратегического проекта – «повышению оперативности управления альянсом, уменьшения бюрократических факторов». В это требование органично вписывается предполагаемое расширение самостоятельности вооруженных сил Европейского союза, повышение его удельного веса в общей военной составляющей блока НАТО, а также формирование соответствующих инструментов контроля, которые были бы способны исключить любую «несанкционированную» самостоятельность, а тем более

самодеятельность Европы, способную торпедировать эти планы.

Иначе говоря, речь в проекте новой Стратегической концепции НАТО очевидно идет не столько о действительно «многополярном» мире, сколько о мире с весьма условной и жестко контролируемой «многополярностью», что полностью соответствует появившимся в том же 1997 году «предсказаниям» Бжезинского о некоем «мировом центре *по-настоящему совместной* политической ответственности» (*курсив – Авт.*).

Неотменяемым императивом, раскрывающим сущность подобного «мирового центра», «многополярность» которого исключает его локализацию в рамках конкретной государственной привязки, со всей очевидностью становится частный характер мировой власти, установление которой и призван гарантировать Североатлантический блок НАТО в его «новом облике».

Тем актуальнее становится тема, связанная с современным состоянием и перспективами дальнейшего развития НАТО.

* * *

Стратегия НАТО, сформулированная после распада СССР и Организации Варшавского Договора (первое издание Стратегической концепции относится к 1991 г.), – фактор внешне весьма инерционный ввиду как масштабов политической и военной машины блока, так и сохраняющейся (несмотря на вышеизложенное) общей неопределенности основных трендов глобального развития.

Ближайшая геополитическая задача альянса в начале

XXI века, по свидетельству его руководства, заключалась в том, чтобы окончательно утвердиться в качестве ведущей военно-политической силы мирового масштаба, своего рода универсального инструмента унификации и консолидации сначала евразийского, а затем и глобального геополитического пространства. Решение этой задачи обеспечивает НАТО если не полное доминирование в рамках формирующегося миропорядка, то, по крайней мере, очевидное превосходство – как технологическое, так и геополитическое – над ведущими западными государствами, остающимися в перечне потенциальных противников Североатлантического альянса – Российской Федерацией, а также Китаем и Индией.

Бывшие восточно-европейские союзники СССР уже инкорпорированы в состав евро-атлантических структур, включая НАТО, а субъекты распавшегося СССР, ставшие независимыми государствами, рассматриваются потенциальными кандидатами в эти структуры.

Конечной задачей эволюции блока по этим планам считалась официальная легализация превращения регионального блока в межрегиональный, а затем, по возможности, – в глобальный. Это необходимое, но еще недостаточное условие приобретения им статуса «мировых вооруженных сил», существующих при глобальных центрах власти и ассоциирующихся в мондиалистских философских и политологических концепциях XX века с концепциями «глобального федерализма» и «мирового правительства».

Основная проблема, как мы убедились, здесь в том, чтобы совместить формальную «многополярность» декларируемого миропорядка с его неформальной и от того еще более действенной унификацией, осуществляемой в

границах единых интересов, представленных мировым банковско-финансовым сообществом – упомянутым «Фининтерном».

Известно, что последнее десятилетие XX века было насыщено важнейшими военно-политическими событиями европейского и мирового масштаба. Здесь и распад СССР, и последовавшее за этим серьезное ослабление экономической и военной мощи России, усиленное процессом расширения НАТО на Восток и политической нестабильностью на постсоветском пространстве, ставшем ареной соперничества нашей страны с США и Европейским союзом. Появление последнего в качестве самостоятельного субъекта глобальной политики вольно или невольно совпало с обвалом «восточного», советского блока, став отправной точкой фундаментальных и достаточно противоречивых изменений в международном праве.

Кризисный период, особенно события первой половины 2010 года, связанные с нарастанием проблем в экономиках государств еврозоны и вызванным этим обстоятельством резким ослаблением евро, усилил неравномерность европейского развития. Вопреки традициям достаточно продолжительного послевоенного периода, начало которому было положено созданием в 1951 году Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), а затем – «Общего рынка», современные условия поспособствовали серьезному усилению Германии. Именно она все активнее берет на себя роль стержня, если не заменяющего привычную франко-германскую «ось» Европы, то существенно ее ослабляющую. Эта тенденция была наглядно продемонстрирована дебатами в Европейском союзе вокруг проблемы помощи Греции. И согласие, полученное, в конечном счете, на реализацию

этих планов от официального Берлина, нельзя рассматривать в отрыве от этой новой европейской реальности. Ибо в следующий раз подобному «нажиму» Германия может и не поддаться.

В указанном ряду основных тенденций современности также выделяются:

- усиление исламского фундаментализма с его весьма противоречивой природой, сочетающей в себе идею «всемирного халифата» с фактической поддержкой конкретных стратегических интересов западных держав, концентрирующихся на противодействии России и Китаю;

- нарастающая экономическая и военная мощь множущихся день ото дня азиатских «тигров», наглядно проявленная ими в период кризиса, ударившего по азиатским странам менее интенсивно, чем по тем же США и ряду оказавшихся на грани финансового краха государств Европы;

- интенсивный подъем государств Латинской Америки, увеличивающих масштабы своего воздействия на мировые события. Это сопровождается укреплением на континенте позиций Китая и России, замещающих традиционное, обусловленное еще доктриной Монро (1823 г.), влияние США;

- испытание ударом, нанесённым режиму нераспространения ядерного оружия Индией и Пакистаном, вступление которых в клуб ядерных держав фактически официально легализовано США и другими мировыми лидерами;

- практическая легализация ядерного статуса Израиля;

- попытки Запада воспрепятствовать реализации ядерной программы Ирана и т.д.

В 2009 году политической реальностью стало БРИК – неформальное, но влиятельное объединение наиболее интенсивно развивающихся экономик Бразилии, России, Индии и Китая, провозглашенное около десяти лет назад американскими экономическими аналитиками. Важным содержанием наполняется деятельность Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), деятельность которой все более приближается к стандартам прочного политического, а в перспективе, возможно, и военно-политического союза России и Китая.

В целом ШОС оказывает стабилизирующее воздействие на геостратегическую обстановку в регионе Центральной Азии. Это особенно важно на фоне усиливающейся американской экспансии в Афганистане и Пакистане и демонстрируется растущим интересом к ней со стороны не только Ирана, но и следующих, в целом, в фарватере западной, прежде всего американской, политики Индии и Афганистана.

Однако эта роль ШОС, которую еще недавно практически безоговорочно записывали в долговременные, фундаментальные тенденции глобального развития, далеко не во всем выдерживает испытание временем. Налицо, например, явная неспособность ШОС (а с ней и ОДКБ) не только предотвратить, но и разрешить вспыхнувший внутренний конфликт в Киргизии. В условиях объявленного на 2011 года возможного вывода войск США и НАТО из Афганистана ШОС и ОДКБ неизбежно оказываются перед ворохом крупных международных вызовов и проблем, наиболее опасная среди которых – возможный возврат талибов к власти в Кабуле. Причем, с их последующей активной (самостоятельной) или пассивной (через

родственные экстремистские движения) экспансией в отличающуюся особой нестабильностью Ферганскую долину – «сердце» Центральной Азии, в котором соединяются «болевые точки», а также важнейшие политические центры сразу трех ключевых республик – Узбекистана, Таджикистана и Киргизии.

Нахождение в списке возможных маршрутов подобной экспансии исламского экстремизма Синцзян-Уйгурского автономного района Китайской Народной Республики объективно работает на укрепление ШОС. Но придание этой организации по-настоящему позитивной динамики, по-видимому, возможно лишь при готовности ее лидеров к «силовой» профилактике связанных с талибами деструктивных тенденций.

Насколько велика вероятность такого сценария – отдельный вопрос, остающийся пока без должного ответа.

В списке наиболее значимых событий двух прошедших десятилетий и изменение в соотношении сил между США и Европой внутри самой НАТО.

Хорошо известно, что с принятием Парижской хартии для новой Европы (1990 г.), трансформацией СБСЕ в ОБСЕ и «расконсервированием» Совета Европы, приступившего к методичному расшатыванию послевоенного мироустройства на региональном уровне, существенно возросла роль англосаксонских держав – США и Великобритании. Но и не только эти события. Важно объединение Германии, которая является держателем «контрольного пакета» политических «акций» Совета Европы. Именно единая Германия открыла перед правящими кругами Запада принципиально новые интеграционные возможности. Европа 90-х годов стала значительно более консолидированной и управляемой не

только в экономическом, но и в политическом плане. Создание Европейского союза и принятие «Хартии об основных правах ЕС» (2000 г.) лишь зафиксировали принципиально новую ситуацию. Суть ее в следующем:

- концепция прав человека не просто стала доминантой гуманитарного развития и институционально отождествилась с западным набором ценностей, но и сам этот «набор» оказался представленным и зафиксированным в качестве некоего «мирового гуманитарного стандарта»;

- сформированные и открыто провозглашенные в Хартии 2000 года императивы «демократического глобализма будущего» образовали фундамент для пересмотра многих базовых положений послевоенной системы международного права. Вряд ли случайно, что именно после ее принятия появились столь неоднозначные международные документы, как Инициатива «Хартии Земли», третье издание «Гуманистического манифеста», а также утвердилась концепция «устойчивого развития».

Тем самым мировому сообществу, недопонимавшему глобалистскую методологию, был фактически предъявлен план последовательной унификации человечества с осуществляемым при его продвижении переформатированием всего мирового порядка. Ключевые центры влияния Запада и западной цивилизации после распада СССР и «восточного блока» действовали так, будто победили не в «холодной», а в реальной «горячей» и «большой» войне, получив тем самым карт-бланш на преобразования, сопоставимые лишь с переделом мира после Первой и Второй мировых войн.

В связи с этим существенно изменились представления западных лидеров о роли и месте ООН. Этому в значительной мере способствовала «страусиная», а порой

просто соглашательская политика ельцинского руководства российской внешней политики. Постепенное осмысление пагубности этого исторического зигзага и возврат к представлениям о наличии у России собственных геополитических интересов, а также о естественно-историческом, цивилизационном характере ее противоречий с Западом стало возвращаться лишь во второй половине 90-х годов с приходом к руководству МИД подлинного «патриарха» отечественной дипломатии академика Е.М.Примакова.

Сегодня эти перемены, получившие развитие в 2000-е годы, в период пребывания в должности Президента России В.В.Путина, вновь подвергаются серьезному испытанию в связи с упоминавшейся «перезагрузкой» российско-американских отношений и сокращением стратегического ядерного потенциала России. К списку негативных факторов, способствующих ослаблению международных позиций России, также необходимо отнести так называемую «военную реформу». Продолжение столь же последовательной реализации ее заявленных целей, прежде всего формирования некоего «нового облика Вооруженных Сил», на некоторых направлениях способно нанести серьезный ущерб отечественной национальной и военной безопасности.

Отношение к завершающему десятилетию XX века как к окончательному и бесповоротному триумфу западной цивилизации и ее ценностей, выраженному известной концепцией «конца истории» (Ф.Фукуяма), получило продолжение не только в идеологической, но и в институциональной сфере. Именно по этой причине ООН все чаще стала рассматриваться в контексте первоначального ее видения «мировой» мондиалистской организацией -

наследницей Лиги Наций, то есть в качестве прообраза «мирового правительства». И, пожалуй, лишь провальные для поборников данной тенденции итоги «пятидневной» войны (Южная Осетия, август 1008 г.) и последовавшая за ней острая дипломатическая дуэль представителей России и США в Совете Безопасности ООН, позволила эту тенденцию если не переломить, то, по крайней мере, существенно ослабить.

Как неотъемлемая часть Запада, его важнейшая организация, которой была приписана неформальная «победа» над военной машиной СССР и Организации Варшавского Договора, стратегия и сама сущность НАТО не могли не претерпеть весьма существенных изменений. Североатлантический альянс, представлявший собой средоточие усилий по противодействию «советской угрозе», буквально в одночасье превратился в структуру без противника. Подобный поворот событий, породив проблему самоидентификации в почти мгновенно утратившем четкую простоту и понятность мира, поставил руководство блока перед фундаментальной дилеммой. Сформулировать ее можно следующим образом: НАТО пришлось выбирать между самоупразднением, объявлением о завершении своей исторической миссии, и нахождением нового смысла своего существования, которым в условиях ликвидации советской военной мощи могло стать только поддержание глобальной военно-политической стабильности. Ничто иное оправдать сохранение НАТО в той ситуации не могло.

Сегодня с обнародованием упомянутых предложений по новой Стратегической концепции НАТО становится очевидным, что на самом деле подобный выбор – сохранять или не сохранять альянс – перед его руководством, по

сути дела, и не стоял. А потому все надуманное обсуждение данной проблемы с позиций презентованного нам документа выглядит некоей словесной эквилибристикой.

Предсказуемый выбор рассуждающей глобалистскими императивами мировой элиты в пользу варианта армии «Нового мирового порядка» – уже не государственного, а частного, сам по себе содержит важнейшую и определяющую предпосылку будущей глобальной эволюции блока. Различные этапы и перипетии данного процесса наблюдались все эти годы и наблюдаются сейчас.

Естественно, что глобальная трансформация НАТО, по мнению руководства блока, потребовала создания новой структуры международных отношений. Считалось, что на текущем этапе в ее основу должно быть положено доминирование на мировой арене развитых западных стран во главе с США. Благодаря этому планировалось реализовать стратегию односторонних, прежде всего военно-силовых, решений ключевых проблем либо с проведением их через «послушную» ООН, либо в обход этой международной организации, несмотря на очевидное в этом случае попрание основополагающих норм международного права.

Очевидно также, что, помимо политических и геополитических задач, данной стратегией преследовались и цивилизационные. Суть этих планов, изложенная в важнейшей теории, появившейся на Западе в первой половине 90-х годов – «столкновения цивилизаций» С.П.Хантингтона, сводилась к обеспечению бессрочного глобального лидерства Запада в виде евроатлантической (западной) цивилизации, консолидированной англосаксонскими державами.

Опыт, полученный при осуществлении в первые годы после завершения холодной войны различных по характеру и размаху операций на Балканах, в Средиземном море и других районах, во многом определил параметры дальнейших изменений блока, что нашло свое отражение в положениях Стратегической концепции НАТО 1999 года.

Этот документ – первый после официальной утраты НАТО своего «зеркального», советского противника, включал ряд принципиальных инноваций, важных для понимания логики последующей эволюции блока. Данное обстоятельство, на наш взгляд, принципиально важно и для понимания подходов, демонстрирующихся авторами нового издания этого документа в лице упоминавшегося нами «Совета мудрецов» НАТО во главе с М.Олбрайт.

Прежде всего, обращает внимание «широкий» подход к безопасности, с одной стороны, включающий политические, экономические, социальные и экологические факторы, а также территориальные аспекты обороны Североатлантического союза, распространяющие сферу его стратегической ответственности на весь так называемый «большой» Евроатлантический регион. Амбиции блока по контролю над Афганистаном и через него над постсоветской Центральной Азией – прямое продолжение этих планов в их «творческом», откровенно антироссийском исполнении.

Второй фактор – принятое участниками блока под воздействием основных тенденций развития военно-политической ситуации в Европе и мире обязательство развивать трансатлантические связи. Для современного проекта Стратегической концепции данное положение актуально в связи с провозглашающимися группой Олбрайт планами фактического вовлечения в сферу интересов блока

всего постсоветского пространства, включая российскую Федерацию.

В-третьих, необходимо отметить особый акцент, сделанный на поддержании военного потенциала Североатлантического союза для обеспечения эффективности его военных операций.

С этим аспектом Стратегической концепции тесно связан следующий, получающий приоритетное значение сегодня, - развитие в рамках альянса европейского военного потенциала.

Сам факт обнародования данного положения указывает на неактуальность интеллектуальных упражнений ряда аналитиков, пытающихся отыскать противоречия между правящими элитами США и Великобритании, с одной стороны, и континентально-европейскими членами альянса, с другой. Подобные предположения тем более лишены оснований в условиях, когда европейские партнеры США получают значительные по масштабам сферы ответственности в различных миротворческих операциях блока, которые проводятся за пределами региона, определенного Вашингтонским договором 1949 года.

Важное место в рассматриваемом документе отводится поддержанию эффективности структур и процедур, предназначенных для предотвращения конфликтов и кризисного регулирования. Последнему в планах блока с распадом СССР уделяется все большее внимание. При этом программные положения дополняются практикой проведения соответствующих операций, география и масштабы которых постоянно расширяются.

Частью этой задачи следует рассматривать и положение Концепции, касающееся установления партнерских

отношений со странами, не входящими в НАТО. Официально базой таких отношений провозглашаются сотрудничество и диалог. Однако на деле особое внимание уделяется формированию комплекса инструментов побуждающего воздействия (наглядный пример – финансирование закупок Польшей американских зенитно-ракетных комплексов «Пэтриот» на общую сумму в 20 млрд. долларов), а также эксплуатации культивируемых руководством восточно-европейских стран и республик постсоветского пространства антироссийских фобий и стереотипов.

Отсюда вытекает еще одна из прописанных Стратегической концепцией задач – расширение Североатлантического союза, подготавливаемое проведением политики «открытых дверей» по отношению к потенциальным новым членам. В этом же пункте следует упомянуть и тесную координацию подобной политики с ведущими государствами ЕС. На это, к примеру, указывает выдвижение политическим руководством этой крупнейшей региональной политической организации реализуемого в настоящее время проекта «Восточное партнерство».

Следующей задачей действующей Концепции является усиление мер в области широкомасштабного контроля над вооружениями, разоружения и заключения соглашений о нераспространении вооружений. Особое внимание здесь уделяется режиму нераспространения ядерного оружия, особенно актуальному в связи с пересмотром США планов по размещению в Восточной Европе элементов своего третьего позиционного района ПРО.

Преимственность указанного положения особенно наглядно демонстрируется навязанными ООН американскими санкциями против Ирана, а также популистской риторикой

администрации Б.Обамы, получившей институциональное подтверждение на проведенном в апреле 2010 года в Вашингтоне глобального антиядерного саммита.

Впрочем, действенность этой линии внутри самих США, по-видимому, будет определяться способностью доминирующей части американского истеблишмента, представленной демократической партией, добиться ратификации российско-американского договора СНВ-3. А это, по оценкам экспертов, вряд ли возможно без предварительной, опережающей реализации одного из двух условий: согласия республиканского меньшинства обеих палат Конгресса на увязку в преамбуле договора вопросов СНВ и ПРО, либо односторонних уступок в этом вопросе со стороны Российской Федерации. Соответствуют ли такие возможные уступки «в духе перезагрузки» национальным интересам России, особенно в условиях очевидного возобновления Вашингтоном планов ПРО в формате, значительно превышающем прежний, – отдельный вопрос, к которому мы вернемся в главе, посвященной рассмотрению взаимоотношений в системе «Россия – НАТО».

Возвращаясь к практическим действиям по трансформации блока на основе действующей Стратегической концепции (1999 г.), отметим, что ее положения в последующем были подвергнуты детализации в рамках комплекса мер, принятых на форумах НАТО в Праге, Стамбуле, Риге, Бухаресте, а также на юбилейном саммите в Страсбурге/Келе (2009 г.).

Новую динамику в процесс преобразования НАТО в глобальный военный блок внесли события 11 сентября 2001 года, которая затронула практически все аспекты деятельности альянса.

Помимо задач по борьбе с терроризмом, потребность в адаптации структур и политики Североатлантического союза к угрозам и вызовам современности определялась также рядом других факторов, к которым, в частности, относятся угрозы применения оружия массового уничтожения, а также необходимость создания нового оперативного потенциала в важнейших областях военной деятельности. Кроме того, в этом же логическом ряду находятся задачи, связанные с расширением НАТО на Восток и параллельным укреплением связей блока с Россией, остающимся, несмотря на всю противоречивость этого процесса, важнейшей тенденцией 2000-х годов.

Многие изменения, имеющие принципиальное значение для последующего развития трансформации НАТО, были приняты на Пражской встрече на высшем уровне (декабрь 2002 г.). Они затронули практически все основные аспекты деятельности блока.

Продолжается расширение сферы деятельности НАТО, в том числе и за счет включения республик бывшего СССР в программу «Партнерство ради мира» (ПРМ) и Совет Евро-атлантического партнерства (СЕАП). С началом «перезагрузки» российско-американских отношений несколько затормозился процесс расширения блока за счёт постсоветских республик. Соответствующую динамику данная тенденция приобрела еще в период «пятидневной» войны.

Однако и сегодня, несмотря на сигналы из Брюсселя, в которых признается фактическая неготовность к предоставлению предшествующей непосредственному принятию в НАТО программы ПДЧ («Подготовки к членству») таких республик, как Украина и Грузия, официальные планы расширения блока изменений не претерпели.

Не отменены и не пересмотрены также решения Стамбульского саммита НАТО (июнь 2004 г.). В них, в частности, указывается, что Североатлантический альянс «в ответ на изменяющуюся международную обстановку сместит центр тяжести на сотрудничество с государствами-партнерами в стратегически важных районах Кавказа и Центральной Азии...». Особый акцент делается на «переориентацию в связи с этим обстоятельством имеющихся ресурсов блока на эти два региона. Основанием этого служит долгосрочная стратегия НАТО, направленная (по официальным документам и заявлениям руководства НАТО – Авт.) на повышение стабильности во всем Евро-Атлантическом регионе посредством содействия реформе и ее поддержки». Как говорится, комментарии излишни.

Одной из первостепенных и самостоятельных задач рассматривается реализация согласованных мер по преобразованию общего военного потенциала НАТО. Речь идет о трех главных аспектах этой деятельности:

- оптимизации военной структуры управления Объединенными вооруженными силами НАТО;
- созданию Сил реагирования НАТО;
- совершенствовании и развитии военного потенциала в ряде важнейших сфер военной деятельности (разведка и наблюдение, обеспечение способности сил к быстрому реагированию, эффективное применение силы, живучесть, защита сил и средств, повышение боевой готовности, защита от оружия массового поражения).

Указанные инициативы, связанные с трансформацией военных сил и средств блока, фактически являются ключевыми для адаптации военной организации НАТО к современным условиям, которые, как видим, не только

констатируются, но и формируются проектом новой Стратегической концепции (2010 г.).

Реорганизация командных структур НАТО была направлена на создание принципиально новой структуры управления, способной систематически и постоянно содействовать трансформации военного потенциала по мере установления и формулирования новых задач.

На основе анализа операций на Балканах и в Афганистане руководством альянса были приняты важные решения по совершенствованию его деятельности в глобальном масштабе.

Важный вклад в совершенствование сил и средств Североатлантического союза внесло Пражское обязательство о потенциале (2002 г.), в котором главное внимание уделено роли основных союзников, принявших на себя обязательства по совершенствованию военного потенциала.

Все это, по мнению руководства НАТО, позволит, по меньшей мере, в четыре раза увеличить в Европе число транспортных самолётов большой грузоподъёмности (с 4-х до 16-ти, а может, и больше). Значительно повысятся возможности европейских членов НАТО по дозаправке самолетов в воздухе, так как создаётся парк из 10-15 самолетов-заправщиков. Уже в 2007 году на 40 процентов должны были увеличиться запасы высокоточного оружия, производство которого планировалось наладить и за пределами США.

Промежуточные итоги глобальной трансформации блока были подведены на саммите НАТО в Страсбурге/Келе, который рассматривался руководством блока в качестве некоего рубежа как определенный этап эволюции НАТО. «Мы уже многое сделали для преобразования наших вооруженных

сил, потенциалов и структур, – сказано в Заявлении по итогам этой юбилейной встречи. – Чрезвычайно важно продолжить этот процесс, так как он подводит фундамент под способность альянса выполнять ряд миссий, включая коллективную оборону и операции кризисного реагирования на территории Североатлантического союза и за ее пределами».

В этой книге на конкретных примерах показано, как выполнялась и наполнялась конкретным содержанием официально провозглашенная основная цель альянса – быть готовыми к военному вмешательству в те или иные события по всему земному шару.

В работе подробно рассматриваются так называемые «миротворческие» операции блока на территории Югославии, а также в Афганистане и африканском Дарфуре (Судан).

Значительное место в книге отводится анализу отношений НАТО с Европейским союзом и ключевыми государствами этой важнейшей международной организации. Бывший генеральный секретарь НАТО лорд Робертсон в одном из своих выступлений заявлял, что «больше Европы в НАТО не означает меньше Северной Америки», подчеркнув этим, что трансатлантические взаимоотношения остаются ключом к эффективности НАТО и что без сильной трансатлантической связи не может быть настоящей стабильности в Европе и защиты её демократических ценностей.

В последнее время появляются разработки, подготовленные рядом специализированных неакадемических научно-аналитических центров, в которых исследуются различные аспекты реализации Техасского соглашения (2005 г.)*, предусматривающего активизацию взаимодействия

* Техасское соглашение – идея создания Североамериканского Союза (NAU) на основе

субъектов Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) – США, Канады и Мексики – с Великобританией и континентальными участниками ЕС. Утверждается, в частности, что трансатлантическая интеграция, провозглашенная конечной целью такого взаимодействия, представляет собой едва ли не ключевое звено для придания современной глобализации как институционального, так и необратимого характера.

Одновременно, особенно в середине 2010 года, появились мнения известных аналитиков и экспертов, подчеркивающих, что практическая реализация этих соглашений в настоящее время находится под угрозой в связи с решением саммита Организации государств Латинской Америки и Карибского бассейна создать собственную валютную зону.

В связи с этим в работе уделено значительное внимание исследованию основных этапов и вех трансатлантического взаимодействия.

Так, 16 декабря 2002 года Европейский союз и НАТО приняли совместную декларацию, которая открыла путь к более тесному сотрудничеству. В этом документе о европейской политике в области безопасности и обороны заложена официальная основа сотрудничества между этими организациями в области кризисного реагирования и предотвращения конфликтов. Разработаны и постоянно уточняются договоренности по обеспечению такого положения, при котором та из организаций, которая будет возглавлять деятельность по предотвращению угрозы миру в связи с конфликтами, имела бы необходимые для этого

Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) с целью формирования некоего межрегионального политического и экономического союза, объединяющего США, Канаду и Мексику, стала главным итогом саммита президентов Буша, Фокса и премьер-министра Мартина,

полномочия и военную силу.

В книге рассматривается проблема «восточной» политики блока с позиций всестороннего научного анализа и взгляда на прошлое, настоящее и будущее российско-западных, в частности российско-натовских, отношений – со стороны как России, так и Североатлантического альянса. Анализируются возобновление и набирающая динамику активизация взаимоотношений в системе «НАТО – Россия», практически замороженных после чрезмерно болезненной реакции Запада на принуждение к миру проамериканского режима Саакашвили и одностороннего признания Российской Федерацией независимости республик Абхазия и Южная Осетия.

Подчеркивается, что до отказа США от развертывания радара и противоракет системы ПРО с территории Чехии и Польши, альянс не учёл ни единой озабоченности России, не принял ни одного предложения, усиливающего взаимную безопасность.

Да, при распаде СССР блок, а, точнее, руководство США и лично государственный секретарь Дж.Бейкер в немалой степени поспособствовали передислокации ядерного оружия из союзных республик в Российскую Федерацию как правопреемницу СССР. Но делалось это в интересах не только России, но и безопасности самого Запада, избавлявшего себя от необходимости выстраивания отношений с правящими элитами ряда постсоветских государств, не имеющих опыта собственной государственности, но становящимися в случае, если бы передислокация не была произведена, ядерными державами.

Несмотря на понимание опасности расползания

ядерного оружия на границах зоны геополитической ответственности НАТО, а также антиядерные императивы администрации Б.Обамы, руководство блока, тем не менее, ничего не предприняло для международно-правовой легализации своего отказа от его размещения на территории своих новых членов из Центральной и Восточной Европы. Не принято и обязательство по неприменению этого оружия первыми.

Кроме того, хорошо известно, что НАТО отказалась принять предложение России о сокращении масштабов военной деятельности вблизи границ друг друга.

Отдельного внимания заслуживают элементы военной активности политического руководства и военных сил НАТО в период уже неоднократно упоминавшейся нами «пятидневной» войны в Южной Осетии.

Хорошо известно, что, формально не предпринимая непосредственно никаких действий по военной поддержке грузинских агрессоров, НАТО, тем не менее, не осталась в стороне от вооруженного конфликта у российских границ. Так, для переброски элитных подразделений грузинского спецназа из Ирака, а также создания «гуманитарного коридора», задействованного для тылового снабжения и обеспечения грузинской армии, широко применялась военно-транспортная авиация США. (Кто знает, к каким последствиям это могло привести в случае, если бы боевые действия затянулись).

Отдельными темами являются «устрашающая», хотя и бессмысленная с военной точки зрения акция натовских военно-морских сил в акватории Черного моря, непосредственно примыкавшей к театру военных действий, а также дипломатические демарши США в связи с захватом

наступающими частями Российской армии спецтехники связи в грузинском порту Поти и т.д.

Тем не менее, имеются все основания полагать, что отношения между Россией и НАТО продолжат укрепляться. Хотя и в несколько ином формате, нежели до военного конфликта на Кавказе. Осторожный оптимизм внушает демонстрируемая натовской, прежде всего американской, стороной готовность сделать из этих событий достаточно адекватные выводы, а также трансформировать их в конкретную политику, контуры которой все более отчётливо проступают из-под нагромождений взаимного отчуждения и претензий августа 2008 года.

Все зависит от того, какие выводы будут сделаны обеими сторонами.

По сути, вариантов последующего развития двусторонних отношений в формате «Россия – НАТО» всего лишь два. Либо мы окончательно преодолеем кризис, в котором они находились на протяжении нескольких лет, и придем к осознанию необходимости постепенного развития и расширения реального стратегического партнерства, либо сотрудничество станет носить вынужденный характер (там, где нельзя не взаимодействовать) и окажется значительно более ограниченным, чем до конфликта на Кавказе.

Особняком стоит еще один вариант – самый нежелательный. А именно: возврат России к присущей 90-м годам практике односторонних уступок, ведущей к поэтапной сдаче стратегических позиций нашей страны не только в «дальнем», но и в «ближнем» зарубежье. Полностью исключить подобное развитие событий, автору, к сожалению, не представляется возможным.

В связи с этим, следует признать, что декларируемый

лидерами России и США оптимизм «перезагрузки» не учитывает того, что ни серьезных практических результатов, ни даже необратимости эта тенденция пока не приобрела.

Автор считает, что сегодня наступает момент истины. По мере преодоления глобального финансово-экономического кризиса Россия получает уникальный шанс существенно усилить свои позиции в глобальной расстановке сил. Однако у этих надежд имеются как союзники, так и нежелающие складывать оружия противники.

Аналитические выкладки и прогнозные оценки по этим и другим актуальным проблемам глобальной политики, связанным с военно-политической составляющей комплекса взаимоотношений Российской Федерации с Западом, предлагаются вниманию читателя.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ
НАТО – ключевой инструмент сохранения и укрепления
западного лидерства

Глава 1.1. Глобальное доминирование – проектная задача
западной цивилизации

Теоретический аспект поиска прогностических моделей будущего в абсолютном большинстве современных международно-политических исследований в рамках глобальной проблематики сводится к двум основным вариантам. Один из них рассматривает мироустройство через призму однополярного подхода. При этом доминирующую роль сохранит за собой Запад, объединенный США и, в целом, англосаксонским миром с помощью, прежде всего, Европейского союза и НАТО. Так называемый англосаксонский «глобальный центр».

Сторонники второй модели видят будущий мир многополярным.

Различия в оценках этих моделей, скорее, касаются динамики обусловленного ими глобального развития. Так, А.И.Некlessа противопоставляет их друг другу как дихотомию концептов «конца истории» (Ф.Фукуямы) и «столкновения цивилизаций» (С.П.Хантингтона)⁸; академик Е.М.Примаков вообще отрицает однополярность, рассматривая ее не реальным состоянием мира, а плодом воображения утратившего адекватность неоконсервативного крыла американской политической элиты, объединившегося с примкнувшими к нему «правыми республиканцами»⁹.

⁸ Некlessа А.И. Современная Книга перемен. Глокализация глобализации // <http://www.politua.ru/concept/183.html>.

⁹ Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009. С. 9–24.

Наиболее интересная и показательная, на наш взгляд, точка зрения представлена Зб.Бжезинским, который еще в 1992 году в «Великой шахматной доске» высказал мысль о предстоящей эрозии американского национального лидерства в пользу будущей «трансевразийской системы безопасности» с ее последующей трансформацией в «мировой центр совместной политической ответственности». Видный исследователь глобально-институциональной деятельности Д.Эстулин утверждает, что Бжезинский написал эту книгу по заданию Совета по международным отношениям (СМО), который он характеризует как неформальное, «теневое», но абсолютно полномочное правительство США¹⁰.

Если это соответствует действительности, то налицо фундаментальный, концептуальный характер проработки выдвинутой в «Великой шахматной доске» модели мироустройства, что позволяет видеть в ней не столько прогноз, сколько поэтапно расписанный сценарий. Вот как он выглядит в интерпретации Бжезинского (и, следовательно, СМО):

- «В краткосрочной перспективе (пять или около пяти лет) Америка заинтересована сохранить и укрепить существующий геополитический плюрализм на карте Евразии»; обеспечить «...предотвращение появления враждебной коалиции, тем более – государства (легко угадывается Россия – Авт.), способного бросить вызов...

- В среднесрочной перспективе (до двадцати лет) упомянутое должно постепенно уступить место ...появлению все более важных и в стратегическом плане совместимых

¹⁰ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. М., 2009. С. 213.

партнеров, которые под руководством Америки могли бы помочь в создании трансевразийской системы безопасности, объединяющей большое число стран...

- В долгосрочной перспективе (свыше 20 лет) все вышесказанное должно постепенно привести к образованию мирового центра по-настоящему совместной политической ответственности».

Таким образом, заключает Бжезинский, «...геополитический плюрализм – не самоцель, а средство решения среднесрочной задачи»¹¹ (курсив – Авт.). Надо понимать так, что по мере перехода от среднесрочных задач, описанных в новой Стратегической концепции НАТО, к долговременным этот плюрализм должен исчерпать предоставленный ему временной ресурс. Соответствующие и, по-видимому, окончательные изменения произойдут и с мировым порядком, ожидаемая трансформация которого скорее всего станет осуществляться в указанном направлении «мирового центра».

Проект «глобальная империя» Запада

Соединяя предсказания Зб.Бжезинского с итогами состоявшегося через 17 лет после их появления вашингтонского и лондонского саммитов «Группы двадцати» (G20), мы, возможно неожиданно для самих себя, выходим на перспективу формирования принципиально новой глобальной политической системы. Ее главной характеристикой, по-видимому, станет не просто схожесть с предсказанным авторами миросистемной теории

¹¹ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Международные отношения, 2002. С. 235.

разделением человечества на глобальные «центр» и «периферию» и подвижную «полупериферию», но, прежде всего, институционализация формирующегося мирового порядка, то есть легализация системы давно уже созданных и функционирующих, но мало известных пока широкой общественности, глобальных политических институтов.

За Вашингтоном и Лондоном последовали саммиты в Питтсбурге, Торонто. Выбранный ими вектор перемен, на первый взгляд, фокусирующийся на сфере финансового управления, при более подробном рассмотрении явно выходит за его рамки. Это политический сценарий. В рамках глобализации он обеспечивает подавление независимости государств, заменяя их региональными и глобальными конгломератами. Так появился Европейский союз (ЕС), лишивший бывшие субъекты Вестфальской системы права печатать свои собственные деньги (к чему это привело, мы видим на примере кризисной Греции). Нынешний кризис, который, как мы уже упоминали, многие считают катастрофой мироустройства под названием «Модерн», уже предоставил дополнительные права и полномочия как упомянутой «двадцатке», связав национальные государства дополнительными обязательствами, так и Европейской экономической комиссии (ЕЭК) в виде проекта утверждения этим наднациональным органом бюджетов европейских стран, то есть придания ему в дополнение к институциональным еще и исполнительных функций.

А теперь совместим три тенденции:

- укрепление полномочий ЕЭК в ЕС в сочетании с расширением контрольных функций «двадцатки» и созданных ею структур (вроде «Совета финансовой стабильности») в глобальном масштабе;

- одновременное расширение ЕС и НАТО, достигнутое в рамках реализации первых двух Стратегических концепций блока;

- и, наконец, тиражируемые в рамках «двадцатки» проекты организации аналогичных «единых пространств» в других регионах, прежде всего в Азии (планы создания Азиатского союза – по образцу и подобию Европейского).

И сразу выясняется, что совокупность этих процессов свидетельствует не столько о строительстве «многополярного» мира, сколько об унификации нынешнего, по сути, однополярного миропорядка, осуществляемой под прикрытием разговоров о «многополярности». Ибо, коль скоро в новой Стратегической концепции НАТО одно из центральных мест отводится обеспечению интересов блока в Азии, то, стало быть, речь идет о единой – Атлантическо-Тихоокеанской – системе безопасности, ключевым звеном которой становится НАТО. И это автоматически выводит статус Североатлантического альянса на глобальный уровень.

Получается, что формально все политические институты глобального управления первоначально выстроятся на многополярной консенсусной основе, включающей несколько полюсов, распространяющих влияние в пределах «укрупненных регионов» с соответствующими атрибутами самостоятельности, в частности с региональными резервными валютами. Источниками в правительственных

структурах различных стран уже упоминалось об арабском «золотом динаре», североамериканском «амеро», единой латиноамериканской валюте. «Мягкая» полемика вокруг базовой валюты постсоветского пространства – рубль или нечто другое – имела место и в рамках вновь созданного Таможенного союза между президентами Российской Федерации Д.А.Медведевым и Республики Казахстан Н.А.Назарбаевым.

Но за внешней видимостью многополярности ясно просматривается замкнутость подобной системы на ядро некоего наднационального центра, держащего в руках все рычаги и нити управления формирующимся «глобальным консенсусом». Как глобальными финансовыми потоками – ключевым звеном будущей мировой экономики, оказывающимся под контролем «двадцатки», так и глобальной безопасностью, передаваемой в руки НАТО.

Североатлантический альянс, таким образом, превращается не только в своеобразного «держателя контрольного пакета акций глобальной безопасности», но и в универсальный инструмент повсеместного политического и военного вмешательства.

Национальным интересам Российской Федерации в свете подобной перспективы, на наш взгляд, более соответствует не создание в Москве нового «глобального финансового центра», что весьма проблематично, а ускоренная интеграция постсоветского пространства, позволяющая создать, а точнее воссоздать в его рамках самостоятельный центр силы.

Во-первых, это жизненно необходимо самой России и постсоветским республикам.

Во-вторых, подобный центр в глобалистских планах явно не предусмотрен, а, значит, его появление способно внести в реализацию этих планов весьма существенные коррективы, подобно тому, как наличие мощного СССР помешало реализации глобально-управленческих планов в рамках послевоенной ООН.

В-третьих, если иметь в виду саму финансовую сферу, на которой так акцентируется нынешнее российское руководство, то следует иметь в виду наличие здесь целого ряда «подводных камней».

Так, некоторыми западными аналитиками и экспертами все активнее высказывается идея материализации управления мировыми финансовыми потоками посредством единой наднациональной валюты, получившая косвенное подтверждение при обсуждении данного круга проблем на саммите «большой восьмерки» в Аквиле (июль 2009 г.). Представленная на нем главам государств подарочная монета с соответствующим своему глобальному предназначению условным наименованием «глобо» – своего рода артефакт, указывающий вектор мысли тех, кто стоит у кормила мировой экономики и политики.

Здесь, на наш взгляд, необходимо сделать небольшое отступление, сфокусировав внимание на возможных вариантах и моделях такой глобальной валюты. Одни специалисты в связи с этим говорят о восстановлении позиций золота, связывая данный тренд с приданием глобального характера американско-китайским экономическим связям. Другие настаивают на том, что уход США от золотого стандарта в начале 70-х годов прошлого века осуществлялся отнюдь не для того, чтобы вновь вернуться

к полноценному золотому обеспечению бумажных денег, а в прямо противоположных целях. Сторонники данного взгляда дифференцируются на тех, кто уверен, что в условиях многополярного мира над транснациональными региональными валютами встанет упомянутая мировая валюта, и их оппонентов, провозглашающих неизбежность отказа от бумажных денег как таковых. Предполагается, что в этом случае денежное обращение (по крайней мере, потребительское) будет переведено в виртуальную плоскость кредитных карточек, обеспечивающих полный и всеобъемлющий контроль над личностью. Причем, в глобальном масштабе. От внимания любителей спорта, по-видимому, не ускользнула навязчивая реклама, в которой человекообразный робот буквально вбивал в подсознание эмоционально возбужденных телезрителей своеобразную «психологическую установку»: «Только электронные деньги доживут до 2042 года».

Поскольку смысл предсказания Зб.Бжезинского видится именно во всеобщем «технотронном» управлении человечеством с помощью денег, очевидной становится целостность, «тотальность» (а, следовательно, и тоталитарный характер) подобной системы. Одно дело – децентрализованный миропорядок, приведенный в типологии М.Каплана в качестве системы «единичного вето» – подлинный многополярный мир, в котором безопасность каждого субъекта гарантируется его способностью противостоять не только любому другому субъекту, но и их коалиции – будь то подобие холодной войны в многостороннем формате либо скрепленные прагматическими интересами механизмы коллективного сдерживания.

Совершенно иной случай, когда речь заходит об общей идеологии нового миропорядка, являющейся порождением совпадения (или, скорее, искусственной унификации) ценностной основы глобального общежития.

Именно на этом варианте, представленном формулой «общечеловеческих» ценностей, вопреки исторической логике, так настаивают сегодня современные западные элитарии и созданные ими многочисленные международные неправительственные организации. Зададимся вопросом: почему любой крупный многосторонний договор или соглашение обязательно начинается со слов: «Мы, нижеподписавшиеся, руководствуясь общими целями и принципами, включающими политическую демократию, права человека...» и т.д.

Понятно, что с точки зрения формального конституционно-правового легитимизма подобный новый миропорядок, по крайней мере, на начальной стадии его формирования, предстанет некоей децентрализованной глобальной «конфедерацией», в рамках которой национальные государства будут вынуждены делегировать часть своих полномочий региональным наднациональным центрам, а те – упомянутому «мировому центру».

Фактически же (и об этом Бжезинский по понятным причинам умалчивает), коль скоро мы ставим вопрос об общих ценностях, дело поворачивается совершенно иначе. Ценности – признак цивилизационный, имеющий либо религиозное, либо секулярное, идеологическое происхождение. Это – и шкала отсчета того, «что такое хорошо, и что такое плохо», и опознавательная система «свой – чужой». Общность ценностей предполагает

идеологический контроль над ее обеспечением. Поэтому в повестку дня ставится исполнение подобным идеологическим «мировым центром» функций некоего «глобального ЦК».

Весьма вероятно, что такое образование поначалу не будет афишироваться: оно, возможно, не будет даже формально провозглашено. Если же будет, то тем выше вероятность, что оно не получит по отношению к своим «региональным» и «местным» вассалитетам формальных исполнительно-распорядительных функций. Вместе с тем, единство ценностей в случае ее окончательного признания на национально-государственном уровне ведущих стран мира само по себе станет доминантой высшего порядка, которая будет оперировать уже не организационными, а духовными категориями «вышей власти».

Именно поэтому особый интерес представляет наблюдающаяся в последние десятилетия плавная трансформация религиозной сферы, которая относится, прежде всего, к христианству.

Сначала Римско-католическая церковь (РКЦ) еще в первой половине 60-х годов, преодолев традицию духовного противостояния с протестантскими центрами, прежде всего с Англиканской церковью, двинулась в сторону унификации западного христианства на некоей «универсальной» надконфессиональной платформе. Многие специалисты обнаруживают здесь влияние, оказанное на Ватикан масонством; немногие, но хорошо информированные, ссылаясь на важные исторические

документы, указывают на тесное взаимодействие РКЦ с нацистскими структурами¹².

Сегодня некоторые из подобных тенденций все активнее обнаруживают себя в лоне восточного христианства.

Так, к фактическому «надхристианскому» взаимодействию постепенно переходит Константинопольский патриархат, который, несмотря на противостояние официальных турецких властей, при поддержке западных центров влияния прорабатывает проект создания на его базе некоего теократического государства, аналогичного Ватикану*.

Сегодня подобные процессы усиленно подогреваются и в русском православии.

В лоне Русской православной церкви (РПЦ) сложилась достаточно сплоченная группа сторонников виртуализации проекта «Святой Руси» до уровня духовного окормления все более расплывающегося в политическом смысле постсоветского пространства. Причем, не только России, но и других его субъектов. В духовной и политической сфере данная тенденция проявляется в выдвигании лозунга «за спасение души, а не Родины», по сути, отделяющая духовную функцию Церкви от социальной, зафиксированной в «Основах социальной концепции РПЦ».

Если обнаруженный тренд будет доведен до логического завершения, то это будет означать, что в планах глобального управления становление «новой мировой религии» может быть заменено значительно упрощающей эту

¹² Рудаков А.Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М.: ВеГа, 2008. С. 166–167.

* В 90-е годы при премьер-министре Т.Чиллере, соответствующий законопроект был даже внесен в парламент Турции, где, однако, его положили «под сукно». С усилением в турецком политическом истеблишменте происламских тенденций актуальность данного проекта снижается. Однако вряд ли можно поверить, что он снят с повестки дня.

задачу передачей функций такой религии «обновленному» христианству. Для этого, однако, потребуются еще две вещи: более прочная увязка христианского «обновленчества» с иудаизмом, уже достигнутая на Западе, но весьма проблематичная для РПЦ, а также вплетение «объединенного христианства» в ткань единой глобальной духовной матрицы через его интеграцию (возможно, и догматическую) с восточными вероучениями, прежде всего, буддизмом.

Преодоление разногласий РПЦ с Ватиканом – отнюдь не догматический императив. Вполне достаточным может оказаться «воссоединения православного мира», достигнутого за счет некоей интеграции Московского и Константинопольского патриархатов.

Чтобы лучше понять закономерности, которым подчинена логика становления и развития «духовно-ценностной» модели глобальной власти, обратимся к теории элит, выведенной основателем концепции постиндустриального общества Д.Беллом, который рассматривал эволюцию элит через призму их последовательной трансформации. Так, доиндустриальным обществам, по его мнению, соответствует родовая аристократия («элита крови»); индустриальным – плутократия («элита богатства»); постиндустриальным – «меритократия» («элита знаний» или «аристократия духа») ¹³.

Если исходить из этой типологии, то развитие элит и элитарности как явления осуществляется в классических рамках «диалектической триады» Г.В.Ф.Гегеля. Родовая аристократия (тезис) и «плутократия» или буржуазия

¹³ Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Ред.-сост. Мазур И.И., Чумаков А.Н. М.–СПб.–Нью-Йорк, 2006. С. 542–543.

(антитезис) посредством последовательного отрицания каждой из этих фаз (и форм элитной организации) выходят на синтез, сочетающий как аристократические, так и буржуазные начала и признаки. «Аристократия духа» при этом – термин, введенный отнюдь не Беллом, а употреблявшийся задолго до него, в том числе идеологами и исследователями фашизма и нацизма – Ф.Ницше, Н.В.Устряловым и др.

Следует также отметить, что в мире есть страна, где тезис подчинения светской власти духовной реализован не только практически, но и в рамках конституционного легитимизма. Это, как известно, Иран. Остается лишь, взяв его опыт, заменить в нем автохтонные ценностные императивы шиитской модели ислама упомянутыми «универсальными». И глобальная матрица духовно-институционального лидерства мировой элиты, управляющей одновременно и основной массой приобретших безлично-виртуальную форму финансовых потоков, становится если не реальностью, то делом далеко не самого отдаленного будущего.

Гипотетический «глобальный ЦК» как ядро «мирового центра», о котором пишет Бжезинский, и есть такая «аристократия духа» – глобальная элита, власть которой может осуществляться в форме не господства, а лишь контроля над соответствием (или несоответствием) действий законодательных, исполнительных и судебных структур в регионах и на местах определенной системе ценностей. По аналогии с советским периодом российской истории такая форма власти может быть охарактеризована

формулой «легитимации управления»: «Партия руководит, советы – управляют».

Становление именно такой системы мы, скорее всего, сегодня и наблюдаем. По крайней мере, в финансово-экономической ее ипостаси. С политическим и духовно-конфессиональными аспектами подобной модели дело обстоит сложнее, но опирается, по-видимому, лишь в следование принципу постепенности. Так, упоминавшийся доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству («Наше глобальное соседство») трактует политическую сторону в контексте «коллективного суверенитета», включающего, наряду с государственными интересами, еще и интересы транснациональных корпораций и структур «глобального гражданского общества», которыми признаются НПО. Духовно-религиозная сторона в этом документе не выражена, но угадывается под формулой «глобальной гражданской этики», которой авторы доклада во главе с председателем Социалистического интернационала И. Карлссоном, по-видимому, намереваются заменить традиционные религии¹⁴.

Таким образом, во-первых, очевидно, что «мерилом истины» и «точкой отсчета» в этом новом глобальном мире выступает именно западная система ценностей, причем в ее современном секулярном, постхристианском (или «надхристианском») виде. Поскольку же речь идет о постиндустриальной эпохе, то успех ее глобального внедрения жестко обусловлен трансграничностью связей и отношений, в рамках которых размывание национально-государственных суверенитетов и передача связанных с

¹⁴ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 61–62.

ними полномочий вверх на наднациональный уровень сопровождается ускоренной регионализацией, то есть переходом значительной части этих полномочий вниз, на региональный и местный уровень.

В современной глобалистике данный феномен обозначен термином «глокализация». В этом контексте будет уместным отметить, что речь идет далеко не только об объективном процессе, но и о субъективном, направляющем воздействии на него со стороны ряда глобальных и европейских принципов, концепций и институтов. Например, о «регулирующем» влиянии на его развитие фундаментальных противоречий, заложенных внесенными в Устав ООН взаимно исключающими друг друга принципами «национального самоопределения» и «территориальной целостности». Или о планомерном распространении изложенного в международно-правовых документах принципа «прав человека» на «права меньшинств», сначала национальных и этнических, а затем – сексуальных. А также о включающей ряд субъектов северо-запада Российской Федерации концепции «еврорегионов», рассчитанной на взаимную привязку сопредельных приграничных территорий, ведущей к их обособлению от своих государств. И последующей унификации, «утилизирующей» прежние идентичности.

Разумеется, управлять такими «еврорегионами» со временем станет проще из наднационального центра. Под это заблаговременно выстраиваются (уже выстроены) соответствующие институты: Совет Европы с входящим в его структуру Конгрессом местных и региональных властей Европы (КМРВЕ), Комитет регионов, функционирующий в

качестве пока еще совещательного органа Европейского союза и т.д.

Отдельного рассмотрения требует тезис о том, что регулирование, а, точнее, управление глокализацией осуществляется с помощью хорошо известного принципа «двойных стандартов», в соответствии с которым из упоминавшихся нами взаимоисключающих, но общепризнанных принципов международного права – самоопределения и территориальной целостности – действует тот, который соответствует интересам глобальной элиты в данное время и в данном месте. Именно этим и объясняется правовая коллизия Косово – Абхазия и Южная Осетия.

Во-вторых (здесь мы возвращаемся к «мировому центру» Бжезинского), эффективную деятельность такого центра может обеспечить только сетевая организация, с помощью которой его ценности и идеология становятся повсеместным высшим моральным и нравственным императивом, а источник ценностей – коммуникационным узлом управляемой им глобальной «сети». Это не случайно. По М.Кастельсу, сетевая, то есть децентрализованная логика ведет к появлению социальной (а, стало быть, и политической – Авт.) детерминанты более высокого уровня, нежели интересы, формирующие саму сеть¹⁵.

Практическим примером институционализации такого императива – пока в рамках трансатлантического сообщества, но с ярко выраженной тенденцией к расширению – является принятая в 2000 году и уже упоминавшаяся Хартия об основных правах ЕС с ее

¹⁵ Глобалистика. Международный энциклопедический словарь / Ред.-сост. Мазур И.И., Чумаков А.Н. М.–СПб.–Нью-Йорк, 2006. С. 804.

апологией «европейских гуманитарных ценностей». Именно она впервые, по сути, открыто соединяет идеологическую доминанту «глобального ЦК» с сетевым принципом управления.

Идеология «общечеловеческих» ценностей, внедряемая соответствующими сетевыми узлами, не терпит конкуренции, исходящей от национально-государственных суверенитетов. Именно поэтому эти суверенитеты последовательно разрушаются: сначала крупные, многонациональные, дифференцируемые по национально-государственному признаку; затем приходит черед уже собственно национально-государственных суверенитетов, разрушаемых в пользу этнорегиональных идентичностей.

На этом этапе данный процесс явно не остановится и пойдет дальше, вплоть до полного переустройства, когда деструкции подвергнутся этнические и квазиэтнические общности, а «точкой сборки» в строительстве «цивилизации будущего» будут провозглашены субъекты местного самоуправления. Разумеется, что «общечеловеческие» ценности «глобального ЦК» – единственное, что в состоянии объединить столь разнородные и отдаленные друг от друга как в территориальном, так и в культурном отношении элементы новой глобальной цивилизации, которую Ж.Аттали – известный поборник глобализма, возглавлявший Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), именует «цивилизацией новых кочевников»¹⁶.

На практике это означает, во-первых, ликвидацию всех без исключения альтернативных проектов глобального

¹⁶ *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия // http://www.patriotica.ru/enemy/attali_porog_/html.

развития, основанных на взаимодействии различных систем ценностей, то есть различных цивилизационных проектов. Во-вторых, с политической точки зрения наличие идеологического «глобального ЦК» потребует его совмещения с системой распространенных повсеместно институтов, проводящих и обеспечивающих его влияние. В-третьих, по завершении глокализации и доведении процессов деструкции и распада до уровня местных общин, неизбежно начнется координируемый этой системой институтов процесс обратной «сборки», осуществляемый уже на новой, негосударственной, а «общечеловеческой» матрице.

От империй к национальным государствам; от них – к этническим образованиям, сосуществующим сначала в рамках федераций, затем конфедераций; а от этих единиц – к «глобальной деревне» (или «глобальной общине»), предполагающей исчезновение государств, – первый цикл глобального переустройства, характеризуемый словами известной революционной песни: «...весь мир насилья мы разрушим!». Второй цикл («мы наш, мы новый мир построим!»): от местного самоуправления к новой глобальной империи, управляемой единым центром, построенной на единых цивилизационных принципах, которым придается квазирелигиозное звучание. То есть, к «Новому мировому порядку» – уже не формальному эвфемизму осуществляемой подобным путем централизующей унификации, а конкретному глобальному проекту.

Таков логический ход развития всей западной проектности – с самого начала ее трансформации из христианской в секулярную, пришедшейся на XVI век, до

современности. Такова политическая и историческая перспектива нового глобального устройства, которое предлагает миру Запад, точнее, захватившая контроль над западной цивилизацией ее англосаксонская периферия.

В связи с этим стоит подчеркнуть, что тезис, отстаивающий принадлежность России и других субъектов постсоветского пространства к Западу, приобретает в данном контексте особо зловещее звучание. Кто бы им ни жонглировал!

Осмыслить конечный замысел именно в этой плоскости сегодня сложно, ибо мы застали мир на одной из промежуточных стадий первого, разрушительного цикла. Но общая направленность рассматриваемого процесса достаточно глубоко исследована и прописана в научной (и не только) литературе уже сегодня.

Доминирование через трансформацию западной проектной идеи

С момента состоявшегося в IV веке разделения Римской империи на Запад (Рим) и Восток (Константинополь) в западной части Старого континента сформировались особые расклады, независимые от восточных, в том числе политические. Поэтому не случайно потерпели крах попытки принудительного, силового воссоздания единой Римской империи, предпринятые Византией в VI веке при императоре Юстиниане I.

Догмат о безошибочности римских пап в вопросах веры и морали усилил самооценку Ватикана как «естественного» центра всего христианского мира, что привело к постепенному распространению его экспансии за

пределы традиционного Запада, прежде всего на восток. Во время крестовых походов, особенно после того, как западными крестоносцами был разграблен и сожжен Константинополь (1204 г.), претензии Ватикана на духовное лидерство достигли максимума.

Вряд ли случайным представляется тот исторический факт, что на Вселенских соборах (325–787 гг.) представительство Римско-католической церкви почти никогда не возглавлялось лично папами, а направляемые ими делегации, состоявшие из папских легатов, постоянно боролись с представителями других христианских церквей. В этой борьбе Западу иногда принадлежала позитивная роль, например, как в случае с противостоянием почти двухвековому периоду византийского иконоборчества, но подобное было, скорее, исключением из правил. Показательно, например, что едва ли не больше всего копий между западной и восточной церквями было сломлено вокруг непризнания Римом апостольского статуса Константинопольского патриархата. Для пап вызовом Риму являлось само его существование.

Уже в самом начале Средних веков свойственные Римско-католической церкви амбиции едва ли не глобального духовного лидерства получили поддержку в виде формирования папской государственности. В отличие от восточно-христианской Византии, в которой полномочия светской (императоры) и духовной (патриархи) властей четко разделялись, а их взаимного вмешательства в дела друг друга, за исключением чрезвычайных, кризисных ситуаций, не допускалось, на Западе все обстояло по-другому. Совмещение римскими папами духовной (в

масштабах всего католического мира) и светской (в границах Папской области) властей, приводило к фактической концентрации в Ватикане некоей «сверхвласти», видимая часть которой дополнялась активностью быстро распространившихся тайных орденов (иезуиты, тамплиеры и т.д.), обладавших собственной организационной и боевой инфраструктурами и подчинявшихся лично понтифику.

Папская власть, действуя через Церковь практически во всех странах Европы, сформировала собственный глобальный проект – систему моральных и материальных ценностей, распространявшуюся посредством экспансии*.

Сложившееся положение дел, во-первых, способствовало периодическим столкновениям Святого престола с франкскими королями, на поддержку которых папы опирались во взаимоотношениях с окружающим миром. Во-вторых, эта борьба, когда католичество фактически образовало первую в мире трансграничную сеть влияния, способствовала постепенному размыванию европейских империй. Иначе не могло и быть в условиях, когда светская и духовная власти располагались в различных географических центрах, а влияние последней рассматривалось первой как «подкоп» под ее полномочия**.

Взаимная эрозия католического и имперского влияния в итоге подготовила почву, с одной стороны, для появления духовной альтернативы католицизму, которой во времена Реформации стали различные ответвления

* Крестовые походы явились наиболее ярким примером такой экспансии в Средние века; в Новое время такими примерами стали колониальная политика великих европейских держав и европейские военные походы в Россию (XVIII вв.).

** В частности, Ватикан неизменно настаивал на своем эксклюзивном праве назначать на местах священнослужителей, что рассматривалось европейскими монархами как вмешательство во внутренние дела возглавляемых ими империй и национальных государств.

протестантизма, а с другой – для институционализации этого течения в отдельных государствах и территориях, приведшей к расколу Старого континента по конфессиональному признаку. Тридцатилетняя война (1618–1648 гг.) подвела под этими процессами логическую черту, обозначив начало фактического распада единой Священной Римской империи и сформировав «Европу национальных государств», известную политической науке под названием «Вестфальской системы».

Поворотным пунктом в истории Старого континента можно считать XVI век, когда протестантизм укоренился в стране, стремительно превращавшейся в эпоху великих географических открытий в мирового лидера, – в Британии. Реформы Генриха VIII, продолженные Елизаветой I, вывели эту страну из-под влияния Ватикана, сформировав Англиканскую церковь и подчинив ее британской монархии.

Английская революция середины XVII века и восстановление католической монархии временно прервали процесс качественной трансформации Запада, но остановить его не смогли. Черту под английской Контрреформацией подвело падение католической династии яacobитов и воцарение в Лондоне (1688 г.) прибывшего из Голландии Вильгельма III (Оранского). С этого момента идет отсчет следующего из возникших на Западе глобальных проектов – британского или, как его еще называют, капиталистического. Если католицизм, централизованный Святым престолом, являлся духовной опорой европейского феодализма, то главным классовым субъектом, взявшим на вооружение протестантизм, стала

буржуазия. Не случайно основатель современной западной социологии М.Вебер усматривает прочную связь развития капитализма с протестантской этикой.

Большинство специалистов в области истории религий и теологии рассматривают протестантизм (в особенности кальвинизм и тесно связанное с ним англиканство) через призму последовательного обмирщения и упрощения католицизма и христианства, в целом. Не случайно, что именно на основе протестантизма сложился симметричный ответ Ватикану в виде «Рах Britanica» – нового глобального проекта. По признанию Г.Киссинджера, Британия к началу XX столетия как минимум уже столетие проводила именно глобальную политику¹⁷.

Фактически же, если рассматривать историю Запада в рамках цивилизационной парадигмы, это происходило еще дольше – с тех пор, как англичане, осознав себя новым «глобальным центром», пришли к выводу о жизненной для себя необходимости управления европейским равновесием сил, в том числе навязывая другим странам собственные стандарты и модели политического устройства.

Одновременно против тайных католических орденов выдвинулись секулярно-протестантские тайные ордена, прежде всего масонство, сформированное, в том числе из осевших на Британских островах обломков ордена тамплиеров*.

С политической же точки зрения формирование на базе протестантизма нового проектного глобального

¹⁷ Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997, С. 164.

* Специалисты упоминают, по крайней мере, о двух подобных структурах – орденах Шотландского чертополоха и св. Андрея Первозванного; символика последнего в Петровскую эпоху была заимствована Россией. (Кареева В.В. История Средних веков. М.: изд. Свято-Тихоновского богословского института, 1999. С. 68).

центра, распространившегося в XVIII – начале XX веков за Атлантический океан, а после мировых и холодной войн – на всю Европу автоматически в силу логики цивилизационного развития, становится инструментом дальнейшей экспансии. Причем распространяется не столько западное христианство, пусть и в протестантской ипостаси, сколько постхристианство в виде той самой «меритократии», о которой писал Д.Белл, трансформированной к тому же в соответствии с сетевой организационной структурой, приобретенной ею в последние десятилетия.

Сегодня к «меритократии», представляющей собой союз родовой аристократии, буржуазии и западной науки, представители которой консолидированы в специализированных исследовательских центрах, созданных при ведущих университетах, присоединяются и адепты католического проекта, которые ранее, до Второго Ватиканского Собора (1962–1965 гг.), пытались фрондировать англосаксонскому проектному доминированию.

Цивилизационная экспансия Запада сопровождается геополитической. Тем самым объясняется неодолимая, буквально-таки патологическая тяга НАТО и Европейского союза к расширению на восток, идеология которого была заложена еще в конце Второй мировой войны, а сегодня подтверждена генеральным секретарем Североатлантического альянса А.Ф.Расмуссенем.

Поступая таким образом, современный Запад не столько демонстрирует злобность, сколько следует заявленной многие столетия назад логике своего развития. Ферраро-Флорентийская уния, подписанная

Ватиканом в 1439 году с доживавшей последние годы Византийской империей, позволила вовлечь в Запад значительную часть восточного, православного христианства. Однако благодаря историческим событиям, связанным с обретением погибавшей Византией исторического наследника в лице Московской Руси, Восток не прекратил своего существования именно как христианско-православной антитезы Западу.

Дихотомия сохранилась и была пронесена через все циклы последовательной проектной секуляризации как западной, так и восточной христианских цивилизаций. На Западе она оказалась более плавной и глубокой; на Востоке, в России, как считают исследователи, придерживающиеся проектного подхода, - скачкообразной, но поверхностной, потенциально обратимой. В свете этого, не углубляясь в детали, отметим получающее все большее распространение в научных и церковных кругах мнение о том, что многое в политической жизни современной России определяется борьбой вокруг вектора этого христианского возрождения. Иначе говоря, будет ли он сугубо автохтонным, привязанным к классической (Святоотеческой) традиции, или «широким» - в экуменическом смысле данного термина.

Возрождающееся противостояние Запада уже с современной Россией, какими бы «перезагрузками» его ни маскировали, останется именно противостоянием, ибо в его основе находятся фундаментальные цивилизационные различия двух христианских цивилизаций. И перспектив объединения у них нет. Есть лишь возможности поглощения или «аншлюса» Западом Востока, как это произошло около

шестисот лет назад с большей частью Византийской империи.

Еще раз подчеркнем: православная Россия, существующая после 1917 года в евразийском формате союза славянско-православной и тюрко-исламской цивилизаций, которой вольно или невольно являлся Советский Союз, особенно, начиная с И.В.Сталина, не является частью Запада. Поэтому говорить о «Евро-Атлантическом» пространстве, упомянутом, к сожалению именно в таком виде в ряде официальных государственных документов, например, в Концепции внешней политики Российской Федерации, корректно лишь применительно к Западу, ограниченному Европейским союзом и НАТО в их сегодняшнем составе и географической конфигурации. Россия – не часть морской «Евро-Атлантики», а сердцевина, геополитический центр противостоящей ей сухопутной Евразии – «Хартленда», как сформулировал эту часть глобального геополитического пространства основоположник западной геополитики Х.Дж.Маккиндер.

Это – совершенно иная геополитическая реальность. По сравнению с Евразией современная Европа вместе с контролирующей ее западной цивилизацией – не более чем географический придаток, полуостров, который, однако, постоянно стремится к расширению своего жизненного пространства, считая от времен империи Карла Великого и до Третьего рейха, а возможно и будущего четвертого, символические признаки которого – в виде возрождения в современной Германии использовавшейся нацистами и их кайзеровскими предшественниками наградной атрибутики – «железных крестов» – уже появляются.

В Положении о Железном кресте, кстати, говорится, что это – высшая военная награда не Германии, а «Рейха». Факт вручения федеральным канцлером ФРГ А.Меркель железных крестов офицерам бундесвера, отличившимся в Афганистане, говорит, по крайней мере, о символическом перерождении современной Германии если не в сам четвертый рейх, то в его прообраз и, возможно, идеологический и геополитический фундамент нового будущего европейского единства. Применяя терминологию «европейского единства» к нацистской Германии мы отнюдь не грешим против истины, а лишь отбрасываем пресловутую политкорректность, называя вещи своими именами. Так, в октябре 1932 года один из упоминавшихся нами архитекторов Банка международных расчетов (БМР) Я.Шахт предсказывал приход Гитлера к власти и создание им не что иного, как «объединенной Европы». (Учитывая последующее назначение Шахта главой Рейхсбанка, тот не «гадал на кофейной гуще», а, будучи инкорпорированной в данный проект фигурой, просто хорошо знал, о чем идет речь).

Сохранится ли при строительстве такого нового «общеевропейского» единства традиционное для послевоенного Запада стратегическое партнерство, сотрудничество и взаимодействие, или верх возьмут континентально-европейские предпочтения – большой вопрос. Это справедливо и для России, находящейся сегодня в стадии изучения перспектив взаимодействия с конкретными субъектами западной цивилизации на новом этапе глобальной истории. Ведь противостояние не отменяет необходимости дифференцировать связи и

отношения в противоположном лагере ввиду необходимости предотвратить трансформацию единого антироссийского военно-политического союза западных государств в лице НАТО в антироссийский фронт.

Именно в этом основополагающем цивилизационном противостоянии, частью которого, как известно, является геополитическая конкуренция, – корень всех российско-западных противоречий, и именно поэтому у провозглашенной «перезагрузки» имеется лишь два возможных финала. Это либо сохранение российской государственности и, главное – уникальной цивилизационной, проектной идентичности, предполагающее, помимо всего прочего, интенсивное развитие интеграционных тенденций в СНГ, либо распад Российской Федерации с кардинальным реформатированием занимаемого не только ею, но и другими субъектами бывшего СССР геополитического пространства. В первом случае неизбежно восстановление – в тех или иных формах и конфигурации – «большой России»; во втором – обязательно появится модератор, который консолидирует это пространство уже в своих цивилизационных интересах в том или ином формате. Будет ли им современный Запад или инициатива перейдет к исламу, а на Дальнем Востоке к Китаю – вопрос дискуссионный.

Вне развития этих процессов, то есть вне рамок глобального доминирования, постоянного расширения в этих целях сферы своего цивилизационного, а следовательно, и геополитического влияния, Запад себя сегодня не видит и не мыслит.

Как никогда не видел и не мыслил он себя в ином качестве и раньше. Просто лидеры у Запада в различные эпохи были разными: Рим, Испания, Британия, наполеоновская Франция, нацистская Германия, США, etc. И сильнейший из них на тот конкретный момент всякий раз консолидировал сначала континентальную Европу, а сейчас уже весь Запад, направляя его экспансию, прежде всего, против России. Так было, так есть, и так, по-видимому, будет и впредь, как бы кому ни хотелось представить все иначе.

Измениться такое положение дел может только в одном случае – при добровольном участии нашей страны в строительстве «единой» постхристианской евро-атлантической цивилизации, фарисейски апеллирующей при этом к «общим» христианским корням европейских народов и России. Такие силы, к большому сожалению, в современной России имеются. И, к не меньшему сожалению, они остаются влиятельными. Наглядный пример: попытка представить Россию восточной оконечностью Запада, США – западной, а Европу – центром.

В какой мере под влиянием этих сил находится политическое руководство страны – вопрос до конца не проясненный. С одной стороны, явно зашедшая слишком далеко «перезагрузка» начинает сопровождаться привычными для 90-х годов односторонними уступками нашей страны, в том числе в стратегической сфере. С другой стороны, в мире ни на минуту не прекращается сложная, многоходовая игра различных сил, ставки в которой год от года только возрастают. Мир явно идет к какой-то «рубежной» черте, и в этой ситуации для

ослабленной распадом СССР и экспериментами 90-х годов России допустимо любое политическое и геополитическое маневрирование, если, конечно, оно имеет целью обеспечить ее историческое выживание.

Однако признание этой очевидности не отменяет необходимости перехода от выживания к развитию, предполагающему возобновление собственной проектности, на которую слишком продолжительное безвременье действует пагубно.

К счастью, принятие соглашательской, в том числе экуменической, концепции в качестве стратегической перспективы развития России остается весьма проблематичным ввиду позиции самого Запада, руководящие круги которого отнюдь не способны удовлетвориться ущемляющим их безудержные амбиции компромиссом. А это значит, что инстинкт самосохранения российской элиты рано или поздно сработает на воссоздание полноценной международно-политической субъектности нашей страны, а также на формирование условий для сохранения такой субъектности не только в краткосрочной, но и в долгосрочной исторической перспективе.

Проектные институты современного Запада

О глобальном характере западной экспансии свидетельствует наращиваемое на протяжении всего XX столетия влияние активно множущихся международных институтов.

«Осью» транснационального миропорядка по праву можно рассматривать сформированную самой историей логическую связку «Лига Наций – ООН»: каждый из этих

проектов под предлогом создания «мира без войн» преследовал цель формирования управляемой модели глобального развития. Причем, в отличие от Лиги Наций, делавшей ставку, прежде всего, на «концерт» великих держав-победительниц в Первой мировой войне и потерпевшей крах ввиду очевидного несоответствия перечня ключевых участников этого концерта глобальной расстановке сил, в основу ООН изначально был заложен сетевой принцип. Им предполагалось развитие многоуровневой системы трансконтинентальных связей, опосредующих государственные границы. Тем самым объяснялось появление в дополнение к Уставу ООН целого комплекса подкрепляющих и уточняющих его договоренностей в различных ключевых сферах международных экономических, гуманитарных и военно-политических отношений.

Так, финансовая система, благодаря созданию Бреттон-Вудской системы, не только обрела достаточно устойчивую мировую резервную валюту, но и соответствующие, независимые от государств и правительств механизмы управления – центральные банки, структуры «Вашингтонского консенсуса».

В гуманитарной сфере была принята Всеобщая декларация прав человека, значительно расширившая границы применения этого принципа для давления на суверенные правительства, нежели были предусмотрены Уставом ООН. В дальнейшем, в развитие этого базового документа был принят целый ряд дополнительных, уточняющих актов разного уровня, появление которых

сопровождалось коррекцией институциональной деятельности ООН.

Наглядный пример: трансформация в 1990 году в рамках Парижской хартии для новой Европы Всеевропейского совещания по вопросам безопасности и сотрудничества (СВСЕ) из форума в международную организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ). Этот международный институт обязывает своих участников поддерживать дружественные отношения с США, а также предоставляет сформированным в его рамках структурам исключительные, по сути, наднациональные полномочия в вопросах, связанных с осуществлением демократических, прежде всего выборных, процедур. Наиболее известные из таких структур – действующее в рамках ОБСЕ Бюро по демократическим институтам и правам человека (БДИПЧ), а также функционирующая в рамках Комиссии ООН по правам человека Подкомиссия по предотвращению дискриминации и защите меньшинств*. Частью работы именно в данном направлении является развернутая Западом пропаганда толерантности, осуществляемая в соответствии с Декларацией принципов толерантности, утвержденной (1995 г.) Генеральной конференцией ЮНЕСКО.

В политической и военной сферах с подписанием американо-японского договора о безопасности, скрепленного конституцией Японии (1947 г.), на Дальнем Востоке и запуском «плана Маршалла» в Западной Европе, началось формирование так называемого «трехстороннего»

* После ее преобразования (1999 г.) в Подкомиссию по поощрению и защите прав человека данное направление сохранилось в числе приоритетных благодаря созданию в рамках Подкомиссии специальной Рабочей группы по меньшинствам.

процесса. Помимо вовлечения Японии в западную цивилизацию, данный процесс был связан еще и со становлением стратегического взаимодействия трех центров глобального капитализма: Северной Америки во главе с США, Западной Европы на условиях британо-американского контроля над вновь создаваемой «каролингской» франко-германской «осью»* и Японии. По мнению западных стратегов, стоявших у истоков НАТО, «трехсторонний» процесс был призван создать механизмы глобального управления, способные заместить провалившиеся с началом холодной войны концепции «четырёх полицейских» (Ф.Д.Рузвельта) и «Храма мира» (У.Черчилля), и, следовательно, направленные против СССР и его союза с коммунистическим Китаем. Стоит отметить, что СССР к участию в Трехсторонней комиссии не пригласили. Это означало, что Запад изначально не видел в занимавшемся нашей страной геополитическом пространстве самостоятельного центра, хотя бы равновеликого предыдущим трем.

К своему логическому завершению, выраженному созданием Трехсторонней комиссии и «Группы пяти» (нынешней «семерки», только без Италии и Канады), этот

* В настоящее время, как сообщает источник, близкий к президенту Саркози, Франция и Германия планируют заключение нового договора о дружбе и целый ряд других совместных проектов, которые отправят Великобританию на скамейку запасных.

План, имеющий целью вернуть Парижу и Берлину лидирующие позиции в инертном Европейском союзе, включает вопросы обороны и иммиграции, новую промышленную политику, а также курс по ослаблению контроля Великобритании над Европейской комиссией, вызывающего сильное беспокойство Франции и Германии.

Бывший министр иностранных дел Германии Йошка Фишер считает, что, независимо от судьбы Лиссабонского договора, «франко-германская ось» должна снова занять подобающее место. «Центром тяжести Европы могут быть только Париж и Берлин», – заявил он журналисту газеты «Ле Монд».

Наименование «каролингская» франко-германская ось берет начало от императорской династии Каролинов (с 800 г.), правившей во Франкском государстве, которое включало в результате завоеваний Карла Великого почти всю Западную и часть Центральной Европы.

процесс пришел в первой половине 70-х годов XX столетия.

Главные события, однако, разворачивались все же на стыке 40-х - 50-х годов в Западной Европе.

Реализация «плана Маршалла» и обстановка холодной войны позволила совместить западноевропейские и американские интересы в сфере безопасности и управления, а денацификация ФРГ стала мостиком к активному участию «не запятнавших себя преступлениями против человечности» бывших нацистских, в том числе СС-овских кадров, в совместных проектах.

В ряде западных материалов периодически упоминается о состоявшемся в 1948 или 1949 году в Италии, предположительно в г. Сан-Ремо (по другим источникам в Брюсселе) нацистском съезде, официально именовавшемся «Собранием бывших сотрудников СС и СД». Инициатором данного мероприятия, по сведениям источников уже в советских спецслужбах, выступила соответствующая глобальная организация, воссозданная в 1946 году в Мадриде обергруппенфюрером СС О.Скорцени¹⁸.

Важнейшими решениями итальянского форума, по сведениям ряда дополнительных источников, явились:

- в идеологической сфере - заключение о том, что главной причиной поражения Германии во Второй мировой войне стало сужение национал-социалистской платформы до масштабов расовой теории и признание необходимости ее замены глобалистской интернационалистской идеологией;

- в политической (геополитической) сфере - направление основных усилий на разрушение двух основных

¹⁸ Рудаков А.Б. Секретные генетические, финансовые и разведывательные программы Третьего рейха. М.: ВеГа, 2008. С. 9-10, 14.

мировых держав, оказавшихся первыми в ряду победителей нацистской Германии – СССР и США*.

Возвращаясь к рассматриваемой теме институционального участия структур СС-овского ордена в западном глобальном проекте после Второй мировой войны, отметим, что подобных организаций на данном этапе сложилось две: Бильдербергский клуб и Совет Европы. Несколько позднее, по мере вовлечения в эти процессы части советской партийно-государственной элиты, усиленно готовившей пресловутую «перестройку», были созданы новые структуры, прежде всего идеологической направленности, сформулировавшие основные направления, цели и задачи строительства «нового мирового порядка».

Первый порядковый номер в перечне этих структур и по объективным, и по субъективным параметрам (как площадка неформального взаимодействия определенных сил на Западе и в СССР), безусловно, принадлежит Римскому клубу.

Параллельно функционировали и другие структуры, например, школа «Проект моделей мирового порядка» под руководством С.Мендловица, организационной основой которой послужил Гудзоновский институт. Ограниченность влияния этого проекта на глобалистские планы в преддверии советской «перестройки», на наш взгляд, обусловлена чрезмерно агрессивной публичной апологией идеи «мирового правительства». Не исключено, что таким образом осуществлялась своеобразная «операция прикрытия», в рамках которой деятельность и позиция по

* Ввиду известной ограниченности доказательной базы существования подобного плана, мы не станем развивать эту тему далее. Выводы из приведенной здесь информации каждый читатель сможет сделать сам, в том числе и на основании изучения материалов приведенного источника – уникальной книги А.Б.Рудакова.

аналогичным вопросам Римского клуба представлялась более толерантной, рассчитанной на диалог Запада с Востоком, а не на конфронтацию.

На этом фоне особенно важно подчеркнуть, что деятельность Римского клуба, идеология которого, выраженная лозунгом «революции мировой солидарности», на самом деле вращалась вокруг двух основополагающих тезисов, сформулированных еще в первой половине 70-х годов в исходных докладах групп Д.Медоуза и М.Мессаровича - Э.Пестеля.

Первое из этих направлений - контроль над численностью населения; второе - интернационализация пользования природными ресурсами. Суть последнего предложения, впервые в Новейшей истории, пусть и вскользь, упомянутого еще в Атлантической хартии (1941 г.), в наиболее доходчивой форме была изложена Г.Х.Поповым в нашедшей статье «Мировой кризис и глобальные проблемы». Государства, богатые природными ресурсами, якобы должны передать контроль над ними «мировому сообществу», а сами, вместо полноправного владения и распоряжения, довольствоваться выплачиваемой этим «сообществом» рентой¹⁹.

Общие подходы Римского клуба сводились к «устойчивому» распределению и закреплению такой системы международного разделения труда, при которой развитые регионы оставались бы развитыми, а депрессивным на роду было бы предписано оставаться именно таковыми.

Современная модель российской экономики как экспортера природных ресурсов, закупающего все

¹⁹ Московский комсомолец. 2009. 25 марта.

остальное за рубежом, идеологически оформленная известной теорией «относительных преимуществ», сформировалась именно в те годы. Альтернативой ей мог бы стать возврат к советской модели, рассчитанной на ограничение участия в международном разделении труда и самообеспечении во всех основных звеньях производственного и потребительского цикла. Разговоры об этом идут с момента распада СССР, принимаются десятки государственных решений, но реального продвижения по этому пути не видно. Во многом – по причине укоренившейся в отсутствии государственной идеологии потребительской психологии отвыкшей от мобилизационных императивов элиты и наиболее обеспеченных слоев населения.

Совокупность приведенных мер, предпринятых Западом с началом холодной войны, обуславливалась тем, что на месте современной России на рубеже 40-х – 50-х годов находился Советский Союз – сверхдержава, ставшая первой в ряду победителей во Второй мировой войне.

Организация Объединенных Наций, разделенная на два враждебных лагеря и парализованная правом «вето», в этих условиях оказалась в фактическом ступоре, а ее место постепенно стали занимать военно-политические структуры. В Европе ими стали инструменты практической реализации стратегии, выработанной в рамках «плана Маршалла». В легальной политической сфере перечень этих институтов включил: Совет Европы с системой вплетавшихся в его ткань институтов, а также образованная в 1961 году Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Неофициальное крыло

атлантических институтов еще в 1948 году составил предшественник образованного в 1954 году Бильдербергского клуба – «Американский комитет объединенной Европы».

Военная сфера была представлена Западным союзом, позднее трансформировавшимся в Западноевропейский союз. Ключевая роль в этих структурах, не включавших США, отводилась Великобритании, как «мостику» между разделенными Атлантикой частями Запада – Северной Америкой и Европой.

В 1949 году был создан блок НАТО, который в 1955 году претерпел качественную трансформацию, связанную с присоединением к нему ФРГ.

Просматривается тесная взаимосвязь эволюции связки «НАТО без ФРГ – НАТО с ФРГ» со связкой «Американский комитет объединенной Европы – Бильдербергский клуб». Иначе говоря, очевидно, что эти преобразования, синхронизированные по срокам и результатам, изначально являлись различными пунктами одного и того же плана или сценария послевоенного европейского развития с поэтапным выходом на глобальный уровень.

Кроме того, и это необходимо подчеркнуть еще раз, несомненным является значительное влияние, с самого начала приобретенное в Бильдербергском клубе пережившимися в западных «демократах» нацистами, отказавшимися от националистической компоненты в пользу интернационально-глобалистской.

Глава 1.2. Трансформация мирового порядка и НАТО

Финансовый и экономический кризис, начавшийся в 2007 году с фактического развала ипотечной системы США и разросшийся во второй половине 2008 года до глобальных масштабов, несколько отвлек внимание мировой политической и научной общественности от традиционных проблем международной политики, вращающихся вокруг военно-политической сферы.

Созыв саммитов «Группы двадцати»* от вашингтонского (ноябрь 2008 г.) до прошедшего в июне 2010 года в Торонто, как и принятые на них решения четко обозначили доминирование англосаксонской модели, связывающей выход из кризиса с усиленной финансовой накачкой Международного валютного фонда (МВФ) и других глобальных финансовых институтов. Из 5 трлн. долларов, которые планируется «вбросить» в мировую экономику ради восстановления ее ликвидности, более 1,1 трлн. предназначаются непосредственно МВФ, который, как известно, наряду с министерством финансов США и группой Всемирного Банка составляет основу глобальной институциональной структуры, именуемой «Вашингтонским консенсусом».

Решение о расширении масштабов финансовой деятельности мировой банковской системы было принято, несмотря на крайне низкую оценку специалистами эффективности подобной политики. В связи с этим широкую

* Членами «Группы двадцати» являются: Австралия, Аргентина, Бразилия, Великобритания, Германия, Европейский союз, Индия, Индонезия, Италия, Канада, Китай, Мексика, Россия, Саудовская Аравия, США, Турция, Франция, ЮАР, Республика Корея, Япония.

В совокупности G20 представляет 90 процентов мирового ВВП, 80 процентов мировой торговли и две третьих населения мира.

известность, например, приобрело предложение нобелевского лауреата Дж. Стиглица подумать о новом, «поствашингтонском» консенсусе.

Не углубляясь в детали и подробности полемики, развернувшейся между США и лидерами «старой» Европы (президент Франции Н. Саркози, например, открыто потребовал «европейской» трансформации современного капитализма), а также внутри самой «старой» Европы – между Францией и Германией, отметим наиболее очевидные международно-политические последствия появления в глобальном политическом ландшафте такого института как «Группа двадцати».

Главное из них: мировая финансово-экономическая система принципиальных изменений не претерпит. Ядром ее в обозримом будущем останутся действующие структуры и институты, подход которых к решению основных глобальных проблем общеизвестен.

Не изменится, следовательно, и стратегия осуществляемой ими модели управления, одним из ключевых звеньев которой является система центральных банков, объединенная и контролируемая транснациональным банковским сообществом.

Являясь независимыми кредиторами государственных расходов своих стран, осуществляемых национальными правительствами, центробанки через систему финансовых критериев надежно контролируются тесно связанным с «Вашингтонским консенсусом» базельским БМР, акционерами которого, наряду с управляющими центральных банков

ведущих стран, являются влиятельные частные банки* и частные лица западного, преимущественно англосаксонского мира.

Интересный факт: именно БМР образует упоминавшийся нами во «Введении» Базельский клуб, состоящий из государств-участников этого банка, которые, в свою очередь, представлены в нем главами центральных банков и министрами финансов. Семь государств-акционеров БМР – Великобритания, США, Бельгия, Германия, Франция, Италия и Япония, а также примкнувшая к ним Швейцария – составляют ядро другой видной международной структуры – «группы десяти», остальными членами которой являются Нидерланды, Швеция и последний из участников «семерки» – Канада**.

По свидетельству видного американского экономиста Э.Дж.Эпштейна, интегрированная с помощью БМР «десятка» представляет собой надгосударственную финансовую корпорацию (некий аналог «мирового финансового правительства»), выступающую основным регулятором международной финансовой системы, члены которой убеждены в необходимости сохранения независимости центральных банков от своих правительств²⁰.

Кстати, Россия присоединилась к БМР только 10 февраля 1996 года, по-видимому, сразу же после создания на традиционно проходящем в конце января Всемирном экономическом форуме (ВЭФ) в Давосе по инициативе

* Среди них находятся ключевые федеральные резервные банки США – Нью-Йорка и Чикаго, представляющие эту страну в БМР.

** Наиболее вероятной причиной подобного выведения Канады «за скобки» является ее вхождение в Британское Содружество, позволяющее Великобритании совмещать, по крайней мере, по неофициальным клубным правилам функционирования подобных структур, собственное представительство с канадским.

²⁰ Браун Э. Базельская башня: тайный план введения мировой валюты. Что такое Банк международных расчетов? // <http://fondsk.ru/print.php?id=2226>.

Б.А.Березовского печально известной «семибанкирщины», поддержавшей Б.Н.Ельцина на президентских выборах. Такова, как видим, цена, уплаченная нашей страной за «интеграцию» ее олигархической «тусовки» в глобальную элиту, преподносимую российской общественности под видом вхождения страны в «цивилизованное мировое сообщество».

Неучастие в «десятке» не позволяет (и, по-видимому, не позволит) Российской Федерации стать полноправным членом ядра международных финансовых институтов. Высказываемые на этот счет предложения, исходящие от высокопоставленных представителей государственной власти России, по-видимому, ориентированы на перспективу, а, точнее, на внезапную «смену глобальных декораций» при последующем развитии кризисных тенденций. И на появление в этом случае у нашей страны неких новых возможностей, которые, заметим, нужно еще суметь реализовать, что при сохраняющейся сырьевой ориентации национальной экономики выглядит весьма затруднительным.

Совокупностью названных причин, в частности, обусловлена многолетняя дискриминация России, отраженная сомнительностью ее статуса в «Группе восьми», которую не случайно именуют то «восьмеркой», то «семеркой».

Функционирующей в рамках «десятки» «большой семеркой» и было в 1999 году принято решение о создании «Группы двадцати» в составе руководителей центробанков и министерств финансов двадцати субъектов, отнесенных к

ключевым*. Являясь институциональным крылом важнейшего политического глобально-управленческого института – Трехсторонней комиссии – члены «семерки» синхронизировали данный процесс с начавшимся в 2000 году расширением комиссии за счет вовлечения ряда развивающихся стран (Мексики, Филиппин, Бразилии, Южной Кореи и т.д.).

Сегодня о «двадцатке» любят говорить как о прообразе «мирового правительства», в пользу которого агитирует уже и Ватикан. Однако представленная картина наглядно демонстрирует, что действительным аналогом «правительства» в ней являются лишь страны-акционеры БМР, то есть все та же «семерка»; остальным же, включая Россию, отведена роль своеобразной «массовки», участие которой призвано символизировать «демократизм» глобально-управленческого процесса.

И еще: сам факт создания «двадцатки» задолго до нынешнего кризиса в некоем «спящем» формате, не предполагающем проведения саммитов на высшем уровне (которые оказались востребованными лишь в 2008 г. с началом мирового финансового кризиса), наглядно свидетельствует в пользу управляемости самого процесса, именуемого кризисом. Вряд ли случайно, что именно сегодня в оборот запускаются информационные (вернее, дезинформационные) штампы, из которых следует, что «восьмерка», демонстрируя «беспомощность перед лицом кризиса», как бы передает «двадцатке» эстафету принятия

* Речь в данном случае идет именно о субъектах, ибо к 19-ти государствам-членам G20 добавлен Европейский союз, являющийся, в свою очередь, объединением 27 государств, четыре из которых – Германия, Франция, Великобритания и Италия – в «двадцатке» представлены еще и самостоятельно. Двухступенчатый характер представительства наглядно демонстрирует принципы градации европейцев на «первый» и «второй» сорт.

глобальных решений. Тем самым всячески затушевывается вполне очевидный факт, что ядро у той и другой структур – одно и то же. И, в полном соответствии с пророчествами Д.Рокфеллера, представлено оно не государственными и даже не международными, а сугубо частными властными интересами – ведущими центральными банками и стоящими за ними олигархическими «империями». «Позвольте мне печатать деньги, – говорил еще в XVIII веке обвиняемый в получении доходов от рабства основатель династии Ротшильдов, – и мне наплевать, кто заседает в правительстве».

Иначе говоря, широко анонсированные саммиты «двадцатки», будь то Вашингтон, Лондон, Питтсбург или Торонто – с явной претензией на превращение этого «новодела» в суррогат глобальной власти – является своеобразным «сигналом», содержащим направленный мировому сообществу «мессидж». Суть его в том, что система глобального финансового, а, следовательно, и политического управления принципиальных изменений, как мы уже отмечали, не претерпит.

Конечно, история БМР, уходящая корнями в период между двумя мировыми войнами, тесно связанная со становлением германского нацизма и подготовкой Второй мировой войны, – отдельный, весьма важный и интересный вопрос, исследование которого позволяет получить достаточно глубокие представления о генезисе современного Запада и механизмах воздействия на международную политику контролируемых им глобальных финансовых институтов. В числе наиболее известных последствий такого воздействия, помимо двух мировых

войн, находятся объявленная Западом холодная война, приведшая к распаду СССР, бесчисленное множество протекавших в ее рамках локальных конфликтов «большой» или «малой» интенсивности», а также создание военно-политического блока НАТО, находящегося в настоящее время в процессе трансформации из региональной организации в глобальную.

Однако проблематика глобальных финансовых институтов выходит за рамки рассматриваемой темы; поэтому информация о БМР и его роли в формировании глобального управления в его современном виде, которую мы приводим, ограничивается тем, что представляется действительно необходимым для демонстрации генезиса существующего мирового порядка, а также перспектив его последующей трансформации в «Новый миропорядок».

Вместе с тем, поскольку уже сама постановка вопроса о «Новом мировом порядке», по сути, преобразует послевоенную расстановку сил в предвоенную, наиболее вероятный сценарий развития текущей ситуации видится в распространении финансово-экономического кризиса на политическую и военную сферу. Это в полной мере затрагивает сферу компетенции именно блока НАТО, его роль в конкретных геополитических ситуациях и конфликтах, а также тенденции, определяющие эволюцию этой роли в вышеуказанном направлении от региональной организации к глобальной.

Но прежде необходимо сосредоточиться на сугубо политических аспектах деятельности Североатлантического альянса, тесно связанных не только с его экспансией на

Восток, но и с фундаментальным, качественным преобразованием самой этой организации.

Логика современной трансформации, которую переживает НАТО (а в самом факте трансформации в международно-политическом научном сообществе не сомневается никто – ни на Востоке, ни на Западе), как представляется, обусловлена доминированием другой логики – более высокого порядка. В ее рамках НАТО отводится роль «силовой» – полицейской и военной – составляющей управляемой глобализации, осуществляемой в соответствии с планами и под руководством британо-американского глобального центра. Поэтому в сам Североатлантический договор в момент подписания был заложен ряд положений, обеспечивающих именно глобальную перспективу развития блока, провозглашение которых в апреле 1949 года представлялось преждевременным, но которые могли стать актуальными впоследствии. Что и произошло с распадом СССР, Организации Варшавского договора и окончанием холодной войны.

Рассмотрим эти моменты подробнее, сделав это с позиций полученного за 60 лет существования НАТО политического и исторического опыта.

Итак, во-первых, в Преамбуле учредившего НАТО Договора отмечена совместная вера его участников в цели и принципы Устава ООН. В связи с этим существует настоятельная необходимость обратиться к данной части самого этого документа, повторив и прокомментировав его

основные положения, упомянутые в Североатлантическом договоре²¹.

Сразу подчеркнем, что упоминавшиеся в качестве общепризнанных норм международного права категории «самоопределение» и «территориальная целостность», исходя из Устава ООН, его авторами равноценными не считаются. «Равноправие и самоопределение народов», упомянутое в ст. 1, отнесено к «Целям», а «территориальная неприкосновенность или политическая независимость» (Ст. 2) – к «Принципам. Из этого следует, что самоопределение рассматривается выше территориальной целостности.

Перенесенная в Североатлантический договор, данная дифференциация этих норм международного права изначально развязала блоку руки в расстановке указанных приоритетов именно в приведенной последовательности. А это, в свою очередь, зажгло «зеленый свет» на пути конъюнктурных манипуляций национально-государственными суверенитетами, вплоть до их демонтажа, как в итоге и произошло с СССР и Югославией. Не случайно столь активное участие неевропейской стороны, каковой являются США, в хельсинкском процессе, завершившемся в 1975 году подписанием Заключительного Акта, принесшего, как теперь уже очевидно, односторонние выгоды именно Западу, военно-политическая мощь которого обеспечивается НАТО.

Вышеупомянутая концепция «еврорегионов», составляющая одну из базовых опор феномена

²¹ Северо-Атлантический договор // Антология мировой политической мысли / Ред. Семигин Г.Ю. В 5-ти томах. М.: Мысль, 1997. Т. V. С. 422-425; Устав ООН. Цели и принципы (Глава I). Там же. С. 344–345.

«глокализации», – другая сторона этой же самой стратегии, отличающаяся от первой только тем, что связь с евроатлантическими институтами, контролируемые США и Великобританией, у нее не прямая, а опосредованная – через Совет Европы, инкорпорирующий, кроме англосаксонских, еще и германские интересы*.

Более того, и в самом Уставе ООН принцип территориальной целостности сформулирован не как императив, а некое пожелание членам организации «воздерживаться в их международных отношениях» от его нарушения путем применения силы или угрозы силой.

Таким образом, как Устав ООН, так и Североатлантический договор не столько гарантируют территориальную целостность, сколько ограничиваются отнюдь не обязательными с международно-правовой точки зрения рекомендациями не нарушать этой целостности. Последующая история НАТО показала, что имеются все основания не считать данную коллизию случайной.

Во-вторых, в той же Преамбуле Североатлантического договора говорится о решимости участников НАТО «обеспечить свободу, общее наследие и цивилизацию своих народов, основанную на принципах демократии, свободы личности и господства права».

Здесь особенно выделяется слово «цивилизация», которое, в соответствии с основными направлениями развития цивилизационной теории, может рассматриваться

* Здесь, конечно, можно импровизировать на тему возможного противостояния Германии, с одной стороны, и США с Великобританией, с другой, если бы не одно НО: наличие у Совета Европы неформальных институтов в виде структур, относящихся к так называемому Бозенскому процессу, обеспечивающих стратегическую интеграцию германо-англосаксонских интересов. (Четверикова О. Бельгия, Испания, далее везде: механизмы перекройки карты Европы // <http://fondsk.ru/article.php?id=1143>)

двойко – в материалистическом и культурно-историческом контексте.

В первой из этих трактовок, выражающей свойственное современному Западу материалистическое видение цивилизации как антитезы «варварству» – переходу на более высокие стадии развития и указывающей, что достичь этого можно только в рамках апелляции к секулярным, постхристианским и, в конечном счете, постмодернистским категориям «демократии, свободы личности и т.д.». Расширение НАТО трактуется именно как «уход от варварства». Как видим, эта норма была заложена в документы блока более чем за 40 лет до того, как оказалась востребованной.

Вторая трактовка, осуществляемая в рамках культурно-исторического подхода, рассматривающего феномен цивилизации с позиций социокультурной общности, по сути, фиксирует секулярную инновацию в качестве высшей западной ценности по отношению к религиозной традиции, отождествляя с этой инновацией не только НАТО, но и Запад, в целом. Отсюда – четкое отделение Запада от не-Запада (прямо по формуле С.П.Хантингтона: «The West and the rest»).

Таким образом, условием вовлечения в Запад, системообразующим институтом которого является НАТО, становится сознательное и целенаправленное отречение от автохтонных ценностей. А поскольку пойти на такое отступление от собственной традиции способны не народы, а лишь коррумпированные, коллаборационистские элиты, постольку апелляция к этим элитам с самого начала (то

есть с 1949 г.) становится ключевым элементом стратегии расширения блока.

На этом примере ясно видны механизмы подготовки известных событий в ГДР (1953 г.), Венгрии (1956 г.), Чехословакии (1968 г.), Польше (1980-1981 гг.). А также «перестройки» в самом СССР и «реформ» в оставшейся от него Российской Федерации.

Данный тезис дополнительно подтверждается ст. 10-й Североатлантического договора: «По единодушному согласию стороны могут пригласить любое другое европейское государство, способное следовать принципам настоящего договора..., присоединиться к настоящему договору» (курс. - Авт.).

В-третьих, в ст. 5-й Североатлантического договора, формулирующей условия и порядок военной взаимопомощи государств-членов НАТО, указывается на особенности взаимодействия НАТО с Советом Безопасности ООН. Заявлено следующее: «Такие меры (применение вооруженной силы - Авт.) будут прекращены, как только Совет Безопасности предпримет шаги, необходимые для восстановления и поддержания международного мира и безопасности».

Поскольку постоянным членом Совета Безопасности являлся СССР, а сейчас является Российская Федерация, постольку реальная роль этого органа данным Договором заблаговременно и целенаправленно сводится к нулю, если только, конечно, не иметь в виду заведомо

самоубийственное нападение на кого-либо из членов НАТО со стороны государств «третьего мира»*.

Иначе говоря, отсутствие в Уставе ООН четкого разграничения полномочий в сфере поддержания международного мира и безопасности самой ООН и региональных организаций, к которым относился Североатлантический блок, изначально создавало условия для подмены силами НАТО сил ООН. Об этом, кстати, открыто говорилось в американском проекте Устава ООН. Предлагалось, в частности, чтобы Организация была «уполномочена осуществлять принципы, согласно которым ни одной нации не будет разрешено содержать или применять вооруженную силу... каким-то образом, несовместимым с целями, предусмотренными в основном документе международной организации, или оказывать помощь какому-либо государству вопреки превентивной или принудительной акции, предпринятой международной организацией»²².

В-четвертых, о нацеленности Североатлантического договора в далекое будущее свидетельствует и ст. 12-я. «После десятилетнего пребывания настоящего договора в силе и в любой момент после этого стороны, если кто-либо из них того потребует, проведут между собой консультации с целью рассмотрения настоящего договора, имея в виду факторы, воздействующие в этот момент на мир и безопасность района в северной части Атлантического океана, включая предпринятые по Уставу

* События 11 сентября 2001 г., как ни странно, лишь подтверждают это, ибо нападавший субъект тогда был определен в соответствии с принципами не международного права, а политической целесообразности.

²² Нарочницкая Н.А. Неудержимая тяга к мировому господству // <http://www.pravoslavie.ru/analit/mirgospodstvo.htm>.

ООН мероприятия по поддержанию международного мира и безопасности» (курс. – Авт.). Налицо явная попытка перехвата при определенных обстоятельствах у ООН стратегической инициативы при решении тех или иных вопросов, связанных с глобальной расстановкой сил.

Таким образом, современная глобальная трансформация НАТО отнюдь не представляет собой «зигзаг» ее политической судьбы, а является определенным этапом тщательно разработанного, своевременно скорректированного и последовательно осуществляемого плана действий, рассчитанного на целенаправленный демонтаж национально-государственных суверенитетов с последующим преобразованием соответствующих территорий в глобальную общность. Имевшее место в период президентства Дж.Буша-младшего обострение российско-западных отношений, связанное, прежде всего, с экспансией Запада и его институтов, включая НАТО, на постсоветском пространстве, говорит о том, что территории бывшего СССР в стратегических замыслах Запада отводится особая роль. Считается, что в случае успеха путь к переустройству мира и глобальному доминированию западной цивилизации будет открыт практически полностью. Ничего, кроме «перезагрузочной» риторики, не изменилось и с приходом в Белый дом администрации Б.Обамы.

В этих условиях НАТО становится единственным военно-политическим институтом, способным обеспечить вооруженное сопровождение этой масштабной «глобально-исторической» операции. И наблюдающийся все более активный выход блока за пределы оговоренной самим

названием Североатлантического договора зоны геополитической ответственности подтверждает ее вступление в новую фазу.

Само собой разумеется, что главным, притом естественным препятствием на пути реализации этих замыслов сегодня является Российская Федерация.

Таким образом, совмещение кризисных тенденций глобального развития с планами эволюции существующего мирового порядка в «Новый миропорядок» указывает, что НАТО является ключевым «силовым» элементом трансформирующейся глобальной расстановки сил. В связи с этим нельзя исключить, что именно Североатлантический альянс станет главным и, по сути, единственным претендентом на институционализацию своей глобальной роли в случае перехода реформирования ООН из плоскости обсуждения теоретических концепций к практическим шагам по их осуществлению.

Пока сама постановка данного вопроса надежно заблокирована национальными интересами России и Китая, а также опытом «пятидневной» войны на Кавказе. Однако наличие подобных планов, проистекающих из категорического неприятия глобалистами самого факта сохранения за этими двумя державами права вето, никем из поборников глобализма не отрицается.

Глава 1.3. Роль и место НАТО в системе институтов, ответственных за формирование «Нового мирового порядка»

Какие институты будут востребованы в ходе второго цикла глобально-управленческого процесса – новой глобальной «сборки», очередь которой настанет по окончании проектируемой и осуществляемой ныне дезинтеграции национально-государственных суверенитетов, – вопрос весьма отдаленного будущего. Пока не завершились дезинтеграционные процессы, говорить о конкретной направленности будущей глобальной интеграции явно рано.

Кроме того, несмотря на то, что Запад уже достаточно далеко продвинулся в направлении реализации своего глобального проекта «Новый мировой порядок», который его апологетам видится завершающим штрихом глобального развития, своего рода настоящим «концом истории», утверждать, что данный процесс носит необратимый характер, весьма опрометчиво. Сам циклический характер глобальной истории предполагает чередование неких приливов и отливов, в ходе которых интеграция сменяется дезинтеграцией, объединение – размежеванием и т.д. У специалистов, как отечественных, так и зарубежных, давно уже «навяз в зубах» пример, который применительно к глобализации можно считать классическим: степень развития интеграции и уровень взаимозависимости мира в канун Первой мировой войны был едва ли не выше, чем сегодня. И что? А ничего: с ее началом данная тенденция была обращена вспять.

Не тогда ли, на фоне Парижской мирной конференции, в высоких политических штабах Антанты и было принято

фундаментальное, и как теперь хорошо понятно, ошибочное решение заменить естественную интеграцию искусственной, управляемой, обеспечив ее линейный характер через соответствующие формы глобального управления, к которым специалисты относят кризисное управление, революции и войны?

Данные соображения побуждают сосредоточиться на современных тенденциях, определяющих вектор глобального развития, а также роль и место в нем Североатлантического альянса.

Как отмечает Н.А.Нарочницкая – одна из ведущих сторонников цивилизационного, проектного подхода в международно-политических исследованиях, «...идея глобального управления породила два типа универсалистских структур. Первый тип – это ООН, в которой дальновидность советской дипломатии уравновесила универсалистские постулаты классическими элементами международного права*.

Второй тип – это паневропейские структуры, вроде Совета Европы. Его сегодняшняя роль доказывает, что в него и были собраны до «лучших» времен неудавшиеся универсалистские претензии мирового правительства и единого мира на основе «вечных» стандартов, имевших корни в космополитических и мондиалистских учениях прошлого, а из межвоенного периода идеи Пан-Европы австрийского графа Куденхоува-Калерги»²³.

* В данном контексте речь идет о праве вето для постоянных членов Совета Безопасности, которое на конференциях в Думбартон-Оксе (21 августа – 7 ноября 1944 г.) и Сан-Франциско (25 апреля – 26 июня 1945 г.) отстаивало и в итоге добилось руководство СССР.

²³ Нарочницкая Н.А. Неудержимая тяга к мировому господству // [http:// www.pravoslavie.ru/analit/mirgospodstvo.htm](http://www.pravoslavie.ru/analit/mirgospodstvo.htm).

НАТО – пример третьего типа универсалистских структур, одержимых идеей глобального управления. Это военные институты и структуры, дополняющие упомянутые Н.А.Нарочницкой организации политического (ООН) и идеологического (Совет Европы) характера.

Соответственно выделяются три основных направления строительства «Нового мирового порядка».

Первое направление – уже упоминавшееся реформирование Устава ООН, в рамках которого предлагается несколько проектов.

Наиболее глубоко разработан план, предполагающий постепенное повышение статуса легитимности Совета Безопасности до уровня фактического «мирового правительства», наделенного рядом важных исполнительных полномочий и распорядительных функций. Предусмотренное в его рамках «разделение властей», осуществляемое за счет трансформации Генеральной Ассамблеи ООН в паллиатив двухпалатного «всемирного парламента», позволяет рассматривать данный проект шагом на пути строительства некоей «глобальной империи» с единым и легальным центром.

Более того, если обратиться к упоминавшемуся базовому глобалистскому документу 90-х годов – докладу Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству («Наше глобальное соседство»), то можно увидеть, что материализация этих планов предусматривает комплекс мероприятий, в том числе:

– поэтапную отмену права вето путем расширения круга постоянных членов Совета Безопасности ООН до десяти стран с ограничениями применения вето только

исключительными случаями, связанными с обеспечением собственной национальной безопасности;

- институционализация так называемого «глобального гражданского общества» в виде «Форума гражданского общества», собираемого в преддверие Генеральной Ассамблеи и ответственного за выработку ее повестки дня;

- рекрутирование в состав этого «Форума» представителей НПО, но не всех, а лишь аккредитованных при Генеральной Ассамблее (то есть, полностью контролируемых) в качестве «организаций гражданского общества»²⁴.

И все это – за счет статуса государств как субъектов международного права под лозунгами его укрепления.

Поэтому столь глубокое недоверие вызывают попытки сторонников данного проекта убедить мировую общественность в том, что они не стремятся к полному демонтажу принципа суверенитета. Возможно, некоторые (малая часть) из них действительно не понимают, что, если «маятник» дезинтеграции и распада суверенитетов наберет необходимую инерцию, он пойдет до конца и не остановится ни на одной из промежуточных стадий.

В целом же, представляется, что в значительно большей мере интересам глобальных элитариев соответствует другой проект, предполагающий полную структурную перестройку ООН.

Следует, однако, признать, что и он практически неосуществим без глобального кризиса такого масштаба, который смог бы обеспечить надежную и тотальную

²⁴ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 237–272.

деструкцию национально-государственных суверенитетов и правительств и одновременно позволил бы предъявить мировому сообществу достаточно веские и убедительные доказательства в пользу большей эффективности, справедливости и, главное, безопасности наднационального управления – централизованного или сетевого.

Конкретизация основных черт данного проекта позволяет сравнить его разве что с последствиями Первой мировой войны, приведшей к практически одновременному исчезновению сразу четырех из пяти мировых империй: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Или с «Великой депрессией», послужившей первым шагом к формированию расстановки сил, сложившейся в канун Второй мировой войны и заложившей первые основы послевоенного развития уже в рамках Ялтинско-Потсдамской системы.

Остальные планы реформирования ООН проработаны недостаточно. Достойных упоминания среди них, пожалуй, лишь два: перераспределение полномочий Совета Безопасности ООН в пользу других органов и структур, в том числе вновь создаваемых, а также расширение этого органа за счет кооптации в него отдельных государств, например, Японии.

Что объединяет все эти проекты?

Главное: каждый из них в той или иной мере сводится к императивной или явочной отмене или дискриминации права вето, что развязало бы Западу руки в использовании ООН (или ее паллиативов – главное здесь не название, а объем прерогатив и полномочий) в целях

глобального управления, для чего эта организация, собственно, и была создана. Именно стремление освободиться от этой важнейшей международно-правовой нормы, выставляемой в качестве некоего «рудимента» холодной войны, а на самом деле являющейся главной скрепой существующего миропорядка, в совокупности с крайней сложностью в достижении этого результата, побуждают сторонников институционализации глобального управления искать и выдвигать альтернативные варианты. Именно поэтому предлагаемые варианты предполагают перенос центров легитимации принятых глобальных политических решений в структуры, уставные документы которых не предусматривают консенсуса.

Наиболее известными из таких структур сегодня являются ЮНЕСКО, устав которой не предусматривает права вето, а состав руководящего органа (Исполнительного комитета) постоянно корректируется и обновляется на ротационной основе, и Организационная структура «Хартии Земли», апеллирующая к горизонтальной организации, осуществляемой в рамках практической реализации упомянутой концепции «глобального гражданского общества».

Необходимо еще раз подчеркнуть, что пока существует право вето и пока им, наряду с ведущими западными державами, обладают и незападные постоянные члены Совета Безопасности ООН – Россия и Китай – до тех пор становление «Нового мирового порядка» не будет подкреплено ничем, кроме экономической и военной мощи Запада. Но этого недостаточно.

При сохранении такого положения для полного доминирования западной цивилизации потребуется одно из трех: либо разрушение ООН, либо решительная военная победа над Россией и оккупация ее территории, либо саморазрушение и самоликвидация нашей страны как одного из ведущих геополитических субъектов. В этом случае Китай или включится в западный глобальный проект, либо обособится от него и уйдет в привычную для своего многовекового исторического цикла изоляцию.

Второе направление строительства «Нового мирового порядка» – активизация Совета Европы, интересы которого концентрируются в сферах продвижения концепции «еврорегионов» и институционализации поддержки этнических и национальных меньшинств, настойчиво включаемой в число основных положений международного права.

Известно, что концепцию Совета Европы как прообраза будущих Соединенных Штатов Европы впервые выдвинул У.Черчилль²⁵. Задачи, отводившиеся этому органу в планах главного архитектора холодной войны, прямо апеллировали к созданию антисоветского и, стало быть, антироссийского альянса европейских держав – как победителей, так и побежденных.

Но настоятельная необходимость такого альянса с точки зрения англосаксонского мира, как известно, диктовалась еще и антигерманскими мотивами, ярко проявившимися в конце 80-х годов в деятельности отчаянно пытавшейся помешать объединению Германии М.Тэтчер.

²⁵ Черчилль У. Трагедия Европы (19 сентября 1946 г.) // Мировой кризис. Сб. М.: ЭКСМО, 2004. С. 766.

Сегодня миссию, выполняемую Советом Европы, можно оценивать двояко. С одной стороны, Бозенский процесс тесно увязывает ее с глобалистскими императивами, лежащими в основе политики правящих кругов США и Великобритании. С другой же стороны, в современном германском истеблишменте сохраняется влияние пророссийских настроений, уходящих корнями в совместные проекты монархической реставрации в двух странах, подробно описанные в свое время покойным Митрополитом Санкт-Петербургским и Ладожским Иоанном (Снычевым)²⁶.

В частности, от исследователей истории российско-германских отношений не могло ускользнуть пребывание в Москве (2005 г.), в связи с 60-летием победы советского народа в Великой Отечественной войне, тогдашнего федерального канцлера Г.Шредера. Именно тогда лидер ФРГ, отвечая после посещения немецкого кладбища в Люблино на заявление Президента России В.В.Путина о том, что Россия прощает Германию за ту войну, заметно волнуясь, выразил полное понимание колоссальной важности произнесенного главой Российского государства для прошлого и будущего двусторонних отношений.

Специалисты обращают внимание и на еще одну деталь современных российско-германских отношений: неизменность консультаций глав государств после каждой встречи с президентом США. Причем, независимо от того, в двустороннем или многостороннем форматах эти российско-американские или германо-американские встречи проходят.

²⁶ *Митрополит Иоанн. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания // СПб.: Царское дело, 1995. С. 34.*

Поэтому вопрос о том, в какую именно сторону двинется Германия в случае возможного развития в континентальной Европе интеграционных тенденций без участия США и Великобритании, сегодня остается открытым, несмотря на его фундаментальную важность для всего глобального политического процесса в среднесрочной и длительной исторической перспективе.

Третье направление, в котором осуществляется строительство «Нового мирового порядка», – это НАТО. Прежде всего необходимо рассмотреть, не вникая пока в военные аспекты деятельности блока, последовательность действий его руководства по превращению альянса в военную и полицейскую силу глобального масштаба, некоторые аспекты взаимосвязи и взаимодействия НАТО с теми институтами и структурами, которые в теории глобального управления рядом авторов именуется «латентными».

Институциональная латентность имеет две важные, тесно взаимосвязанные стороны.

Первая из них отражает особенности проектного генезиса западной цивилизации, в которой, вследствие секуляризации, проводившейся с XVI века, с эпохи Просвещения, технологические (материальные) факторы приобрели доминирующее положение по отношению к идеальным – социокультурным, цивилизационным. Проектная идея – набор ценностей, отражающих идеальную сторону жизни западного общества, с переходом проектного центра от континентально-европейской (пусть и полуостровной) Испании к морской Англии не могла не подвергнуться существенной коррекции. Главным ее последствием стало

появление у англичан необходимости контролировать и даже управлять европейским равновесием сил – во избежание объединения против них всей континентальной Европы, угрожавшего Британии тотальной блокадой и утратой лидерства.

Подобное управление – вещь не только сложная, но и не терпящая оглашения истинных целей и задач, требующая их маскировки под маской двуличия и именно тогда появившихся «двойных стандартов». Ибо то, что было хорошо для Англии (например, Тридцатилетняя война), отнюдь не являлось таковым для континентальных держав, но и вслух признавать то, что эта опустошительная война была для британцев «палочкой-выручалочкой» как-то неуместно. Таким образом, появившиеся вследствие британского доминирования латентные задачи потребовали и соответствующих методов воздействия на ситуацию. Методы традиционной дипломатии здесь нередко оказывались либо бессильными, либо недостаточными. И тогда они дополнялись другими инструментами международно-политического воздействия.

В классику мировой политической литературы вошел известный труд основателя консерватизма как идейно-политического течения Э.Берка под длинным названием «Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию». Сразу отметим, что подобные общества собирались далеко не только в Лондоне. Достаточно упомянуть хотя бы о Вильгельмсбаденском масонском конгрессе (1782 г.), а также о Кельнской хартии иллюминатов (1785 г.). Оба этих события специалистами

отмечаются в качестве ключевых, определивших цели и задачи разразившейся спустя несколько лет Французской революции.

Как пример взаимодействия латентных инструментов воздействия с официальной британской дипломатией отметим Аахенский договор между Британией и Францией, по которому Париж в 1747 году признал-таки законность ганноверской протестантской династии, отказавшись от поддержки католиков-якобитов и подписав тем самым смертный приговор собственной династии Бурбонов.

Сегодняшняя НАТО – наследник триумфаторов тех далеких событий, отражающих укрепление англосаксонского лидерства и доминирования над континентальной Европой. По пути к нему было пройдено немало ступеней развития – вплоть до непосредственного предшественника Североатлантического альянса – Тройственного соглашения (Антанты).

Вторая сторона институциональной латентности связана с эволюцией западной проектности, в целом, и составляющих ее «цепочку» конкретных глобальных проектов. Происходило усложнение решаемых задач, которое приводило к все большей и большей управленческой централизации, а за ней и консолидации проектных центров.

Рубиконом большинство исследователей считает англо-бурскую войну (1899–1902 гг.). В период этого локального по масштабам, но глобального по значению военного конфликта богатейшие мировые запасы золота и алмазов, сосредоточенные на юге африканского континента, попали под контроль Великобритании. С

другой стороны, поствикторианская Британия в результате перенапряжения сил в этом конфликте оказалась ослабленной настолько, что условием сохранения англосаксонского доминирования для нее оказалось установление стратегического союза со своей прежней колонией – Соединенными Штатами.

Многие источники указывают на то, что этот союз формировался, прежде всего, не в международно-правовой, договорной плоскости, а на уровне неформальных договоренностей ведущих финансовых групп – британских Ротшильдов и американских Рокфеллеров и Морганов. С учетом распространения влияния Ротшильдов и на ряд ведущих континентально-европейских держав (Францию, Италию, Германию и Австро-Венгрию) данное межбанковское объединение фактически получило европейский, а, следовательно, и глобальный статус.

Имеются также очень серьезные основания полагать, что этот союз закладывался задолго до англо-бурской войны, а именно в период подготовки и во время гражданской войны в США (1861–1865 гг.), которой дирижировал ряд тесно связанных с Ротшильдами европейских банковских структур. Их усилиями на Североамериканском континенте были созданы весьма специфические организации, составившие организационную основу последующей консолидации британской и американской финансовых элит.

Ввиду неготовности мирового общественного мнения к самой постановке вопроса о пересмотре приоритетности принципа национально-государственных суверенитетов, влияние межгосударственных банковских структур тогда

было оформлено на уровне негласных договоренностей; негласными также стали как инструменты их влияния на государственную политику, так и организационная структура, в основу которой был положен эзотерический принцип «посвящения», ранее использовавшийся различными тайными обществами, а также спецслужбами.

Взаимодействие официальных государственных и международных латентных институтов, таким образом, протекало в форме дополнения привычных институтов-учреждений со зданиями и вывесками «институтами-функциями», либо скрывавшимися под видом различных общественных организаций, либо полностью обезличенными – так называемая форма «нового институализма»*.

Именно таким образом устроен и современный миропорядок, и будущий, каким он видится лидерам Запада. НАТО в нем – видимый элемент системы, проводник определенных решений, которые принимаются совсем другими, нетранспарентными структурами. Вряд ли случайно, что в списке членов Трехсторонней комиссии с момента ее создания не фигурируют ведущие функционеры НАТО, по крайней мере военные²⁷.

Какими конкретно структурами осуществляется политический патронат НАТО?

Прежде всего, Бильдербергским клубом, в рамках ежегодных конференций которого регулярно обсуждаются вопросы, связанные с функционированием НАТО, а также

* Именно подобную трансформацию Ю.В.Ирхин описал с помощью метода институционализма, подчеркнув актуальность формирования в современных условиях «нового институционализма» (Ирхин Ю.В. Институционализм // Глобалистика. Международный энциклопеди-ческий словарь / Ред. сост. Мазур И.И., Чумаков А.Н. М.–СПб.–Нью-Йорк, 2006. С. 360–361).

²⁷ Crozier M.J., Huntington S.P., Watanuki J. The Crisis of Democracy. Report on the Governability to the Trilateral Commission. N.-Y., 1975. P. 214-220.

коррекцией его тактических целей и задач. «Бильдербергеры» выполняют функцию политического руководства НАТО постольку, поскольку сферой ответственности этого нетранспарентного (латентного) института, зарегистрированного в качестве общественной организации в Нидерландах со штаб-квартирой в нью-йоркском офисе Фонда Карнеги, являются два субъекта «трехстороннего» процесса: Северная Америка и Европа.

По этой же причине прямое отношение к политическому руководству НАТО имеют еще два института: упоминавшийся нами в качестве «теневого» правительства США Совет по международным отношениям (СМО), патронирующий входящий в НАТО североамериканский центр «трехстороннего» процесса, и Трехсторонняя комиссия, объединяющая первые два центра с третьим – японским, а с 2000 года – тихоокеанским.

Как отмечают некоторые источники, Бильдербергским клубом также выполняется важнейшая функция кадрового отбора для политического руководства государствами-участниками блока²⁸. Положительный итог «заслушивания» влечет оказание через контролируемые банки и СМИ соответствующей финансовой и информационной поддержки на выборах.

Идеологическим обеспечением НАТО, начиная с предшествовавшего «разрядке» рубежа 60-х – 70-х годов, занимался Римский клуб. К тому времени конфронтационная идеология «железного занавеса», опущенного между СССР и Западом после Фултонской речи У.Черчилля, порядком обветшала. Кроме того, она не могла оправдать

²⁸ Vernon Jordan introduces Governor Clinton to world leaders at 1991 German Bilderberg gathering // <http://www.bilderberg.org/1991.htm>.

выдвинутого в целях продвижения «разрядки» лозунга конвергенции. Зато разработки Римского клуба, создавшие своего рода идеологический плацдарм для разрушения СССР изнутри, здесь оказались в самый раз.

Выдвинутые на передний план «общечеловеческие» ценности (равенство, свобода, демократия, глобальная социальная справедливость, пацифизм и др.) требовали сохранения и укрепления миропорядка, обеспечивавшего лидерство Запада. Цивилизационная категория «образ жизни» в документах Римского клуба подменялась достаточно отвлеченным и неконкретным «качеством жизни», которое увязывало «человеческий фактор» с углублением сложившейся специализации различных государств и регионов мира. Тем самым, в свою очередь, закреплялась фактическая сегрегация стран и народов на различные «миры». В ряд докладов Римскому клубу были включены положения, провозглашавшие «новый гуманизм», тесно увязанные, в свою очередь, с появившимся в 1973 году вторым изданием Гуманистического манифеста*. От критики существующего положения дел в различных сферах – политической, экономической, духовной, социальной и т.д. – теоретики Римского клуба постепенно переходили к комплексным выводам, основанным на требованиях преобразования мирового порядка, в целом, и на принципах глобального управления. Пик этой трансформации как бы «случайно» совпал с завершающим периодом «перестройки» – осуществлением провозглашенных XIX Всесоюзной партконференцией политических реформ, ставших прологом к распаду СССР.

* «Первый гуманистический манифест» вышел в 1933 г. В настоящее время имеется и третьего издание этого документа, датированное 2000 г.

В 1993 году, сразу после создания Европейского союза и в преддверие фундаментальных решений о предстоящем расширении НАТО и формирования для этого специальных партнерских программ, рядом с Римским клубом по инициативе известного апологета глобализма Э.Ласло был создан Будапештский клуб. Корреляция создания подобных структур с предстоящими геополитическими изменениями в Европе, как помним, была тщательно отработана еще в конце 40-х – первой половине 50-х годов во время создания Североатлантического альянса и приема в него ФРГ.

В свое время НАТО приняла концепции управления кризисами, а также были заключены секретные соглашения и договоры, предполагавшие фактическое осуществление интервенций с вмешательством во внутривнутриполитическую жизнь стран-членов альянса (например, Италии, Греции), призванных подкрепить начавшуюся с созданием Римского клуба восточную экспансию гарантиями внутриблоковой стабильности²⁹.

Таким образом, идеология и геополитика НАТО формируются вне организационных рамок блока, позволяя рассматривать его не самостоятельным центром силы, а «приводным ремнем» реализации глобальных по масштабам, но корпоративных по своей сущности интересов достаточно узких кругов западных элит. Этим обусловлены роль и место Североатлантического альянса в общей структуре западных институтов.

НАТО – это, условно говоря, коллективные вооруженные силы западного глобального проекта, призванные

²⁹ Штоль В.В. НАТО: динамика эволюции. М.: «Научная книга», 2002. С. 59–61.

гарантировать полицейскими, а при необходимости и чисто военными средствами незыблемость постхристианских, секулярных ценностей современного Запада в его цивилизационных рамках, а также распространять их в мировом масштабе посредством экспансии – «мягкой» (вовлечение) или «жесткой» (война).

НАТО – современная армия «финансового интернационала», подобно тому, как Л.Д.Троцкий в свое время рассматривал Красную Армию «армией Коминтерна», предназначенной для осуществления пресловутой «мировой революции».

Подробное рассмотрение различных исторических аспектов развития Запада и западной цивилизации позволяет лучше понять как генезис этого явления послевоенного периода истории XX века, так и пути и перспективы его современной трансформации. И новая Стратегическая концепция Североатлантического альянса, появление которой становится для НАТО главным событием конца первого десятилетия XXI века, таким образом, превращается в инструмент проникновения в глубокие и сокровенные тайны Запада, связанные с достижением мирового господства.

Сегодня, в рамках этой Концепции, НАТО фактически распространяется на Азию, беззастенчиво орудуя и укрепляясь в южном «подбрюшье» России и постсоветского пространства, препятствуя его интеграции. Завтра следующими объектами на пути превращения блока в глобальные вооруженные силы станут Африка, Латинская Америка и, разумеется, Антарктида, особый интерес к

которой на Западе обусловлен еще соответствующими разработками германских нацистов.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

Особенности трансформации НАТО в современных условиях

После крушения социалистического блока во главе с Советским Союзом, завершения блокового противостояния и окончания холодной войны руководство НАТО, несмотря на декларации о превращении блока из чисто военной структуры в политическую, не предприняло для этого никаких шагов, а только стремилось наращивать военный потенциал. Эта тенденция, нашедшая отражение в стратегических концепциях блока 1991 года и 1999 года, получает дальнейшее развитие в новой концепции этого основополагающего политического документа – уже от 2010 года.

Наметившаяся с приходом в Белый дом администрации Б.Обамы активизация участия НАТО в антитеррористической операции в Афганистане, а также продолжающееся выполнение блоком задач на Балканах, в Ираке и Судане побудили Североатлантический союз адаптироваться к специфике этих операций.

Вторым важнейшим фактором, обусловившим появление у НАТО новых функций и задач, явилось выраженное стремление руководства США и военно-политических кругов Западной Европы к расширению сферы влияния блока в соответствии с глобалистскими императивами, предполагающими превращение НАТО в глобальный институт, который мог бы выступить военной гарантией поддержания нового миропорядка.

В новой Стратегической концепции оба указанных фактора тесно взаимосвязаны. Так, М.Олбрайт, председатель «Совета мудрецов» альянса, осуществлявших подготовку рекомендаций для новой Концепции и проводивших консультации с

партнерами блока, отмечала, что НАТО должна быть универсальной и достаточно эффективной, чтобы действовать «вдали от дома». Члены организации, по мнению Олбрайт, должны быть «спокойны за безопасность своих собственных территорий». Одновременно в рекомендациях подчеркивается, что «альянс не стремится обеспечить эти выгоды (безопасность и стабильность) исключительно для своих членов», а будет стремиться построить всеобъемлющую систему безопасности для всей Европы.

Противоречие между приоритетами собственной безопасности членов НАТО и глобальной ролью блока – кажущееся. Схематически их соотношение можно выразить системой концентрических кругов. «Внутренняя» безопасность НАТО будет обеспечиваться не столько действительно внутри, сколько вовне – с помощью партнеров НАТО. Именно они составляют «внешний» круг безопасности, а сама система в целом очень напоминает активно разрабатывавшуюся американцами в годы холодной войны модель «передовых рубежей» обороны США – за тысячи километров от их географических границ.

Если же выделить сугубо военную сферу обеспечения гарантий безопасности, то в современной эволюции НАТО ясно выделяются три основных тенденции.

Во-первых, наряду с затормозившимся, но отнюдь не прерванным продвижением НАТО на Восток происходят расширение и институционализация соответствующих структур, обеспечивающих доминирование американо-британского ядра альянса в военно-политической сфере всего Запада. Прежде всего, имеется в виду Лиссабонский договор, обеспечивающий дальнейшую эволюцию Европейского

союза от современного конфедеративного состояния к полноценной федерации.

Во-вторых, обращает внимание не только эволюция НАТО в направлении превращения в глобальную организацию, но и активная подготовка общественного мнения к приданию новому облику блока некоего официального статуса, предъявление которого связывается либо с реформой Организации Объединенных Наций, либо с созданием некой паллиативной глобальной организационной структуры, замещающей ООН.

В-третьих, полным ходом идет практическая апробация вариантов мирового развития, осуществляемая в форме вовлечения в сферу влияния НАТО части субъектов бывшего СССР. В первую очередь, это Украина и Грузия, а также Белоруссия, Молдавия, Азербайджан и Армения, включенные Европейским союзом в новую программу «Восточное партнерство», геополитические границы которой при ближайшем рассмотрении повторяют контуры бурно обсуждавшегося на излете «перестройки» Черноморско-Балтийского союза.

Несмотря на «перезагрузку» в российско-американских отношениях, НАТО по-прежнему проводит военно-морские учения в Крыму и вооружает режим Саакашвили в Грузии.

Кроме того, следует подчеркнуть, что у трансформации НАТО имеется не только геополитический аспект - в виде стремления создать вокруг Российской Федерации «санитарный кордон», затрудняющий реинтеграцию постсоветского пространства. Но и цивилизационный, тесно связанный с представлениями об «общечеловеческом» характере ценностей западной цивилизации, сформированных

секулярной коррекцией христианства, противопоставляемых любым традиционным воззрениям: как восточным, так и собственно западным, континентально-европейским.

В рамках данных тенденций, все активнее проявляющихся в условиях глобального кризиса, более понятным становится унифицирующее воздействие расширения НАТО на страны «новой» Европы, превращающиеся в двойной форпост блока и стоящих за ним руководящих кругов Запада. По мнению Постоянного представителя Российской Федерации в НАТО Д.О.Рогозина, «все последние расширения альянса происходили за счет стран, которые не столько делали весомый вклад в военный и экономический потенциал, сколько приносили в НАТО политические проблемы, конфликты, русофобию»³⁰.

Наряду с возобновлением «сдерживания» России подобная стратегия призвана создать определенные препятствия геополитическому взаимодействию Москвы со странами «старой» Европы, прежде всего Германией и Францией, а также, в рамках сформулированных еще прежней администрацией США геозкономических приоритетов, обеспечить контроль НАТО над действующими маршрутами энергетического транзита.

В рамках новой Стратегической концепции Североатлантического блока у этих планов появляется и еще одно измерение, тесно связанное с Афганистаном как потенциальным маршрутом транзита энергоресурсов Центральной Азии к Индийскому океану. Начало 2000-х годов было отмечено конкурентной борьбой за реализацию этого

³⁰ «Совет мудрецов» НАТО расскажет о новой стратегической концепции альянса // <http://www.kentavr.pp.ua/news/31856-sovet-mudretsov-nato-rasskazhet-o-novoy-strategicheskoy-kontsept>.

проекта между двумя крупными группами транснациональных корпораций (ТНК), группировавшимися вокруг демократов (З.Бжезинский) и неоконсервативного крыла республиканцев (Р.Чейни)*. Поэтому события вокруг Афганистана развивались в русле логики противостояния с «нулевой суммой», когда победа одной из сторон одновременно является поражением другой. Одержав «верх», неоконсервативная команда республиканцев, однако, не смогла взять ситуацию в стране под контроль, создав тем самым предпосылки для своеобразной «переигровки» первого раунда этого противостояния.

Похоже, что сегодня, по мере прояснения планов предстоящего в 2011 году вывода сил США из Афганистана, ставка начинает делаться на претерпевший определенные изменения «демократический» проект. Сегодня он, похоже, ориентируется на «афганизацию» конфликта и экспорт продуцируемой им нестабильности в постсоветскую Центральную Азию. Предполагается, что на этой основе удастся добиться исламизации светских режимов этих республик, максимально отодвинув из региона влияние России и Китая.

Правда, перспективы реализации всех этих замыслов во многом зависят от двух факторов. Во-первых, от исхода борьбы за Белый дом в 2012 году, первые шаги в которой будут сделаны уже осенью 2010 года во время промежуточных

* Д.Эстулин указывает состав этих группировок: к «демократическому» финансово-промышленному альянсу он причисляет «Амосо» (со стоящим за ней банком «Morgan Stanley»), «J.P. Morgan Chase», представляющую интересы аргентинского концерна «Bridas», первоначального лидера среди претендентов на соответствующий контракт, а также британскую «British Petroleum»; к «республиканской» – коалицию компаний, контролируемых лично Р.Чейни («Halliburton» и UNOCAL), и К. Райс («Exxon» и «Shevron»). (Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. М., 2009. С. 178–188).

выборов в Конгресс. Во-вторых, от действий Китая, который, не исключено, может предпринять определенные усилия для заполнения «силового вакуума», который образуется вследствие ухода из Афганистана американской стороны.

В частности, одна из обсуждаемых версий развития ситуации в этом регионе ключевую роль отводит Ирану, который в настоящее время существенно активизирует контакты с Афганистаном и Таджикистаном, исторически привязанными к Тегерану общими персидскими корнями. В рамках данной версии в единое целое увязываются пять основных факторов.

Первый: объявленное проамериканским президентом Афганистана Х.Карзаем «перемирие» с талибами, начинающее процесс включения «Талибана» в новую политическую инфраструктуру страны, а также посредничество в организации соответствующих переговоров со стороны Пакистана, Саудовской Аравии и Турции.

Второй: влияние основных афганских группировок на развитие крайне непростой ситуации в Киргизии, являющейся в силу наличия сложного внутреннего конфликта своеобразным ключом как к стабилизации, так и к дестабилизации Ферганской долины, стратегически важной для всей Центральной Азии.

Третий фактор: поощрение иранской стороной созыва саммита тройки персоязычных государств региона (Ирана, Афганистана и Таджикистана), на котором планируется создать прообраз организации, то ли противостоящей тюркскому региональному большинству, то ли это большинство дополняющей.

Связанный с ним четвертый фактор: внешнеполитическая активность Турции, дополняющей посредничество между Афганистаном и Ираном поиском путей разрешения конфликта вокруг ядерной программы Тегерана.

И, наконец, пятый фактор: сложнейшее и внутренне противоречивое дипломатическое и военно-политическое маневрирование США. С одной стороны, Вашингтон поощряет турецкую активность, видя в ней инструмент давления на европейскую дипломатию, а с другой, пытается (впрочем, пока безуспешно) ограничить масштабы геополитического взаимодействия Анкары и Тегерана³¹.

Разумеется, нельзя не видеть, что за рамками рассмотренных факторов остаются резкое обострение напряженности в израильско-турецких отношениях, турецко-бразильское посредничество по Ирану и ряд других тем, заведомо усложняющих и без того непростую для анализа ситуацию.

С учетом всего изложенного в равной степени вероятной представляется привязка всего этого сценария к геостратегическим планам не только Вашингтона, но и Пекина.

³¹ *Тарасов С.* Кто спасет Среднюю Азию и Средний Восток от Афганистана? // <http://www.regnum.ru/news/polit/1305691.html?forprint>; *Тарасов С.* Мировое сообщество сжимает кольцо вокруг Ирана // <http://www.regnum.ru/news/1304184.html>.

Глава 2.1. Новое расширение НАТО – очередной этап трансформации

Институциональные изменения, необходимые для трансформации НАТО, были предложены на пражской встрече стран-участниц блока на высшем уровне (20-21 ноября 2002 г.). Принятые решения были основой очередного этапа развития блока, рассчитанным на период до 2009 года. Первым и главным аспектом трансформации стало его новое расширение.

Ряд влиятельных аналитиков и экспертов небезосновательно считают, что фундамент этого процесса был заложен двусторонними усилиями руководства не только НАТО, но и Российской Федерации в виде основополагающего акта «Россия – НАТО» (1997 г.). Очевидно, что подписание этого документа, пришедшееся на завершающую фазу первого этапа расширения Североатлантического альянса, когда включение в его состав некоторых бывших восточноевропейских членов Варшавского договора, означало молчаливое согласие Б.Н.Ельцина с дальнейшим распространением данного процесса уже на постсоветском пространстве.

Осуществляемая государственным руководством России «перезагрузка», какими бы мотивами она ни была обусловлена, при определенных условиях может оказать еще более негативное воздействие на перспективы обеспечения национальной безопасности и геополитическое позиционирование Российской Федерации.

Пространственное расширение блока

Юридическая основа расширения НАТО заложена в ст. 10 Вашингтонского договора о создании Североатлантического союза (1949 г.), в которой говорится: «Договаривающиеся стороны по всеобщему согласию могут предлагать любому другому европейскому государству, способному развивать принципы настоящего Договора и вносить свой вклад в безопасность Североатлантического региона, присоединиться к настоящему Договору...».

С одной стороны, сегодня эта система аргументов максимально задействована американской администрацией. Так, из выступления вице-президента США Дж.Байдена на 45-й Международной конференции по проблемам безопасности (февраль 2009 г.) следует, что стремление в НАТО Украины и Грузии обусловлено свободой их геополитического выбора. При этом игнорируется как очевидная неоднозначность подобного «выбора», особенно на Украине, где против интеграции в НАТО выступает около двух третей населения, так и его несоответствие фундаментальным принципам ОБСЕ и Совета Европы, не допускающим укрепления безопасности одних стран и союзов в ущерб другим.

С другой стороны, в администрации Б.Обамы проявляются и другие тенденции, связанные с попытками активизации американской тихоокеанской политики. Причем они представлены как Государственным департаментом, в частности его главой Х.Клинтон, совершившей в свое время первое крупное международное турне в должности государственного секретаря США в Дальневосточный регион, так и группой влиятельных «теневых» советников

президента. Например, совместное продвижение идеи создания в противовес Российской Федерации некой «группы G2» (в формате США и Китая) такими фигурами, как Зб.Бжезинский и Г.Киссинджер, а также весьма бурная негативная реакция на фактический отказ Пекина следовать этому предложению со стороны не уступающего им по влиятельности Дж.Ная-младшего, позволяет некоторым аналитикам и экспертам предполагать наличие в американской политической элите негласного консенсуса. А это, в свою очередь, ставит вопрос о расширении перечня внешнеполитических приоритетов США далеко за пределы не только традиционной, но и вновь приобретенной (с учетом Афганистана) сферы влияния и политической ответственности Североатлантического альянса.

Идет ли речь о возможной действительной смене приоритетов или азиатская стратегия США останется своеобразным довеском к трансатлантической политике, частью которой является план «Большого Ближнего Востока», разработанный еще неоконсерваторами из администрации Дж. Буша-младшего?

Другой вопрос, тесно связанный с первым: отражает ли все очевиднее проявляющийся приоритет тихоокеанского направления сугубо американским «ноу-хау» или это продукт коллективного творчества обеих англосаксонских держав – Великобритании и США? И насколько велика вероятность деятельного и заинтересованного участия в этом континентально-европейских элит*?

Ответы на эти, без преувеличения, стратегически важные

* Допустил же скандальную оговорку о том, что участие в афганской операции соответствует экономическим интересам ФРГ бывший президент этой страны Х.Келлер, что стоило ему должности.

для будущего НАТО, да и всего мира вопросы и призвана дать новая Стратегическая концепция блока.

Поскольку практика ее применения на момент сдачи данной книги в печать отсутствовала, автор имеет лишь одну возможность: подвергнув анализу основные, базовые положения этого концептуального документа, попытаться выявить их взаимосвязь, сделав из ее наличия (или отсутствия) соответствующие выводы.

Итак, первое, что обращает на себя внимание, – это включение пункта о стабилизации в Афганистане в число основных приоритетов Концепции. Но не только самого по себе, но и в тесной увязке с развитием определенных тенденций на Южном Кавказе и в Центральной Азии. Взаимосвязь и обусловленность развития ситуации именно в этих стратегических регионах с действиями ключевых игроков – как региональных, так и глобальных, уже была отмечена во вступительной части к данному разделу.

Не ускользают от нашего внимания и такие положения новой Стратегической концепции НАТО, как усиление внутриблоковой роли (в том числе, военной) Европейского союза, а также курс на налаживание взаимодействия с Россией, который по степени важности ставится выше поддержания американских интересов в СНГ.

У данной темы имеется весьма противоречивый подтекст, на который периодически обращают внимание исследователи, в основном на Западе.

Прежде всего, возрастание роли ЕС в НАТО, особенно на фоне нынешнего финансово-экономического кризиса, приведшего к усилению Германии, – это, если можно так выразиться, путь к «германизации» НАТО. На это можно

смотреть двояко: как с позиций того, что осуществляется чаемое еще Ш. де Голлем «выдавливание» США и Великобритании из континентальной Европы, так и с точки зрения того, что мы присутствует при первой фазе новой консолидации Европы Германией. Ее результатом вполне может стать воспроизводство той самой расстановки сил, которая существовала между двумя мировыми войнами XX века. И это при том, что с точки зрения тенденций эволюции глобальной политической ситуации, первое отнюдь не находится в противоречии со вторым.

России к этой проблематике необходимо присмотреться очень внимательно.

Возвращаясь к новой Стратегической концепции НАТО, отметим, что на указанном фоне особое внимание обращает то, что в документе практически ни слова не говорится о строительстве отношений с Китаем. Хотя логично было бы предположить, что явное приближение инфраструктуры НАТО (не США, а, судя по Афганистану, именно НАТО) к границам «Поднебесной» такого упоминания требует.

Разумеется, толкование подобной расстановки приоритетов может носить лишь самый общий и предварительный характер. И все же, что вытекает или, точнее, может из них вытекать?

Прежде всего, не оставляет сомнений наличие в замысле стратегов блока некой общей идеи, сопоставимой по масштабу с «Большой Игрой» XIX–XX веков, которую вела на этой же геополитической «площадке» Британская империя.

Если иметь в виду доминировавшие в середине прошедшего столетия в Совете по международным отношениям (СМО) и Государственном департаменте США представления об Америке

как «вторгающейся силе, идущей на смену Великобритании»³², то консолидация Европы, как и «вовлечение России», явно представляют собой отдельные элементы плана установления контроля над «евразийскими Балканами». Причем, скорее всего, вопреки Китаю, который именно по этой причине и отсутствует в перечне натовских приоритетов.

Второе, что обращает внимание. Конфигурация, которую, по-видимому, планируется получить в итоге этих геостратегических маневров, очень походит на так и не реализованную при президенте США Дж.Картере и его помощнике по национальной безопасности Зб.Бжезинском попытку охвата южных границ тогдашнего СССР «зеленой» исламской дугой. Тогда данный проект, ознаменованный одновременным «подрывом» Ирана и Афганистана, был похоронен вводом советского «ограниченного контингента». Если так, то «проект Обама», реализация которого началась памятной президентской речью в Каире, представляет собой не что иное, как курс «демократической» администрации, влияние в которой все того же Бжезинского общеизвестно, на установление антироссийского и антикитайского альянса с Исламом. Точнее, с исламизмом. Влияние, которое сохраняют на Ближнем и Среднем Востоке (в частности, в Саудовской Аравии и Египте) британские спецслужбы, эти подозрения только усиливает.

Третье, мимо чего нельзя пройти. Если Китай авторы новой Стратегической концепции НАТО игнорируют, то с Россией – откровенно заигрывают.

Означает ли такая постановка вопроса заявку на «особые»

³² Эстулин Д. Кто правит миром? Или вся правда о Бильдербергском клубе. М., 2005. С. 142.

отношения с компрадорской частью российской политической элиты, равно как и понимание фактического отсутствия компрадоров в Китае? В случае если данное предположение верное, у российско-американской «перезагрузки» появляется дополнительный, весьма зловещий оттенок, хорошо знакомый нам по историческому периоду горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ».

К чему ведет подобная перспектива в российско-китайских отношениях, особенно с учетом протяженности наших общих границ и членством обоих государств в призванной обеспечивать стабильность Центрально-Азиатского регионального пространства Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) – отдельный вопрос.

И еще одно соображение, завершающее этот перечень. Оно касается позиции по афганскому вопросу ряда европейских союзников Вашингтона по Североатлантическому альянсу.

Бывший посол США в НАТО и видный член СМО Р.Хантер в декабре 2009 года, на начальном этапе работы над Концепцией, без всякого дипломатического «политеса» указывал, что «...все в Европе понимают, что управление будущим России по отношению к Европе может быть достигнуто только с участием Америки» (курс. – Авт.). При этом лишь немногие из европейских стран, по словам Хантера, верят в то, что победа в Афганистане «необходима для их собственной безопасности». Остальные своим участием в этой операции «оплачивают найм США» для борьбы «с возможными угрозами со стороны России»³³.

Не развивая детально данную тему, обозначим ее лишь как

³³ США – НАТО: в поисках общей позиции по Афганистану // Council On Foreign Relations» (США). 2009. 13 декабря (опубликовано на сайте InoСМИ.ru).

некую новую тенденцию, требующую углубленного анализа. И сквозь обозначенную точку зрения посмотрим на историю, особенности текущего момента и перспективы дальнейшего распространения НАТО в «широком» контексте его новой, глобальной геополитической роли.

Итак, с момента создания НАТО (1949 г.) имели место несколько волн приема в Североатлантический союз новых членов.

Первый раунд расширения прошел в 1952 году, когда в организацию вступили Греция и Турция.

Три года спустя (1955 г.) пятнадцатым членом НАТО стала Федеративная Республика Германия.

Вступление в блок этого государства, сформированного на территории побежденной во Второй мировой войне нацистской Германии, можно рассматривать поворотным пунктом истории НАТО.

Созданию ФРГ, как и присоединению ее к НАТО – событиям, оказавшимся в силу своего исключительного значения в эпицентре мировой политики, предшествовали менее известные, открыто не афишируемые, но от этого не теряющие своего значения эпизоды. В 1948 году, в канун провозглашения ФРГ, в Европе при непосредственном участии и содействии ЦРУ появился ряд общественных объединений и организаций, среди которых явно выделялись «Европейское движение», «Европейская молодежь» и, в особенности, «Американский комитет объединенной Европы»*, послуживший

* Председателем «Американского комитета объединенной Европы» (АКОЕ) стал бывший руководитель Управления стратегических служб (УСС) США Уильям Дж. Донован, вице-председателем – Ален Даллес, также служивший в годы Второй мировой войны в УСС США. Позже в 1950 г. А.Даллес перешел на службу в ЦРУ (созданное в 1947 г. взамен УСС США). Затем, как известно, А.Даллес с 1953 по 1961 гг. возглавил ЦРУ. При этом важно отметить, что, начиная с

организационным фундаментом Бильдербергского клуба (или Бильдербергской группы). Сам этот клуб-группа (первоначальное название – «Альянс») был образован в 1954 году, то есть как раз накануне принятия ФРГ в НАТО.

Связь между этими событиями подтверждается оформлением председательства в Бильдербергском клубе принца Бернгарда де Липпе (Голландского) – супруга королевы Юлианы и отца нынешней королевы Беатрикс. В прошлом офицер СС, занимавшийся противодействием влиянию христианской церкви, принц Бернгард одновременно являлся основным акционером принадлежащей Ротшильдам нефтяной компании «Royal Dutch Shell».

В результате включения ФРГ в НАТО, альянс не только вышел на границы социалистического содружества, поспособствовав его превращению в «восточный блок» (Организацию Варшавского договора) и создав тем самым в холодной войне потенциальную «линию фронта». Но и наглядно продемонстрировал готовность объединяющегося против СССР Запада к ревизии самого духа Ялтинско-Потсдамских соглашений, предполагавших, что бывшие союзники по антигитлеровской коалиции воздержатся, по крайней мере в Европе, от вовлечения в блоковую политику государств, не вполне согласных с созданным ими в Ялте и Потсдаме миропорядком.

Здесь следует упомянуть и о реваншистских тенденциях во внешней политике ФРГ, в частности о закреплённом в ее

1927 г., А. Даллес занимал различные посты в СМО (а в 1945–1950 гг. – являлся Президентом Совета). Даже, уже возглавляя ЦРУ он оставался одним из директоров СМО до своей смерти.

Также заслуживает внимания тот факт, что генеральным секретарем «Европейского движения», через которое ЦРУ переводило деньги на подрывную деятельность в Европе, стал будущий основатель Совета Европы, кадровый разведчик, польский и английский политик Джозеф Ретингер.

конституции положения об объединении с ГДР, и об обвинениях в адрес тогдашнего руководства Западной Германии в сотрудничестве со спецслужбами нацистского режима, и тесной связи принца Бернгарда Голландского с кланом Ротшильдов.

С 1982 года в НАТО входит Испания, которая не принимала участия в военной структуре Североатлантического блока до 1998 года, когда она уступила давлению Вашингтона и Брюсселя. Это произошло незадолго до агрессии США и НАТО против Сербии на фоне перманентной эскалации международной напряженности на Балканах.

Опять-таки, и в данном случае за этим событием маячит тень Бильдербергского клуба, на встрече которого приглашается королева София - супруга испанского монарха Хуана Карлоса I, сыгравшего, как известно, ключевую роль в постфранкистском внутривнутриполитическом развитии Испании по западным стандартам.

После окончания холодной войны, распада СССР и ОВД альянс, прикрываясь необходимостью глобального подхода к проблемам безопасности, тут же двинулся на Восток, хотя при подготовке к объединению Германии советское руководство уверяли, что в планы НАТО это не входит. Когда же процесс расширения блока начался, натовцы стали утверждать, что никаких юридических обязательств Запад на себя не брал, а все это были лишь обсуждения в ходе «дружеских бесед» с М.С.Горбачевым и Э.А.Шеварднадзе.

Уверения в отсутствии юридических обязательств - откровенная ложь. Чтобы понять это, достаточно посмотреть на Договор об «Окончательном урегулировании в отношении Германии» от 12 сентября 1990 года. В соответствии с этим

документом, территория ГДР вошла в сферу НАТО, но там могли размещаться только немецкие территориальные войска, не входящие в натовские структуры. Там не было и речи об иностранных войсках и носителях ядерного оружия. Крайней восточной границей сферы НАТО, в смысле ст. 5 Вашингтонского договора, должен был стать Одер.

Однако этого не случилось. Почему юридически обязывающие международные документы оказались нарушенными – отдельная тема. В целом представляется, что была совокупность причин, связанных как с деятельностью и интересами самой НАТО, так и с позицией, занятой ельцинским руководством Российской Федерации. Все подробности проводившихся на этот счет переговоров, подготовивших подписание Основопологающего акта «Россия – НАТО», до сих пор не известны. Но есть косвенные свидетельства. Среди них – откровения высокопоставленного американского дипломата С.Тэлбота – бывшего заместителя государственных секретарей США У.Кристофера и М.Олбрайт, свидетельствующего, каким именно образом тогдашний президент У.Клинтон добивался согласия Б.Н.Ельцина по тем или иным принципиальным вопросам двусторонних отношений, в том числе связанным с национальной безопасностью России. Кроме того, просочившееся в Интернет содержание ряда лекций, прочитанных в Европе сотрудниками ЦРУ, в прямой или завуалированной форме указывает, что поддержка американской администрацией Б.Н.Ельцина в его противостоянии с Верховным Советом РФ во время «неконтролируемого» сентябрьско-октябрьского кризиса 1993 года была щедро оплачена. Полученные в обмен на нее сведения до сих пор составляют государственную тайну

США* .

Подтвердить это опять-таки можно лишь косвенно. Так, сразу после выхода Указа Президента РФ № 1400 (от 21 сентября 1993 г.) «О поэтапной конституционной реформе» государственный секретарь США У.Кристофер однозначно выступил за «политическое урегулирование» данного внутреннего конфликта. Но по мере развития противостояния вокруг московского «Белого дома» позиция Государственного департамента начала претерпевать существенные изменения – вплоть до фактического оправдания расстрела законно избранного российского парламента.

Вопрос о расширении альянса и вступлении в него бывших социалистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) и Прибалтики занял центральное место в деятельности НАТО, начиная с 1993 года.

К этому времени большинство стран ЦВЕ стало рассматривать вступление в блок основной целью своей внешней политики, а руководство НАТО, в свою очередь, укрепило в представлении о необратимости дезинтеграционных процессов на постсоветском пространстве, а также в своей способности держать их протекание под контролем.

Реализация указанных целей НАТО во взаимоотношениях с вовлекаемыми в блок государствами обеспечивается формированием ряда органов и структур.

В декабре 1991 года НАТО в качестве совместного форума для многосторонних консультаций и сотрудничества создала

* Известный российский военный эксперт генерал Л.Г.Ивашов неоднократно утверждал, что речь идет о технологиях, используемых американцами при создании противоракетной обороны – мощных лазеров, а также позволяющих обеспечить создание элементов космического базирования.

Совет североатлантического сотрудничества (ССАС)*. В январе 1994 года была принята программа «Партнерство ради мира» (ПРМ), которая предусматривает двустороннее сотрудничество с каждой из стран на индивидуальной основе.

ПРМ включает две группы государств: страны Восточной Европы (уже принятые в НАТО), а также страны-кандидаты. Это, как правило, субъекты бывшего СССР.

Ряд исследователей, увязывающих вопросы взаимодействия НАТО с постсоциалистическими и постсоветскими государствами с общей стратегией Запада, направленной на пересмотр мирового порядка, сложившегося после Второй мировой войны, рассматривает ПРМ элементом именно такой стратегии. Появление этой программы ими связывается со стремлением к реорганизации глобальных институтов так, чтобы это вело к снижению роли Совета Безопасности ООН, постоянные члены которого обладают правом вето.

Показательно, что именно право вето, характеризующееся как «неприемлемое» и «несовместимое с глобальным управлением», является главным объектом тотальной критики со стороны Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. Право вето предлагают обойти различными способами. И путем прямой отмены или фактического «добровольного» отказа от практики применения, и за счет расширения количества членов Совета Безопасности, и даже

* В мае 1997 г. взамен ССАС был учрежден Совет евро-атлантического партнерства (СЕАП), который объединил страны НАТО с государствами, претендующими на вступление в блок в перспективе, или просто государствами-партнерами. СЕАП (ССАС) – многосторонняя структура для проведения диалога и регулярных консультаций по политическим вопросам и проблемам безопасности. В СЕАП входит 46 государств, некоторые из которых стремятся заручиться поддержкой США и других ведущих держав Запада для непосредственного присоединения к НАТО.

Заседания СЕАП проводятся ежемесячно на уровне послов, дважды в год на уровне министров иностранных дел, министров обороны и начальников генеральных штабов, а также иногда на высшем уровне. Цель – расширение участия стран-партнеров в принятии решений и оперативном

с помощью подмены Совбеза Генеральной Ассамблеей в случаях, когда его члены «заходят в тупик» (а это происходит именно ввиду применения кем-то из них вето) и т.д.³⁴.

В числе соответствующих инициатив – и «особые» сценарии реформирования ООН, предполагающие либо фактическую замену ее некой «Лигой демократий», как предлагают М.Олбрайт, Дж.Маккейн, И.Даалдер, либо внутреннюю реорганизацию, обеспечивающую принятие США и другими членами НАТО решений в обход вето России или Китая, либо переход к региональному принципу формирования Совета Безопасности с наделением его фактическими полномочиями «мирового правительства», либо, наконец, расширение полномочий Генеральной Ассамблеи с превращением ее в «мировой парламент».

Однако все это сегодня, как показал опыт пятнадцати лет, прошедших после обнародования доклада «Наше глобальное соседство», нереалистично. Поэтому идет интенсивный поиск возможных паллиативных решений, связанных с передачей полномочий международным институтам, в которых право вето отсутствует. Как уже отмечалось раньше, если в гуманитарной и политической сферах на роль таковых претендуют ЮНЕСКО и ОБСЕ, то обеспечение глобальной безопасности тесно связывается с НАТО, что подтверждается итогами юбилейного саммита блока, состоявшегося в начале апреля 2009 года в Страсбурге/Келе.

планировании по всем вопросам партнерской деятельности.

³⁴ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 245–253.

Одновременно с принятием ПРМ Североатлантический союз признал необходимость дальнейших шагов по обеспечению членства в НАТО бывших участников Варшавского договора.

В январе 1994 года на встрече на высшем уровне в Брюсселе руководители блока заявили, что «они ожидают и будут приветствовать расширение состава НАТО с включением в него демократических государств, расположенных к востоку от нее». Для этого были предприняты практические меры.

После решения министров иностранных дел стран-членов НАТО (декабрь 1994 г.), союзники в течение 1995 года изучали принципиальные и организационные вопросы приема новых стран в Североатлантический союз. Было подготовлено и опубликовано «Исследование о расширении НАТО», в котором рассматривались вопросы приема новых членов и проблемы их интеграции.

Согласно Исследованию, страны, стремившиеся к членству в НАТО, должны были соответствовать определенным требованиям. Это, в том числе, включало предоставление доказательств того, что:

- в стране действует демократия и политическая система, основанная на рыночной экономике;
- подход этих стран по отношению к меньшинствам соответствует руководящим указаниям ОБСЕ;
- урегулированы неразрешенные споры с соседними государствами;
- заявлено об общей приверженности мирному урегулированию споров;
- имеется возможность и готовность выделять военные силы и средства в Североатлантический союз, достигая при

этом оперативной совместимости с войсками других государств-членов НАТО;

- функционируют военно-гражданские отношения в соответствии с демократическими нормами.

На мадридской встрече на высшем уровне (июль 1997 г.), после всестороннего рассмотрения результатов индивидуальных переговоров с рядом государств-партнеров, главы государств и правительств союзных стран пригласили Венгрию, Польшу и Чешскую Республику начать переговоры с НАТО о присоединении. Это решение стало, по мнению руководства блока, крупным шагом к преодолению размежевания в Европе во времена холодной войны и создало условия для вступления в Североатлантический блок союзников бывшего СССР из Организации Варшавского договора.

Важно особо подчеркнуть, что их присоединение к НАТО нарушало не только упомянутые юридические и моральные обязательства, взятые западными лидерами перед СССР, но и, по сути, ряд ключевых положений Заключительного акта Европейского совета по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.). Так, включение в НАТО, например, Чехии (а позднее и республик Прибалтики) означало фактическую политическую поддержку блоком пересмотра послевоенных границ в Европе, нерушимость которых была подтверждена в Хельсинки всеми членами НАТО, в том числе США и Канадой.

В декабре 1997 года с каждой из трех стран были подписаны Протоколы о присоединении, которые впоследствии были ратифицированы всеми 16 членами НАТО в соответствии с их национальными процедурами.

12 марта 1999 года Венгрия, Польша и Чешская Республика официально стали членами НАТО. Глубоко символично, что это произошло буквально за 11 дней до начала массированных бомбардировок Югославии (23 марта 1999 г.), наглядно продемонстрировавших реальные цели, а также последствия превращения Североатлантического альянса в доминирующую военно-политическую силу в глобальном масштабе.

Государства-члены НАТО неоднократно подчеркивали, что двери в Североатлантический союз остаются открытыми для всех стран, желающих вступить в организацию. Поэтому вопросы о странах, выразивших заинтересованность в присоединении к НАТО, но не получивших в Мадриде приглашения начать соответствующие переговоры, должны были рассматриваться на основе «Исследования о расширении НАТО». Отдельно отмечалось, что происходить это должно независимо от их географического расположения. Тем самым ясно указывалось на глобальный характер этого процесса, далеко выходящего за границы традиционной зоны ответственности блока, определенной Вашингтонским договором 1949 года.

На встрече на высшем уровне (апрель 1999 г.) в Вашингтоне союзники по НАТО выдвинули «План действий по подготовке к членству в НАТО» (ПДПЧ), чтобы максимально содействовать подготовке государств-кандидатов к вступлению в Североатлантический союз.

В его основе лежит опыт создания НАТО и первого этапа расширения в период и после холодной войны. С самого начала в реализации ПДПЧ участвовали 9 стран: Албания, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Македония, Словакия,

Словения и Эстония. В мае 2002 года к ним присоединилась Хорватия.

Сегодня все эти государства, за исключением Македонии, уже стали членами НАТО (последними из них, в апреле 2009 г., к блоку присоединились Албания и Хорватия). Из этого следует, что хотя участие в ПДПЧ и не гарантирует быстрого вступления в НАТО, но позволяет всем заинтересованным странам сосредоточиться на целях и первостепенных задачах, определенных в плане, а также получать помощь специалистов НАТО, в том числе в области политики, экономики, обороны, ресурсов, информации, безопасности и права.

С одной стороны, каждая страна-участница выбирает те элементы ПДПЧ, которые лучше всего соответствуют ее потребностям, и устанавливает свои собственные плановые показатели и временные графики, а с другой – общие критерии и требования позволяют руководству блока, не дожидаясь официального присоединения той или иной страны к НАТО, оказывать существенное влияние на ее внутреннюю политику. Например, ставить уровень взаимодействия и сроки приема в зависимость от субъективно оцениваемого соответствия (или несоответствия) указанным критериям.

Важным инструментом воздействия институтов НАТО на национальные правительства является участие в Процессе планирования и анализа (ППА), тесно связанном с программой «Партнерство ради мира». Так, ППА позволяет государствам-претендентам развивать оперативную совместимость с вооруженными силами государств-членов НАТО, одновременно подготавливая организационную структуру своих армий и флотов к будущему членству в

Североатлантическом союзе.

Реализация ПДПЧ находится под постоянным контролем Североатлантического совета.

Для наблюдения за подготовкой и обеспечения гарантии того, что участникам предоставляются необходимые консультации и помощь, проводятся регулярные совещания по анализу результатов с участием союзников по НАТО. Страны-участницы привлекаются в проводящиеся, в том числе и на их территории, военные учения с участием штабов, а также подразделений связи и боевого управления НАТО. Например, это имеет место на ежегодных маневрах «Sea Breeze», проходящих в акватории Черного моря и на прибрежных украинских территориях (несмотря на приход к власти В.Ф.Януковича, эти маневры состоялись и в 2010 г.), учений, проведенных в мае 2009 года в Грузии и т.д.

В целом, главным следствием первого этапа расширения НАТО явилось то, что альянс получил развитую сеть автомобильных и железных дорог в Восточной Европе, до 550 складов боеприпасов, вооружений, горюче-смазочных материалов, а также 33 военных полигона, что позволяет сократить время развертывания армий альянса до 30 суток.

При этом военная группировка союза, в том числе авиационная, продвинулась на Восток на 650-750 км. НАТО получила около 290 аэродромов, созданных советскими ВВС, на которых можно сосредоточить до 3500 боевых самолетов.

Использование этих аэродромов позволяет тактической авиации НАТО в той или иной компоновке наносить удары вплоть до Волги. Повысились возможности внезапного первого удара, так как авиация НАТО может подвергать

боевому воздействию приграничную полосу Российской Федерации уже через несколько минут после взлета.

Вполне очевидными явились геополитические последствия первой волны расширения НАТО, отбросившие уровень безопасности нашей страны до состояния 20-х – 30-х годов XX столетия, когда на западных границах СССР был создан «санитарный кордон». При этом динамика расширения НАТО усиливала «натоцентристские» силы и тенденции в политике некоторых стран, а также западных субъектов СССР – прибалтийских республик, Украины и Молдавии. Можно сказать, что тем самым во многом воспроизводилась ситуация, сложившаяся в «версальской» Европе в результате заключения Великобританией, Францией и Италией Локарнского пакта с Германией (1925 г.), в рамках которого западные границы Веймарской республики надежно гарантировались этим договором, а восточные – нет.

Более того, если недостатки Локарнского пакта в этой части дополнялись системой двусторонних советско-германских договоренностей, весьма эффективных (особенно в закрытой их части), то в условиях, сложившихся в результате расширения НАТО, на подобную компенсацию Россия рассчитывать не может. Этому препятствует нахождение центра принятия решений на Западе не в Германии или других пограничных с республиками бывшего СССР странах, а в Вашингтоне, Лондоне и Брюсселе. Кроме того, нельзя забывать и о вовлечении СССР и Российской Федерации как его правопреемницы в систему политических обязательств, обусловленных трансформацией СБСЕ в ОБСЕ, вступлением в Совет Европы и присоединением к Парижской хартии для новой Европы (1990 г.).

На встрече в верхах в Праге (21-22 ноября 2002 г.) был дан старт второй волне расширения НАТО.

На этот раз приглашения вступить в НАТО получили еще 7 стран: Болгария, Румыния, Словения, Словакия, Литва, Латвия и Эстония. При этом руководители блока опять заявили, что «присоединение этих новых членов упрочит безопасность всех в Евро-Атлантическом регионе».

А что же Россия? Надо сказать, что до 2002 года точка зрения государственного руководства нашей страны на возможность расширения НАТО была очень жесткой. Считалось, что такой курс является крупной политической ошибкой Запада. Утверждалось, что хотя Россия и уважает право любого государства на выбор путей обеспечения национальной безопасности, но будет в любом случае соотносить последствия расширения НАТО со своими национальными интересами.

Однако, несмотря на негативную позицию России, первая «волна» расширения состоялась.

Более того, после 11 сентября 2001 года в результате официальных и неофициальных встреч Президента России В.В.Путина с Дж.Бушем и Э.Блэром позиция России в вопросе расширения НАТО претерпела определенные изменения, став более прагматичной и терпимой. Так, на пресс-конференции (июнь 2002 г.) Президент России В.В.Путин заявил: «Было бы абсолютно неверным и с тактической, и со стратегической точки зрения препятствовать вступлению Эстонии в НАТО. Ну, хочет Эстония – пусть вступает».

Критики российской внешней политики считали такую оценку распространения НАТО на прибалтийские республики весьма легковесной, угрожающей национальной безопасности

России. Как будто речь шла не о появлении баз ударной авиации НАТО в 100 км от Санкт-Петербурга и предоставлении ей возможности наносить удары по нашей территории на глубину до 1600 км с максимальным сокращением подлетного времени к объектам, а о вступлении бывших советских республик в некую международную организацию гуманитарного толка.

Вместе с тем, правомерна и другая точка зрения, сторонники которой подчеркивают, что упомянутое смягчение российской позиции по расширению НАТО обуславливалось отсутствием реальных возможностей ему воспрепятствовать, особенно с учетом непризнания Соединенными Штатами факта вхождения Латвии, Литвы и Эстонии в состав Советского Союза в период с 1940 по 1991 год.

Однако к тому моменту, когда Североатлантическим альянсом в повестку дня был поставлен вопрос о предоставлении ПДПЧ Украине и Грузии, государственное руководство России оказалось отмотобилизованным и продемонстрировало серьезность своих намерений. В частности, удалось добиться упрочения позиций в диалоге с НАТО, подтвердив действенность своих аргументов во время военного противостояния российских войск с грузинской армией (август 2008 г.), и последующего мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта. Результатом явилось откладывание предоставления ПДПЧ Украине и Грузии на перспективу, сроки которой сегодня даже не обсуждаются.

Справедливым представляется, что обе позиции, по сути, дополняют друг друга. Российское руководство, безусловно, стремилось к смягчению разногласий с Соединенными Штатами

Америки и НАТО, объясняя их появление не столько расширением альянса, сколько внешней политикой администрации Б.Клинтона и, прежде всего, вызывающе демонстративным применением военной силы против Югославии, осуществленной вопреки международно-правовым нормам Устава ООН, в обход ее Совета Безопасности. Смена американской администрации с демократической на республиканскую (2000 г.) породила позитивные ожидания, подкрепленные возобновлением широкомасштабного диалога двух стран в рамках борьбы с международным терроризмом, развернувшейся после 11 сентября 2001 года.

Однако очень скоро, уже в 2003 году, Россия столкнулась с новой военной авантюрой США, осуществленной опять-таки в обход ООН. Таким образом, стало очевидно, что взаимовыгодного сотрудничества не получится, а продекларированное партнерство попросту используется доминирующими силами на Западе в целях последовательного выдавливания России на периферию мировой политики. Этот вывод был подтвержден серией «цветных» революций на постсоветском пространстве, а также односторонним выходом США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (1972 г.) и выдвижением планов развертывания систем ПРО в Чехии и Польше.

Осознание этих тенденций в международной политике США и НАТО, а также наличие различных точек зрения внутри самого Североатлантического блока обусловило новый тренд во внешней политике Российской Федерации, сформулированный в выступлении В.В.Путина на 43-й конференции по проблемам международной безопасности в Мюнхене (февраль 2007 г.).

Необходимость рассмотрения динамики эволюции российско-американских отношений – от Манхэттена до Мюнхена и обратно, до пресловутой «перезагрузки» – объясняется не только необходимостью тщательно разобраться в особенностях российской внешней политики, но и актуальностью возможных перспектив развития международной военно-политической ситуации. Во-первых, подобные же колебания, как известно, претерпевала «генеральная линия» внешней политики СССР в середине и второй половине 30-х годов, то есть непосредственно в преддверие Второй мировой войны. Курс на сотрудничество с Германией после прихода к власти Гитлера сменился неким подобием «разрядки», завершившейся заключением договоренностей 1934-1935 годов между СССР, Францией и Чехословакией, главным лоббистом которой выступал М.М.Литвинов. Разочарование в западных союзниках, порожденное Мюнхенским стовором западных лидеров с фюрером нацистского рейха, привело к руководству Наркомата иностранных дел других людей (В.М.Молотова), востребовав курс на частичное преодоление проблем в советско-германских отношениях. Тем самым подготавливалось заключение 23 августа 1939 года пакта Молотова – Риббентропа, а затем 28 сентября того же года Договора о дружбе и границе между СССР и Германией*. В целом же Советский Союз тогда, как и сегодняшняя Российская Федерация, оказались вынужденными лавировать, прибегая к разнообразным маневрам с целью улучшения явно незавидного внешнеполитического положения.

Во-вторых, в 2009 году, как это уже происходило в 2001

* Примечательно, что в советском варианте документ называется Договором о дружбе и

году, в вашингтонском Белом Доме появилась новая администрация. И либеральная часть российского истеблишмента вновь потребовала улучшения двусторонних российско-американских отношений, возможно подготавливая тем самым новую масштабную трансформацию. Теперь уже «перезагрузки» в «перестройку-2». На деле это угрожает обернуться (и уже оборачивается) переходом усиленно декларируемой администрацией Б.Обамы «перезагрузки» российско-американских отношений в «перегрузку».

Сегодня эта негативная тенденция еще не приобрела необратимого характера, но о его возможности необходимо помнить постоянно.

Поэтому подход нашей страны к перспективам дальнейшего расширения НАТО сегодня принципиально иной. На основе тщательного анализа сложившейся обстановки российские военные специалисты пришли к выводу, что как сам Североатлантический альянс, так и, в особенности, его расширение представляют для нашей страны если не военную угрозу, то как минимум вызов, наиболее серьезный с момента окончания Второй мировой войны. Более того, этот вывод был своевременно зафиксирован в таких важнейших государственных документах, как принятые в 2008-2009 годах Концепция внешней политики и Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, а также в действующей Военной доктрине Российской Федерации (2010 г.).

Факты таковы. В результате первой волны расширения НАТО увеличила группировку на 360 тыс. человек личного состава, входящих в вооруженные силы новых членов, 550

границе, а в немецком – Договором о границе и дружбе (Greuz-und Freundschaftvertrag).

боевых самолетов и вертолетов, 50 кораблей, около 7,5 тыс. танков, БМП и БТР, более 5 тыс. артиллерийских орудий. Вторая волна расширения уже к весне 2004 года принесла альянсу увеличение численности вооруженных сил еще на 142 тыс. человек. Арсенал НАТО увеличился на 344 самолета, 1636 танков, более 100 боевых вертолетов и десятки военных кораблей.

А сама НАТО вышла на границы как собственно России, отрезав от нее Калининградскую область, так и Белоруссии, являющейся одним из членов Евразийского экономического сообщества (ЕврАзЭС) и Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

В результате альянс снова оказался в стратегическом выигрыше. С одной стороны, он переориентируется на операции за пределами собственных границ, поскольку страны-новобранцы предлагают благоприятные географические позиции, военные базы и прочую инфраструктуру, а также свое воздушное пространство; а с другой – сама эта инфраструктура становится «становым хребтом» буферной зоны безопасности для бывших «прифронтовых» государств, таких как Германия. Решающее преимущество для 7 новых членов НАТО, по мнению их правительств, заключается, конечно, в переходе в западный лагерь с соответствующими гарантиями безопасности.

Грядет или нет третья волна расширения НАТО – важнейший вопрос, ключевой для современной повестки дня, не только европейской или российской, но и глобальной.

На саммите НАТО в Риге (28–29 ноября 2006 г.) этот вопрос поставлен не был. Однако, по заявлению тогдашнего генерального секретаря этой организации Яапа де Хооп

Схеффера, кандидатам на членство был послан обнадеживающий «положительный сигнал».

Аналогичная ситуация сложилась и на саммитах НАТО в 2008 году.

В Бухаресте (апрель 2008 г.) вопрос о расширении НАТО вызвал среди членов блока серьезные разногласия. Если консенсус о начале переговоров по приему в альянс Албании и Хорватии был достигнут без проблем, то в отношении Македонии вопрос был отложен из-за несогласия Греции, которая увязала ее членство в НАТО с обязательным изменением названия, совпадающего с названием одной из греческих северных провинций.

Куда более серьезные разногласия возникли по вопросу о приглашении в НАТО Украины и Грузии. Еще до начала встречи в Бухаресте одиннадцать стран Восточной Европы при поддержке тогдашнего президента США Дж.Буша потребовали немедленного приема в НАТО Грузии и Украины. Однако ведущие европейские державы - Германия, Франция, Великобритания, Бельгия - выступили против, указав на преждевременность начала процесса по подготовке к приему указанных стран в альянс.

Таким образом, с одной стороны, несмотря на откровенное давление США и отчаянные усилия президентов Украины и Грузии, эти республики пока остаются за бортом НАТО. Участники саммита констатировали, что ни та, ни другая страна ввиду отсутствия внутренней общественно-политической стабильности, а также в связи с признанием Абхазии и Южной Осетии Российской Федерацией к ПДПЧ не готовы.

С другой стороны, лидерам Украины и Грузии было

заявлено, что этот вопрос с повестки дня не снят, а лишь отложен. Сначала до встречи глав внешнеполитических ведомств блока в декабре 2008 года, где вопрос о предоставлении ПДПЧ опять-таки не ставился. Сегодня ясно, что дальнейшее расширение НАТО на постсоветском пространстве – дело более отдаленного будущего.

Но с повестки дня блока данный вопрос все-таки пока не снят. В Бухаресте и Грузия, и в особенности Украина, а также Молдавия получили новые сигналы. Более того, после бухарестского саммита в Североатлантическом альянсе начала усиленно обсуждаться возможность принятия их в НАТО напрямую, без предоставления ПДПЧ, а, стало быть, в обход выдвинутых для присоединения к этой программе условий. И лишь провал военной авантюры режима Саакашвили в Южной Осетии приглушил голоса сторонников столь кардинального решения данного вопроса.

На какие «исторические рубежи» и решения может вывести подобная дискуссия пока непонятно, особенно с учетом прогрессирующей внутренней нестабильности у обоих потенциальных кандидатов. Однако несомненно, что политическое стремление и воля продвинуться на Восток еще дальше, официально заступив за геополитические границы, очерченные Вашингтонским договором 1949 года, у части руководства НАТО, причем значительной и наиболее влиятельной, существует. И недавнее принятие в блок Албании и Хорватии наличие этого тренда подтверждает.

Более того, ряд официальных заявлений об «оккупации» Абхазии и Южной Осетии российскими войсками, последовавших от должностных лиц администрации Б.Обамы, позволяет предположить, что если Кремль поддастся

давлению и пойдет на компромисс по Сухуму и Цхинвалу, вопрос о приеме Грузии в НАТО не только вновь будет поставлен, но и очень быстро решен. Разумеется, вопреки национальным интересам Российской Федерации.

Тем временем продолжается совершенствование оперативного оборудования территории Польши и стран Прибалтики в интересах НАТО, приведение их военной инфраструктуры в соответствие со стандартами альянса. Наиболее значительные мероприятия касаются модернизации и дооборудования военных аэродромов.

На авиабазах Ласк, Познань-Кшесинь, Свидвин (Польша), Зокняй (Литва) все работы практически уже завершены.

Началось переоборудование аэродромов Мирославец, Повидз и Мальборк (Польша), а также Лиелварде (Латвия).

С 2008 года проводится реконструкция авиабазы Эмар (Эстония), усовершенствуется взлетно-посадочная полоса, строится новый административный комплекс и склад ГСМ. Предварительная стоимость реконструкции оценивается в 64 млн. евро, при этом половина средств выделяется НАТО. По окончании работ база будет способна обеспечить прием и размещение всех типов истребительно-бомбардировочной и транспортной авиации объединенных военно-воздушных сил блока.

По оценкам экспертов, представляет интерес начало активного освоения кораблями ВМС стран-членов НАТО акватории Балтийского моря.

В последнее время в территориальных водах Польши и республик Прибалтики различные задачи выполняли боевые корабли и гидрографические суда ВМС Великобритании, Нидерландов, США и Франции.

Характерным примером освоения потенциального театра военных действий является миссия НАТО по охране воздушного пространства прибалтийских государств.

На сегодняшний день соответствующий опыт получили около 100 экипажей из 11 стран блока.

В то же время альянс намеревается сохранить существующий режим охраны только до 2011 года. Европейские военные эксперты считают, что это ставит военно-политическое руководство прибалтийских государств перед необходимостью изменения подходов по созданию собственного потенциала для соответствующих нужд.

Важным событием, по мнению специалистов, стало полномасштабное подключение Польши с начала 2007 года к Организации по управлению программой ДРЛО «АВАКС-НАТО» (НАРМО).

Это позволит Варшаве использовать самолеты АВАКС в национальных интересах, что существенно повышает возможности осуществления контроля, например, за воздушным пространством Белоруссии - до 650-700 км. Одновременно началось переоснащение национальной системы ПВО Польши, включая снятие с вооружения устаревших РЛС советского производства.

Разгром грузинской армии в Южной Осетии и на территории собственно Грузии был использован государственным руководством Польши для успешного завершения переговоров с США по поводу перевооружения польских ПВО американскими зенитно-ракетными комплексами «Патриот».

В Польше также продолжается реформирование органов военного управления.

На новую организационно-штатную структуру переведены

министерство национальной обороны и генеральный штаб.

Среди наиболее значимых изменений – вывод из состава генштаба оперативного командования и создание на базе расформированной службы специальных операций генштаба командования специальных войск (штаб в г. Быдгоще).

Срок достижения командованием полной оперативной готовности сокращен на два месяца.

С 1 ноября 2007 года данному органу управления были переподчинены полк специальных операций (Люблинец), группа оперативного реагирования «ГРОМ» (Варшава), а также подразделение специального назначения ВМС «Формоза» (Гдыня).

В плане оптимизации системы комплектования вооруженных сил Польши и стран Прибалтики основная ставка делается на профессионализацию.

С начала 2007 года, например, на контрактный принцип комплектования перешли вооруженные силы Латвии.

В Литве в 2008 году, несмотря на то, что окончательное решение на данный счет еще не принято, число призывников сократилось более чем на 20 процентов.

Польша намерена полностью отказаться от призыва в 2010–2012 годах.

Все изложенное свидетельствует о том, что подводить итоги расширения НАТО на Восток еще рано. Пока оно лишь приторможено. Однако динамическое равновесие, в котором находится современная международная военно-политическая обстановка, является очень хрупким. В частности, это равновесие во многом является заложником развивающегося глобального финансово-экономического кризиса. Как показывает исторический опыт, «маятник» в такой ситуации

может легко качнуться в любую из сторон, особенно в условиях, когда полноценный диалог между Россией и НАТО, а также Россией и США отягощен целым рядом объективных, весьма серьезных проблем.

Расширение зоны действия блока через партнерство

Наряду с расширением Североатлантического альянса за счет приема новых членов происходило и расширение зоны действия блока через установление и развитие так называемых партнерских отношений со странами, не входящими в НАТО.

Начало этому, как уже отмечалось выше, было положено принятием в 1994 году главной программы партнерства НАТО с государствами, не являющимися членами блока, получившей название «Партнерство ради мира» (ПРМ).

На протяжении более 15 лет своего существования к Программе в общей сложности присоединились 34 государства. 12 из них – Албания, Болгария, Венгрия, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Словакия, Словения, Хорватия, Чехия и Эстония – впоследствии стали членами НАТО.

Остальные участники ПРМ, список которых включает Австрию, Азербайджан, Армению, Беларусь, Боснию и Герцеговину, Грузию, Ирландию, Казахстан, Киргизию, Македонию, Мальту, Молдову, Сербию, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан, Украину, Финляндию, Черногорию, Швейцарию и Швецию, сохраняя с Североатлантическим блоком партнерские отношения, по тем или иным причинам к нему пока не присоединяются.

Одним из более чем тридцати государств-партнеров НАТО по ПРМ в 90-е годы стала и Российская Федерация.

Но, в отличие от других участников программы, наша страна, во-первых, заняла особое положение ввиду своего ядерного статуса, институализировав отношения с блоком на более высоком, чем ПРМ уровне, в рамках Совета Россия - НАТО*.

Во-вторых, сегодня уже можно со всей определенностью утверждать, что эволюция российско-натовских отношений все эти годы осуществлялась не по восходящей, а по нисходящей линии. Это происходило как по объективным причинам - ввиду противоречивости интересов по ряду ключевых военно-политических вопросов, так и по субъективным - по мере начавшегося с конца 90-х годов осознания этих противоречий российской элитой.

Не составляет исключение из этой тенденции и «перезагрузка». Правилом является то, что личные отношения лидеров не заменяют системы межгосударственных взаимоотношений, особенно в части, касающейся такой специфической сферы, как обеспечение безопасности. НАТО - не просто самостоятельная система безопасности, рассчитанная на реализацию геостратегических интересов, обеспечивающих англосаксонское лидерство, ведущее к установлению «Нового мирового порядка», но и особая система, созданная в противовес России - пусть и в образе СССР. Распад союзного государства и созданной им собственной системы безопасности не изменил сущности российско-натовских взаимоотношений, ключевым и,

* Кроме России двусторонние отношения подобного характера у НАТО существуют только с Украиной.

подчеркнем, объективно сложившимся содержанием которых является проектная конкуренция. Это – неотменяемый императив, который не может быть не только пересмотрен, но и сколько-либо серьезно сглажен с помощью «разрядок», «перезагрузок» и иных инициатив, способных доминировать лишь в ограниченной по времени тактической перспективе.

В-третьих, попытки НАТО ускорить принятие в блок Украины и Грузии были восприняты в России как угроза ее национальной безопасности. Тем самым руководству блока был послан вполне определенный сигнал, указывающий границы дальнейшего расширения, с чем в Брюсселе сегодня в целом соглашались, пусть и нехотя.

Вместе с тем, необходимо подчеркнуть: планы по включению в НАТО Грузии, а особенно Украины не будут сданы в архив никогда. Любые представления о возможности найти в этих вопросах «взаимоприемлемый» компромисс между Россией и США с НАТО разбиваются о железную логику Бжезинского, утверждающего, что с Украиной Россия – это европейская империя (чего, по его мнению, допустить нельзя), а без Украины – либо «империя» азиатская, либо не империя вообще³⁵.

Наконец, в-четвертых, участие Российской Федерации в ПРМ (в дополнении к фактическому свертыванию любых отношений, обусловленному вышеуказанными факторами) было официально приостановлено как результат обострения российско-натовских отношений в августе 2008 года, после поддержанной ведущими членами блока агрессии режима Саакашвили против Южной Осетии и военного ответа на это

³⁵ Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М., 2002. С. 61.

вторжение российской стороны.

Ничего не слышно о возобновлении участия в этой программе России и сегодня, несмотря на «перезагрузку».

Строго говоря, «российский фактор» сыграл в рамках ПРМ именно ту самую роль, о которой еще в 1952 году при обсуждении известной советской инициативы по вступлению в НАТО предупреждали как политические лидеры, так и влиятельные эксперты блока. Участие России в любых совместных проектах с военно-политической составляющей объективно упирается в фундаментальные различия цивилизационного и геополитического характера, существующие между государствами атлантического сообщества и центром сухопутной Евразии. Эти противоречия неизбежно проявляли себя при каждой подобной попытке, будь то Антанта, антигитлеровская коалиция, ООН, ОБСЕ или совместное участие в ПРМ, скрепленное начавшейся в 2001 году борьбой с международным терроризмом. Ситуативное взаимодействие, принимавшее форму военно-политического союза западных коалиций с Россией, всякий раз завершалось срывом в противостояние, которое в ряде случаев принимало достаточно конфронтационные формы.

Возвращаясь к организационной стороне программы «Партнерство ради мира», подчеркнем дифференцированный характер взаимодействия между НАТО и каждым из государств-партнеров с учетом его специфических потребностей. Партнерство реализуется на том уровне и такими темпами, которые определяются правительством самой страны-участницы.

Официальной основой ПРМ служит Рамочный документ.

В нем указаны конкретные обязательства каждого

государства-партнера, и закреплено обязательство союзников по НАТО консультироваться с ними по вопросам, касающимся их территориальной целостности, политической независимости или безопасности.

Каждый партнер принимает ряд политических обязательств, в том числе:

- защищать демократические основы общества;
- поддерживать принципы международного права;
- выполнять обязательства по Уставу ООН, Всеобщей декларации прав человека, хельсинкскому Заключительному акту и международным договорам о разоружении и контроле над вооружениями;
- воздерживаться от угрозы или использования силы против других государств;
- соблюдать существующие границы;
- мирно урегулировать возникающие межгосударственные споры.

Принимаются также определенные обязательства по развитию прозрачности в национальном военном планировании, в том числе при формировании оборонных бюджетов, обеспечении демократического контроля над вооруженными силами и повышении их совместимости с НАТО в случае совместных действий при проведении миротворческих и гуманитарных операций.

Здесь важно упомянуть еще об одном механизме расширения консолидированного западного влияния на западе Евразии – Европейском союзе.

Выше уже отмечалась роль в геополитическом планировании непроявленных (латентных) глобально-управленческих структур, в частности Бильдербергского клуба, являющегося

политическим крылом НАТО.

Распространяя влияние на кадровую политику путем наделения «своих» кандидатов в каждой из стран институциональными, информационными, финансовыми ресурсами, клуб, наряду с другими аналогичными структурами, обеспечивает эволюцию ЕС в направлении создания федерации, внешняя и внутренняя политика которой контролируется Великобританией и США. Об успешном решении этой задачи, в частности, свидетельствуют синхронность расширения НАТО и ЕС, а также централизация европейской наднациональной власти, осуществляемая в рамках Лиссабонского договора.

Приведем соответствующие выдержки из обсуждения «Будущего союза НАТО» - одного из пунктов повестки дня ежегодной Бильдербергской конференции, состоявшейся в начале июня 1999 года в Синтре (Португалия):

- «...выступавшие рассматривали объявление ЕС о том, что он хочет создать собственную военную организацию как событие, позитивное и для НАТО, и для Западного (по-видимому, Западноевропейского - Авт.) союза»; единственное, что озаботило участников конференции, это «отставание Европы в сфере технологии, а также отсутствие политического единства»;

- «...считаются только две реальности: ...превращение ЕС в военную державу, хотел он того или нет, и ...участие Америки в обороне Европы»; учет этих реальностей, по мнению Бильдербергертов, ставит вопрос о «новом контракте между НАТО и ЕС»;

- «...в терминах оперативных действий: новая сила должна следовать примеру НАТО; ей следует вмешиваться,

когда миру дан шанс и когда военные цели ясны»;

- «...перед НАТО расстилаются две дороги: одна ведет к новому разделу Европы, при котором ООН остается практически бессильной, Россия и Китай исключаются, а НАТО становится чем-то вроде диктатора; вторая дорога - аналог Европы XIX века, где сотрудничают все великие державы...».

Сегодня уже очевидно, что избрана первая дорога, в рамках которой диктат НАТО подкрепляется военно-политическим потенциалом ЕС, а его материализация, помимо упомянутого Лиссабонского договора, осуществляется вовлечением постсоветских республик (Украины, Белоруссии, Молдавии, Грузии, Армении и Азербайджана) в так называемое «Восточное партнерство».

Очевидно поэтому, что было бы верхом наивности рассматривать этот тип партнерства самостоятельным, ограниченным сугубо экономической и гуманитарной проблематикой. «Восточное партнерство» - даже не довесок, а важнейшая, неотъемлемая составляющая ПРМ и других натовских «партнерств», синхронизирующая взаимодействие НАТО и ЕС, дифференцирующая их роли в глобальной игре, подрывающей влияние России на постсоветском пространстве, распространяющая на республики бывшего СССР западную модель интеграции вне военно-политической сферы.

Что касается договорно-правовых аспектов взаимодействия НАТО с потенциальными кандидатами на вступление в блок из числа участников ПРМ, то надо отметить, что с каждым из государств-партнеров разрабатывается и согласуется Индивидуальная программа партнерства.

Двухлетние программы составляются на основе обширного комплекса мероприятий – Рабочей программы партнерства – в соответствии с конкретными интересами и потребностями каждой из стран.

Сотрудничество, главное внимание в котором уделяется оборонным вопросам, выходит далеко за рамки диалога и консультаций и включает аспекты, которые касаются практически всех направлений деятельности НАТО.

Программой работы предусматривается деятельность по более чем 20 направлениям, в том числе: оборонная политика и планирование, военно-гражданские отношения, образование и учебная подготовка, противовоздушная оборона, системы информации и связи, кризисное регулирование и гражданское чрезвычайное планирование.

В рамках накопленного опыта для участников ПРМ разработаны рекомендации по оперативной совместимости и требования к повышению военного потенциала с тем, чтобы расширить возможности сил государств-партнеров к взаимодействию с воинскими формированиями НАТО в миротворческих операциях.

Механизм такого взаимодействия построен по модели системы планирования строительства вооруженных сил НАТО и предлагается партнерам на факультативной основе. Плановые показатели, или «Цели Партнерства», обговариваются с каждой страной-участницей, а прогресс по программе определяется на основе подробного анализа достигнутого. Все это оказало существенное содействие в налаживании взаимодействия между государствами-партнерами в миротворческих операциях на Балканах.

С годами усиливалась оперативная направленность

«Партнерства ради мира», расширялось вовлечение его участников в планирование и принятие соответствующих решений в рамках ПРМ.

Для того чтобы повысить боевую эффективность многонациональных сил в военном сотрудничестве была принята Концепция оперативного потенциала. Кроме того, были разработаны «Военно-политические рамки», позволяющие углубить консультации с государствами-партнерами во время эскалации кризиса, который может потребовать развертывания миротворческих сил, и уже на ранних этапах привлекать их к обсуждению оперативных планов и участию в формировании объединенных сил.

Для облегчения интеграции государств-партнеров в повседневную деятельность по программе Партнерства при нескольких штабах НАТО были созданы «штабные элементы ПРМ», укомплектованные офицерами из государств-партнеров. Кроме того, в штабе Верховного главного командования (ВГК) ОВС НАТО в Европе, расположенном в бельгийском городе Монс, была создана Группа координации партнерства. Ее задачей является содействие координации боевой подготовки и учений в рамках ПРМ.

Неотъемлемой частью ПРМ является совершенствование учебно-образовательной деятельности, для которой была разработана специальная программа по повышению роли обучения и образования (ПРООБР). Цели программы - совершенствование оперативной совместимости сил и средств, содействие расширению сотрудничества и диалога между широкими кругами специалистов в областях обороны и безопасности стран НАТО и партнеров блока, а также оптимизация использования людских и других ресурсов.

В 1999 году были приняты дальнейшие меры по укреплению Партнерства, в частности был разработан План действий СЕАП.

В дополнение к краткосрочным консультациям в СЕАП по текущим вопросам политики и безопасности указанным планом предусматриваются долгосрочные консультации и сотрудничество по широкому кругу вопросов.

Консультации, как показывает практика, проводятся по следующим основным вопросам:

- участие в операциях по урегулированию кризисов и поддержанию мира; отдельно рассматриваются связанные с подобными операциями вопросы региональной политики;

- укрепление контроля над вооружениями, в особенности в сфере предотвращения распространения оружия массового поражения, прежде всего ядерного;

- противодействие международному терроризму (по «антитеррористической» легенде НАТО особенно любит проводить совместные со странами СНГ мероприятия и учения, значительная часть которых, по оценке специалистов, имеет четкую и однозначную антироссийскую направленность);

- совместное планирование в сфере обороны (выработка политики и стратегии, формирование бюджета и т.д.);

- порядок и формы взаимодействия при разрешении и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций как техногенного характера, так и различных стихийных бедствий природного происхождения (многие эксперты, особенно после прецедента, созданного вооруженными силами США на Гаити, рассматривают это направление через призму внедрения и адаптации «чрезвычайных» моделей внешнего

управления) ;

- военно-техническое сотрудничество ;
- ядерная безопасность ;
- военно-гражданская координация управления воздушным движением ;
- научное и научно-техническое сотрудничество .

Страны принимают участие в тех инициативах, которые их интересуют, что обеспечивает гибкий характер всей работы и является залогом успешной деятельности СЕАП.

На пражском саммите НАТО (2002 г.) были предприняты шаги, направленные на повышение эффективности СЕАП в целях углубления взаимодействия между НАТО и государствами-партнерами.

В результате всестороннего анализа деятельности СЕАП руководством блока было рекомендовано и далее расширять политический диалог в формате ПРМ, активизируя участие государств-партнеров в деятельности НАТО и усиливая над ними всесторонний контроль.

Конкретизируя данное решение, члены НАТО тогда же, в Праге, приняли дополнительные меры по расширению сотрудничества. В частности, это затронуло такой важнейший вопрос как проведение участниками ПРМ в своих государствах военной реформы, способной не только облегчить достижение оперативной совместимости вооруженных сил, но и добиться постепенной стандартизации (в соответствии с натовскими нормами) всей военной организации кандидатов на вступление в НАТО.

Отдельно был поставлен вопрос о противодействии международному терроризму. В рамках принятого блоком Плана действий Партнерства против терроризма были созданы

необходимые правовые предпосылки для привлечения воинских контингентов и военнослужащих стран-участниц ПРМ к военным операциям блока за пределами официально провозглашенной зоны геополитической ответственности НАТО: с 2001 года – в Афганистане и с 2003 года – в Ираке.

С позиций сегодняшнего дня уже ясно, что столь пристальное внимание пражского саммита НАТО к партнерским программам было обусловлено особенностями развития международной военно-политической обстановки. Руководство блока уже тогда полностью отдавало себе отчет в относительной политической «неблагонадежности» традиционных союзников США из числа государств «старой» Европы, прежде всего Франции, а также Германии. Поэтому в преддверие военной акции американской армии в Ираке повышалось внимание к новым союзникам в восточной и юго-восточной Европе, в том числе бывшим советским республикам.

О высокой эффективности партнерских программ НАТО может свидетельствовать направление воинских контингентов в Ирак такими постсоветскими государствами, как Грузия и Украина.

Также на пражском саммите был предложен новый двусторонний механизм в форме Индивидуальных планов действий партнерства (ИПДП – *IPAP*), учитывающих потребности государств-партнеров при проведении реформ.

Такие планы позволяют Североатлантическому союзу более целенаправленно предоставлять консультации и оказывать помощь тем государствам-партнерам, которые желают и способны выполнять комплексные планы реформ, в частности

военные, крупные политические и институциональные. Такие планы разрабатываются на двухгодичной основе и включают различные механизмы сотрудничества, позволяющие дополнительно расширять спектр взаимодействия новых союзников с Североатлантическим союзом. Их цель - более точно поставить задачи по мерам эффективной поддержки усилий государств-партнеров в области реформ.

Неотъемлемой частью ИПДП является углубленный политический диалог по актуальным вопросам текущей международной политики.

Кроме того, ИПДП способствует координации двусторонней помощи, предоставляемой странам отдельными членами НАТО и партнерами, а также согласованию действий с другими международными организациями. При ближайшем рассмотрении видно, что данный механизм активно используется для подключения к решению вопросов внутренней политики отдельных постсоциалистических стран таких структур, как Совет Европы, ОБСЕ. Причем, с новыми полномочиями, установленными Парижской хартией для новой Европы (1990 г.). Кроме того, особое внимание также уделяется включению в эти процессы различных неправительственных организаций.

Графически такое взаимодействие может быть представлено некоей системой концентрических кругов, в которой внутренний круг содержит ядро НАТО, включающее США и членов Западноевропейского союза, следующий круг - государства, вступившие в НАТО в период холодной войны. За ними следуют круг членов Европейского союза и участников различных волн расширения НАТО после 1991 года, объединенных структурами Совета Европы и ОБСЕ;

внешний круг представлен участниками ПРМ и других партнерских программ.

Если посмотреть на рассматриваемый вопрос как бы «сверху», можно убедиться в безусловной системной взаимосвязанности Запада. Эта система включает англосаксонское ядро (США и Великобританию, которая и в военно-политическом, и в институциональном плане как член ЗЕС связывает Америку с континентальной Европой), и «полупериферию», к которой принадлежат традиционные члены НАТО из «старой» Европы. Роль периферии этой системы выполняет «новая» Европа, субъекты которой, помимо НАТО, как уже отмечалось, дополнительно консолидированы Европейским союзом.

Бильдербергский клуб является структурой, координирующей, а в ряде случаев определяющей, политику «морской» (англосаксонской), «старой» и «новой» континентальной Европы. Особое значение Нидерландов (по месту создания и по особой роли в нем голландской протестантской монархии) объясняется тем, что им традиционно принадлежит роль геополитического плацдарма Великобритании в континентальной Европе, на что указывал в своих трудах Г.Киссинджер, а также цивилизационной взаимосвязью голландской и британской монархий, основанием которой послужил протестантизм*.

Тем самым партнерским программам НАТО (а также ЕС) отводится по отношению к системе Запада в целом роль внешней среды, в которую вынесена борьба с Россией за

* Титул «Оранский», полученный первым после завершения в 1688 г. католической Контрреформации британским королем Вильгельмом III, по сей день принадлежит голландской монархии.

сферы влияния и, соответственно, степень лояльности восточных соседей. Совершенно очевидно, что единственным, стержневым институтом, пронизывающим все элементы как самой системы, так и ее окружения – от ядра до внешней среды, – является НАТО.

Возвращаясь к программе ИПДП, отметим, что первой страной, разработавшей Индивидуальный план действий партнерства с НАТО, оказалась Грузия (ноябрь 2004 г.). Сегодня такие планы разрабатываются или уже разработаны и рядом других государств-партнеров (Азербайджаном, Арменией, Молдавией, Казахстаном. Узбекистан также заявил о намерении присоединиться к ИПДП, но после трагических событий 2005 года в Ферганской долине данную работу приостановил.

Основываясь на результатах, достигнутых в Праге, на стамбульской встрече на высшем уровне (июнь 2004 г.) были сделаны дальнейшие шаги по укреплению партнерства, его ориентации на конкретные ключевые вопросы, важные для непосредственного учета потребностей и возможностей отдельных государств-партнеров.

В соответствии с предыдущими решениями о важности в евро-атлантическом партнерстве военной реформы был выдвинут «План действий партнерства по строительству оборонных институтов». Его официальная цель – содействие государствам-партнерам в построении эффективных оборонных структур, контролируемых НАТО, но при этом подотчетных, в рамках общей политической стратегии блока, также и собственным демократическим институтам.

Рассматриваются возможности участия государств-партнеров в операциях под руководством НАТО. В частности,

страны, выделяющие свои воинские контингенты для соответствующих внешних операций блока (например, в Афганистане), привлекаются к принятию решений уже на раннем этапе и получают больше возможностей участвовать в политических консультациях.

Отдельной задачей является дифференциация решаемых блоком задач, предполагающая разбивку программ ПРМ на группы в соответствии с их общими целями и приоритетами. Это позволяет государствам-партнерам легче ориентироваться в выборе того вида деятельности, который наиболее соответствует их интересам.

Кроме того, на стамбульском саммите было принято решение о том, что НАТО должна уделять особое внимание упрочению связей с государствами-партнерами в двух стратегически важных регионах, опять-таки находящихся за пределами традиционной сферы влияния блока – на Кавказе (Азербайджан, Армения и Грузия) и в Центральной Азии (Казахстан, Киргизская Республика, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан).

Для этих двух регионов был назначен специальный представитель – Роберт Симмонс, выступавший от имени генерального секретаря НАТО, а также два представителя по связи.

Назначение этих должностных лиц, как предполагалось, было призвано увеличить возможности НАТО по оказанию целенаправленной помощи и консультированию партнеров по вопросам реализации разработанных ими Индивидуальных планов действий партнерства. Кроме того, эти назначения должны были помочь сотрудничеству при реализации планов действий Партнерства по строительству оборонных

институтов и борьбе с терроризмом, чему будет также способствовать планирование и анализ, имеющий особое значение в связи с военной реформой в странах этих регионов.

В целом, на стамбульском саммите НАТО (2004 г.) регион Южного Кавказа (Азербайджан, Армения и Грузия) был включен в число приоритетных для Североатлантического союза зон. При этом основу сотрудничества НАТО с государствами региона составляют индивидуальные планы действий партнерства. Таким образом, просматривается четкая преемственность к уже решенным задачам по укреплению позиций США и НАТО в этом регионе современных документов, главным из которых является новая Стратегическая концепция НАТО.

Так, еще в 2004 году решением премьер-министра Армении была создана межведомственная комиссия для координации реализации индивидуального плана действий партнерства с НАТО. Программа индивидуального партнерства Грузии была принята в 2004 году, Азербайджана - в мае 2005 года.

Что касается Центральной Азии, то у военной активности США и НАТО в этом регионе имеются две стороны. Первая из них очевидна: командование блока объективно нуждается в транспортных маршрутах, которые ведут в Афганистан и Пакистан, являющиеся сегодня зонами боевых действий. Прежде всего, разумеется, речь идет об аэродромах «подскока».

Следует отметить, что военная структура блока уже присутствует в Афганистане, Пакистане и ряде других стран региона.

С приходом к власти в США администрации Б.Обамы военная

активность альянса в этих государствах резко возросла. Причем масштабы действий вооруженных сил США и их союзников, поначалу направленные в основном на подавление боевиков движения «Талибан», постоянно расширяются. Сообщается, например, о наличии у Вашингтона планов взятия под контроль пакистанского ядерного оружия.

Кроме того, используя индивидуальные планы действий, альянс оказывает местным режимам «помощь» в переходе к так называемой «демократии по западным лекалам» и в целом стремится к интенсификации регионального сотрудничества, чтобы взять под контроль весь регион.

Наглядным примером подобных действий может служить отстранение от власти в Исламабаде военного режима генерала Мушаррафа, породившее в стране хаос и угрозу гражданской войны.

Другая же сторона, демаскируемая новой Стратегической концепцией НАТО, имеет очевидный геополитический характер. Как уже отмечалось, она преследует цель закрепления блока на восточной оконечности так называемой «дуги нестабильности», охватывающей с юга территорию постсоветского пространства. Зб.Бжезинский, называвший этот регион «евразийскими Балканами», а следом за ним и другие натовские идеологи и стратеги неоднократно отмечали, что продолжение этой «Большой игры» позволит управлять имеющимися здесь конфликтами и, в конечном счете, оказывать воздействие на энергетическую и военную политику таких поднимающихся держав, как Китай, Индия и Россия.

С этой точки зрения военная активность НАТО в регионе, безусловно, является угрозой национальным интересам

Российской Федерации. Кроме того, она существенно тормозит развитие интеграционных тенденций в восточной части постсоветского пространства, а также является препятствием для развития всестороннего сотрудничества в рамках таких международных организаций, как ШОС, ЕврАзЭС и ОДКБ.

Вместе с тем, полноценность анализа требует соотнесения теории с практикой, а потому нельзя не отметить в качестве примера, что опыт «пятидневного» грузино-осетинского военного конфликта показывает объективную ограниченность возможностей НАТО по вовлечению партнеров в сферу своей деятельности. Североатлантический блок, во-первых, так и не смог предотвратить прямого военного столкновения между двумя участниками ПРМ – Грузией и Российской Федерацией, а, во-вторых, сторона, получившая в этом конфликте несомненную морально-политическую поддержку блока, тем не менее, потерпела военное и политическое поражение, утратив часть территорий, ранее входивших в зоны так называемых «замороженных» конфликтов.

Сегодня на фоне роста противоречий между НАТО и Россией, заложниками которых становятся партнеры блока по ПРМ из числа бывших советских республик, прежде всего Украина и Грузия, большинство основополагающих принципов партнерства неизбежно станет давать сбои. И уже дает, если судить по майским (2009 г.) командно-штабным учениям в Грузии. Достаточно противоречиво ведут себя и другие закавказские участники ПРМ. Так, Армения и Азербайджан все более явно приближаются к междоусобному военному конфликту из-за Нагорного Карабаха: возможного

компромисса, несмотря на значительные усилия дипломатии США и их партнеров по НАТО из Европейского союза здесь не просматривается. Более того, явную самостоятельную роль начинает играть Турция, которая активно выходит за рамки собственно натовской политики.

Аналогичная ситуация складывается и в Центральной Азии, где в упомянутую «Большую игру», наряду с Россией, все активнее вмешивается Китай.

Кроме того, провалом закончились попытки задействовать механизмы ПРМ для привлечения к участию в них не только России, но и ряда других государств СНГ (и не только СНГ), не пожелавших развивать взаимодействие с Североатлантическим блоком в ущерб отношениям с Москвой.

Иначе говоря, механизм партнерских программ на Кавказе и в других регионах СНГ в августе 2008 года дал серьезный сбой, который снижает ясность дальнейших перспектив их развития. Не случайно министр обороны США Р.Гейтс (сохраняющий эту должность в администрациях Буша и Обамы) по итогам августовского вооруженного противостояния вынужден был констатировать, что соседи Российской Федерации по СНГ не могут не уловить поданный им в ходе «пятидневной» войны сигнал о том, что влияние Москвы в регионе существенно выросло.

Все это произошло, несмотря на то, что для ограничения роли России с ее последующим вытеснением с Кавказа, США все предыдущие годы использовали многие важнейшие рычаги – от «челночной» дипломатии, применявшейся американским внешнеполитическим ведомством в зонах «замороженных» конфликтов (С. Манн, М. Брайза) до политической и финансовой поддержки сформировавшихся в регионе

антироссийских политических режимов.

Аналогичные сбои можно наблюдать и в сцементированной НАТО системе Запада, которая относится к невоенным, преимущественно гуманитарным, партнерским программам, которые осуществляются ОБСЕ, Советом Европы, а также Европейским союзом. Так, в начале 2000-х годов практически бесследно растворилось партнерство ЕС с государствами Центральной Азии. По мнению многих экспертов, причем не только российских, но и западных, все основания разделить его судьбу имеет провозглашенное и усиленно «раскручиваемое» сегодня в информационно-пропагандистском плане «Восточное партнерство».

Однако отдельные сбои в партнерских отношениях не меняют общую политическую линию альянса и подтверждением этому служит то, что НАТО прекратила многолетние споры о правомерности операций за пределами своей зоны ответственности. Как гласит новый девиз: вооруженные силы НАТО могут использоваться там, где это необходимо.

Генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер, оставивший свой пост летом 2009 года, в частности, заявлял, что НАТО обеспечивает стабильность:

- через выстраивание отношений в сфере безопасности с все большим числом государств-партнеров – от Балкан через Кавказ до Центральной Азии, через Средиземноморье до государств арабского мира;

- с помощью военных операций там, где это необходимо – от военно-морских патрулей в Средиземном море до миротворческих операций, начиная с Балкан и вплоть до Гиндукуша;

- через модернизацию методов военного планирования и

подготовки военных кадров.

Таким образом, можно сказать, что на данном этапе для НАТО партнерские программы – это, скорее, обеспечение лояльности внешней среды, нежели расширение собственной периферии. Это, конечно же, не говорит о снижении остроты проблем, с которыми сталкивается при натовской экспансии Российская Федерация. Но обозначает некий позитивный тренд, опровергающий высказывавшиеся всего лишь несколько лет назад безапелляционные суждения о том, что остановить или даже притормозить расширение блока России не удастся. Практика эти прогнозы отчасти опровергает.

Новым моментом в политике альянса являются попытки втянуть в сферу своей деятельности и установить «партнерские отношения» со многими государствами на «глобальном уровне». Имеются в виду, в частности, Австралия, Южная Корея, страны Персидского залива, а также Швеция и Финляндия.

Следует особо подчеркнуть комплексный и всесторонний характер военно-политического влияния Запада в тихоокеанской части АТР, которое подготавливает расширение взаимодействия с НАТО расположенных здесь государств и региональных организаций.

Так, Гавайские острова, являющиеся штатом США, выполняют функцию «непотопляемого авианосца» в самом центре Тихого океана. Австралия и Новая Зеландия исторически «привязаны» к Великобритании как участники Британского Содружества.

Южная Корея геополитическими узами связана с США еще со времен Корейской войны 1950–1953 годов. Кроме того, в этой стране в последние десятилетия проявилось активное

миссионерское влияние протестантизма. Его укоренение не только способствует цивилизационному сближению Сеула с англосаксонской частью Запада, но и служит инструментом дальнейшей экспансии протестантского влияния в континентальную Азию, прежде всего в Китай.

Особняком в этом перечне стоит Япония, не являющаяся цивилизационной и географической частью Запада, но инкорпорированная в него в геополитическом плане.

Ряд специалистов в связи с этим рассматривают перспективы Японии как во взаимодействии с Западом, так и в формировании (точнее, возобновлении) самостоятельной цивилизационной проектности, которая увязывается с постоянно расширяющимися масштабами обсуждения возможности пересмотра «мирных» положений конституции 1947 года.

Помимо системы двусторонних договоров, обеспечивающих постоянное военное присутствие США как крупнейшего члена НАТО на японской территории, важную роль в обеспечении полноценного и всеобъемлющего контроля над этой страной играет Трехсторонняя комиссия*.

С момента своего создания (1972-1973 гг.) в Трехсторонней комиссии в качестве самостоятельного был выделен японский регион (группа).

С 2000 года «Японская» группа преобразована в «Тихоокеанскую». В ее рамках все активнее обсуждаются вопросы скоординированного политического воздействия на Азиатско-Тихоокеанский регион. Следует подчеркнуть, что по сложившейся традиции в каждый вопрос, обсуждаемый

* Этот глобально-управленческий институт связывает элиты Северной Америки и Европы, объединенные Бильдербергским клубом, с Японией и другими странами Азии.

Трехсторонней комиссией в рамках повестки дня или специализированного доклада, подготавливаемого соответствующей рабочей группой, включается азиатско-тихоокеанская проблематика. Например, в 2007 году особое внимание было уделено вопросам безопасности стран-участниц «трехстороннего» процесса. В частности, заслушивался и обсуждался доклад тогдашнего генерального секретаря НАТО Яапа де Хооп Схеффера о месте Североатлантического блока в трансатлантических отношениях, а в 2009 году при обсуждении путей выхода из глобального финансового кризиса отдельно рассматривалась такая проблема, как региональное развитие в Восточной Азии.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что Австралия, Южная Корея и Япония в настоящее время сохраняют свое военное присутствие в Афганистане. Все эти государства также имеют воинские контингенты в Ираке. Присутствовали они также и на Балканах.

Заместитель госсекретаря Н.Бернс по этому поводу заявил: «Эти страны (Азии – Авт.) не просят в НАТО, но мы ищем с ними партнерства, чтобы более интенсивно обучать совместно с ними войска и добиваться сближения, поскольку наши развертывания войск будут совместными».

Обоснование планов всемирного распространения сферы действия в НАТО объясняли тем, что это вызывается якобы «необходимостью совместной борьбы» с глобальными вызовами: международным терроризмом и опасностью распространения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного.

По оценке заместителя генерального секретаря НАТО по

оперативным вопросам Адама Коберацки, «сегодня существует консенсус относительно перспектив участия НАТО в операциях на всех континентах».

НАТО, по мнению ее политического и военного руководства, уже переросла свое предназначение, соответствующее идеологии холодной войны и сегодня входит в более широкую и растущую сеть многонациональных институтов, стремящихся решать глобальные проблемы.

Инициативу концептуального оформления глобальной ответственности НАТО в свое время предложил опять-таки занимавший пост генерального секретаря блока Яан де Хооп Схеффер, зарекомендовавший себя ярким сторонником придания альянсу новой глобальной роли.

Исходя из того, что «поскольку НАТО осуществляет операции на стратегическом удалении, необходим диалог с другими заинтересованными странами», бывший генсек предлагал выработать новую концепцию «глобального партнерства», в которой официально должно быть закреплено положение о том, что «НАТО должна быть готова на глобальном уровне противостоять глобальным угрозам».

Приоритетными задачами НАТО при этом провозглашаются:

- закрепление альянса в зонах перспективных месторождений энергоресурсов и путей их транспортировки;
- приобретение выгодных стратегических позиций в отношении держав, способных хотя бы потенциально помешать реализации этих целей, в первую очередь Китая и России.

Решение этих задач, по мнению руководства блока, должно осуществляться по следующим основным направлениям.

С одной стороны, это повышение военных возможностей НАТО по ведению боевых действий на стратегическом удалении. Это предполагает повышение военного потенциала в области стратегических перевозок, создание высокоманевренных и мобильных воинских контингентов на примере Сил реагирования НАТО, а также сети военных баз на территории новых стран-участниц альянса. С другой стороны, речь идет об углублении отношений с государствами, не входящими в евро-атлантическое сообщество и находящимися далеко за пределами исторически сложившейся зоны ответственности НАТО. Сначала предполагается втянуть эти государства в глобальное партнерство, а затем и открыть им доступ в альянс.

По сообщению германской газеты «Зюддойче цайтунг», натовское руководство уже провело интенсивные переговоры на этот счет с министерствами иностранных дел и обороны Австралии, Новой Зеландии, Южной Кореи и Японии, которые способны внести или уже вносят значительный вклад в дело альянса, предоставляя ему дополнительную военную или материальную помощь.

Таким образом, совершенно очевидно, что за счет развития партнерских отношений идет пространственное, причем преимущественно в восточном направлении, расширение НАТО, ставшее составной частью глобализации блока. При этом эксперты констатируют, что НАТО продолжает выработать новую стратегическую линию в отношении программы Партнерства, в которой выделяются следующие основные тенденции:

- в отношении каждого конкретного государства партнерство становится более индивидуальным и

политизированным;

- направления развития партнерства диктуются, в первую очередь, оперативными потребностями альянса;

- происходит дальнейшая концентрация ресурсов и программ сотрудничества в странах Кавказа и Центральной Азии;

- идет активное вовлечение стран-партнеров в операции, проводимые под эгидой НАТО.

Следует отметить, что не все в НАТО разделяют эти планы. Среди некоторых членов альянса, прежде всего западноевропейских, сложилось вполне обоснованное мнение, что его дальнейшее расширение приведет к ослаблению позиций ООН и Евросоюза, которые не имеют силового потенциала, сравнимого с натовским.

Например, Франция уже заявила, что не поддерживает превращение Североатлантического союза, основой которого являются взаимные гарантии его членов в оказании помощи, в военную организацию, действующую по всему миру.

Как писала по этому поводу лондонская «Индепендент», Франция опасается, что США стремятся превратить НАТО в инструмент своего глобального доминирования в ключевых регионах планеты.

Эту позицию в целом поддерживает и Германия. В Берлине не скрывают раздражения по поводу «неумеренного и неблагоразумного» расширения альянса на Восток за счет принятия в него недостаточно политически стабильных и экономически развитых стран.

Что касается России, то она критически и с неодобрением относится к планам «превращения» НАТО в глобальный альянс. Это, прежде всего, связано с тем, что он

попытается присвоить себе самые широкие полномочия по преобразованию действующего мирового порядка в некий «новый», в решении вопросов войны и мира на планете по западным образцам.

Все это негативно сказывается на международной безопасности и стабильности и, соответственно, на интересах нашей страны. Тем более, что в отношениях России и НАТО и так есть место и конфликту интересов, и непониманию мотивов и действий друг друга.

Таким образом, общая направленность новой Стратегической концепции НАТО (от 2010 г.), последовательно включающей в перечень приоритетов блока регионы «Южного Кавказа» (то есть, Закавказья) и Центральной Азии, является логическим продолжением и развитием прежних концепций блока и осуществляется в рамках так называемой «Большой игры». Пытаясь вовлечь в сферу своего влияния крупнейшие исламские государства, администрация Б.Обамы, находящаяся под влиянием «ястребов» демократической партии, наподобие Бжезинского, стремится в очередной раз (какой уже по счету!) замкнуть «дугу нестабильности» вокруг территории бывшего СССР с юга. Получение возможности экспорта афганской нестабильности в постсоветскую Центральную Азию, а также сопредельные мусульманские регионы Китая (например, Синцзян-Уйгурский автономный район) Соединенными Штатами и НАТО, по-видимому, связывается с созданием системы надежного глобально-управленческого контроля над этим стратегическим регионом, а также – в определенной перспективе – приобретением возможности строительства новых маршрутов энерготранзита из постсоветской

Центральной Азии.

Пока о газо- и нефтепроводе из Туркменистана и Ирана в Пакистан через территорию Афганистана речи, разумеется, не идет: в этой стране идет война. Но любая война рано или поздно заканчивается миром. Как знать, не окажутся ли итоги подобного мира ударом по национальным интересам России не столько в сфере контроля над энергоносителями на пространстве СНГ, сколько по отношению к интеграционным перспективам, которые, будучи до конца осознанными и осмысленными постсоветскими элитами, неизбежно превратятся в важнейшее направление их совместной геополитической стратегии.

Глава 2.2. Совершенствование оперативного потенциала НАТО

Расширение масштабов военных операций НАТО радикально изменило военные потребности Североатлантического союза. Расстановка приоритетов как прежних (1991 и 1999 гг.), так и новой Стратегической концепции (2010 г.) показывает, что на смену мощным оборонительным группировкам прошлого должны были прийти силы, предназначенные для совершенно иных по масштабам операций (преимущественно миротворческих и интервенционистских) по реагированию на учащающиеся кризисы. Такие силы должны обладать гибким, мобильным характером и способностью к развертыванию на значительном удалении от мест своей постоянной дислокации, то есть они предназначены для использования за пределами традиционной зоны географической ответственности НАТО. Это подчеркивается практически всеми важнейшими документами, принятыми политическим руководством блока в период, прошедший после распада СССР и завершения холодной войны.

На пражском саммите НАТО (ноябрь 2002 г.) было принято ключевое решение – начать процесс модернизации, результаты которого способны были бы обеспечить наращивание военного потенциала и решение поставленных руководством блока амбициозных целей и задач.

Для этого важнейшего, программно-мероприятия был согласован комплекс мер по повышению военного оперативного потенциала Организации Североатлантического договора. Из практических шагов следует выделить принятие Пражского обязательства о потенциале, а также решения о

создании Сил реагирования НАТО и об оптимизации военной структуры управления Объединенными вооруженными силами НАТО.

Фактически эти три инициативы по трансформации военных сил и средств являются ключевыми для адаптации военного потенциала НАТО к тем задачам и функциям, которые ставит перед ним современная международная обстановка в трактовке руководства альянса. Не случайно задача повышения оперативности управления силами НАТО включена в перечень основных приоритетов новой Стратегической концепции блока, наряду с геостратегическими планами.

Пражское обязательство о потенциале

Пражское обязательство о потенциале (ПРОП) было принято в развитие Инициативы об оборонном потенциале (ИОП), выдвинутой на вашингтонской встрече на высшем уровне (1999 г.). Главной задачей, решавшейся в Вашингтоне, являлось повышение способности Североатлантического союза к эффективным действиям в будущем с учетом всего круга современных и перспективных задач.

Главным приоритетом было провозглашено повышение оперативной совместимости сил союзников по НАТО. Как заявил тогдашний генеральный секретарь НАТО Робертсон, «...Инициатива об оборонном потенциале направлена не только на сохранение оперативной совместимости сил и средств всех союзников по НАТО, но и на совершенствование и обновление их потенциала для противостояния новым вызовам в области безопасности».

В соответствии с ИОП предполагалось создание условий

для отражения Североатлантическим союзом вызовов безопасности в XXI веке за счет повышения военного потенциала в пяти частично совпадающих областях: мобильность войск, тыловое обеспечение, выживаемость, эффективность ведения боевых действий, система командования, управления и информации.

Как полагает руководство блока, наиболее вероятные угрозы безопасности для его членов исходят от конфликтов на периферии Европы, а также от распространения оружия массового поражения. Наглядной иллюстрацией этого является внимание, уделяемое противодействию ядерной программе Ирана, а также ситуации в восточном Средиземноморье и на Среднем Востоке.

Исходя из этого, НАТО предписывается быть готовой к развертыванию своих сил за пределами территории стран, входящих в Североатлантический союз. Иначе говоря, речь шла о превращении блока из регионального союза в глобальный. Присваивая право вмешиваться в дела любой страны в любой точке мира, НАТО, таким образом, трансформируется из органа «коллективной обороны» в орган «коллективной безопасности».

Выступая с данной инициативой, руководители союза подчеркивали, что совершенствование военных потенциалов стран НАТО должно способствовать увеличению масштабов и согласованности вклада европейских союзников в выполнение задач НАТО за счет ликвидации существующего дефицита их оборонительных средств, особенно четко проявившегося во

время операций на Балканах*.

Для контроля над реализацией Инициативы была создана группа высокого уровня, которая, подведя итоги выполнения ИОП за трехлетний срок, пришла к выводам: из 58 конкретных целей, поставленных в Инициативе, 26 были успешно достигнуты, а по 16 целям работа почти не продвинулась.

Прежде всего, европейские союзники США не очень стремились увеличивать свои военные бюджеты.

Такой подход к реализации ИОП, а также события 11 сентября 2001 года вынудили страны НАТО пересмотреть свой курс и более целенаправленно подходить к укреплению блока. В этой связи на пражском саммите (ноябрь 2002 г.) была принята новая инициатива по развитию и совершенствованию военного потенциала НАТО так называемое Пражское обязательство по потенциалу (ПРОП). По мнению руководства блока, это было крайне необходимо для ведения современных военных действий.

Главное внимание в этой Инициативе уделялось достаточно небольшому перечню сил и средств, имеющих критически важное значение для выполнения всего круга задач Североатлантического союза. К ним были отнесены:

- средства мобильности и быстрого развертывания для решения задачи быстрой переброски сил и их введения в действие в отдельных кризисных районах за пределами зоны ответственности блока. Для этого требуются инвестиции в стратегические транспортные средства, предназначенные для

* Вопрос этот встал настолько остро, что по прошествии буквально месяца после завершения агрессии против Югославии был, по сути, во внеочередном порядке поставлен на Бильдербергской конференции в португальской Синтре.

переброски войск и военной техники и, предположительно, договоренности об использовании в этих целях коммерческих самолетов и кораблей;

- средства технического и тылового обеспечения войск вдали от мест их постоянной дислокации, необходимые для их ротации и пополнения при долгосрочных операциях. Поскольку тыловое обеспечение имеет важнейшее значение при любых видах военной деятельности, в рамках данного направления определяются пути увеличения количества тыловых частей союзников по НАТО и расширения их возможностей, а также повышения их эффективности за счет создания общего фонда ресурсов;

- эффективные средства поражения противника. Для этого необходимы новейшие оружейные комплексы, прежде всего высокоточное оружие, применение которых возможно в любое время суток и в любую погоду;

- средства защиты и выживаемости войск, возможность совершенствования систем разведки и наблюдения, ПВО, а также систем противодействия угрозе, исходящей от оружия массового поражения;

- совместимые средства связи в сопряженных системах командования, управления и информации, обеспечивающие надежную связь во всех звеньях взаимодействующих воинских формирований разных стран;

- средства защиты от химического, радиологического, биологического и ядерного оружия. К ним относятся средства ПРО театра военных действий, обнаружения и обеззараживания, военной медицины и поддержки гражданских органов власти при ликвидации последствий применения этих видов оружия.

Новая инициатива опиралась на обязательства государств с указанием четких сроков выполнения, но не позднее 2008 года, и контроль за их реализацией на высоком уровне. Члены альянса приняли на себя конкретные обязательства по повышению военных потенциалов своих стран, которые включали 408 национальных программ в 8 главных разделах общей программы совершенствования военного потенциала блока. Европейские союзники США согласились на определенное увеличение военных расходов. Кроме того, предусматривалось некоторое изменение порядка очередности задач в бюджетах на оборону многих союзников по НАТО ввиду определенной специализации их вооруженных сил.

Иначе говоря, каждой армии в рамках НАТО должны были быть определены свои функции.

Например, перед бундесвером стоит задача обеспечения воздушно-транспортных перевозок военнослужащих и техники, а чешская армия специализируется на противохимической защите. Однако пока еще не все страны определились с задачами для своих армий.

На встрече на высшем уровне в Стамбуле (2004 г.) руководители НАТО вновь подтвердили свою поддержку Пражскому обязательству о потенциале (ПРОП). Подчеркивалась решимость привести свой военный потенциал в соответствие с прогнозируемым развитием ситуации в сфере безопасности.

Продолжалось и осуществление многонациональных проектов в рамках ПРОП. В Стамбуле, в частности, министры обороны подписали меморандум о взаимопонимании по стратегическим воздушным перевозкам с целью создания к 2005 году оперативных воздушных транспортных средств для перевозок

нестандартных грузов на чартерной основе «по вызову», используя для этих целей до шести украинских транспортных самолетов АН-124-100.

Для практической реализации достигнутых договоренностей участниками блока был сформирован ряд консорциумов по конкретным вопросам натовской повестки дня, руководство которыми поручили государствам-координаторам.

Так, консорциум по воздушным перевозкам функционирует под руководством Германии. Полный перечень его участников включает такие страны, как Канада, Чехия, Дания, Франция, Венгрия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Польша, Португалия, Словакия, Словения, Испания и Турция. Протокол о намерениях с целью присоединения к этому консорциуму был подписан министрами обороны Болгарии и Румынии.

Норвегия возглавляет Группу высокого уровня по стратегическим морским перевозкам. В нее входят Канада, Дания, Венгрия, Италия, Нидерланды, Португалия, Испания и Великобритания. Соглашение, заключенное министрами обороны этих стран в Брюсселе (декабрь 2003 г.), по вопросу реализации протокола о намерениях (подписан в июне 2003 г.) включает три части:

- гарантированный доступ к двум кораблям;
- выделение одного или двух датских кораблей;
- поддержание остаточного потенциала четырех кораблей Великобритании.

На стамбульской встрече на высшем уровне министры обороны Болгарии, Эстонии, Латвии, Румынии и Словении подписали дополнительный протокол о намерениях по вопросу стратегических морских перевозок.

По меморандуму о взаимопонимании в области сотрудничества в использовании самолетов F-16, который был подписан Бельгией, Данией, Нидерландами, Норвегией и Португалией, предполагается создание европейского экспедиционного крыла ВВС – многонационального подразделения боевых самолетов, которое может предоставляться НАТО.

В Стамбуле руководители НАТО также приняли перечень средне- и долгосрочных мер, которые должны способствовать повышению возможностей использования вооруженных сил государств-членов Североатлантического союза в будущих операциях. Кроме того, они одобрили плановые показатели готовности к применению частей и подразделений сухопутных войск государств-членов с тем, чтобы можно было выделять большую их численность для операций, и договорились об изменениях в военном планировании, формировании сил, планировании конкретных операций и принятии решений НАТО с целью повышения их оперативности и эффективности.

Министрами обороны стран Североатлантического союза были одобрены нормативные показатели быстрого развертывания и готовности к применению частей и подразделений, чтобы повысить вероятность того, что в случае решения НАТО провести операцию у нее будут в наличии необходимые силы.

Была достигнута договоренность:

- о критериях готовности к применению соответствующих частей и подразделений сухопутных войск: 40 процентов – способность к быстрому развертыванию, 8 процентов – способность к длительному автономному выполнению боевых задач;

- в области противоракетной обороны и системы радиолокационного наблюдения за наземными целями (СРЛН) программы разработки и приобретения для НАТО воздушной системы дальнего радиолокационного наблюдения, которая позволит командованию блока получать общую картину обстановки в районах действий войск. Эта система представляет собой важное средство ведения современных военных операций и станет ключевым элементом в деятельности сил реагирования НАТО (СР НАТО).

Так же как самолеты НАТО системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления (АВАКС) ведут наблюдение за воздушным пространством, СРЛН будет выполнять задачи обзора земной поверхности. Она обеспечит знание обстановки командованием в период до начала операций НАТО и в ходе их проведения. Эта система представляет собой важное средство ведения современных военных операций и станет ключевым инструментом в деятельности Сил реагирования НАТО.

Планируется, что первая очередь этой системы будет введена в действие в 2010 году, а в 2012 году она полностью войдет в эксплуатацию. Система радиолокационного наземного наблюдения будет находиться в собственности НАТО и эксплуатироваться ею.

Даже самые общие сведения об этой масштабной программе вынуждают задаться вопросом: против кого же создается такая гигантская военная машина, такой огромный военно-наступательный, а не сугубо оборонительный, как декларируется, потенциал? Зачем НАТО ежегодно тратит более 500 млрд. долларов, непрерывно наращивая свою мощь? Зачем альянсу десятки тысяч танков и самолетов, если

сейчас уже ясно, что в мире нет такой страны, союза или коалиции, которая могла бы сравниться по мощи с США и НАТО?

Понятно, что возможность военной конфронтации на территории Европы практически равна нулю. Если, конечно, не иметь в виду возможность конфликтов между самими членами блока, как это имело место в 1974 году во время кипрского кризиса, когда на грани военного противостояния оказались Турция и Греция*.

В самом деле, трудно понять, почему при отсутствии реальной угрозы одна из военных организаций (имеется в виду НАТО) фактически разворачивает новую гонку вооружений.

Неужели для того, чтобы справиться с международным терроризмом нужна такая сила? Более того, никто не знает, что такое этот «международный терроризм». Нет этому явлению ни официального объяснения, ни толкования. Но именно эта неопределенность выгодна, ибо под нее можно подогнать все что угодно. И найден этот термин американцами для оправдания своих интервенционистских действий. А может и с более далеко идущими целями, если иметь в виду официально не декларируемые, но подробно обсуждаемые западными (и не только) специалистами и экспертами планы формирования геостратегического альянса США с исламистскими структурами, собственно, и составляющими ядро «международного терроризма».

Естественно не нужна такая сила ни для миротворческих

* Как упоминал в начале 2000-х годов Г.Киссинджер в одном из интервью, посвященных оценке возможности вступления в НАТО России, «Североатлантический альянс не предоставляет гарантий одним своим членам от нападения со стороны других».

операций, ни для урегулирования кризисов*.

Стало быть, речь идет совершенно о других целях и задачах, большая часть которых, как уже отмечалось, попросту не декларируется.

При ближайшем рассмотрении выясняется (по крайней мере, к этому склоняется большинство экспертов), что объединенный военный потенциал масштаба, подобного тому, что накоплен США и НАТО, необходим не столько для демонстрации силы, сколько для того, чтобы оказывать политическое, а при случае и военное давление на нелояльные политические режимы и противостоящие государства. В первую очередь Россию.

Следовательно, вместо переосмысления характера реальных угроз, вместо перестройки системы коллективной защиты мы наблюдаем мощное и решительное увеличение военного потенциала Североатлантического альянса. Из решений пражского саммита видно, как именно руководство НАТО, подстраиваясь к США и потребностям их военно-промышленного комплекса, добивается резкого увеличения ассигнований на модернизацию практически всех систем вооружений. Исключительно США постоянно заявляют о необходимости увеличения военных расходов «европейских союзников» и «ужасающем технологическом отрыве» между американской армией и вооруженными силами европейских государств.

Именно в таком контексте данный вопрос был поставлен на Бильдербергской конференции в Синтре (1999 г.), а также

* Опыт операций в Югославии, Афганистане и Ираке свидетельствует: в этих случаях нет необходимости столь крупных воинских контингентов; а поскольку ведущая роль в них принадлежит США, то не возникает потребности и в такой масштабной международной военной интеграции.

на ежегодном заседании Трехсторонней комиссии в Брюсселе (2007 г.).

Таким образом, пражское обязательство по потенциалу (ПРОП), которое позволяет при расширении НАТО достигать более тесной интеграции вооруженных сил участников блока, не назовешь иначе, чем развертыванием новой гонки вооружений.

Западные официальные лица постоянно твердят, что НАТО трансформируется, адаптируясь к новым угрозам и вызовам, что главный враг альянса сегодня – это терроризм, а не Россия. Лидеры НАТО часто заявляют о новых, дружественных отношениях с Россией. Но было бы в высшей степени опрометчиво в вопросах стратегической безопасности полагаться на голословные заявления западных руководителей. Приведенные данные, а также их практические действия, в частности неуклонное приближение вооруженных сил союза к границам нашей страны, говорят о том, что экспансия в восточном направлении остается приоритетной задачей блока. И здесь нельзя сбрасывать со счетов никакие сценарии, в том числе возможность прямой вооруженной интервенции.

Об этом же свидетельствует и пристальное внимание блока к Закавказью, Центральной Азии, декларируемое, пусть и в привязке к Афганистану, новой Стратегической концепцией НАТО.

Кроме того, исследования в сфере военного планирования ведутся давно и в разных государствах блока. Например, разработка Норвежского института оборонных исследований, в которой содержится детальный план военной интервенции против России. Или другой пример: обнародованное в 2009

году такой влиятельной общественной организацией, как Федерация американских ученых, предложение перенацелить стратегические ядерные силы США на 12 ключевых объектов российской экономики.

С учетом всего этого делать вид, что никакой угрозы безопасности России со стороны НАТО не возникает, было бы явным пренебрежением нашими национальными интересами.

Может ли в этих условиях нам угрожать новая война? Может ли Россия стать одним из следующих объектов агрессии? На первый взгляд – нет. Но не следует забывать, что в политике на протяжении всей истории никогда не было неизменных друзей и незыблемых моральных принципов, а действия руководства стран, прежде всего, определялись и определяются их стратегическими и национальными интересами. Не следует забывать, что вокруг России уже создан «санитарный кордон» как на Западе, так и на Юге, и на Востоке.

Реформирование военной структуры блока

На пражском саммите было принято решение о формировании военной структуры блока, связанное с дальнейшей реорганизацией ОВС НАТО. В числе этих мер:

- совершенствование органов военного управления и командной структуры блока.
- создание Сил реагирования НАТО к концу 2006 года.

На переход к новой военной организации было отведено три года, то есть его завершение приходилось на конец 2006 года. Особо подчеркивалось, что новая структура должна быть построена не по географическому, а по

функциональному признаку. В ее основу должна быть положена Концепция Многонациональных объединенных (межведомственных) оперативно-тактических групп (МООТГ), прошедшая проверку в войсках.

Концепция МООТГ была выдвинута в конце 1993 года и утверждена на брюссельской встрече в верхах НАТО (январь 1994 г.). Она предусматривает создание в войсках многонациональных (объединенных), межвидовых (общевойсковых) временных формирований для выполнения конкретных военных задач и предполагает при этом наличие многонациональных органов управления войсками (силами) в виде штабов МООТГ.

В эту группировку могут входить подразделения вооруженных сил как государств-членов НАТО, так и не входящих в нее стран.

Концепция МООТГ отразила готовность стран Североатлантического союза предоставлять силы и средства НАТО на условиях разовых решений для операций под руководством Западноевропейского союза, тем самым поддерживая создание Европейской составляющей безопасности и обороны.

Кроме того, развитие концепции МООТГ было увязано с практическим военно-политическим сотрудничеством в рамках программы «Партнерство ради мира».

Концепция продолжает развиваться, и теперь, наряду с Силами реагирования, она отражает преобразование НАТО в принципиально новую организацию – уже глобального уровня. Так, раньше военное планирование Североатлантического союза основывалось на ст. 5 (о коллективной самообороне), а теперь, по мнению руководства блока, НАТО действует в

новой, более непредсказуемой международной обстановке и должна быть готова вести многонациональные межвидовые операции экспедиционного характера в оговоренные сроки и на требуемом направлении.

Необходимость разработки Концепции, как утверждалось в НАТО, была вызвана, с одной стороны, изменением условий безопасности и возникновением меньших по масштабу, но более разнообразных и непредсказуемых угроз миру и стабильности. С другой стороны, она обусловлена внутренней реорганизацией Североатлантического союза, сокращением его вооруженных сил, а также тем, что, в соответствии с адаптированным Договором о вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), большая часть сил НАТО в мирное время была передана в полное подчинение национального командования своих стран.

Таким образом, в настоящее время НАТО не имеет своих собственных вооруженных сил, а большинство так называемых «сил (войск) НАТО» составляют национальные формирования, которые могут передаваться в подчинение военного командования НАТО при определенных обстоятельствах в соответствии с процедурами, согласованными странами-членами альянса заранее.

Сейчас НАТО обладает лишь штабной и командной структурами, а также штабами различного уровня, роль которых заключается в обеспечении перспективного планирования и разработке стандартов обучения, необходимых для того, чтобы дать возможность национальным армиям и флотам участвовать в выполнении новых задач блока. Перечень этих задач чрезвычайно широк: от коллективной обороны до поддержания и сохранения мира, а

также помощь им в проведении организационных мероприятий, необходимых для их совместного обучения и тренировок, командования и управления.

Таким образом, концепция МООТГ направлена на создание в НАТО гибких средств реагирования на новые вызовы в области безопасности, в том числе при проведении операций с участием стран, не входящих в Североатлантический союз. Она, кроме того, нацелена на повышение способности НАТО развертывать в короткие сроки многонациональные межвидовые формирования, создаваемые в соответствии с требованиями конкретной военной операции, а также облегчает включение в операции под руководством НАТО воинских контингентов не входящих в альянс стран.

Многие аспекты Концепции МООТГ были проверены на практике при проведении операций под руководством НАТО на Балканах.

Таким образом, изменения в структуре объединенных вооруженных сил НАТО (ОВС НАТО), произошедшие в последние годы, были направлены на создание меньших по численности мобильных группировок, которые можно гибко использовать для выполнения различных военных задач. Эти группировки являются антиподами крупных группировок войск с тяжелым вооружением и стационарными штабами, которые были характерны для структур НАТО времен холодной войны. В тот период силы блока оснащались и вели боевую подготовку с целью подготовки к крупномасштабным оборонительным операциям в случае вторжения армий стран-членов Варшавского договора. В настоящее время большинство частей и подразделений, входящих в современную структуру ОВС НАТО, предназначены для быстрой переброски в зону

кризиса или конфликта, где от них требуется способность выполнять свои задачи на большом удалении от мест постоянной дислокации.

Изменения в структуре объединенных вооруженных сил повлекли за собой реорганизацию структуры органов военного управления ОВС НАТО. При этом главное внимание уделялось сокращению числа органов управления войсками с увязкой различных элементов, которые в совокупности составляют военный потенциал НАТО. Эти изменения направлены на то, чтобы дать командующим стратегическими командованиями ОВС НАТО возможность более эффективно руководить выделенными им войсками (силами), используя весь военный потенциал, необходимый для проведения тех операций, которые могут быть поручены им в современной обстановке безопасности.

Современная структура органов управления ОВС НАТО отражает меняющиеся стратегические реалии, определяемые рядом факторов. Среди них: вступление в НАТО новых государств-членов, развитие стратегического партнерства между НАТО и Европейским союзом, сотрудничество между НАТО и государствами-партнерами и отношения с другими странами, не входящими в НАТО, а также новые вызовы безопасности, включая растущую угрозу терроризма и распространения оружия массового уничтожения.

Система органов военного управления ориентирована на оценку и решение возможных задач при противодействии рискам и потенциальным угрозам, с которыми сталкивается Североатлантический союз. Причем такое противодействие должно оказываться в тех местах и в те сроки, которые будут указаны Североатлантическим советом.

Систему органов военного управления можно представить следующим образом.

На первом (*стратегическом*) уровне находятся два стратегических командования.

- **Командование ОВС НАТО по операциям**, перед которым ставятся задачи планирования и проведения всех операций по решению Североатлантического совета.

Полномасштабное руководство любой операцией, в том числе ее подготовка и проведение, на стратегическом уровне осуществляется Верховным главным командованием (ВГК) ОВС НАТО в Европе, которое выполняет эту задачу из штаба Командования ОВС НАТО по операциям, находящегося в штабе ВГК ОВС НАТО в Европе в Монсе (Бельгия).

ВГК ОВС НАТО в Европе осуществляет стратегическое военное руководство подчиненными командующими и координирует действия многонациональных сил, решает вопросы подкрепления и назначения различных частей и компонентов органов военного управления.

В тех случаях, когда принимаются политические решения, соответствующие рамочному соглашению между НАТО и Европейским союзом об оказании поддержки со стороны НАТО военным операциям под руководством ЕС, ВГК ОВС НАТО в Европе также обязано выделять сотрудников штабов и технические средства для таких операций, в которых могут участвовать все союзники.

На *оперативном* уровне планирование и проведение операций осуществляется в соответствии с полученной стратегической военной директивой командующим оперативного звена. Он выполняет свои функции при

поддержке объединенного стационарного или готового к быстрому развертыванию оперативного штаба.

В Североатлантическом союзе имеются три постоянных объединенных штаба оперативного звена: два штаба Командований объединенными силами (КОС) – в Брюсселе (Нидерланды) и в Неаполе (Италия) – и еще один объединенный штаб в Лиссабоне (Португалия), обладающий меньшими возможностями.

Соответственно: два командования объединенных сил имеют подчиненные сухопутные, морские и авиационные командования. Третий (лиссабонский) объединенный штаб не выполняет постоянных оперативных задач командования, его главной задачей является поддержка операций многонациональных объединенных группировок войск (сил).

Различие возможностей обусловлено тем, что штабами применяются различные механизмы, совокупность которых позволяет проводить одновременно не менее двух операций, обеспечивая им поддержку в течение требуемого времени и организовывая смену задействованных в них сил. Оперативное управление частями и подразделениями Сил реагирования НАТО осуществляется одним из трех объединенных штабов по принципу регулярной ротации.

На *тактическом* уровне, то есть на уровне командований видов вооруженных сил имеется ряд штабов, которые обеспечивают экспертный потенциал в конкретных областях деятельности отдельных видов вооруженных сил для командующих объединенными силами на оперативном уровне, а также проводят консультации по вопросам совместного оперативного планирования и проведения операций.

В этом звене имеются два штаба командований сухопутных войск в Гейдельберге (Германия) и Мадриде (Испания).

Кроме того, существуют два стационарных штаба командований военно-воздушных сил: в Рамштайне (Германия) и в Измире (Турция), а также два стационарных штаба командований военно-морских сил: в Нортвуде (Великобритания) и в Неаполе (Италия).

В зависимости от характера и масштаба операций каждый из этих штабов использует в своей деятельности другие специализированные формирования, а также отдельные части и подразделения и может быть в случае необходимости усилен дополнительными средствами и личным составом, имеющим соответствующий уровень боевой готовности и подготовки.

В дополнение к структуре видовых командований существует штаб командования подводных сил в Норфолке (штат Виргиния, США), подчиненный ВГК ОВС НАТО в Европе, но финансируемый из национальных источников США. На нем лежит основная ответственность за координацию всей деятельности подводного флота Североатлантического союза. Ему помогают штабы компонентных командований военно-морских сил в Нортвуде и Неаполе.

Таким образом, как и раньше, высшим военным органом НАТО является Военный комитет, затем идут оба стратегических Командования ОВС НАТО и военная структура управления объединенными вооруженными силами.

Новая военная структура НАТО по функциональному принципу, как и прежде, разделяется на три уровня:

На первом (стратегическом) уровне существует единственное командование, выполняющее оперативную

функцию – Главное (союзное) командование операций (Allied Command for Operations). На него возложены оперативные задачи, прежде выполнявшиеся ГК ОВС НАТО в Европе и ГК ОВС НАТО на Атлантике, то есть теперь оно отвечает за все операции Североатлантического альянса от Гибралтарского пролива до Афганистана.

Вместо стратегического командования в зоне Атлантики создано новое Главное (союзное) командование по трансформации (Allied Command for Transformation) со штабом в Норфолке (штат Виргиния, США).

Второй (оперативный) уровень представлен упомянутыми постоянными Объединенными командованиями ОВС НАТО в Брюсселе (Нидерланды) и Неаполе (Италия) и постоянным Объединенным штабом ОВС НАТО в Лиссабоне (Португалия).

Командования в Брюсселе и Неаполе могут руководить операциями из мест постоянной дислокации или формировать для этого штаб Многонациональной объединенной оперативно-тактической группы наземного базирования.

Штаб в Лиссабоне имеет, как уже отмечалось, несколько ограниченные возможности. На его основе может быть сформирован лишь штаб разворачиваемой МООТГ морского базирования.

В настоящее время командование в Брюсселе обеспечивает штаб (без военно-морского компонента) для Международных сил содействия безопасности (ИСАФ) в Афганистане, а командование в Неаполе – штаб для операций НАТО на Балканах.

Третий (тактический) уровень представлен шестью объединенными командованиями видов ВС НАТО, которые обеспечивают командование и управление отдельными видами

вооруженных сил – сухопутных войск, военно-морских и военно-воздушных сил для штабов оперативного уровня.

В подчинении Объединенного командования в Брюсселе находятся три объединенных командования: ВВС в Рамштайне (Германия), ВМС – в Нортвуде (Великобритания) и сухопутных войск – в Гейдельберге (Германия).

Объединенному командованию в Неаполе подчиняются объединенные командования ВВС в Измире (Турция), ВМС в Неаполе и сухопутных войск в Мадриде (Испания).

При руководстве действиями авиации Объединенное командование ВВС опирается на четыре стационарных Многонациональных центра управления боевыми действиями авиации (МЦУБДА) в Уэдеме (Германия), Финдерупе (Дания), Поджио Ренатико (Италия) и Лариссе (Греция), имеется еще два дополнительных мобильных МЦУБДА в Уэдеме и Поджио Ренатико.

Стационарные МЦУБДА оказывают поддержку из мест постоянной дислокации, а мобильные центры могут перебрасываться в районы боевых действий.

Таким образом, новая структура командований упрощает механизмы руководства операциями НАТО.

При прежней структуре руководство, например, Силами по выполнению соглашений (ИФОР) в Боснии и Герцеговине осуществлялось напрямую ВГК ОВС НАТО в Европе из Монса, а по новой схеме операциями управляют штабы оперативного уровня под стратегическим руководством ВГК ОВС НАТО в Европе.

В результате Силы по стабилизации (СФОР), пришедшие на смену ИФОР в декабре 1996 года (и на смену которым в декабре 2004 года, в свою очередь, пришли Силы Евросоюза

по стабилизации в БиГ), поступили в оперативное подчинение Объединенного командования в Неаполе, а Международные силы содействия безопасности в Афганистане в оперативном плане подчинены Объединенному командованию в Брюсселе.

- Второе командование стратегического уровня - Главное (союзное) командование по трансформации ОВС НАТО (КТ ОВС НАТО) базируется в США и находится под началом Верховного главнокомандующего по трансформации ОВС НАТО (ВГКТ ОВС НАТО), который одновременно является также командующим командованием объединенных сил США. Это способствует поддержанию прочных трансатлантических связей и одновременно обеспечивает силам НАТО доступ к трансформационному процессу национальных вооруженных сил США.

Это командование является совершенно новой организационной структурой со штаб-квартирой в Норфолке (штат Виргиния, США). Оно осуществляет руководство на стратегическом командном уровне всем процессом преобразования военной структуры, сил, средств и доктрины НАТО. ГКТ занимается также совершенствованием подготовки, в особенности командного и личного составов штабов, проводит исследования по оценке новых концепций и содействует укреплению оперативной совместимости во всем Североатлантическом союзе.

Главное (союзное) командование состоит из четырех основных компонентов (управлений).

Первый компонент - Управление по разработке политики, стратегических концепций и определения потребностей (ресурсов) включает штабную группу при ВГК ОВС НАТО в

Европе, отвечающую за вопросы военного планирования, а также Отдел планирования ресурсов и их использования.

Вторым компонентом является Управление разработки и развития концепции объединенности (межвидового взаимодействия), к которому относятся Центр межвидовых боевых действий (ЦМБД) в Ставангере (Норвегия), Учебный центр объединенных межвидовых сил (УЦОС) в Быдгоще (Польша) и Объединенный центр анализа и накопленного опыта в Монсанту (Португалия).

Третьим компонентом является Управление технологии исследований будущих возможностей в Ла Специи (Италия).

Четвертый компонент – Управление учебно-боевой подготовки – включает военный колледж НАТО в Риме (Италия), школы НАТО в Обераммергау (Германия), по системам информации и связи – в Латина (Италия), а также Оперативно-учебный центр по предотвращению боевых действий на море в Суда-Бей (Греция), которые координируют свою деятельность с Командованием по трансформации ОВС НАТО.

Кроме того, ГКТ должно взаимодействовать с различными национальными и многонациональными центрами передового опыта. Каждый из них занят в определенной сфере. В их числе:

- анализ и моделирование действий авиации;
- командование и управление;
- военно-гражданское сотрудничество;
- боевые действия в условиях холодного климата;
- ведение многонациональных операций с платформы морского базирования;
- киберзащита;

- защита от терроризма;
- утилизация взрывоопасных предметов;
- гуманитарное разминирование;
- боевые действия в городах;
- минная война на море;
- защита от ядерного, биологического и химического оружия;
- подготовка в рамках программы «Партнерство ради мира» и др.

Необходимо также рассмотреть задачи и функции трех новых структур, созданных в 2003–2004 годах в составе ГКТ и расположенных на территории Норвегии, Польши и Португалии.

Центр межвидовых боевых действий (ЦМБД) в Ставангере создан для боевой подготовки личного состава штабов многонациональных объединенных оперативно-тактических групп (МООТГ), Сил реагирования НАТО, командований видов ВС и других штабов НАТО. В нем проходит подготовку, например, личный состав штабов Сил повышенной готовности перед принятием командования Многонациональными силами обеспечения безопасности (ИСАФ) в Афганистане, а также личный состав штабов новых членов НАТО и государств-участников программы «Партнерство ради мира».

Центр участвует в реализации Программы НАТО по подготовке кадров иракских силовых структур.

Таким образом, НАТО становится фактором не только сугубо военного, но и политического воздействия на ситуацию в этой стране. Через вовлечение иракских шиитов блок приобретает возможность влиять на ситуацию в шиитском Иране, что проявилось в 2009 году в ходе

политического кризиса в этой стране, последовавшего за переизбранием на высшую должность в структурах светской власти президента М.Ахмадинежада.

Учебный центр объединенных (межвидовых) сил (УЦОС) в Быдгоще – первое учреждение НАТО в Польше (на территории бывшего Варшавского договора) – обеспечивает подготовку личного состава многонациональных объединенных сил государств-членов НАТО и стран-партнеров на тактическом уровне для достижения оперативной совместимости различных видов ВС.

Учитывая, что состав Сил реагирования меняется один раз в полгода, Центр помогает обеспечивать высокий уровень оперативной совместимости и подготовки каждой очередной смены, чтобы входящие в нее подразделения могли действовать как многонациональное, полностью боеготовое объединенное формирование.

Подготовка строится так, чтобы в учебный процесс постоянно включались новые концепции и накопленный опыт, поэтому уровень требований, установленный ВГК ОВС НАТО в Европе для каждой последующей смены СР НАТО, имеет тенденцию к повышению. Таким образом, Силы реагирования НАТО выполняют роль катализатора преобразования всех вооруженных сил НАТО.

Объединенный центр анализа и накопленного опыта (ОЦАНО) в Монсанту (Португалия) занимается анализом результатов проведенных военных операций и учений НАТО, а также программы «Партнерство ради мира» (ПРМ).

Центр анализирует ход и результаты в среднем 10–12 учений в год, проходящих в основном на тактическом и оперативном, но также и на стратегическом уровне.

ОЦАНО издает аналитические отчеты, базы данных накопленного опыта НАТО и ПРМ, а также документы аналитического характера и распространяет их в форме печатных изданий, компакт-дисков и через сеть Интернет.

Кроме учебных заведений, в структуре органов военного управления НАТО имеется ряд центров передового опыта, финансируемых из национальных или многонациональных источников, дающих возможность совершенствовать оперативную совместимость и потенциал, проверять и разрабатывать принципы применения войск (сил), а также экспериментально проверять новые концепции. Центры передового опыта сотрудничают со стратегическими командованиями ОВС НАТО на основе меморандумов о взаимопонимании между государствами-участниками и соответствующим стратегическим командованием.

В результате предпринятых мер руководство НАТО существенно (почти в два раза) уменьшило количество штабов и других органов управления и одновременно создало более гибкие и эффективные оперативные формирования на многонациональной основе. Это повышает готовность альянса к боевому применению в рамках всего комплекса задач - от миротворческих операций до крупномасштабных военных действий высокой интенсивности.

Как заявил специальный помощник начальника штаба ВГК ОВС НАТО вице-маршал авиации Эндрю Вэманс: «Новая командная структура НАТО является самым важным развитием военной организации НАТО с момента ее создания более 50 лет тому назад».

* * *

Таким образом, в результате трансформации военного потенциала у НАТО, в принципе, нет своих самостоятельных вооруженных сил, кроме тех, которые выделяются государствами-членами для проведения военных операций. Поэтому, когда Североатлантический совет принимает решение начать операцию, государства-члены должны предоставить в его распоряжение определенные силы. Эти силы могут включать воинские контингенты государств, не входящих в НАТО, таких как страны-участницы программы «Партнерство ради мира» и Средиземноморского диалога. Выполнив поставленные им задачи, эти силы возвращаются в свои национальные военные структуры.

Совместные операции требуют военно-технической и оперативной совместимости между воинскими контингентами. Поэтому военнослужащие НАТО и государств-партнеров также совместно ведут боевую подготовку, обучаются на курсах по стандартизированным оперативным процедурам и изучению иностранного языка, проводят работу по военному моделированию и участвуют в учениях многонациональных сил. Вся эта деятельность повышает их способность проводить совместные многонациональные операции.

Тем не менее, в НАТО имеется ряд совместных военных средств, наиболее важным из которых является парк самолетов системы дальнего радиолокационного обнаружения и управления (АВАКС), которые обеспечивают воздушное наблюдение, дальнее обнаружение и управление войсками. После террористических актов в США (2001 г.), самолеты системы АВАКС были направлены для патрулирования воздушного пространства США. По требованию Турции, они

использовались в 2003 году для защиты турецкой территории от возможного нападения во время иракского конфликта. Они также часто участвуют в обеспечении безопасности крупных мероприятий, таких как Олимпийские игры 2004 года в Афинах.

Помимо самолетов системы АВАКС, силы и средства дальнего радиолокационного обнаружения и управления НАТО включают ряд самолетов, используемых для обеспечения деятельности и обучения многонациональных сил, интегрированную радиолокационную систему и совместные объекты инфраструктуры. Эти силы укомплектованы многонациональным личным составом, предоставляемым государствами-членами для выполнения конкретных задач в рамках структуры Объединенных вооруженных сил Североатлантического союза.

Силы реагирования НАТО

Неотъемлемой частью трансформации военного потенциала НАТО, дополняющей Пражское обязательство о потенциале и новую систему управления Объединенными вооруженными силами, является создание Сил реагирования НАТО (СР НАТО).

Силы реагирования представляет собой объединенную оперативно-тактическую группировку, состоящую из частей и подразделений различных родов войск, которая может быть адаптирована к выполнению конкретных задач и быстро развернута в любом районе по требованию Североатлантического совета.

В их боевой состав входят передовые в технологическом и организационно-штатном отношении, гибкие, готовые к быстрому развертыванию и совместимые в оперативном плане подразделения, способные автономно устанавливать связи, развертывать передовые отряды в пятидневный срок и полагаться на собственное тыловое обеспечение без дополнительной поддержки в течение тридцати дней. Эти силы не являются постоянными или регулярными. Они формируются из подразделений, выделяемых государствами-членами альянса по принципу ротации на определенные сроки, которые совместно прошли боевую подготовку и аттестацию.

Их цель – противодействовать возникновению локального конфликта или угрозе его эскалации и перерастанию в крупный региональный или межрегиональный конфликт, угрожающий стратегической безопасности и стабильности. Они могут решать соответствующие задачи самостоятельно или в рамках крупной группировки войск, участвуя в выполнении всего круга задач, поставленных перед Объединенными вооруженными силами Североатлантического союза.

В соответствии с особенностями этих задач Силы реагирования НАТО могут применяться в качестве:

- автономных сил по ст. 5 Вашингтонского договора о коллективной обороне или операциях реагирования на кризис вне ст. 5, таких как эвакуация, ликвидация последствий различных бедствий (включая применение химических, биологических, радиологических средств вооруженной борьбы), управление гуманитарной, кризисной и контртеррористическими операциями и т.д.;

- сил начального силового вторжения, облегчающих прибытие крупных сменяющих сил;

- сил для демонстрации решимости и солидарности НАТО при сдерживании кризисов (при необходимости участие в операциях быстрого реагирования для поддержки дипломатических усилий).

По решению Североатлантического совета Силы реагирования НАТО могут осуществлять развертывание в любой точке мира.

В первоначальном виде СР НАТО численностью приблизительно 9,5 тыс. военнослужащих были введены в боевой состав в октябре 2003 года. На состоявшейся тогда в Колорадо-Спрингс (США) неофициальной встрече министры обороны стран НАТО провели исследовательский семинар, который был посвящен общей концепции Сил реагирования. Кроме того, обсуждались процессы принятия решений, связанных с их возможным развертыванием*.

В качестве первой демонстрации возможностей этих сил в ноябре 2003 года в Турции их подразделения, включавшие воинские контингенты из одиннадцати стран НАТО, участвовали в учебной операции по реагированию на кризис. По сценарию этого учения кризис был связан с угрозой персоналу ООН и гражданским лицам, находящимся в некоей стране за пределами Евро-Атлантического региона, со стороны террористов и враждебных сил. Для разрешения кризиса было необходимо ввести эмбарго на передвижения сил и оружия, провести контртеррористические действия, а

* 15 октября 2003 года в Брюсселе (Нидерланды) на торжественной церемонии верховный главнокомандующий ОВС НАТО в Европе генерал Джеймс Джонс (командующий созданным стратегическим Командованием ОВС НАТО по операциям) вручил новым силам их знамя. Ныне Дж.Джонс – советник президента США по вопросам национальной безопасности.

также продемонстрировать солидарность, политическую решимость и военный потенциал Североатлантического союза. (Касаясь политического аспекта подобной легенды, все более в последнее время распространенной, следует отметить отрабатываемую взаимосвязь и взаимодействие гражданских структур ООН и натовских военных, что наглядно подтверждает глобальные амбиции блока).

Учения и испытания, содействующие совершенствованию Сил реагирования НАТО, продолжаются в соответствии с запланированным графиком. В октябре 2004 года на неофициальной встрече министров обороны стран НАТО в Пояна Брасов (Румыния) генеральный секретарь НАТО объявил, что эти силы уже находятся в начальной степени боевой готовности.

В сентябре 2005 года военно-морские и воздушные компоненты СР были направлены в США после официального запроса об оказании помощи в связи с большими разрушениями, причиненными ураганом «Катрина». Они также участвовали в оказании гуманитарной помощи Пакистану после больших разрушений, вызванных землетрясением в октябре 2005 года. (Случай с Пакистаном доказывает, что выход за пределы зоны геополитической ответственности НАТО, допущенный в Афганистане и Ираке, не исключение, а, скорее, правило).

На саммите в Риге (ноябрь 2006 г.) Силы реагирования НАТО были объявлены полностью готовыми к применению, хотя как в военном, так и в политическом плане их оперативное развертывание выглядит проблематичным.

Если обратить внимание на состав этих сил, то окажется, что о военном трансатлантическом сотрудничестве

можно говорить весьма условно. Основную часть СР составляют воинские контингенты европейских стран НАТО, которые представляются на основе ротации на срок в один год. Американское участие сводится в основном к технической поддержке, хотя также предполагается включение в состав этих сил небольшого корпуса США (750 человек – из общего числа 25 тыс.).

Европейские военные не раз обращали внимание на тот факт, что при таком подходе США осуществить оперативную совместимость европейских и американских контингентов фактически невозможно. Позиция европейцев в данном случае осложняется тем, что участие в СР НАТО необходимо координировать с планами по строительству собственных военных структур и участия государств Евросоюза в так называемых оперативно-тактических группах (Battlergroups). По сути, речь идет об одних и тех же контингентах национальных вооруженных сил, которые будут использоваться и в СР НАТО, и в силах ЕС.

Тем не менее, СР НАТО сегодня официально признаются самым успешным из новых современных проектов альянса. Их создание стало центральным элементом трансформации блока в условиях подготовки НАТО эффективно противостоять угрозам безопасности и стабильности XXI века.

Таким образом, в распоряжении альянса теперь появились силы, готовые к выполнению задач в любой точке мира. НАТО на деле становится глобальным военным блоком. Единственным ограничением, причем, формальным, как показали события в Югославии и Ираке, остается некая «моральная» зависимость действий блока от позиции Совета Безопасности ООН, полным контролем над которым

англосаксонскому Западу пока из-за сохранения права вето овладеть не удастся.

В качестве поводов для применения Сил реагирования НАТО могут быть использованы вспышки военных конфликтов как естественные, так и искусственно созданные и раздутые, а также стихийные бедствия, другие чрезвычайные ситуации, требующие помощи извне для урегулирования и преодоления последствий.

Силы реагирования НАТО состоят из компонента сухопутных войск численностью до бригады для выполнения задач силового вторжения, военно-морской тактической группы в составе боевой авианосной группы, амфибийной тактической группы, боевой группы надводных кораблей, компонента военно-воздушных сил, способного выполнять 200 боевых вылетов в сутки, и компонента сил специального назначения. (Например, многонациональный батальон защиты от химического, биологического, радиологического и ядерного оружия).

Подразделения СР НАТО формируются с учетом задач конкретной операции с тем, чтобы обеспечить эффективное применение сил альянса в ситуациях, когда и где это необходимо. Государства-члены НАТО обязываются выделять воинские контингенты в состав этих сил из боеготовых частей, обладающих оперативной совместимостью с силами других стран.

Это не исключает оказание поддержки силам со стороны государств-партнеров. Вопрос о такой поддержке будет решаться Североатлантическим советом на индивидуальной основе по конкретным операциям, что характерно для большинства операций под руководством НАТО. Выведение

государствами своих воинских контингентов после передачи их в состав СР НАТО возможно только в исключительных обстоятельствах.

После шестимесячной программы обучения подразделениям этих сил предписано прохождение сертификации по самым высоким стандартам, особенно в части переоснащения новейшими боевыми средствами и достижения оперативной совместимости с другими силами. Затем они должны в течение шести месяцев находиться в готовности к боевым действиям «по вызову».

Все страны-члены НАТО полностью поддерживают такую систему очередности, которая приносит пользу участвующим войскам, например, в плане опыта в специальной подготовке при включении в состав сил, имеющих самые высокие стандарты готовности. Большее значение для Сил реагирования НАТО имеет качество воинских частей, а не их количество.

Важную роль в обеспечении боеготовности Сил реагирования НАТО играет новая командная структура альянса.

ВГК ОВС НАТО в Европе занимается выработкой требований, аттестацией сил и учениями Сил реагирования на стратегическом уровне, тогда как Главное командование трансформации отвечает за внедрение перспективных средств, включая новейшие технологии, разработку доктрины для сил, а также подготовку личного состава. Для равномерного распределения нагрузки и поддержания всех штабов на одинаковом уровне подготовки и боеготовности оперативное и видовое командование Сил реагирования НАТО меняется каждые полгода.

Оперативное командование СР обеспечивают поочередно три штаба второго уровня.

Так, в период создания СР НАТО (с октября 2003 г. по июнь 2004 г.) управление ими было возложено на Объединенное командование ОВС НАТО в Брюсселе, а в период с июня 2004 года по июль 2005 года – на Объединенное командование ОВС НАТО в Неаполе. С июля 2005 года по июль 2006 года СР состояли в подчинении у Объединенного штаба ОВС НАТО в Лиссабоне. Начиная с июля 2006 года, эти штабы принимают оперативное командование Силами реагирования также поочередно каждые полгода.

Авиационный компонент СР НАТО находится попеременно в подчинении у командований ВВС третьего уровня – штабов в Рамштайне (Германия) и Измире (Турция). Командование компонентом сухопутных войск СР НАТО обеспечивают поочередно шесть штабов Сил повышенной готовности сухопутных войск НАТО, а компонентом ВМС – три штаба Сил повышенной готовности ВМС альянса.

Все эти шесть штабов были сформированы еще до появления новой командной структуры НАТО. Это мобильные штабы; они могут управлять формированиями от бригады численностью несколько тысяч военнослужащих до корпуса, насчитывающего десятки тысяч человек.

Итак, ВГК ОВС НАТО в Европе утвердило шесть штабов Сил повышенной готовности сухопутных войск:

– штаб корпуса быстрого реагирования – ОВС НАТО в Европе в Рейндале (Германия). Основное государство – Великобритания.

Она предоставляет 60 процентов личного состава штаба и выделяет для корпуса свои две дивизии, а также подразделения боевого и тылового обеспечения;

- быстро развертываемый штаб Голландско-Германского корпуса в Мюнстере (Германия);

- быстро развертываемый штаб Итальянского корпуса на базе штаба Итальянского корпуса быстрого реагирования в Сольбьяте Олона (вблизи Милана, Италия);

- быстро развертываемый штаб Испанского корпуса на базе штаба Испанского корпуса в Валенсии (Испания);

- быстро развертываемый штаб Турецкого корпуса на базе штаба 3-го Турецкого корпуса вблизи Стамбула (Турция);

- Еврокорпус в Страсбурге (Франция), в который входят силы из Бельгии, Германии, Испании, Люксембурга и Франции. Международный военный статус Еврокорпуса отличается от статуса других пяти штабов, однако, в соответствии с соглашением между ним и Главным командованием операций, Еврокорпус также может быть предоставлен для операций НАТО.

В настоящее время указанные штабы, сменяя друг друга, обеспечивают командование Международными силами содействия безопасности в Афганистане на сроки от 6 до 9 месяцев.

Все штабы, кроме Еврокорпуса, поочередно в течение шестимесячного периода берут на себя командование сухопутными войсками Сил реагирования НАТО.

Франция готовится создать в Лилле седьмой штаб Сил повышенной готовности СВ.

Мобильный штаб Сил повышенной готовности военно-морских сил предназначен для обеспечения управления выделенными контингентами силой до оперативного соединения ВМС НАТО в составе нескольких десятков военных кораблей.

ВГК ОВС НАТО в Европе утвердило три таких штаба:

- штаб командующего ВМС Италии на борту десантного авианосца ВМС Италии «Гарибальди»;
- штаб командующего ВМС Испании на борту десантного корабля-дока ВМС Испании «Кастилия»;
- штаб командующего ВМС Великобритании на борту авианосца ВМС Великобритании «Арк Ройял».

Идет формирование еще двух штабов Сил повышенной готовности ВМС. Один из них формирует Франция: вначале на борту авианосца «Шарль де Голль», а в будущем – на борту десантного корабля-дока «Мистраль», а второй – ударный флот НАТО на Атлантике, командующий которым одновременно занимает должность командующего Вторым флотом ВМС США на борту корабля управления ВМС США «Маунт Уитни»*.

* * *

О значении Сил реагирования НАТО бывший генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер заявлял: «Силы реагирования НАТО не только обеспечивают нам потенциал сил быстрого развертывания, обладающих высокой боеготовностью, в которых совместно участвуют все союзники по НАТО, но и служат в качестве творческой лаборатории, в которой

* Данный корабль принимал участие в демонстрационном походе военно-морских сил НАТО в Черном море, последовавшем за разгромом грузинской армии российскими войсками (август 2008 г.).

успешно отрабатываются передовые технологии и доктрины. И поскольку у всех союзников по НАТО имеются возможности выделять свои воинские контингенты в СР НАТО, «выгоды будут ощущаться в масштабах всего Североатлантического союза».

По оценке наблюдателей, со стороны руководства НАТО сделан важный коллективный шаг для повышения мобильности и боеготовности сил блока. Прежде всего потому, что СР НАТО находятся в постоянной боевой готовности под командованием Объединенного штаба ОВС НАТО. Следовательно, отпадает необходимость принимать в каждом отдельном случае решение об их использовании - процедуре всегда очень трудной.

Все это можно считать фрагментом союзной стратегии, ключевым элементом трансформации структур сил НАТО на пути глобализации. Другим элементом может стать новая программа «Глобальное партнерство».

С инициативой оформления глобальной ответственности НАТО опять-таки выступил ее бывший генеральный секретарь Яап де Хооп Схеффер - ярый сторонник придания альянсу новой роли, которая позволила бы ему «заниматься проблемами безопасности на Среднем Востоке, в Ираке, Северной Корее, Китае, Иране».

В обоснование такого подхода он заявил, что это вызывается «необходимостью совместной борьбы с глобальными вызовами, такими как международный терроризм и опасность распространения оружия массового уничтожения».

По заявлению лидеров блока, НАТО должна быть готова на глобальном уровне противостоять глобальным угрозам.

Причем приоритетной задачей будет объявлено закрепление альянса в зонах перспективных месторождений энергоресурсов и маршрутов их транспортировки, а также приобретение выгодных стратегических позиций по отношению к державам, обладающим потенциальной способностью помешать реализации этих целей, в первую очередь Китаю и России.

Эффективное обеспечение данного приоритета предполагается по нескольким направлениям.

Ключевое из них - повышение военных возможностей блока по ведению боевых действий на стратегическом удалении. Это предполагает создание высокоманевренных и мобильных воинских контингентов, а также сети военных баз на территориях новых стран-участниц альянса. Ставится также задача по углублению отношений с государствами, не входящими в трансатлантическое сообщество, находящимися далеко за пределами зоны ответственности НАТО.

По словам бывшего заместителя госсекретаря США по политическим вопросам Бернса, сказанным на политическом форуме в Германии (октябрь 2006 г.): «НАТО переросла свои корни, пущенные в годы холодной войны, и сегодня входит в более широкую и растущую сеть многонациональных институтов, стремящихся решать глобальные проблемы».

По замыслам руководства НАТО, в этой программе официально будет закреплено расширение географии Североатлантического альянса в направлении таких стран, как Австралия, Республика Корея, Япония, Финляндия, Швеция и других. Эти государства, как известно, пока не входят в НАТО, не являются участниками ПРМ (кроме Финляндии и Швеции) и находятся далеко за пределами зоны

действия Вашингтонского договора. Поэтому сначала их планируется вовлечь в глобальное партнерство, а затем – открыть им непосредственный доступ в альянс.

Таким образом, с саммита в Риге начался новый этап в развитии НАТО: **превращение этой региональной организации в глобальную**. Предполагается, что она будет обладать соответствующими потенциалами и распространять свое влияние («зону ответственности», а точнее зону произвольного применения силы) уже не на отдельные регионы, а на весь мир.

Поэтому России никогда не стоит забывать, что НАТО – это не благотворительный фонд, а военно-политическая организация со всеми вытекающими из этого последствиями и относиться к ней надо подобающим образом. Как предостерегает российскую дипломатию и ведомства, ответственные за формирование политики в сфере национальной безопасности, академик Е.М.Примаков, «США и НАТО – не бумажный, а настоящий тигр».

На сегодня НАТО – это мощный геополитический и силовой фактор, определяющий также безопасность у российских границ. И с этим нельзя не считаться.

28 стран-участниц альянса занимают территорию 23,4 млн. кв. км, на которой проживает в общей сложности 843 млн. человек. На эти государства приходится свыше 64 процентов мировой промышленной продукции и около 73 процентов мировых «прямых» военных расходов.

Альянс объединяет высококомобильные и совместимые во всех отношениях вооруженные ресурсы стран-участниц, а также их политико-дипломатические и военно-разведывательные потенциалы.

Традиционно сильной стороной НАТО является система штабного планирования, оперативная и лингвистическая совместимость выделяемых для общих операций контингентов, обмен опытом оборонных реформ, единые стандарты вооружений и др. Причем на эти стандарты ориентируются во все большей степени производители оружия, боевой и специальной техники, заинтересованные в укреплении своих позиций на соответствующих мировых рынках.

Накопленный блоком совокупный военный потенциал уже сегодня во много раз превышает объективные потребности НАТО для проведения антитеррористических операций, участия в локальных конфликтах или противодействии распространению ОМУ.

Можно, конечно, принимать к сведению заверения руководителей альянса об отсутствии у НАТО агрессивных намерений. Вместе с тем намерения – категория переменчивая, а потенциал ОВС НАТО неуклонно наращивается и совершенствуется. Какое применение ему будет найдено, покажет время.

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

НАТО в миротворческом процессе

Активизация вооруженных конфликтов в Европе и за ее пределами привела к тому, что НАТО в 90-е годы прошлого столетия стала разрабатывать планы своего участия в миротворческих операциях. Холодно отреагировав на российскую инициативу по созданию в Европе новой, внеблоковой системы коллективной безопасности, которая не без участия руководства НАТО была, по сути, отдана на откуп ОБСЕ, Североатлантический альянс приступил к дополнению созданной им системы безопасности новыми элементами, связанными с «миротворческой деятельностью».

По мнению натовских аналитиков, современные основные задачи этой системы заключаются:

- в своевременном предотвращении конфликтов и разрешении их до начала интенсивной эскалации;
- а при необходимости, - в вооруженном вмешательстве для принуждения к миру и восстановления безопасности.

На этом основании делается вывод: для выполнения поставленных задач НАТО необходимы более совершенный механизм принятия решений и гибкая структура командования вооруженных сил. Причем новые структуры должны быть приемлемы для европейских стран, входящих в Западноевропейский союз (ЗЕС), что позволит избежать дублирования при развертывании вооруженных сил.

По мнению руководства блока, НАТО в новых условиях должна более тесно сотрудничать с государствами, действующими под мандатом ООН или ОБСЕ, но при этом альянс претендует на особую роль в международном

управлении кризисами.

Отметим, что именно с распадом СССР стоящие за блоком управленческие структуры впервые перевели в практическую плоскость формирования системы глобального управления политическими процессами. В 90-91 годах при Дж.Буше-старшем, концепция «Мирового правительства», находящаяся в основе деятельности упомянутых мондиалистских структур – Совета по международным отношениям (СМО), Бильдербергского клуба и Трехсторонней комиссии, была переоформлена в концепцию «Нового мирового порядка».

Обращает внимание, что ее презентация была осуществлена легально – в ежегодном послании президента США Конгрессу, а обсуждался этот доклад в закрытом режиме в рамках СМО.

Одновременно в пользу перехода к глобальному управлению открыто высказался Римский клуб – в своем первом* официальном докладе «Первая глобальная революция», окончательная редакция которого была подготовлена президентом клуба А.Кингом, а также Б.Шнайдером (сентябрь 1991 г.).

Политическая база для обоснования глобальной роли НАТО в миротворческих операциях была заложена на министерской сессии Североатлантического совета (июнь 1992 г., Осло). Тогда министры иностранных дел стран НАТО объявили о согласии своих стран участвовать – на разовой основе – в миротворческой деятельности под эгидой Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ/ОБСЕ). Это включало предоставление сил, средств и опыта НАТО для

* Это девятнадцатое подобного рода исследование Римского клуба, которое впервые за все время его деятельности (с 1968 г.) было подготовлено его высшими функционерами. Все ранние доклады являлись предпосланными Римскому клубу.

проведения миротворческих операций. Позднее (декабрь 1992 г.) Североатлантический союз выразил готовность оказывать поддержку миротворческим операциям под эгидой Совета Безопасности ООН.

Поэтому в натовской Стратегической концепции 1999 года указывается, что «НАТО в сотрудничестве с другими организациями будет содействовать предотвращению конфликтов, а в случае возникновения кризиса – участвовать в его эффективном урегулировании в соответствии с международным правом, ... обеспечивать в зависимости от конкретного случая и в соответствии с собственными процедурами проведение миротворческих и иных операций под эгидой Совета Безопасности ООН или под ответственность ОБСЕ, в том числе путем предоставления своих ресурсов и опыта». Формулировка «в соответствии с собственными процедурами», употребленная применительно к решениям Совета Безопасности ООН, наглядно демонстрирует амбиции, а также обусловленные ими цели и задачи руководства блока.

Правовой основой для решения подобных вопросов является гл. VIII Устава ООН и Вашингтонский договор (1949 г.), подтверждающий приверженность Североатлантического союза основополагающим принципам ООН.

Если говорить об иерархии такого рода акций, то очевиден приоритет ООН, прежде всего в силу ее универсального характера. Все члены Организации Объединенных Наций, в том числе члены регионального соглашения НАТО, приняли на себя обязательства и по гл. VIII Устава ООН, которая обязывает участников договоров регионального уровня приложить все усилия для достижения

мирного разрешения споров, относящихся к поддержанию мира и безопасности, до передачи их в Совет Безопасности. Именно СБ ООН, согласно Уставу ООН, должен быть всегда информирован о миротворческих действиях, предпринятых или намечаемых на основе региональных соглашений или региональными органами.

Вообще, как видно по документам альянса, в НАТО до сих пор принципиально не решен вопрос об отношении к ООН, что обусловлено дилеммой возможности (или невозможности) контроля над этой организацией со стороны англосаксонского «глобального центра». Последнее, в свою очередь, напрямую зависит от того, удастся или нет преодолеть право постоянных членов Совета Безопасности ООН (прежде всего, России и Китая) на вето, при сохранении которого теряет всякий смысл вся выстраиваемая Лондоном и Вашингтоном иерархия глобальных институтов с участием ООН и НАТО. Поэтому, с одной стороны, огромные силы и ресурсы бросаются на обеспечение лояльности российского и китайского руководства, средством для которого избрано их максимальное вовлечение в глобальные процессы. С другой же стороны, Москве и Пекину при всякой возможности дают понять, что их неговорчивость и демонстрация амбиций неизбежно приведут к девальвации ООН, а возможно и к замене ее другой международной организацией, например, предложенной Дж.Маккейном «Лигой демократий». (Проблема НАТО, на наш взгляд, состоит в том, что не найдено однозначно эффективного ответа на такие глобальные вызовы, как продолжающийся, несмотря на кризис, подъем Китая, а также на возможный альянс его с Россией).

Возвращаясь к конкретным аспектам взаимодействия ООН и НАТО, отметим, что, согласно ст. 53 Устава ООН, «Совет Безопасности использует, где это уместно, также региональные соглашения или органы для принудительных действий под его руководством. Однако никакие принудительные действия не предпринимаются, в силу этих региональных соглашений или региональными органами, без полномочий от Совета Безопасности».

Руководство НАТО считает, что за последние годы альянс участвовал в трех операциях НАТО по поддержанию мира в Европе (Боснии и Герцеговине, в Косово и в бывшей югославской Республике Македония), а также в Афганистане, Ираке и Дарфуре (Судан).

Стоит рассмотреть натовское миротворчество более подробно.

Глава 3.1. Трагедия Республики Босния и Герцеговина

На основе принятого в 1945 году Устава приоритет ООН в отношении применения принудительных действий любыми региональными организациями незыблем. Однако события, связанные с инспирированной Западом войной, когда распалась Югославия, показали, что страны, входящие в НАТО, отнюдь не привержены этому принципу. ООН, в частности ее Совет Безопасности, приняла немало резолюций сначала по Югославии, а затем по входившим в нее территориям, прежде всего по Республике Боснии и Герцеговине.

Взгляд на возможные причины боснийского конфликта был изложен экспертом в сфере энергетики Д.А.Пфайффером, который утверждал, что он являлся «частью стратегии по установлению контроля над балканскими странами и строительству нефте- и газопровода для снабжения европейского рынка энергоносителями»³⁴.

Начиная с 1992 года, ряд резолюций Совета Безопасности ООН уже давал полномочия НАТО, но в завуалированной форме. Чаще всего НАТО скрывалась за словами «региональные организации или союзы».

Так, например, в резолюции № 776 от 14.09.1992 года о расширении мандата Сил ООН по охране (UNPROFOR) предлагалось «*региональным организациям или союзам*» оказать генеральному секретарю финансовую или другую помощь... (курс. здесь и далее – Авт.).

Резолюция № 781 от 9.10.1992 года призывала

³⁴ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. М., 2009. С. 194.

«государства на национальном уровне или через региональные организации или союзы предпринять все необходимые меры для обеспечения помощи UNPROFOR на базе специального наблюдения и других возможностей...».

Резолюция № 787 от 16.11.1992 года «...призывает государства в национальном плане или через региональные организации или союзы использовать... меры... для безопасности всех морских поручений при входе и выходе к цели контроля, проверки товара, а также обеспечения приведения в жизнь резолюций № 713 и № 757». Резолюция № 816 от 31.03.1993 года «обязывает государства-члены... самим или через региональные организации или союзы... предпринять все необходимые меры в воздушном пространстве республики БиГ в случае дальнейших нарушений...».

С 12 апреля 1993 года по просьбе генерального секретаря ООН полеты в воздушном пространстве Боснии и Герцеговины осуществляли самолеты НАТО для соблюдения режима «бесполетной зоны». С этого времени роль UNPROFOR ограничивалась наземным наблюдением, а «все меры, связанные с принуждением, осуществлялись НАТО».

В июне 1993 года в резолюции № 836 по применению воздушных сил в Боснии и Герцеговине было принято решение о том, «чтобы государства-члены..., действуя на национальном плане или через региональные организации или союзы, предприняли на основе полномочия Совета Безопасности и в тесной координации с генеральным секретарем и UNPROFOR все необходимые меры с применением воздушных сил... как поддержки UNPROFOR в осуществлении его мандата».

Тогда же, в июне 1993 года, министры иностранных дел

стран НАТО приняли решение о предоставлении защиты с воздуха силам обороны ООН на территории Югославии. Уже в июле самолеты НАТО начали проводить учебные полеты для обеспечения непосредственной авиационной поддержки.

Стоит подчеркнуть, что внутренние конфликты в Югославии достаточно быстро (с первой половины 1992 г.) стали обсуждаться в НАТО, причем с позиций военного вмешательства.

Уже на декабрьской сессии (1992 г.) Комитета военного планирования НАТО на уровне министров обороны было принято решение, которое, с различными оговорками, тем не менее, предусматривало возможность прямого военного вмешательства в югославский конфликт.

Надо заметить, что не все официальные деятели Запада разделяли подобный подход. В качестве примера можно процитировать министра иностранных дел Великобритании Дугласа Хэрда: «НАТО – это не международная полиция. И это, конечно, не армия крестоносцев, которые выступают, чтобы с помощью силы разъединить воюющие войска или водрузить знамя на чужой земле. В ее полномочия не входит навязывать странам, не являющимися элементами НАТО, западные представления о ценностях или улаживать споры между другими государствами. НАТО не может заменить ООН, СБСЕ или Европейское сообщество. Прежде всего, ООН с ее особым правовым авторитетом не имеет себе равных».

Несмотря на подобную позицию ряда европейских стран, НАТО с июля 1992 года приступила к выполнению резолюции Совета Безопасности ООН по Югославии. Корабли, входящие в постоянное соединение ВМС НАТО в Средиземноморье, начали осуществлять в Адриатическом море контроль над

соблюдением торгового эмбарго против Сербии и Черногории, а также на поставку оружия всем бывшим республикам Югославии (согласно резолюциям Совета Безопасности № 713 и № 757).

Начал также осуществляться контроль над воздушной зоной Боснии и Герцеговины, запрещенной для полетов (резолюция № 836).

Как отмечалось в докладе генерального секретаря ООН, после отказа сербов принять план Вэнса-Оуэна*, Организация Североатлантического договора «в рамках регионального договора» приступила к проведению предварительных исследований о возможности участия военных групп НАТО «в планировании широкой оперативной концепции осуществления мирного плана для Боснии и Герцеговины» или осуществления задач военного характера в рамках мирного плана. НАТО предложила провести наземную разведку и связанные с этим мероприятия, а также «рассмотреть возможность предоставления ключевой штабной структуры, предусматривающей возможность привлечения других стран, которые могут направить свои воинские контингенты».

Итак, вполне конкретные не только военные цели, но и

* План по урегулированию кризиса в Югославии был подготовлен Сайрусом Вэнсом (личный представитель генерального секретаря ООН по урегулированию кризиса в Югославии, бывший госсекретарь США) и лордом Дэвидом Оуэном (представитель Евросоюза по урегулированию кризиса в Югославии). План Вэнса-Оуэна, по мнению генерального секретаря ООН Б.Бутрос-Гали, представлял «всеобъемлющий пакет, который ведет к установлению справедливого и прочного мира в Боснии и Герцеговине». План включал:

– проект соглашения по Боснии и Герцеговине, касающегося делимитации границ провинций, конституционного устройства и гуманитарных вопросов;

– проект соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, касающегося соблюдения прекращения боевых действий и наблюдения за ним.

Согласно предложенным Конституционным принципам, БиГ делилась на десять провинций (три сербские, три мусульманские, две хорватские и одну со смешанным хорватско-мусульманским населением). Сараево предполагалось сделать свободной зоной.

действия прикрывались миротворческой фразеологией. Более того, со временем это прикрытие становилось все тоньше и тоньше. Постепенно все отчетливее обозначалась триединая задача сил НАТО в так называемой миротворческой концепции ООН:

- военно-морские операции;
- военно-воздушные операции;
- операции по защите персонала ООН.

Однако последняя задача, так необходимая миротворцам, практически натовцами игнорировалась.

Начиная с августа 1993 года, в UNPROFOR уже были созданы оперативные механизмы предоставления НАТО военно-воздушных сил для обеспечения охраны персонала ООН. Как отмечал генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали, эти механизмы прошли проверку в ходе ряда учений и целиком были готовы для использования. Подготовленными оказались также и планы военных операций.

С начала 1994 года США приняли решение использовать в бывшей Югославии не только ВВС и ВМС, но и сухопутные силы НАТО. Проводилось оперативное планирование, собиралась информация и анализировалась обстановка на театре военных действий, осуществлялась подготовка расквартированных в Европе подразделений, в Хорватию и Боснию были направлены американские военные специалисты.

Постепенно ООН переходит на роль «политического прикрытия» для действий военного блока НАТО.

Тенденция перехода к новой концепции миротворчества в ООН проявлялась отчетливо. Б.Бутрос-Гали в начале 1994 года приветствовал тесное сотрудничество ООН и НАТО.

С 10 января 1994 года между НАТО и ООН продолжились уже

открытые дискуссии об участии Североатлантического союза в миротворческих операциях в бывшей Югославии. Согласно полномочиям, полученным по резолюциям № 836 и № 913, все планы применения силы в БиГ отныне разрабатывались совместными усилиями НАТО и UNPROFOR. Присутствие оперативных представителей НАТО в штабе UNPROFOR в Загребе значительно увеличилось.

Итак, следует подчеркнуть, что с самого начала конфликта НАТО уделила большое внимание интенсивной проработке планов именно непосредственных силовых акций.

Это прослеживается на развитии ситуации, уже начиная с лета 1992 года.

В январе-феврале 1994 года НАТО активно занялась обсуждением возможностей ударов с воздуха по боснийским сербам, окружившим Сараево. Взрыв (5 февраля 1994 г.), от которого в городе погибли 68 человек и около 200 получили ранения, только ускорил принятие окончательного решения.

Напомним, что еще в августе 1993 года Совет НАТО принял решение о начале немедленной подготовки к авиационным ударам. В этой связи военное руководство НАТО разработало несколько оперативных вариантов бомбардировок.

Один из вариантов планировал ограниченные бомбардировки позиций сербской артиллерии и танков, обстреливавших Сараево. Другой вариант предполагал осуществление налетов на центры управления, дороги и склады в районе Сараево. Наиболее жесткий вариант предусматривал бомбардировки широкого круга сербских объектов на территории Боснии.

«Эти варианты, – писал Майкл Гордон в «Нью-Йорк таймс», – позволяют НАТО постепенно усилить военный нажим... Конкретные цели будут предложены американским

генералом Джереми Бурда, главнокомандующим объединенными вооруженными силами НАТО в Южной зоне Европы. Потребуется также одобрение генерала Жака Кота, который командует силами ООН по охране на Балканах».

Тогдашний генеральный секретарь НАТО Манфред Вернер подтвердил готовность ВВС НАТО, заявив: «С 22 июля (1993 г. – Авт.) НАТО готова задействовать свою авиацию на основе резолюции Совета Безопасности № 836», а 12 августа 1993 года Совет НАТО одобрил «Оперативные варианты ударов с воздуха в Боснии и Герцеговине», представленные Военным комитетом альянса.

Однако ознакомление с резолюцией № 836 (принята Советом Безопасности 4 июня 1993 г.), на которую сослался М.Вернер, приводит к выводу, что она не дает никаких полномочий НАТО на бомбардировку целей вокруг Сараево. Резолюция ограничилась лишь подтверждением ранее установленного запрета на военные полеты в воздушном пространстве Республики Боснии и Герцеговины. В ее п. 10 также указывалось, что государства-члены ООН, действуя на национальном уровне или через региональные организации или соглашения, могут принимать под руководством Совета Безопасности и при условии координации с генеральным секретарем и СООНО (Силы ООН по охране. – Авт.) все необходимые меры путем применения военно-воздушных сил.

Ссылка в резолюции на необходимость руководства действиями авиации со стороны Совета Безопасности ООН исключает возможность проведения без его решения конкретных операций любых ВВС.

Из этого совершенно ясно, что удары военной авиации НАТО по Сараево и его окрестностям могли быть

осуществлены только на основе специальных резолюций Совета Безопасности.

Тем не менее, НАТО от своего имени предъявила ультиматум боснийским сербам отвести в десятидневный срок (до 1 часа ночи 21 февраля 1994 г.) на 20 км от Сараево свое тяжелое вооружение.

Ультиматум был подкреплён угрозой нанести удар с воздуха. Это сделало реальной возможность прямого военного вмешательства в межобщинный конфликт в Боснии.

Таким образом, выяснилось, что, вопреки миролюбивой риторике, на самом деле готовилась по-настоящему масштабная военная операция, чреватая непредсказуемыми последствиями.

После объявления ультиматума генеральный секретарь ООН Б.Бутрос-Гали на встрече представителей стран НАТО в Брюсселе поддержал идею нанесения воздушных ударов по боснийским сербам. Он утверждал даже, что для этого не требуется специального решения Совета Безопасности, а достаточно лишь положительного решения Совета НАТО.

«Я наделен полномочиями, – заявил он, – «нажать кнопку» относительно воздушной поддержки..., но для воздушных ударов необходимо будет решение Совета НАТО...». При этом он сослался на ежедневные контакты с официальными лицами США и НАТО.

Заявление генерального секретаря ООН напомнило претензии некоторых его предшественников в годы холодной войны, весьма «расширительно» истолковывавших свои полномочия*.

* Так, Д.Я.Хаммаршельд (генеральный секретарь ООН в 1953–1961 гг.) пытался сделать ООН надгосударственной структурой со своими вооруженными силами и правом вмешиваться в

Поэтому комментарий главы дипломатического ведомства Египта А.М.Муса выглядел вполне закономерно: «Все прекрасно знают, что он (то есть Б.Бутрос-Гали – Авт.) является то соучастником, то исполнителем стратегии и тактики США».

Лишь решительная позиция России позволила миру избежать резкого расширения конфликта. Кроме того, российский воздушно-десантный батальон, входящий в состав «голубых касок» ООН, вступив в Грбавицу (пригород Сараево), разделил сербов и мусульман, что и обеспечило прекращение огня.

После подписания Мирного соглашения по Боснии* (Париж, 14 декабря 1995 г.) Североатлантический союз создал и возглавил Многонациональные силы по выполнению соглашения (ИФОР–IFOR), перед которыми была поставлена задача обеспечения военных аспектов соглашения.

конфликтные ситуации суверенных государств. Но в то время в ООН наблюдался определенный баланс сил: СССР и его союзники – США и их союзники – неприсоединившиеся государства, да и сами идеи слишком опережали время – во всяком случае, Хаммершельд погиб в авиационной катастрофе при странных обстоятельствах. Одна из версий была, что его «убрали» спецслужбы западных стран.

Теперь эти идеи возникли вновь. Но на роль вооруженных сил ООН претендуют военные структуры НАТО, которым необходимо трансформировать свои задачи, цели и структуры так, чтобы обеспечить свое присутствие в военной составляющей международной политики на долгие годы, что находит достаточную поддержку на Западе (В.В.Штоль. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М.: «Научная книга», 2003. С. 34).

* В результате четырехлетних боев к концу 1995 г. территория Боснии и Герцеговины была разделена на три этнических района, сербская армия ослаблена, а мусульманские и хорватские войска с помощью НАТО смогли отвоевать у сербов даже большую территорию (55%), чем предусматривалось планом Контактной группы. Политические руководители сербов, мусульман и хорватов под нажимом США и международных организаций были вынуждены пойти на подписание мирного договора – Дейтонские соглашения.

Дейтонские соглашения, парафированные 21 ноября 1995 г. на военной базе в Дейтоне (штат Огайо, США) и подписанные 14 декабря того же года в Париже, зафиксировали компромисс, который при всех своих недостатках дал возможность остановить войну.

Босния и Герцеговина признана целостным государством, разделенным на две части – Федерацию БиГ и Республику Сербскую. Были определены границы общего государства и двух образований, полномочия различных органов власти, права и функции международных военных сил и гражданских представителей, намечены основные методы и формы восстановления мира в полиэтничном государстве.

В соответствии с приложением 1А Мирного соглашения, операцию «Джойнт индевор» («Совместные усилия») возглавляла НАТО под политическим управлением и контролем Североатлантического совета. Система военного управления ИФОР строилась по принципу единоначалия. Общее военное руководство осуществлял Верховный главнокомандующий объединенных вооруженных сил НАТО в Европе.

Передовая оперативная группа обеспечения развертывания прибыла в Боснию и Хорватию 2 декабря 1995 года для организации штаб-квартиры, установления связи и налаживания работы тыла, необходимых для принятия основных сил (численностью в 60 тыс. чел.).

Развертывание основных сил началось 16 декабря 1995 года после окончательного утверждения оперативного плана (ОПЛАН) Североатлантическим советом и резолюции Совета Безопасности ООН № 1031 от 15 декабря, дающей полномочия на проведение операции ИФОР.

Передача полномочий от командующего миротворческими силами ООН командующему ИФОР проводилась 20 декабря, после утверждения Советом НАТО развертывания основных сил. В этот день все силы НАТО и войска стран, не входящих в НАТО и участвующих в операции, перешли под командование и/или управление командующего ИФОР. При этом ИФОР обеспечили условия для безопасного, упорядоченного и своевременного вывода остававшихся сил ООН, не переходивших под командование и/или управление НАТО.

К 19 января 1996 года, через 30 дней после передачи

Хорватское образование Герцег-Босна прекратило свое существование. Мир в Боснии и Герцеговине по-прежнему поддерживают международные военные и полицейские силы, хотя их численность и сокращается.

полномочий ИФОР от СООНО, стороны, подписавшие соглашение, вывели свои войска из зоны разделения с обеих сторон согласованной линии прекращения огня. На 3 февраля все войска были выведены из подлежащих передаче районов. Передача территорий между боснийскими образованиями была завершена к 19 марта, и вдоль пограничной линии между образованиями была установлена новая зона разделения.

По условиям Мирного соглашения, все тяжелое оружие и войска должны были быть к 18 апреля собраны в районах расквартирования или демобилизованы.

Это было последним этапом выполнения военного приложения к Мирному соглашению.

По техническим причинам стороны, подписавшие Мирное соглашение, не смогли завершить вывод и демобилизацию или сбор в районах расквартирования тяжелого оружия и войск к установленному сроку. Только к пересмотренному сроку, установленному ВГК ОВС НАТО в Европе на 27 июня 1996 года, сбор тяжелого оружия в районах расквартирования был завершен.

После выборов в Боснии (сентябрь 1996 г.), несмотря на то, что деятельность ИФОР считалась завершенной, стало ясно, что предстояло еще провести большую работу в гуманитарной сфере, а общая обстановка будет оставаться потенциально неустойчивой и опасной. Поэтому министры обороны стран НАТО на неофициальной встрече (г. Берген, Норвегия) приняли решение о том, что Североатлантическому союзу необходимо рассмотреть возможность оказать поддержку в создании условий безопасности и после истечения мандата ИФОР (декабрь 1996 г.).

В ноябре - декабре 1996 года в Париже был утвержден

двухлетний план укрепления мира, который затем был доработан в Лондоне под эгидой Совета по выполнению Мирного соглашения, созданного в соответствии с Мирным соглашением.

На основе этого плана и изучения в НАТО вариантов обеспечения безопасности министры иностранных дел и министры обороны стран блока приняли решение о том, что для обеспечения стабильности требуется присутствие в стране меньших по численности военных сил – Сил стабилизации (СФОР-SFOR), которые должна была организовать НАТО.

В соответствии с гл. VII Устава ООН (принуждение к миру), а также с резолюцией Совета Безопасности ООН № 1088 от 12 декабря 1996 года Силам стабилизации как законному преемнику ИФОР было поручено выполнение военных аспектов Мирного соглашения. СФОР получили аналогичную ИФОР установку на жесткое применение силы, если это потребуется для выполнения поставленной задачи и самообороны.

На основе общего соблюдения условий Дейтонского соглашения меньшие по численности СФОР могли сосредоточить свои усилия на выполнении всех положений Приложения 1А Мирного соглашения.

Планами НАТО предусматривалось проведение операции СФОР в 18 месяцев при пересмотре численности войск по истечении 6 и 12 месяцев для перенесения центра тяжести с задач стабилизации на задачи сдерживания и завершения операции к июню 1998 года.

По результатам анализа событий (июнь 1997 г.) был сделан вывод о том, что за исключением некоторых

корректировок состава сил в период муниципальных выборов на территории БиГ, значительных изменений в численности и потенциале СФОР не потребуется. По крайней мере до тех пор, пока Североатлантический совет после консультаций со странами, не входящими в НАТО, но выделившими свои воинские контингенты в объединенную группировку, не проведет тщательную оценку военного положения в БиГ, сложившуюся после выборов.

В декабре 1997 года министрами иностранных дел и обороны стран НАТО был принят ряд дополнительных решений, связанных с выполнением Мирного соглашения по Боснии и Герцеговине.

Североатлантический совет провел рассмотрение операции СФОР и подтвердил, что при продолжении выполнения Силами своего мандата их численность будет оставаться на прежнем уровне (с возможной осторожной корректировкой в ту или иную сторону). При этом Североатлантический совет наметил переходную стратегию, предполагающую регулярный пересмотр численности Сил и их постепенное сокращение, а также передачу их обязанностей компетентным общим институтам, гражданским органам власти и международным органам после создания необходимых для этого условий.

По мере стабилизации ситуации в Боснии и Герцеговине НАТО проводила структурную перестройку Сил по стабилизации и уменьшала их численность.

К началу 2002 года первоначальная численность в 32 тыс. человек была сокращена приблизительно до 19 тыс. военнослужащих из 17 государств-членов НАТО и 15

государств, не входящих в НАТО*, включая российский воинский контингент.

К январю 2003 года численный состав СФОР был еще больше сокращен и составил 12 тыс. военнослужащих.

Эти Силы могли быть при необходимости усилены за счет стратегического резерва. Мандат СФОР не изменился – содействовать поддержанию безопасной обстановки в соответствии с Дейтонским мирным соглашением.

Улучшение общей обстановки в сфере безопасности в Боснии и Герцеговине в 2003 году, в том числе в результате успешных действий подразделений по обезвреживанию боеприпасов, уничтоживших большое число гранат, мин, боеприпасов к винтовкам, пистолетам и т.п., позволило НАТО к середине 2004 года сохранить численность СФОР.

Оставшийся контингент Сил сдерживания насчитывает приблизительно 7 тыс. военнослужащих.

Руководители Североатлантического союза на основе анализа обстановки в Боснии и Герцеговине отмечали прогресс, достигнутый после развертывания (1995 г.) Сил по выполнению мирного соглашения под руководством НАТО, и позитивную роль СФОР. Они договорились о завершении операции СФОР к концу 2004 года и передаче Европейскому союзу миссии по обеспечению безопасности в Боснии и Герцеговине.

На стамбульском саммите (июнь 2004 г.), учитывая положительное развитие обстановки в сфере безопасности в

* В разное время войска выделяли Австрия, Албания, Аргентина, Болгария, Египет, Иордания, Ирландия, Латвия, Литва, Марокко, Румыния, Словакия, Словения, Украина, Швеция, Финляндия и Эстония.

Боснии и Герцеговине, руководители стран Североатлантического союза подтвердили свое решение завершить миротворческую миссию НАТО. Они приветствовали готовность Европейского союза принять на себя ответственность за новую миссию – операцию «Алтея», для проведения которой ЕС развернул в Боснии и Герцеговине новые силы – ЕСФОР.

Хотя роль НАТО как главного «поставщика» безопасности в Боснии и Герцеговине с завершением миссии СФОР закончилась, но НАТО своим обязательствам в БиГ придала новые формы.

В порядке остаточного военного присутствия Североатлантический союз 2 декабря 2004 года создал там штаб для содействия национальным органам власти при проведении военной реформы и для подготовки к возможному будущему участию в программе «Партнерство ради мира». Этот штаб также выполняет и другие задачи: борьба с терроризмом и обмен разведданными с Европейским союзом.

Если посмотреть на эту ситуацию с сегодняшних позиций, становится очевидным, что натовская операция в Боснии и Герцеговине явилась, во-первых, первой «пробой сил» НАТО в новом качестве глобального блока, присваивающего себе повсеместно миротворческие функции. Одновременно это был своеобразный поиск подходов уже к собственно Югославии, завершение распада которой было генеральной задачей НАТО на Балканах.

Во-вторых (и это следует подчеркнуть особо), с точки зрения долгосрочной стратегии НАТО, сам комплекс операций блока на Балканах имеет целью подготовку к расширению масштаба миротворческих операций и перенесению их на

территорию постсоветского пространства.

Вот цитата из выступления президента США Б.Клинтона на закрытом заседании Объединенного комитета начальников штабов – высшего органа военного планирования вооруженных сил США (октябрь 1995 г.): «...Наша политика в отношении СССР... убедительно доказала правильность курса на устранение одной из сильнейших держав мира. Мы добились того, что собирался сделать президент Трумэн посредством атомной бомбы. ...Мы получили сырьевой придаток, а не разрушенное атомом государство. В ближайшее десятилетие предстоит решение следующих проблем: расчленение России на мелкие государства путем межрегиональных войн, подобных тем, что были организованы нами в Югославии; ...установление нужного нам режима в оторвавшихся от России республиках»³⁵.

³⁵ Цит. по: Жуков В.И. Россия в глобальном мире: философия и социология преобразований. В 3-х томах. М.: РГСУ, 2007. Т. I. С. 433–434.

Глава 3.2. НАТО и Македония:

очередной этап славяно-албанского противостояния

Еще одной операцией по поддержанию мира в Европе считается участие НАТО в событиях в Македонии для снятия остроты нараставшего в 2001 году конфликта между правительством и мятежниками албанского происхождения и предотвращения его перерастание в полномасштабную войну.

В июне 2001 года Североатлантический совет удовлетворил просьбу президента Македонии Б.Трайковского, который обратился к НАТО с просьбой о содействии в разоружении так называемой Национальной освободительной армии (НОА), представлявшей собой вооруженную группировку из боевиков-этнических албанцев. НОА в то время уже контролировала обширные территории на востоке и севере страны. Под угрозой оказалось само существование Македонии как государства*.

В ответ Североатлантический совет направил в Македонию группу кризисного регулирования для организации между сторонами политического диалога и заключения соглашения о прекращении огня.

Группе НАТО удалось убедить НОА заключить соглашение о прекращении огня и поддержать переговоры, завершившиеся (13 августа 2001 г.) подписанием Охридского Рамочного соглашения, позволившего ввести в страну военнослужащих ОВС НАТО.

В результате НАТО развернула операцию под кодовым названием «Эссеншиал Харвест» («Существенный урожай») для

* Причины и подробности активизации албанцев и албанского сепаратизма на Балканах будут более подробно рассмотрены на примере событий в сербском автономном Крае Косово и Метохия.

надзора за разоружением НОА.

В операции было задействовано 3500 военнослужащих НАТО и средства тылового обеспечения.

За последовавшие 30 дней они собрали 3875 единиц стрелкового оружия и 397600 единиц других видов вооружения, включая мины и взрывчатые вещества.

В начале октября задача была выполнена и Национальная армия освобождения как организованная вооруженная группировка перестала существовать.

Однако в сентябре 2001 года президент Трайковский обратился к НАТО с просьбой направить в страну новое воинское формирование для охраны международных наблюдателей из ЕС и ОБСЕ, контролировавших реализацию плана мирного урегулирования в Македонии. Эта операция была названа «Эмбер Фокс» («Рыжая лиса») и началась она 27 сентября 2001 года по трехмесячному мандату, который был впоследствии продлен. В ней участвовало под командованием Германии около 700 военнослужащих, выделенных государствами-членами НАТО как подкрепление приблизительно 300 военнослужащих, остававшихся в стране после окончания операции «Эссеншиал Харвест».

В ответ на очередную просьбу президента Трайковского Североатлантический совет согласился продолжить оказание поддержки Македонии и начал с 16 декабря 2002 года новую операцию под названием «Эллайд Хармони» («Союзная гармония»). Принимая это решение Североатлантический совет отметил, что хотя теперь стало возможным завершить операцию «Эмбер Фокс», но необходимость дальнейшего международного военного присутствия в стране сохраняется, чтобы свести к минимуму опасность дестабилизации.

Эта миссия включала в себя боевые подразделения, обеспечивавшие поддержку международным наблюдателям, а также группы советников, помогавших правительству в обеспечении безопасности на всей территории страны.

Операция «Эллайд Хармони» под руководством НАТО продолжалась до 31 марта 2003 года, а затем ответственность за нее была передана Европейскому союзу.

Впоследствии НАТО продолжала поддерживать свое гражданское и военное присутствие в стране, мотивируя это якобы необходимостью оказывать помощь национальным органам власти и консультировать их по вопросам реформы сектора безопасности и участия страны в Плане действий по подготовке к членству в НАТО.

Для этого в Скопье был создан штаб НАТО в составе 120 военных и гражданских служащих из разных стран под командованием Главного военного представителя НАТО, действующий до сих пор и оказывающий помощь стране в проведении военной реформы*.

* Прием Македонии в члены НАТО был отложен из-за позиций Турции и Греции.

Глава 3.3. Прецедентный характер кризиса в Крае Косово и Метохия

Зоной еще одной миротворческой операции сил НАТО стало Косово, когда возник конфликт между воинскими формированиями Сербии и Силами косовских албанцев так называемой Армией освобождения Косова (АОК).

Напряженность в Косово с его преимущественно албанским населением обострилась после введения (1989 г.) прямого правления из Белграда и переросла (конец февраля 1998 г.) в столкновения между сербскими войсками и полицией, с одной стороны, и косовскими албанцами, с другой.

У этого конфликта имелась своя предыстория. С одной стороны, Косово и Метохия – историческая территория Сербии, в которой расположено множество православных святынь этого народа; с другой – абсолютное этническое большинство на этой земле вследствие ряда причин к концу 80-х годов прошлого столетия получили албанцы.

Запад по мере развития «перестройки» в СССР стал всячески подогревать сепаратистские тенденции, которые после падения в самой Албании коммунистического режима, получили развитие в виде идеи «Великой Албании». Здесь следует особо подчеркнуть, что входящий в структуру Совета Европы Федералистский союз европейских национальных меньшинств (ФСЕНМ) со штаб-квартирой во Фленсбурге, финансируемый МВД Германии, включает и этнических албанцев из Косова. ФСЕНМ тесно взаимодействует с международной группой «Проект по этническим отношениям», в которую, наряду с государственным департаментом США, входят фонды Карнеги,

Рокфеллера, Форда, а также Германский фонд Маршалла – главный источник финансирования Римского клуба.

Д.Эстулин утверждает, что за созданием АОК стоял Бильдербергский клуб, который возложил выполнение соответствующих организационных задач на руководство германской внешней разведки (BND)³⁶.

В целом, как указывает канадский ученый М. Хоссудовски, «...подготовка сил АОК являлась частью планов НАТО, возглавляемой генералом Уэсли Кларком». Так, агентство «Франс-пресс» 13 октября 1999 года проинформировало общественность о тесных личных контактах Кларка с командующим АОК А.Чеку и ее политическим лидером, нынешним «премьером» Косова Х.Тачи.

Ряд исследователей, в частности Т.Керсович – представитель Института геополитических исследований (Белград), указывают и на главный источник финансирования АОК – фонд «Зов родины», имевший филиалы в Бонне, Стокгольме, Берне и других европейских центрах.

Закономерен вопрос: для чего все это делалось и делается?

Отвечая на него, обычно обращаются к комплексу причин, выделяя несколько основных аспектов.

Так, во-первых, имел место сугубо натовский внутривблоковый геополитический интерес, а именно: связать между собой фланги НАТО – западный (европейский) и восточный – Турцию. Иначе говоря, стремление Турции в Европу, пик которого пришелся как раз на 90-е годы, было использовано для поощрения косовского сепаратизма. Сам

³⁶ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. М., 2009. С. 115.

факт этой поддержки, как теперь очевидно, оказал обратное воздействие и на саму Турцию, спровоцировав в стране рост исламистских настроений, материализовавшихся к настоящему времени, ввиду фактического отказа Европейского союза от ее приема в свои ряды, в «реставрационную» политику по отношению к османскому историческому наследию.

Во-вторых, деятельность албанских сепаратистов из АОК способствовала укреплению роли Косова как перевалочной базы наркотиков по маршруту из Афганистана в Западную Европу. Ввиду активного участия в афганских процессах США и их союзников по НАТО можно предположить, что Косово и Афганистан – звенья одной цепи. И в данном случае неважно, какими идеологическими условностями эта политика обставляется: происламистскими или «антитеррористическими». На деле и тот, и другой тренды обеспечивают развитие ситуации в заданном, управляемом и необходимом заказчикам этой «игры» направлении.

В-третьих, было бы поверхностно и неразумно сбрасывать со счетов частные интересы крупных фигур мировой закулисной политики, которые имели определенный интерес к соответствующим объектам народнохозяйственной инфраструктуры Сербии. В частности, речь идет о Дж.Соросе, который еще до агрессии НАТО против Югославии проявил интерес к расположенному в автономном Крае горнорудному комплексу Трепча.

Во многом именно поэтому контролируемая Соросом международная «правозащитная» организация «Human Rights Watch» («Наблюдение за правами человека») закрыла глаза на действия АОК при том, что обнародованные на Западе «бесчеловечные» планы сербов в отношении албанского

большинства края (так называемый план «Подкова»), по сведениям специалистов, были сфабрикованы все теми же германскими спецслужбами.

Общую картину подрывных действий США и НАТО против Сербии в косовском вопросе дополняет упоминание о взаимодействии в Косово НАТО с ООН, миссию которой возглавляла такая противоречивая и «непотопляемая» фигура как нынешний глава МИД Франции Б.Кушнер.

Таким образом, АОК, как и упомянутая концепция «Великой Албании», изначально поддерживались Западом в рамках общего плана по дезинтеграции Югославии, американское авторство которого в октябре 1995 года признал тогдашний президент США Б.Клинтон.

Международное сообщество, обеспокоенное эскалацией конфликта, опасностью распространения его на другие страны, а также его гуманитарными последствиями, выдвинуло ряд дипломатических инициатив, направленных на его мирное разрешение. В частности, была достигнута договоренность о том, что Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) учредит Миссию по контролю в Косово (МКК) для наблюдения за выполнением договоренностей в зоне конфликта, а НАТО создаст Миссию по наблюдению с воздуха. Создание обеих миссий было одобрено резолюцией Совета Безопасности ООН. Кроме того, была сформирована военная тактическая группа НАТО для содействия в эвакуации Миссии по контролю в случае продолжения конфликта.

Несмотря на это в начале 1999 года после ряда провокационных действий с обеих сторон, инициатива в развертывании которых принадлежала албанской стороне,

ситуация в Косово вновь обострилась.

Международное сообщество пыталось найти новые подходы для мирного разрешения конфликта.

29 января состоялось заседание Контактной группы, созданной в 1992 году участниками лондонской конференции по бывшей Югославии, в состав которой входила и Россия. Была достигнута договоренность о проведении срочных переговоров между участвующими в конфликте сторонами при международном посредничестве.

НАТО поддержала действия Контактной группы. Кроме того, альянс предупредил участников конфликта о решении нанести при необходимости авиационные удары.

Эти согласованные инициативы привели к переговорам, проходившим с 6 по 23 февраля в Рамбуйе вблизи Парижа, а затем с 15 по 18 марта – в Париже. Однако переговоры потерпели неудачу, и в марте 1999 года сербские войска и полиция активизировали свои действия, направив в регион дополнительные подразделения и танки.

На этом этапе, по мнению Запада, все дипломатические средства убедить сербов прекратить наступательные действия против косовских албанцев были исчерпаны, и 23 марта 1999 года руководство НАТО отдало приказ о нанесении авиационных ударов по Югославии, развернув против нее так называемую «гуманитарную интервенцию», чтобы принудить ее прекратить силовое восстановление порядка. Таким образом была начата агрессия против Союзной Республики Югославии (СРЮ), не санкционированная Советом Безопасности ООН.

В этой военной операции против Союзной Республики Югославии, продолжавшейся 78 дней, участвовали 19 стран

НАТО. Ущерб, нанесенный промышленным, транспортным и гражданским объектам страны в результате почти трехмесячных бомбардировок, по разным оценкам, измеряется суммой от 60 до 100 млрд. долл.

Цели НАТО в связи с конфликтом в Косово были изложены в заявлении, принятом на чрезвычайной сессии Североатлантического союза (12 апреля 1999 г.), подтверждены главами государств и правительств в Вашингтоне (23 апреля 1999 г.), и в интерпретации генерального секретаря НАТО Х.Соланы заключались в следующем:

- подлежащее проверке прекращение всех военных действий и немедленное прекращение насилия и преследований;
- вывод из Косово воинских, полицейских и военизированных формирований;
- размещение в Косово международного военного контингента;
- безоговорочное возвращение всех беженцев и перемещенных лиц и обеспечение им условий безопасности, а также беспрепятственный доступ к ним со стороны организаций, оказывающих гуманитарную помощь;
- заключение политического рамочного соглашения по Косово на основе договоренностей в Рамбуйе и в соответствии с международным правом и Уставом ООН.

Обеспечение реализации поставленных целей рассматривалось Североатлантическим союзом как предпосылка прекращения насилия и человеческих жертв в Косово, хотя на самом деле все это способствовало, в конечном счете, усилению сепаратистских настроений и началу фактической реализации взятого косовскими

албанцами курса на отделение Края от Сербии.

Дипломатические усилия, предпринятые в начале июня Россией (от имени которой выступал В.С.Черномырдин) и Североатлантическим союзом, привели к тому, что 9 июня между НАТО и Союзной Республикой Югославия было заключено военно-техническое соглашение, в соответствии с которым начался полномасштабный вывод югославских войск из Косово. А 10 июня НАТО объявила о временном прекращении авиационных ударов по Югославии.

20 июня Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1244, в которой приветствовалось принятие Союзной Республикой Югославия принципов политического разрешения кризиса в Косово.

Здесь необходимо упомянуть о той роли, которую сыграла в достижении этих договоренностей Россия.

Под давлением Запада тогдашний президент РФ Б.Н.Ельцин отозвал опытного дипломата Е.М.Примакова, являвшегося председателем правительства России, с должности своего специального представителя по урегулированию конфликта, назначив таковым В.С.Черномырдина. Именно он фактически «дожал» президента СРЮ С.Милошевича, побудив его подписать соглашение об урегулировании. Очевидно, что, если бы этого не произошло, НАТО оказалась бы перед необходимостью проведения сухопутной военной операции, которая неминуемо сопровождалась бы потерями, неприемлемыми для общественного мнения США и других участников агрессии. О последствиях такого, весьма вероятного тогда поворота событий сегодня можно лишь предполагать.

В связи с этим обращает на себя внимание информация,

обнародованная летом 2010 года экспертом Российской академии геополитических проблем А.Саркисяном. Им утверждается, что «сдача» национальных интересов Сербии во время натовской агрессии Черномырдиным была обусловлена обещаниями, данными ему вице-президентом США А.Гором, суть которых сводилась к оказанию содействия в «назначении» Черномырдина «наследником» Б.Н.Ельцина³⁷.

Как в связи с этим не вспомнить, что именно Черномырдин после августовского дефолта 1998 года, ответственность за который была возложена на правительство С.В.Кириенко, дважды вносился Ельциным в Государственную Думу в качестве кандидата на вторую по значимости государственную должность председателя Правительства России. И только твердость отвергнувших Черномырдина депутатов заставила Ельцина дрогнуть, изменить обязательствам перед американцами и выдвинуть в премьеры кандидатуру Е.М.Примакова.

Возвращаясь к теме урегулирования в Косово, отметим, что с учетом достигнутого урегулирования Совет Безопасности ООН поручил государствам-членам и соответствующим международным организациям сформировать и направить в Косово под эгидой ООН международный военный контингент в основном из сил НАТО и под единым натовским командованием так называемые Силы для Косово (СДК или КФОР).

Первые подразделения КФОР вступили в Косово 12 июня 1999 года и с этого времени можно считать, что НАТО возглавила миротворческую операцию в Косово.

³⁷ <http://www.regnum.ru/news/1308952.html>.

В полном составе КФОР насчитывали 50 тыс. военнослужащих.

В КФОР под единым командованием принимали участие воинские контингенты всех 19 стран НАТО и 20 государств, не входящих в НАТО (среди них войска 16 государств-партнеров, в том числе российский контингент численностью 3200 военнослужащих)*.

В задачи КФОР, как они декларировались натовским руководством, входило:

- оказание помощи в возвращении или переселении перемещенных лиц и беженцев;
- восстановление и разминирование;
- оказание медицинской помощи;
- обеспечение безопасности и общественного порядка;
- обеспечение безопасности этнических меньшинств;
- защита памятников старины;
- обеспечение безопасности границ;
- пресечение трансграничной контрабанды оружия;
- реализация в масштабах всего Косово программы амнистии оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;
- уничтожение оружия;
- поддержка органов гражданской власти, общественного порядка, судебной и пенитенциарной системы, избирательного процесса и других аспектов политической, экономической и социальной жизни Края.

Как показали дальнейшие события, КФОР не всегда справлялись с возложенными на них задачами, а в целом ряде случаев действовали с позиций «двойных стандартов»,

* В 2003 г. было принято решение о выводе российских миротворцев с Балкан.

не препятствуя ущемлению прав сербского меньшинства косовского анклава.

Например, КФОР, участвуя наряду с гражданской полицией ООН в обеспечении порядка и безопасности в Косово, охране остающихся там этнических меньшинств, не справились с этой задачей, так как:

- этническая чистка Края, жертвами которой становилось неалбанское население, а также албанцы, обвиняемые АОК в «коллорабационизме» с югославскими властями, продолжалась;

- гуманитарная ситуация постоянно ухудшалась;

- остающиеся в Косово неалбанцы проживали и по сей день живут под охраной КФОР в нескольких анклавах, фактически не имея возможности свободно передвигаться по территории Края;

- доступ сербов к медицинскому обслуживанию и школьному образованию фактически закрыт.

В этой ситуации КФОР, 50 процентов которых (от 20 тыс. чел.) были заняты охраной национальных меньшинств, прибегали к так называемой «гуманитарной эвакуации»: неалбанское население вывозили в Сербию и Черногорию со смутными перспективами на возвращение. По сути, «гуманитарная эвакуация», осуществляемая КФОР, помогала реализовать планы албанских лидеров по созданию этнически «чистого» Косово. Однако ни эмблемы ООН, ни конвой НАТО не являлись гарантией безопасности.

Международные наблюдатели отмечали тенденцию к этнической гомогенизации Края и исчезновению национально смешанных общин, а также немногочисленных этнических анклавов.

Ситуация в сфере безопасности оставалась напряженной. Росла организованная преступность, в частности рэкет под предлогом защиты, контрабанда, вымогательство и азартные игры, торговля людьми. Впоследствии недавний председатель Международного трибунала по бывшей Югославии (МТБЮ) К. дель Понте признала, что неоднократно имели место факты похищения сербов с целью расчленения их на органы с последующей продажей и т.п.

Отметим, что в потворстве именно этим преступлениям сербская сторона, начиная с 1999 года, обвиняет уже упоминавшегося Б.Кушнера.

Очень часто военнослужащие КФОР становились орудием албанских преступлений, участвуя в выселении сербов и других неалбанцев из своих домов только на основе устных заявлений албанцев об их праве собственности на них. Отмечались случаи прямого нарушения КФОР своих обязанностей, когда арестовывали протестующих сербов, держали их в заключении по несколько месяцев без предъявления обвинения. Контингент КФОР не позволял вернуться югославским полицейским для охраны исторических, религиозных и культурных памятников, как это было предусмотрено резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244, и не делал этого сам.

В обязанности КФОР также входило обеспечение демилитаризации АОК.

Однако истинный облик этой демилитаризации далек от того, что обычно понимается под этим термином. Первые сомнения в эффективности ее проведения возникли еще на конференции в Рамбуйе. Как свидетельствует американский советник албанской делегации по правовым вопросам,

представителям НАТО и США удалось уговорить албанцев подписать соглашение, только разъяснив им действительный смысл предполагаемой демилитаризации, которая на практике означала трансформацию АОК в какую-то иную структуру.

Поэтому нет ничего удивительного в том, что к контрольному сроку окончания демилитаризации (20 сентября 1999 г.) АОК сдала 10 тыс. единиц устаревшего стрелкового оружия, хотя во время военных действий у нее на вооружении находилось самое современное вооружение. Тем не менее, это было оценено КФОР как успешное завершение демилитаризации.

После этого была разработана концепция демилитаризации и трансформации АОК в так называемый «Корпус защиты Косово» (КЗК), который должен был стать гражданским чрезвычайным вспомогательным учреждением, призванным выполнять спасательные и восстановительные работы при возникновении стихийных бедствий; оказывать гуманитарную помощь, особенно в труднодоступных районах; помогать в разминировании территории и тому подобных функций.

При этом КЗК (его численность – 3 тыс. чел. персонала на действительной службе и 2 тыс. чел. резерва) должен был участвовать в политической жизни. Корпус, как задумано, должен быть многоэтнической структурой, поскольку 10 процентов от его численности должны составлять представители национальных меньшинств.

Однако сразу же после образования КЗК был зафиксирован целый ряд серьезных преступлений, совершенных его членами. Это заставило сомневаться в пользе КЗК для создания многоэтнического Косово. У некоторых из членов КЗК были обнаружены крупные запасы оружия, другие взяли на

себя полицейские функции на местах. Все это подрывало доверие местного неалбанского населения и к данной структуре, и к патронату ее со стороны международного, а фактически натовского, присутствия.

В целом отмечалось, что в Косово наблюдалось соперничество между международными силами и контролируемые АОК государственными структурами албанской общины, активно функционировавшими все 90-е годы. И соперничество это – не в пользу международных сил. Особенно это касается налоговой сферы, в результате чего из-под контроля международных структур в Косово, взявших на себя все государственные и управленческие функции, уходят большие суммы.

И, наконец, резолюция Совета Безопасности ООН № 1244 возложила на КФОР выполнение пограничных функций. Однако на практике это выразалось в осуществлении ими таможенного контроля в четырех пунктах пересечения границы Югославии с Албанией и Македонией примерно двумястами военнослужащими.

Поэтому, учитывая вывод югославских пограничных сил из Края, международные границы СРЮ в районе Косово, особенно в горах, оставались практически открытыми. Упоминавшееся в прессе проникновение на территорию Косово нескольких сотен тысяч албанцев без документов поставило под сомнение способность КФОР качественно выполнять свои функции. При этом НАТО предпочитала сотрудничать с албанскими пограничниками, а не с компетентными югославскими властями, возвращение которых было предусмотрено резолюцией Совета Безопасности ООН № 1244.

Руководство НАТО открыто говорило о том, что

Североатлантический альянс в виде КФОР пришел в Косово надолго. При этом следует отметить, что основополагающая для деятельности международного сообщества в Косово резолюция Совета Безопасности № 1244 (1999 г.) давала определенную юридическую зацепку для санкционирования фактически бессрочного нахождения сил альянса в Косово*.

В тот период считалось, что до решения вопроса о статусе Косово обязательства Североатлантического союза относительно КФОР вряд ли подвергнутся существенному изменению, так как их деятельность являлась необходимым условием нормализации обстановки, что позволяло решать задачи, определенные ООН.

На стамбульском саммите (июнь 2004 г.) главы государств и правительств стран НАТО осудили вспышку актов этнического насилия, отмеченную в марте того же года. Они также вновь подтвердили обязательства НАТО по созданию безопасного, устойчивого и многоэтнического Косово на основе полного выполнения положений резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН, в соответствии с которой Косово должно быть административным образованием под временным международным управлением до тех пор, пока не будет найдено решение вопроса о будущем статусе Края.

Однако решение вопроса о статусе Косово весьма затянулось из-за полной непримиримости позиций сторон. Сербы твердо стояли на том, что для них приемлема любая автономия Косово, но без отделения Края от Сербии. Косовары же отвергали все решения, кроме признания их независимости, грозя в 2008 году провозгласить

* Пункт 19 данной резолюции предусматривает годичное пребывание здесь КФОР с

независимость Косово от Сербии.

2 февраля 2007 года посредник ООН на переговорах по статусу Косово Марти Ахтисаари представил в Белграде и Приштине план определения статуса Края. Сделал он это вынужденно, поскольку ни одна из сторон не проявила готовности пойти на компромисс на продолжавшихся несколько месяцев двусторонних (при посредничестве М.Ахтисаари) переговорах в Вене.

В плане не упоминался термин «суверенитет» над областью по отношению к Сербии. Он предусматривал лишь создание канцелярии представителя ЕС с широкими полномочиями, а также достаточно многочисленное присутствие полицейских сил Евросоюза и широкие права автономии сербской общины. Косово предоставлялось право заключать международные договоры и обращаться с просьбой о приеме в международные организации, включая ООН, Всемирный банк и МВФ. Подобный правовой статус давал возможность другим государствам в индивидуальном порядке признать независимость Косово.

Согласно плану, Косово могло иметь свои собственные государственные символы, в том числе флаг и гимн, которые не должны иметь характера этнических символов, а должны отражать многонациональный состав населения. Официальными языками должны быть албанский и сербский. Кроме того, предусматривалось создание защитных зон вокруг самых ценных сербских культурно-исторических памятников и культовых объектов. Город Косовска Митровица предлагалось разделить на две общины – албанскую и сербскую с общей городской администрацией.

последующим продлением, если только Совет Безопасности ООН не примет иное решение.

Однако этот план категорически отвергли как Белград, так и радикально настроенная часть косовских албанцев, рассчитывавших на немедленное предоставление Краю полной независимости и суверенитета.

Скептически к этому плану отнеслась и Россия, решительно выступившая против одностороннего провозглашения независимости Косово, поддерживая в этом отношении позицию Сербии, Народная скупщина которой накануне 2008 года подавляющим большинством голосов приняла резолюцию, осуждающую любые попытки Косово объявить независимость.

При этом Сербия демонстрировала готовность к компромиссу, предлагая предоставить Краю наиболее широкую автономию из всех когда-либо существовавших. Но еще с начала переговоров по этому вопросу США дали понять, что независимость Косово «неизбежна», и фактически препятствовали любой возможности достижения компромисса.

В Белом доме считали, что проблему Косово надо решить «полностью и окончательно», то есть за счет реализации плана Ахтисаари, предусматривающего установление на первом этапе так называемой «поднадзорной независимости» Косово. «Надзирать» же будут подразделения ООН. Как они все это время делали, хорошо известно.

В то же время, несмотря на позицию Белграда, министры иностранных дел стран НАТО решили «сохранить» численность миротворческого контингента Североатлантического союза в Косово на прежнем уровне, независимо от будущего статуса Края. Командование блока заверило, что может в короткие сроки увеличить свой контингент в Крае, на январь 2008 года состоявший из 16 тыс. солдат, если ситуация

обострится.

И даже сегодня (2010 г.) после одностороннего провозглашения независимости Косова (февраль 2008 г.) и признания ее рядом стран мира (около 70 стран на конец лета 2010 г.) ситуация в Крае остается напряженной.

Руководство НАТО, как это следует из Заявления по итогам встречи в верхах в Страсбурге/Келе (апрель 2009 г.), подтвердило, что КФОР останутся в Косово в соответствии с мандатом и на основании резолюции № 1244 Совета Безопасности ООН, если только Совбез не примет иного решения, и будут сотрудничать при необходимости со всеми заинтересованными структурами. НАТО по-прежнему будет оказывать поддержку в создании структур безопасности в Косово. При этом расформирование Корпуса защиты Косова и создание Сил безопасности Косово, установление под строгим наблюдением НАТО гражданского контроля отвечают интересам всех сторон. НАТО оставляет за собой право по-прежнему оценивать события на местах для выработки соответствующих решений.

Глава 3.4. Афганистан: миротворческая оккупация или геополитический тупик?

К миротворческой операции НАТО можно, хотя и с натяжкой, отнести присутствие сил блока в Афганистане.

Прежде чем приступить к изложению афганской операции США и их союзников по НАТО, целесообразно рассмотреть некоторые аспекты, связанные с послужившими поводом для нее трагическими событиями 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке и Вашингтоне.

Ряд источников показывают, что операция в Афганистане администрацией Дж.Буша планировалась задолго до сентябрьской трагедии и преследовала сразу три стратегические цели: внутреннюю мобилизацию, свертывание демократии и последовательное усиление роли спецслужб в США, перевод в практическую плоскость планов строительства трансафганского энергомаршрута из Туркменистана в Пакистан и далее к Индийскому океану, а также расширение масштабов производства наркотиков и насыщение ими подпольных рынков Европы (в последнем аспекте афганская авантюра США и НАТО связана общим замыслом с серией войн, обусловленных расчленением Югославии).

Разработка операции (по крайней мере, что касается высшего политического уровня) осуществлялась во взаимодействии с самим «Талибаном» и бизнес-структурами У. бен Ладена.

Небезынтересны, например, следующие факты:

- сообщение «The Los Angeles Times» (от 22 мая 2001 г.) о том, что государственный секретарь США К.Пауэлл

компенсировал афганским производителям наркотиков 43 млн. долларов за уничтоженный талибами урожай опиума (причем, деньги были переданы самому «Талибану»);

- секретная миссия директора ЦРУ Дж.Тенета в Пакистане (конец мая 2001 г.);

- июльская (2001 г.) встреча в Берлине бывшего посла США в Пакистане Т.Симмонса, а также советников по делам Южной Азии К.Индерферта и Л.Колдрена с представителями талибов, на которой последние были предупреждены о намеченном на октябрь 2001 года ударе американских войск по Афганистану;

- еще одна такая встреча – уже в августе 2001 года;

- вхождение в окружение Дж.Буша фигур, тесно связанных с компаниями UNOCAL и «Haliburton» (Р.Чейни), а также «Shevron» (К.Райс), занимавшихся разработками трансафганского энергомаршрута;

- участие в этих планах впоследствии скандально разорившейся компании «Enron», оказавшей значительную финансовую поддержку избранию Дж. Буша в 2000 году;

- тесная взаимосвязь по UNOCAL нынешнего президента Афганистана Х.Карзая и бывшего посла США в Афганистане и Ираке, а затем постоянного представителя этой страны в ООН З.Халилзада;

- наличие у семей Бушей и бен Ладенов взаимосвязанного бизнеса, основу которого составляли Международный кредитный коммерческий банк Дж.Баса (осуществлявший инвестиции в компанию Дж.Буша «Arbusto Energy» и одновременно финансировавший «Аль-Кайеду») и связка «Saudi Binladen Group» с получавшей ее инвестиции

«Carlyle Group» Буша-старшего и Дж.Бейкера и т.д.³⁸.

В эту общую картину органично вписывается и деятельность курировавшейся Чейни Группы по разработке Национальной энергетической политики США, частью деятельности которой явилось переподчинение лично все тому же Чейни полномочий при принятии решений в рамках НОРАД – единой системы ПВО Северной Америки³⁹. (Именно с этим эксперты связывают отсутствие в момент удара захваченных экстремистами самолетов по Всемирному торговому центру американских истребителей).

Обрисовав этот достаточно важный, но явно недооцененный современной политической аналитикой контекст афганской операции США и НАТО, рассмотрим ее военный и миротворческий аспекты.

После разгрома талибов, осуществленного пророссийским «Северным альянсом» при воздушной поддержке США, афганские лидеры провели встречу в Бонне (Германия), чтобы начать восстановление страны.

В результате отсутствия на Боннских переговорах представителей «Северного альянса», в частности главы его правительства Б.Раббани, на которое поддерживавшая его Россия согласилась в качестве жеста «доброй воли» в сторону США, была создана новая государственная структура – Переходная администрация Афганистана.

Для обеспечения приемлемых условий безопасности работы Переходной администрации и Миссии содействия Организации Объединенных Наций в Кабуле и прилегающей местности, в соответствии с решением Совета Безопасности ООН (20

³⁸ Эстулин Д. Секреты Бильдербергского клуба. М., 2009. С. 182–184, 190–191.

³⁹ Там же. С. 223–224.

декабря 2001 г.), были созданы Международные силы содействия безопасности в Афганистане (ИСАФ).

В их задачу входило:

- содействие Переходной администрации в установлении контроля на всей территории страны;

- восстановление стабильности и безопасности во взаимодействии с подразделениями Афганской национальной армии и полиции;

- оказание технической и материальной помощи при реформе силового сектора.

Первоначально Международные силы содействия безопасности возглавлялись Великобританией, а затем Турцией.

В феврале 2003 года Германия и Нидерланды совместно приняли на себя руководство ИСАФ и обратились к Североатлантическому союзу за поддержкой.

В августе 2003 года ИСАФ перешли под непосредственное руководство Североатлантического союза.

Таким образом, впервые за 54-летнюю историю своего существования Североатлантический блок возглавил военные операции, проводимые *вне Европы*.

Персонал НАТО должен был вести работу под флагом ИСАФ в рамках мандата ООН и действовать в соответствии с резолюциями ООН.

Кроме этого, к НАТО перешло и политическое руководство ИСАФ, которое стало осуществляться Североатлантическим советом по согласованию с не входящими в НАТО странами, выделившими свои воинские контингенты.

В октябре 2003 года НАТО создала должность Главного гражданского представителя, чтобы координировать свои

действия с политическим руководством блока в Кабуле, а также развивать политические и военные аспекты деятельности Североатлантического союза.

Главный гражданский представитель должен был:

- тесно взаимодействовать в своей работе с командующим ИСАФ;

- находиться в контакте с афганским правительством и Миссией содействия ООН в Афганистане, а также с представителями международного сообщества в лице международных и неправительственных организаций в Афганистане.

Общее стратегическое командование и управление ИСАФ осуществляется Верховным главнокомандующим Объединенными вооруженными силами НАТО в Европе через Командование ОВС НАТО по операциям. Командование объединенных сил НАТО в Брюсселе (Нидерланды) выступает в качестве штаба оперативного уровня, осуществляющего координацию между штабом ИСАФ в Кабуле и стратегическим командованием (Монс, Бельгия), и отвечает за укомплектование и развертывание войск, а также материальное обеспечение операции.

Первоначально задачи Международных сил содействия безопасности ограничивались обеспечением безопасности в Кабуле и его окрестностях.

Однако в октябре 2003 года резолюция № 1510 Совета Безопасности Организации Объединенных Наций санкционировала расширение деятельности ИСАФ за пределами Кабула, чтобы помочь правительству Афганистана взять под контроль остальную часть территории страны. Тем самым планировалось упрочить безопасность в провинциях,

поддержать реформу сектора безопасности, а также обеспечить использование имеющихся сил и средств для содействия стабилизации обстановки и хозяйственному восстановлению на местах.

Помимо задач силового миротворчества («миротворчества по принуждению») на силы ИСАФ были возложены также функции по реконструкции инфраструктуры страны.

В декабре 2003 года Североатлантический совет уполномочил Верховного главнокомандующего ОВС НАТО в Европе приступить к расширению группировки. Это происходило поэтапно и параллельно с созданием под началом НАТО во всей стране Групп восстановления провинций (ГВП)*, создаваемых в рамках ИСАФ.

Начавшись с Кабула и прилегающих территорий, расширение операций ИСАФ проходило первоначально в направлении на север страны (2003–2004 гг.), затем на запад (2005 г.) и, наконец, в 2006 году – на юг и восток Афганистана.

Первый этап начался в декабре 2003 года с приказа ВГК ОВС НАТО в Европе генералу Джеймсу Джонсу (нынешний псоветник президента США по вопросам национальной безопасности) начать расширение сферы деятельности ИСАФ, приняв под командование ГВП в Кундузе, которой прежде руководила Германия.

На стамбульской встрече в верхах (27–28 июня 2004 г.)

* «Группы восстановления провинций» состоят из международного гражданского персонала и военнослужащих. Их военные компоненты подчинены ИСАФ.

Главная задача этих групп – помочь правительству Афганистана утвердить свою власть в провинциях и содействовать обеспечению безопасности в регионах.

Это включает налаживание отношений с местными органами власти, упрочение безопасности в районах проведения операций, поддержку реформы сектора безопасности, содействие восстановлению провинций. Состав и географический охват ГВП определяется руководящими военными органами НАТО при активных консультациях с Миссией ООН по оказанию помощи в Афганистане и афганскими властями.

Североатлантический союз объявил о своем намерении создать еще 4 ГВП на севере страны (Мазари-Шариф, Мейман, Файзабад и Пули-Хумри) и базу тылового обеспечения недалеко от Мазари-Шарифа. Работы были завершены в октябре 2004 года, и на этом закончился первый этап расширения под руководством ИСАФ.

В итоге, район действий ИСАФ составил около 3,6 тыс. кв. км в самом Кабуле и его окрестностях, а также примерно 185 тыс. кв. км на севере страны (в 9 северных провинциях).

31 мая 2005 года в район действий ИСАФ были включены западные территории Афганистана – ГВП в Фарахе и Герате, ранее действовавшие в рамках операции «Эндюринг Фридом»*.

Кроме вышеупомянутых баз, в сентябре 2005 года ИСАФ учредили ГВП в Калех-Нове и Чахчане, а также центр тылового обеспечения – базу обеспечения передовых частей в Герате.

В результате под началом ИСАФ оказались уже 9 ГВП, содействовавших обеспечению безопасности на половине территории Афганистана. К 9 октября 2004 года общая численность контингента НАТО в Афганистане составила свыше 10 тыс. военнослужащих.

Расширение операции ИСАФ помогло обеспечить безопасность во время президентских (октябрь 2004 г.) и парламентских (сентябрь 2005 г.) выборов. НАТО оказала дополнительное содействие, развернув специальную Группу поддержки выборов, которая совместно с Афганской национальной полицией и Афганской национальной армией

* «Эндюринг Фридом» («Несокрушимая свобода») – контртеррористическая операция в Афганистане, возглавляемая Соединенными Штатами Америки.

обеспечивала безопасность на избирательных участках и прилегающей местности.

Третий этап расширения ИСАФ начался летом 2006 года.

В район действий руководимого НАТО контингента ИСАФ вошли 6 провинций на юге Афганистана и еще 4 ГВП в Кандагаре, Лашкар-Гахе, Тарин-Ковте и Калате.

31 июля командующий ИСАФ принял руководство данными территориями от командования возглавляемой США контртеррористической операции «Эндюринг Фридом».

Таким образом, всего в составе ИСАФ оказалось 13 ГВП на севере, западе и юге, охватывая примерно три четверти афганской территории.

Все эти мероприятия сказались и на численном составе контингента НАТО. Он увеличился вдвое и составил 20 тыс. военнослужащих.

В октябре 2006 года ИСАФ провели заключительный этап расширения – в район действий были включены 14 провинций на востоке Афганистана. Это произошло при передаче под начало ИСАФ подразделений, ранее действовавших в составе коалиционных сил «Эндюринг Фридом». Одновременно под руководство НАТО поступили еще 11 ГВП и база обеспечения передовых частей.

Теперь операция НАТО охватывала всю территорию Афганистана. В состав ИСАФ входило свыше 30 тыс. военнослужащих из 35 стран и 24 ГВП.

Кроме расширения района действий, для повышения роли ИСАФ как фактора безопасности было проведено прикрепление к подразделениям Афганской национальной армии на различных уровнях военного управления специальных групп ИСАФ (в составе представителей офицерского и сержантского

состава), в задачу которых входили инструктаж и курирование этих подразделений, а также обеспечение взаимодействия.

В 2006 году руководство НАТО предприняло очередной шаг для «оптимизации структуры и функций ИСАФ в Афганистане».

Было решено разделить территорию страны на четыре относительно равные части – оперативные регионы и отдельно – столичный или центральный регион, каждый из которых подчинить одной из ведущих стран НАТО с назначением от этой же страны регионального командующего, облеченного фактически оккупационной властью:

- в центре (г. Кабул) – Франция (затем Турция);
- на западе – Италия;
- на юге – Великобритания (затем Канада, после нее – Нидерланды);
- на востоке – США;
- на севере – Германия.

Когда США и НАТО осенью 2001 года объявили о победе над талибами, то командование в Афганистане утверждало, что для полного подавления сопротивления экстремистов потребуется от трех до пяти лет. Считалось, что проправительственные силы и заново создаваемая афганская армия будут держать страну под контролем, а ИСАФ только в особых случаях станут оказывать поддержку.

Однако, спустя 9 лет после начала военной кампании США и их союзников, ситуация в Афганистане не только не улучшилась, но за последнее время стала серьезно ухудшаться. Сопротивление талибов оказалось гораздо сильнее, чем изначально предполагалось.

Правительство Х.Карзая не контролирует ситуацию на всей

территории страны: в стране фактически идет гражданская война. Только за один год (2006 г.) в Афганистане погибли более 3 тыс. чел., большинство из которых являются мирными жителями. На этом фоне усилия 32-тысячного контингента ИСАФ, проводящего военную операцию под командованием НАТО, и работа так называемых групп восстановления провинций, чья деятельность направлена на постконфликтное урегулирование, оказались совершенно недостаточными.

Только для проведения военной операции, по словам бывшего Верховного главнокомандующего ОВС НАТО генерала Дж.Джонса, по состоянию на сентябрь 2006 года требовалось дополнительно 2,5 тыс. солдат, боевые вертолеты, транспортные самолеты.

Всего в распоряжении блока имелось 85 процентов военного потенциала из обещанного странами НАТО. Более того, большинство из 37 стран-членов и не членов НАТО, чьи контингенты задействованы ИСАФ, установили жесткие ограничения на использование своих сил в военных действиях.

Так, например, канцлер ФРГ Ангела Меркель на сессии Совета НАТО в Риге (конец 2006 г.) заявила о том, что подразделения бундесвера могут быть направлены в южные районы Афганистана лишь при крайней необходимости для оказания экстренной помощи союзникам, а в остальных случаях место германских миротворцев – на севере.

Как отметил генерал Дж.Джонс, члены альянса определили около 50 условий, которые серьезно ограничивали возможности их использования. Эти условия касались районов дислокации, возможности участия в открытом бою, в

ночных операциях и ряда других аспектов. Европейские члены НАТО набрали около 10 тыс. человек для афганской операции, но для контингентов, которые отправлены в Афганистан, главной задачей является уклонение от боестолкновений. Вот и получается, что у командующих НАТО войска вроде бы и есть, но в то же время воевать некому.

К тому же американский контингент до октября 2006 года находился под независимым от НАТО командованием и был задействован в антитеррористической операции «Эндюринг Фридом» на юге страны.

Анализ проведения операции в Афганистане показал, что здесь практически обозначились два подхода к применению военной силы: с одной стороны, США, Канада, Великобритания и Дания вели активные боевые действия, а с другой – европейские союзники по НАТО сконцентрировали усилия на стабилизационной фазе операции. Это серьезно сказывалось на эффективности деятельности ИСАФ, поскольку такое разделение формально не признавалось и стало источником постоянной напряженности между союзниками как на оперативно-тактическом, так и на политическом уровне.

Оказалось, что правительства, армии и народы европейских стран не готовы к серьезной войне и сколько-нибудь серьезным жертвам.

Летом 2006 года сопротивление талибов значительно возросло и, по сути, на юге страны начались открытые бои, в которых вместе с американцами участвовали также британские, румынские, голландские и эстонские военнослужащие. Однако перелома в сложившейся негативной для войск НАТО и их союзников обстановке не произошло.

В этой связи на рижском саммите НАТО (2006 г.) в центр

обсуждения был поставлен вопрос о положении в Афганистане, чтобы решить возникшие проблемы на самом высоком уровне. Ибо операция в этой стране, по словам самих натовцев, являлась серьезным испытанием альянса на состоятельность, там решалась его дальнейшая судьба. Особенно актуальной данная точка зрения становилась в связи с тем, что боевые действия распространились практически на большую часть территории Пакистана.

Нарастающие трудности и потери в контингентах натовских стран предопределили сложные дискуссии как вокруг программных установок, так и в отношении обеспечения ресурсами и использования военнослужащих стран блока. После сложных переговоров на уступки пошли и европейцы, и американцы:

- США согласились передать большую часть американского контингента – 11 тыс. человек – под командование ИСАФ, оставив под прямым командованием Пентагона лишь 8 тыс. военных;

- европейские страны-союзники обещали предоставить необходимые боевые вертолеты и совместно закупить транспортные самолеты С-130;

- о готовности послать в Афганистан дополнительные воинские подразделения заявили Болгария, Испания и Македония;

- Румыния согласилась отправить в Афганистан мотопехотный батальон, а Польша увеличить свой контингент до одной тысячи человек;

- Германия удовлетворила просьбу НАТО и направила в Афганистан разведывательную эскадрилью ВВС в составе 6 самолетов «Торнадо» и 500 военнослужащих для их

обслуживания.

Чтобы гарантировать эффективность и гибкость сил и ресурсов для обеспечения успеха миссии в Афганистане, лидеры стран-участниц НАТО согласились с тем, что в определенных условиях, по указанию командующего ИСАФ, все контингенты будут приходить на помощь друг другу. Причем это должно происходить вне зависимости от возможных ограничений, установленных национальными правительствами по использованию их сухопутных войск.

Однако полностью вопрос комплектации ИСАФ, тем не менее, решить не удалось. По оценкам военных, для эффективного проведения операции необходимы еще как минимум одна тысяча солдат, дополнительные транспортные средства и техника. Кроме того, союзники так и не смогли согласовать определение термина «чрезвычайная ситуация», в которых могут быть задействованы союзнические контингенты. Это, в итоге, грозило существенно затруднить их использование в боевых операциях.

Различия в подходе союзников к решению афганской проблемы проявились также и на военно-политическом уровне.

Если США отдавали приоритет военным средствам и акцент в своих действиях делали на эффективность военной операции «Эндюринг Фридом», то их союзники по НАТО сосредоточили свои усилия на ГВП, в работе которых наряду с военными используются элементы гражданского кризисного урегулирования. При этом роль последних, как признают военные, за последние 3 года существенно возросла. Но одновременно появилась необходимость более четкого контроля и координации между военными и

гражданскими компонентами ГВП.

Во многом это связано с двумя аспектами: европейские контингенты в целом менее подготовлены, чем американские, а общественное мнение Европы болезненнее относится к военным потерям, что было наглядно продемонстрировано в связи с гибелью попавших в засаду восемнадцати французских десантников.

Следует подчеркнуть, что в целом успех действий НАТО в Афганистане будет зависеть не только от проведения самой операции, но и от того, насколько быстро пойдет процесс восстановления страны. Со временем, несмотря на провозглашение Афганистана ключевым приоритетом новой администрации США во главе с Б.Обамой, в будущей позитивной динамике такого восстановления появляется все больше и больше сомнений. Страна откровенно погружается в хаос, а все большее число экспертов связывают его преодоление с более активными действиями в регионе других держав, прежде всего входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС). Не случайно, что Афганистан располагает в ШОС статусом наблюдателя, а президент Х.Карзай неизменно участвует во всех ее саммитах.

Многие участники ИСАФ признают, что военного решения проблемы Афганистана не существует. Хотя руководимые альянсом контингенты ИСАФ* прилагают значительные усилия для обеспечения стабилизации в Афганистане, но их деятельность не подкрепляется реальным улучшением социально-экономического положения населения, которое, с точки зрения афганцев, оправдывало бы пребывание в стране

* Сейчас в Афганистане коалиционные силы в общей сложности насчитывают более 64 тыс. военнослужащих из 44 стран, из них 40 тыс. составляют американские солдаты.

иностранных сил. Их ожидания во многом оказались нереализованными. И, таким образом, в войне за «умы и сердца» реального перелома не произошло.

Отсюда – нарастание недовольства натовским присутствием, рост влияния талибов, зафиксированный, как следует из опубликованных в конце июля 2010 года в Интернете секретных донесений, и самими американскими военными.

В результате резко участились нападения на военные контингенты ИСАФ (только в 2006 году – с 900 до 2500). При этом в том же году число терактов с участием смертников выросло в 6 раз (с 18 до 116), диверсий с самодельными взрывными устройствами – почти в 3 раза (с 530 до 1300).

И хотя талибы понесли в 2006–2007 годах существенные потери, их боевой потенциал быстро восстановился.

Не увенчались успехом и попытки передачи под гарантии местных племенных старейшин районов в ряде провинций страны. Так называемые «договорные зоны» превращены талибами в опорные пункты, где создаются запасы вооружений и продовольствия, формируются и обучаются новые отряды экстремистов. Все более заметным становится деструктивное влияние на афганскую ситуацию из Пакистана (что и вызвало распространение антитеррористической операции на его территорию).

Несмотря на предпринимаемые меры, в Афганистане растут объемы наркопроизводства: 2006 год – рекордный для наркоиндустрии в стране. Общее производство опиатов составило порядка 6100 т (при 4100 т в 2005 г.). Поскольку американское военное командование уже прямо

признается, что не собирается уничтожать их плантации, становится очевидным, что курс на «наркотизацию» Афганистана изначально являлся краеугольным камнем американской политики в этой стране.

На 45 процентов увеличилось число хозяйств, выращивающих опиумный мак. Попытки переключить их на альтернативные культуры не дали результатов.

Афганский вопрос был поставлен на обсуждение как один из важнейших и на юбилейном саммите НАТО (апрель 2009 г.). В связи с этим было обнародовано специальное заявление по Афганистану, в котором натовцы, по их словам, «изложили свое стратегическое видение» и наметили действия, свидетельствующие об их решимости поддерживать долгосрочную безопасность и стабильность в Афганистане. При этом главной целью теперь предлагается считать оказание помощи афганскому руководству в строительстве стабильной и демократической страны, а также проведение (в конце лета 2009 г.) свободных выборов в условиях относительной стабильности, которая не может быть достигнута только с помощью солдат. Тем не менее, в НАТО было принято решение направить в Афганистан дополнительно 17 тыс. военнослужащих США. 900 человек готова направить Великобритания, Германия – 600, Испания – 450, Италия – около 400, Бельгия – 150. Предоставить боевые подразделения обещали и другие страны.

В то же время ключ к решению афганской проблемы военачальники стран НАТО видят в том, чтобы повышать боеспособность афганской армии и сил безопасности, чтобы они взяли на себя основную тяжесть борьбы с талибами.

В этой связи, как сообщается, американцы договорились с

Кабулом, что численность Афганской национальной армии (АНА) будет увеличена до 240 тыс. военнослужащих*.

Американское командование рассчитывает в ближайшие год-полтора добиться перелома в военных действиях в Афганистане.

А пока ситуация в Афганистане не только не улучшается, а все активнее обнаруживает тенденцию к ухудшению. В этой связи и руководство США, и НАТО стремятся найти выход из создавшегося положения.

В частности, президент США Б.Обама проводит чуть ли не ежедневные консультации со своими военными, стремясь выработать «новую стратегию борьбы с терроризмом». Одна из идей – центр этой борьбы должен сместиться из Ирака к пакистано-афганской границе. Кроме того, необходимо более активное участие в афганских делах стран-членов Североатлантического союза и других союзников США, в том числе Пакистана. Одновременно расчет делается на экономическую помощь Кабулу, создание рабочих мест в качестве альтернативы наркоторговле. При этом необходимо переориентировать местное крестьянство с мака на выращивание хлеба и хлопка, так как именно мак позволяет талибам поддерживать боеспособность. В Афганистане говорят: «Не будет мака – не будет войны».

На первое место в своей деятельности ставит Афганистан и новый генеральный секретарь НАТО Андерс Фон Расмуссен.

«Самый главный вызов для США – это проблема Афганистана, – заявил он. В краткосрочном плане нужно обеспечить успешные парламентские выборы 20 августа

* В настоящее время АНА насчитывает 92 тыс. военнослужащих. Планируется, что к 2011 г. ее численность достигнет 124 тыс. человек.

(2009 г. – Авт.).

В долгосрочном – переложить ответственность за безопасность в стране на плечи самих афганцев. Мы будем развивать боеспособность их армии». При этом он отметил, что для афганской проблемы нет долгосрочного военного решения. Гражданская реконструкция страны должна быть укреплена при серьезном европейском вкладе.

При личной встрече с Расмуссеном президент США (конец сентября 2009 г.) сказал, что воевать должны не только США, но и войска других стран НАТО. «Эта война – не только схватка, в которую ввязались американцы, она также является миссией НАТО», – заявил Б.Обама. В свою очередь Расмуссен заверил президента США, что силы НАТО «сохранят единство и останутся в Афганистане ровно столько, сколько потребуется для завершения своей миссии».

Ситуация в Афганистане была также в центре внимания состоявшегося (18–20 сентября 2009 г., Португалия) заседания военного комитета НАТО.

Председатель комитета итальянский адмирал Джанпаоло ди Паола признал в беседе с журналистами, что операция в Афганистане в данный момент представляется важнейшим событием для дальнейшей судьбы альянса. По его мнению, Североатлантический альянс переживает едва ли не самый трудный период за все время существования, включая противостояние со странами Варшавского договора.

Однако министр обороны США Р.Гейтс вновь отметил однозначно один из вариантов решения проблемы – вывод войск из Афганистана. «Мы не покинем Афганистан. Речь идет лишь о следующем шаге», – подчеркнул он.

Сегодня эта точка зрения вроде бы меняется. В рамках своего курса на установление партнерства США с Исламом Б.Обама объявил о предстоящем в 2011 году выводе войск коалиции. Но пока, вопреки этим планам, общая численность военнослужащих США и их партнеров по натовской коалиции наращивается.

Сегодня НАТО в Афганистане официально преследует следующие военно-политические цели:

1. Разгром основных вооруженных группировок «Талибана», контролирующих южные и восточные провинции Афганистана, физическая ликвидация наиболее авторитетных военных и политических лидеров талибов.

2. Выход на афганско-пакистанскую границу и создание по ее периметру зоны безопасности.

3. Обеспечение условий для проведения форсированных мероприятий по социально-экономической реконструкции территорий, освобожденных от талибов.

4. Достижение договоренностей о сотрудничестве с лидерами пуштунских племен, проживающих в афганско-пакистанском приграничье (в долгосрочной перспективе – либо уничтожение «Талибана», либо его трансформация в более умеренное политическое движение с новыми лидерами, готовыми вести переговоры с официальным Кабулом).

Для достижения этих целей требуется развертывание активных боевых действий на юге Афганистана и переход к НАТО задачи по обеспечению охраны афгано-пакистанской границы, а также решение проблемы политической нестабильности в ядерном Пакистане, наступившей там после отстранения от власти лидера прежнего военного режима генерала Мушаррафа.

Кроме официальных, декларируемых задач, по-видимому, имеются и неофициальные, связанные с укреплением натовского, прежде всего американского, влияния в южном «подбрюшье» Российской Федерации, а также вблизи критически важных для поддержания политической стабильности проблемных районов Китая – Синьцзян-Уйгурского и Тибетского автономных районов. Отметим, что вывод войск США и НАТО из Афганистана, если такое решение будет не только продекларировано, но и реализовано, не является однозначным выходом из сложившейся ситуации; он способен как успокоить, так и обострить обстановку в регионе, оказав содействие распространению нестабильности на всю Центральную Азию.

Представители штаб-квартиры НАТО, официальные лица в Вашингтоне заявляли, что еще 2007 год станет годом перелома в Афганистане. Однако если проанализировать в целом деятельность миссии НАТО в Афганистане в последующие годы, то ее трудно назвать успешной. Происходит фактическая пробуксовка как в политической, так и в сугубо военной сфере: неудачи в борьбе против «Талибана» оказывают негативное влияние на систематически ухудшающуюся социально-экономическую обстановку.

Не случайно бывший генеральный секретарь НАТО Яап де Хооп Схеффер заявлял, что Североатлантический союз рассчитывает подавить силы движения «Талибан» в Афганистане к концу 2009 года, но он подчеркнул, что и после этого срока НАТО следует сохранить свои войска в Афганистане.

Еще раз отметим основные сложности ситуации в Афганистане – это не только деятельность талибов и

террористов, не только наркоугроза, но и главная, пожалуй, базовая проблема – социально-экономическое положение в стране. Пока в Афганистане не будут созданы нормальные условия для экономического развития и жизнедеятельности населения, вряд ли на афганской земле наступит мир.

Для этого необходима долгая и кропотливая работа не только самих афганцев, но и помощь иностранных специалистов.

Из анализа ситуации можно сделать вывод, что успешно решать задачи постконфликтного восстановления в одиночку НАТО не способна, несмотря на всю свою военную мощь. Оставаясь, прежде всего, военным альянсом, блок явно не располагает потенциалом для оказания экономической помощи или технического содействия. Не предназначена Североатлантическая организация и для проведения полицейских мероприятий: изъятия оружия, поддержания правопорядка и др., которыми натовские военные вынуждены заниматься.

А пока ситуация в Афганистане ухудшается и руководители Пентагона не видят из этого выхода.

Глава 3.5. НАТО и Ирак. Оправдание и поддержка американской агрессии

Прежде всего, отметим, что, в отличие от операции в Афганистане, получившей после событий 11 сентября 2001 года практически однозначную позитивную оценку, вопрос об интервенции в Ираке вызвал в НАТО достаточно серьезные противоречия, рубеж которых пролегал между США, Великобританией и поддержавшей их Испанией, где у власти находились правые во главе с премьером Х.М.Аснаром, с одной стороны, и традиционной германо-французской «осью» Европейского союза, на стороне которой оказалась и Италия. Именно тогда с легкой руки министра обороны США неоконсерватора Д.Рамсфелда в политический обиход было запущено понятие «старая Европа». Поддержка Франции и Германии Российской Федерацией, вызвавшей к жизни пугающий многих в англосаксонском мире призрак континентально-европейской «оси» Париж – Берлин – Москва, произвела на Лондон и Вашингтон сильное впечатление и привела к осуществленной в 2005–2006 годах «пакетной» ротации руководства Германии, Франции и Италии. Г.Шредера, Ж.Ширака и С.Берлускони буквально «стахановским» способом заменили на А.Меркель, Н.Саркози и Р.Проди.

Поэтому военная операция в Ираке, которую натовской можно назвать лишь с большой натяжкой, ибо США, по сути, действовали самостоятельно, вне структуры блока и без необходимой в подобных случаях санкции ООН, были поддержаны лишь традиционным сателлитом – Великобританией.

В Ираке деятельность НАТО после американской агрессии, начало которой было положено воздушным ударом по Багдаду (20 марта 2003 г.), лишь весьма условно можно назвать миротворческой. Под мощным давлением США блок взял на себя миссию оказания разнообразной помощи в решении задач переходного периода. Причем задачи военного характера, в частности подавление многочисленных восстаний как на шиитских, так и на суннитских территориях страны, сочетались с политическими – фактической ответственностью оккупационных войск за внутреннюю безопасность, а также управление внутривнутриполитическими процессами, элементом которого, например, можно считать проведение представителя курдского меньшинства Дж.Талабани на должность президента Ирака.

Имеются различные точки зрения на подлинные геостратегические цели США в Ираке. Упоминают и план «Большого Ближнего Востока», предполагающий переформатирование государственных границ, включая создание единой курдской государственности, и геополитическое окружение Ирана, и обеспечение поддержки выгодного для США протекания процессов в Закавказье – ключевом регионе для осуществления обходящих Россию альтернативных маршрутов энерготранзита.

Если рассматривать лишь военные аспекты, то следует отметить, что Североатлантический союз особое внимание уделяет поддержанию баланса между различными группировками в этой стране с тем, чтобы исключить доминирование какой-либо из них. Это может свидетельствовать в пользу ставки на перманентный хаос как средство контроля над нестабильностью в данном,

стратегически важном регионе.

В рамках этого курса ведется активное обучение иракских военнослужащих в самом Ираке и за его пределами, обеспечивается содействие развитию структур обеспечения безопасности, помощь руководству страны в укреплении вооруженных сил, а также координация действий государств, безвозмездно выделяющих военную технику Ираку.

Поддерживается Польша, задействованная в выполнении командных функций в ее секторе ответственности. Так, в мае 2003 года Североатлантический совет принял решение оказать содействие Польше в области разведки, тылового обеспечения, координации перевозок, формирования сил и защиты связи. При этом тогдашний генеральный секретарь НАТО Дж.Робертсон подчеркнул: «Речь идет не о присутствии НАТО в Ираке, а просто-напросто об оказании помощи Польше со стороны НАТО».

В сентябре 2003 года Польша приняла командование многонациональной дивизией (МНД) «Центр-Юг» в рамках Сил по стабилизации в Ираке. В общем ее деятельность в Ираке пользуется полной поддержкой как со стороны НАТО в целом, так и со стороны ряда стран-членов блока и государств-партнеров на основании двусторонних договоренностей (включая выделение сил и другие виды содействия).

В заявлениях, сделанных от имени Североатлантического совета (конец 2003 г. и начало 2004 г.), подчеркивалось, что НАТО оставляет за собой право принимать последующие решения в соответствии с обстановкой безопасности в Ираке и будет постоянно рассматривать вопрос о своей роли в усилиях по стабилизации Ирака.

В июне 2004 года в ответ на просьбу Временного

правительства Ирака, а также после единодушного принятия резолюции № 1546 Совета Безопасности ООН с призывом к международным и региональным организациям оказать содействие Многонациональным силам в Ираке руководители стран НАТО договорились помочь Временному правительству в учебной подготовке его сил безопасности.

Это было реализовано:

- созданием, согласно решению Совета НАТО (30 июля 2004 г.), Миссии учебной подготовки НАТО в составе около 50 военнослужащих для обучения специально отобранных военных и гражданских служащих штабов в Ираке. Безопасность и охрана самой Миссии обеспечивается частично Многонациональными силами и частично НАТО.

- помощью, согласно решению НАТО (сентябрь 2004 г.), Центру по учебно-образовательной подготовке, который должен обучать при поддержке НАТО командный состав иракских сил безопасности, а также координировать учебную подготовку, проводимую различными государствами-членами блока как внутри Ирака, так и за его пределами.

Как итог – в октябре 2004 года Совет НАТО одобрил концепцию оказания помощи иракскому Временному правительству в учебной подготовке его сил безопасности, координации работы различных стран по учебной подготовке и безвозмездному предоставлению военной техники. Эта концепция легла в основу существенного расширения практической помощи в рамках особой миссии НАТО и разработки детального плана операций, одобренного Североатлантическим советом (ноябрь 2004 г.).

На сессии министров иностранных дел стран НАТО (декабрь 2004 г., Брюссель) НАТО дала официальное согласие на

расширение содействия Ираку в учебной подготовке. В результате Миссия учебной подготовки НАТО была увеличена приблизительно на 300 преподавателей и вспомогательных сотрудников, что позволило расширить учебную подготовку и консультирование иракских сил безопасности.

Запросы Ирака о дополнительной учебной подготовке в НАТО или других организациях рассматриваются Координационным центром по учебной подготовке и военной технике альянса, который взаимодействует с подобным центром в Багдаде.

В настоящее время войска США и других стран НАТО, добившиеся некоторой стабилизации внутривнутриполитической обстановки, выведены за пределы крупных городов и населенных пунктов страны, прежде всего Багдада. Однако это сразу же привело к резкой активизации повстанческой деятельности, принимающей преимущественно террористические формы. Учитывая данную тенденцию, а также перенос основных усилий НАТО из Ирака в Афганистан, дальнейшее развитие ситуации спрогнозировать сложно.

В качестве отдельного фактора при любых прогнозах следует рассматривать и иранский. Наличие в Ираке шиитского большинства способствует формированию между этой общиной Ирака и шиитским Ираном значительного притяжения. В западные СМИ неоднократно просачивалась информация о неофициальном присутствии в Ираке представителей иранского Корпуса стражей исламской революции (КСИР).

В заключение можно подчеркнуть, что собственно военная кампания США в Ираке завершена. Боевые части США выведены, как это и планировалось до конца августа 2010

года в Кувейт. Тем не менее в Ираке остаются 50 тыс. американских военнослужащих до конца 2011 года в качестве советников для обучения иракских военных.

Глава 3.6. Содействие НАТО Африканскому союзу в Дарфуре (Судан)

26 апреля 2005 года Африканский союз (АС) обратился к НАТО с просьбой рассмотреть возможность оказания поддержки в сфере материально-технического обеспечения его операции в Дарфуре (Судан), проводившейся для прекращения в регионе насилия.

В мае-июне 2005 года НАТО дала согласие на расширение своей миротворческой миссии. Тем самым Североатлантический блок впервые за всю историю своего существования оказался задействован в Африке. До этого на континенте была проведена всего лишь одна миротворческая операция США – миссия американского десанта в Сомали, окончившаяся провалом.

Просьба АС о помощи была обращена не только к НАТО, но и к ЕС, поэтому они координировали свои действия под общим контролем Африканского союза.

Координация переброски по воздуху сил НАТО проводилась из Европы неправительственными организациями (НПО) и отдельными странами при сотрудничестве с ООН. Как мы понимаем, сам этот факт, ввиду своей очевидной неестественности, настолько примечателен, что требует отдельного исследования, выходящего далеко за рамки рассматриваемой проблематики.

НАТО начала воздушную переброску миротворцев для Африки в Дарфур в начале июля 2005 года.

Альянс также занимался подготовкой войск АС по вопросам командования, контроля и оперативного планирования, поддерживая работу многонационального штаба и руководя разведкой.

В сентябре НАТО решила предоставить материально-техническую поддержку, чтобы обеспечить ротацию войск в рамках миссии АС в Судане (МАСС) и последующее участие в работе по повышению профессиональной квалификации офицерского состава сил Африканского союза.

* * *

Проведенный анализ различных аспектов участия НАТО в миротворческом процессе, осуществляемом как под эгидой ООН, так и за рамками ее юрисдикции, подводит нас к ряду выводов, являющихся одновременно прогностическими оценками возможного вектора дальнейшей эволюции глобальной расстановки сил.

1. В конце прошлого столетия НАТО утратила конкретного противника в лице СССР и советского блока. Для сохранения альянса необходимо было срочно найти новые сферы применения своего военного потенциала.

Одним из таких направлений было выбрано миротворчество, что и нашло отражение в стратегических концепциях НАТО 1991 и 1999 годов.

В настоящее время, выполнив эти задачи, НАТО перешла к новой Стратегической концепции (2010 г.), в рамках которой стремится играть ключевую роль в системе международной безопасности, изменив суть миротворческой концепции ООН и узаконив самостоятельную, причем глобальную, роль блока в разрешении любых возникающих в мире конфликтов. Политическим руководством НАТО предпринимаются настойчивые попытки осуществить переход к применению силы для наказания непослушной или неговорчивой стороны конфликта в одностороннем, в том

числе превентивном порядке. Происходит это несмотря на то, что правовым основанием для миротворчества и других подобных операций являются Устав ООН и соответствующие резолюции, поддержанные всеми постоянными членами ее Совета Безопасности.

Стоит отметить, что в Вашингтонском договоре о создании Североатлантического блока (1949 г.) была предусмотрена возможность проведения альянсом миротворческих операций под эгидой или по мандату ООН. Однако до 90-х годов XX века НАТО о миротворчестве даже не вспоминала, хотя поводов и в то время было достаточно (например, гуманитарные катастрофы в ряде африканских стран, в Индонезии, в Юго-Восточной Азии и т.п.).

Из активизации натовского миротворчества именно после распада СССР со всей очевидностью следует вывод о стремлении руководства блока распространить свое влияние за пределы традиционной зоны геополитической ответственности, расширив его до масштабов глобального. Конкретные направления этого курса прояснены в новой Стратегической концепции НАТО, в центр которой поставлено расширение роли блока за пределами традиционной сферы его геополитической ответственности: в Закавказье, Центральной Азии и Афганистане и т.д.

2. В начале 90-х годов XX века НАТО была вынуждена адаптироваться к изменившимся политическим реалиям. В ее установках появились новые элементы, например, взаимодействие с европейскими институтами: ОБСЕ, ЕС и ЗЕС.

Проникновение НАТО в систему международных миротворческих организаций и закрепление за ней

самостоятельной роли происходило постепенно. Сначала НАТО появилась как элемент миротворческих операций, затем стала действовать как самостоятельный фактор под флагом миротворчества в рамках ООН, а потом уже самостоятельно – либо вопреки ООН, либо с легитимацией своих акций *post-factum*, обеспечиваемой энергичным нажимом США на противников принятия таких решений как за пределами блока, так и внутри него.

Сегодня США и другие страны НАТО (действующие, как правило, в рамках коллективного представительства Европейского союза) участвуют практически во всех контактных группах и объединениях, занятых политическим урегулированием локальных конфликтов по всему миру. Наглядным подтверждением служит роль ведущих натовских государств, являющихся постоянными членами Совета Безопасности ООН, во введении, а затем в ужесточении режима санкций против Ирана.

Опасность данной тенденции заключается в том, что возможность использования военных мер на определенном этапе разрешения конфликтов или навязывании своего видения внутренней ситуации в той или иной стране становится нормой политики. А результатом этого стала агрессия блока НАТО против Югославии (март-июнь 1999 г.), вмешательство в Афганистане (2001 г.) и Ираке (2003 г.). Имеются все основания полагать, что указанные акции явились не исключением из правил, а, скорее, «генеральной репетицией» более масштабного военного и полицейского участия в мировых делах.

3. Балканский кризис – это попытка закрепить правовую независимость НАТО от ООН и ОБСЕ. Очевидным было

стремление изменить подход к участию блока в региональных конфликтах не как инструмент реализации решений Совета Безопасности ООН и тем более не под его эгидой, а как самостоятельный фактор, подчиняющийся командованию НАТО.

С начала 90-х годов НАТО принимала участие в четырех миротворческих операциях: на территории Югославии (Республика Босния и Герцеговина, Край Косово), Афганистана и Ирака. Кроме этого, имели место локальные операции блока в Македонии и Дарфуре.

4. Что можно отнести к успехам натовских миротворческих сил? Пожалуй, только то, что перед угрозой военного потенциала НАТО, многократно превосходящего суммарный потенциал конфликтующих сторон, открытые военные действия прекращались, то есть «принуждение к миру» вроде бы происходило. Но причины, вызвавшие конфликты, в большинстве случаев не только не разрешались, а наоборот, усугублялись.

Так, в Боснии и Герцеговине, по мнению руководства НАТО, обстановка остается потенциально нестабильной.

В Косово деятельность Сил для Косово (КФОР) вызывает многочисленные нарекания международной общественности и правозащитных организаций, так как вольно или невольно КФОР способствуют национальной гомогенизации Края: идет вытеснение сербов. Абсолютно неприемлемым, по мнению государственного и политического руководства Российской Федерации, является одностороннее признание независимости Косова странами НАТО, на которые возложена миротворческая миссия в этом наиболее взрывоопасном регионе Балкан.

В целом, международное присутствие в лице НАТО обеспечивает и охраняет глобальные интересы западных

компаний, которые уже сейчас распоряжаются югославской и сербской государственной и общественной собственностью.

Что касается Афганистана, то многие участники ИСАФ признают, что военного решения проблемы там не существует, что подтверждается скандальным увольнением из армии бывшего командующего силами США и НАТО в этой стране генерала С.Маккрисала. Тем не мене, зона ответственности альянса уже распространена на всю территорию страны. Однако военные меры не подкрепляются реальным улучшением социально-экономических условий. Не учитывается и соответствующий опыт 1979-1989 годов, накопленный советским «Ограниченным воинским контингентом».

Отсюда нарастание недовольства натовским присутствием, рост влияния талибов. В стране увеличивается производство наркотиков и наркотрафик, средства от реализации которых, как известно, являются одним из основных источников финансирования, в том числе и международного терроризма, именно против которого и была предпринята силовая акция в Афганистане.

В Ираке после завершения военной части операции, о котором весной 2003 года заявил бывший президент Дж.Буш, продолжается сопротивление: чуть ли не каждый день взрывают нефтепроводы, устраивают засады на военнослужащих и сотрудников международных организаций.

Запад классифицирует сопротивление населения миротворческим силам как террористические акты, но скорее это партизанская война против оккупационных войск.

То, что происходит в Сербии, Афганистане, Ираке в действительности является оккупацией независимо от того,

под каким предлогом она осуществляется. Несмотря на это, новая Стратегическая концепция рекомендует НАТО не только продолжать, но и углублять этот не оправдавший возлагавшихся на него ожиданий курс.

5. Во всех рассмотренных случаях миротворчества при подмене сил ООН силами НАТО общие гуманитарные цели ушли на второй план, а миротворческие силы блока, по сути, превратились в инструмент глобальной политики США. Это видно и по фактическому окружению Ирана присутствием американских и натовских войск в Ираке и Афганистане, и по постепенному формированию «санитарного кордона» на южных границах СНГ, и по тому, с какой настойчивостью предпринимались подобные попытки на Украине и в Грузии, и т.д.

К этому следует добавить, что проведенная реорганизация военной структуры НАТО не ставила своей целью подготовку к проведению миротворческих операций. Это лишь благовидный предлог. Скорее наоборот, военный механизм НАТО стал еще более приспособлен к крупномасштабным операциям по всему миру.

6. Наконец, еще один вывод, апеллирующий к объявленному Белым домом выводу войск из Ирака и Афганистана, связывается с хаосом, разрастающимся в зонах американского и натовского вмешательства за пределами границ геополитической ответственности блока.

Вслед за многими отечественными и зарубежными экспертами, автор этих строк убежден в том, что воцарение хаоса является не побочным результатом непродуманных действий при операциях, а именно запланированным итогом. Если не получается управлять с помощью порядка,

демонстрируется готовность управлять хаосом, тем более, что создание этого хаоса провоцируется у границ цивилизационных и геополитических конкурентов, к которым по отношению к США и НАТО выступают Российская Федерация и Китайская Народная Республика.

РАЗДЕЛ ЧЕТВЕРТЫЙ

НАТО в системе европейской безопасности

Глава 4.1. Сотрудничество НАТО и Европейского союза

В рамках трансформации альянса постепенно развивается стратегическое партнерство между НАТО и Европейским союзом, которое можно охарактеризовать как наиболее продвинутое в контексте взаимодействия блока с другими международными организациями. Основой таких отношений является совместная декларация по европейской политике безопасности и обороны, определяющая практические вопросы сотрудничества между ними по предотвращению конфликтов и кризисному регулированию.

До 2000 года между НАТО и Европейским союзом официальных отношений не существовало. В 90-е годы формальным посредником между альянсом и европейскими странами, стремившимися создать европейскую составляющую в области безопасности и обороны в НАТО, выступал Западноевропейский союз. Неформальными структурами высшего уровня, формировавшими основной вектор всей геополитики Запада, направленной на интеграцию «сухопутной» континентальной Европы с англосаксонскими «морскими» державами, как отмечалось, являются Римский и Бильдербергский клубы, отвечающие за идеологию НАТО и ЕС, а также за стратегическое политическое планирование и кадровую политику в рамках трансатлантических структур.

Однако уже в начале 90-х годов стало очевидно, что европейским странам придется взять на себя больше ответственности за свою общую безопасность и оборону.

Изменение баланса отношений между Европой и Северной Америкой было необходимо по трем основным причинам:

Во-первых, речь шла о перераспределении экономических затрат обеспечения безопасности Европы.

Во-вторых, о противодействии постепенному усилению в европейских институтах власти интегрированной европейской политической составляющей.

В-третьих, с распадом СССР и окончанием холодной войны политическое руководство Запада и НАТО расширило масштабы своего геостратегического интереса к регионам, находящимся за пределами зоны геополитической ответственности НАТО, что потребовало планирования перераспределения ресурсов и сил. Понятно, что основная тяжесть в решении новых задач изначально ложилась на США. Поэтому было принято решение максимально освободить Соединенные Штаты от бремени в зоне традиционной ответственности НАТО – в Европе, угрозы которой, по мнению руководства блока, отошли в прошлое. А это автоматически усиливало нагрузку на «ось» «старой Европы», которой со времен Елисейского договора (1963 г.) является внутринатовский альянс Франции и Германии.

Для понимания современной ситуации во внутринатовских отношениях целесообразно вспомнить некоторые факты, связанные с указанными документами.

На Западе объединение Европы с самого начала мыслилось, прежде всего, в рамках НАТО во главе с США. С определенного момента это стало вызывать сопротивление, в первую очередь, Франции.

«Рамочный пакт» де Голля и германского канцлера Конрада Аденауэра (1962 г.), фактически отвергнутый

бундестагом ФРГ, по мысли его творцов должен был создать франко-германский «каролингский полус», вокруг которого должна была сплотиться Европа как таковая. К ней со временем могла бы присоединиться и Россия, «если она, – как говорил де Голль, – изменит свою политическую систему». Причем, когда в Германии Аденауэр был заменен ставленником США Людвигом Эрхардом, де Голль не стал дожидаться «изменения политической системы России» и объявил о выходе Франции из военной организации НАТО. Фактически он установил ось Париж – Москва, поддерживая всех союзников СССР в «третьем мире» – от арабских стран до повстанцев Латинской Америки (оставаясь при этом непримиримым противником коммунистической идеологии).

Политика де Голля была первым французским вызовом евро-атлантическому единству и попыткой прорыва к единству евразийскому, вопреки его собственной формуле «от Атлантики до Урала». Приходится признать, что к этому повороту не было готово руководство СССР отчасти по идеологическим соображениям: (поддержка французской компартии), но в целом по совершенно другим причинам: после XX съезда КПСС советское руководство все более наполнялось скрытой, а порой и открытой проамериканской прослойкой.

Итак, Елисейский договор (1963 г.) связан, прежде всего, с именем президента Франции Шарля де Голля. В годы Второй мировой войны Франция была за месяц разгромлена Гитлером и лишь спустя четыре года освобождена с помощью союзников. Франции дали «приставной стул» в стане победителей. Де Голль мечтал восстановить пошатнувшийся престиж своей родины. В противовес существовавшим в 50-е годы идеям американского атлантизма, то есть единства

западного мира в рамках НАТО под эгидой США, де Голль противопоставил идею европеизма, то есть единства стран Западной Европы, где Франция играла бы главенствующую роль. Так, де Голль пытался восстановить величие Франции. Известно его высказывание о том, что «Франция может быть только великой державой, иначе это будет уже не Франция, а нечто иное».

Де Голль понимал, что союз европейских стран невозможен без тесного взаимодействия и сотрудничества двух главных государств европейского континента – Франции и Германии (ФРГ), их союза.

Это понимал не только он. Вот слова Черчилля: «Первым шагом на пути воссоздания европейской семьи народов должно быть налаживание партнерства между Францией и Германией, духовное возрождение Европы без участия Франции и Германии попросту невозможно».

Эту пропасть нужно было преодолеть любой ценой. В Германии де Голль нашел единомышленника в лице канцлера Конрада Аденауэра. Де Голль и Аденауэр проявили огромное упорство. С 1958 по 1962 год состоялось 15 встреч только между ними, на которые они потратили в целом 100 часов. Результатом этой работы было подписание 22 января 1963 года Елисейского договора, который действует до сих пор.

Елисейский договор вступил в силу 2 июля 1963 года.

Участники Договора обязались осуществлять сотрудничество в различных областях и договорились о проведении регулярных двусторонних консультаций на уровне глав государств и правительств (не реже 2 раз в год), министров иностранных дел и обороны (раз в 3 месяца), начальников штабов (раз в 2 месяца) и др. уровнях.

В области внешней политики стороны обязались согласовывать позиции двух государств «перед принятием решений по всем важным внешнеполитическим вопросам», развивать обмен информацией, координировать внешнеэкономическую политику и курс в отношении развивающихся государств.

По Договору стороны обязались согласовывать стратегические и тактические планы, расширить обмены по военной линии, принять меры по организации совместного производства вооружений.

В соответствии с Договором была создана комиссия по проблемам двустороннего сотрудничества, в задачи которой входит координация деятельности различных органов, ведающих вопросами экономических связей и научно-технического сотрудничества⁴⁰.

Вернемся в современность.

У ряда членов ЕС существует точка зрения, что Европа должна создавать собственный потенциал для проведения военных операций, когда это уместно и когда НАТО в них не участвует.

Появление новых подходов к европейской безопасности в значительной мере связано с балканскими конфликтами в 90-е годы. Неспособность Европы вмешаться в подобной ситуации привела к пониманию того, что Европейскому союзу необходимо ликвидировать дисбаланс между своей экономической мощью и ограниченными военно-политическими возможностями. Для многих стало очевидным, что дипломатические усилия, направленные на прекращение

⁴⁰ Keesing's Contemporary Archives. 1963–1964. V. 14. P. 19209–19210.

конфликта политическими средствами, должны, при необходимости, подкрепляться убедительной военной силой. Как следствие – Европейский союз в 90-е годы стал расширять свои обязательства по предотвращению конфликтов и кризисному регулированию за пределами своих границ.

Свою роль сыграл и нажим со стороны США, преследовавших цель заставить европейские страны разделить ответственность за эффективность формирующейся системы глобального управления во главе с США, Великобританией и стоящими за ними «теневыми» центрами влияния и силы.

Важным шагом в этом направлении стал Маастрихтский договор (1992 г.), который содержал соглашение между руководителями стран ЕС о разработке Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ), «включая возможное создание общей политики обороны, которая могла бы со временем привести к общей обороне».

Европейский союз поручил Западноевропейскому союзу, ведущие позиции в котором, как известно, с самого его создания принадлежали Великобритании, разрабатывать и реализовывать решения ЕС в области обороны. Создание европейского потенциала обороны с помощью ЗЕС позже осуществлялось на основе Амстердамского договора (1997 г.). Этот договор (вступил в силу в мае 1999 г.), включал так называемые «петербургские задачи» ЗЕС – гуманитарные, поисково-спасательные и миротворческие миссии, задачи кризисного регулирования, включая принуждение к миру, а также охрану окружающей среды.

Последняя из задач имела «двойное дно». Помимо обеспечения экологической безопасности, она в

практической деятельности тесно увязывалась с идеологией Римского клуба, рассматривающего экологическую проблематику в неразрывной связи с определенным социальным и политическим порядком, базирующимся на западной системе ценностей. Важная роль в продвижении и реализации этих идей принадлежит концепции «устойчивого развития», Гуманистическому манифесту, «Хартии Земли», а также расположенным в Лондоне идеологическим интернационалам – Социалистическому и Либеральному.

Принятые решения не только заложили основу оперативной разработки общей европейской политики обороны, но и сформировали ее идеологический фундамент, основу которого составило представление о неизбежности и полезности ограничения национальных суверенитетов, необходимости организации усиливающегося контроля над ними со стороны глобальных «сетевых» институтов и западной ценностной экспансии, разрушающей цивилизационные идентичности. Квинтэссенцией этих взглядов служит положение неоднократно упоминавшегося доклада «Наше глобальное соседство», в котором впервые открыто вводилось понятие «коллективного суверенитета», тесно привязывавшегося к другому, не менее показательному понятию «глобальное общее достояние»⁴¹.

Россия все это в полной мере прочувствовала за последние годы на собственном опыте.

Приблизительно в тот же период, на встрече НАТО на высшем уровне (Брюссель, 1994 г.), было принято решение о

⁴¹ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 83.

создании в рамках НАТО Европейской составляющей безопасности и обороны.

На основе этого были сформированы практические механизмы, позволяющие Североатлантическому союзу поддерживать европейские военные операции, осуществляемые Западноевропейским союзом. Эти механизмы включают предоставление ЗЕС сил и средств Североатлантического союза, разработку соответствующих многонациональных структур европейского командования в рамках НАТО для проведения операций под руководством ЗЕС. Их политическую основу составила концепция многонациональных объединенных оперативно-тактических групп, определившая создание Сил быстрого развертывания для решения новых задач Североатлантического союза, а также отделяемых, но не отдельных штабов быстрого развертывания, которые могли бы использоваться в ЗЕС. Это направление было усилено в дальнейшем на встречах министров иностранных дел и министров обороны стран НАТО в Берлине и Брюсселе (июнь 1996 г.), а также на встрече НАТО на высшем уровне в Мадриде (1997 г.).

Таким образом, Западноевропейский союз развивался одновременно и в качестве оборонного компонента Европейского союза, и как средство укрепления европейской «опоры» НАТО, а также как связующее звено между политическими (геополитическими) институтами глобального управления и их военным крылом, представленным блоком НАТО.

Европейские государства-члены Североатлантического союза признали, что при создании собственно европейского военного потенциала необходимо избегать дублирования уже

имеющихся в НАТО структур органов военного управления и планирования, а также военных сил, средств и ресурсов. Более того, такой подход увеличивал европейский вклад в выполнение задач Североатлантического союза и одновременно соответствовал намерению Европейского союза разработать общую внешнюю политику и политику безопасности. Символизировал он и общую потребность в более сбалансированном трансатлантическом партнерстве.

Договоренности о сотрудничестве, заключенные между НАТО и ЗЕС за девять лет (с 1991 по 2000 г.), заложили основу последующего развития отношений между этими структурами.

На практике эти механизмы должны были гарантировать, что если возникнет кризис и Североатлантический союз решит в него не вмешиваться, то ЗЕС сможет запросить силы, средства и ресурсы Североатлантического союза для проведения операции под собственным политическим контролем и стратегическим руководством.

Таким образом, между НАТО и ЗЕС было заложено фундаментальное разделение ролей между стремительно превращающимся в глобальный блок Североатлантическим альянсом и ЗЕС, сохраняющим локальное значение, не выходящее по своим масштабам за рамки европейских театров военных действий.

Дискуссии о создании системы европейской обороны получили дополнительный импульс с принятием «Совместной декларации по европейской обороне».

Этот документ – коммюнике по итогам двусторонней франко-британской встречи на высшем уровне, проходившей в Сен-Мало (Франция, 3–4 декабря 1998 г.). Официальные

круги и средства массовой информации оценили итоги Сен-Мало настоящим «переломным пунктом» в подходе Евросоюза к обеспечению безопасности.

Впервые планы Европы в области обороны вышли за рамки институциональных построений и были наполнены реальным военным содержанием. В Сен-Мало была принята позиция Франции, в соответствии с которой «Союз (Евросоюз – Авт.) должен обладать потенциалом для осуществления автономных операций» в области обороны. Что касается Великобритании, то она стремилась подчеркнуть органическую связь между ЕС и НАТО. Обе страны заявили, что «Союз должен быть обеспечен необходимыми структурами и средствами для анализа ситуаций, источниками разведывательной информации и потенциалом для осуществления соответствующего стратегического планирования без ненужного дублирования» того, что уже существует в НАТО.

В политической атмосфере, сложившейся после англо-французской инициативы и являющейся дополнительным инструментом распространения англосаксонского влияния на «каролингскую» ось континентальной Европы, появилась возможность для дальнейших решений.

На вашингтонской встрече НАТО на высшем уровне (апрель 1999 г.) англо-французская инициатива была отмечена как новый импульс, усиливающий европейскую политику безопасности и обороны. Руководители альянса подтвердили, что повышение роли европейских стран будет способствовать жизнеспособности Североатлантического союза в XXI веке. Кроме того, лидеры государств-членов НАТО заявили, что для реализации новой роли Евросоюза в области обороны Североатлантический блок и Европейский

союз должны обеспечить взаимные консультации, эффективное сотрудничество и «прозрачность» деятельности на основе существующих механизмов взаимодействия между НАТО и Западноевропейским союзом.

Роль ЗЕС, таким образом, окончательно оформилась в виде «мостика» через Ла-Манш между доминирующей англосаксонской и во многом контролируемой ею континентально-европейской частями Запада*.

После принятых решений НАТО и ЗЕС приступили к разработке принципов сотрудничества с Европейским союзом. В первую очередь, это касалось трех вопросов, которые в течение долгого времени не поддавались решению, а именно:

– средств обеспечения эффективных взаимных консультаций, сотрудничества и «прозрачности» между Европейским союзом и Североатлантическим союзом, основанных на существующих механизмах взаимодействия между НАТО и Западноевропейским союзом;

– участия европейских союзников, не входящих в ЕС, в принятии решений и операциях, которые могут осуществляться Европейским союзом;

– практических механизмов обеспечения доступа ЕС к средствам планирования НАТО, а также силам, средствам и ресурсам НАТО.

На встрече в Кельне (июнь 1999 г.) руководители стран ЕС приветствовали сделанное в Сен-Мало заявление и, на основе Амстердамского договора, который включает «петербургские задачи» ЗЕС, договорились о концепции и

* В своем фундаментальном труде «Дипломатия» Г.Киссинджер отводил такую роль Нидерландам и другим странам Бенилюкса. К этой политической и экономической составляющим сегодня в рамках связки НАТО-ЕС добавляется военно-политическая составляющая - ЗЕС.

целях Европейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) Европейского союза. Они также приняли решение о предоставлении Евросоюзу средств усиления соответствующего потенциала, чтобы он мог принимать решения и нести ответственность за вопросы общей европейской политики в области безопасности и обороны. Кроме того, ими также было принято обязательство развивать эффективные взаимные консультации и сотрудничество с НАТО, а также повышать «прозрачность» в этой области.

В таком же ключе шло обсуждение вопросов европейской обороны и сотрудничества с НАТО и на последующих заседаниях Европейского совета, в частности в Хельсинки (декабрь 1999 г.) и Ницце (декабрь 2000 г.).

На хельсинкском заседании Европейский совет принял «приоритетную цель» государств-членов ЕС по созданию военного потенциала для операций кризисного регулирования. Она состояла в том, чтобы Европейский союз был в состоянии к 2003 году разворачивать группировку войск численностью до 60 тыс. человек и удовлетворять их потребности в тыловом обеспечении не менее одного года. Это предпринималось для решения всего круга «петербургских задач» в контексте военных операций под руководством ЕС при реагировании на международные кризисы, в которые НАТО как военный блок в целом вовлекаться не будет.

Помимо этого, Европейский союз решил создать постоянные политические и военные структуры, в том числе Комитет по вопросам политики и безопасности, Военный

комитет и Военный штаб для обеспечения необходимого политического и стратегического руководства такими операциями.

На встрече в Хельсинки функции Западноевропейского союза в области кризисного регулирования были также переданы ЕС. Остаточные задачи ЗЕС остаются в силе и решаются сильно сокращенной официальной политической структурой и небольшим секретариатом.

На основе решений, принятых в Кельне и Хельсинки, в декабре 2000 г. был подписан Ниццкий договор (вступил в силу в феврале 2003 г.), который создал в ЕС политическую основу для военных операций в рамках ЕПБО и постоянные политические и военные структуры.

С конца 2000 года после официальной передачи ответственности за решения и действия ЕС в области обороны от Западноевропейского союза непосредственно Европейскому союзу, отношения между НАТО и ЕС приобрели новое измерение.

Новая структура ЕПБО позволила ввести отношения между ЕС и НАТО в институциональные рамки, ограниченные ранее лишь неформальными встречами генеральных секретарей.

В декабре 2000 года были приняты решения об организации регулярных контактов между этими союзами – не менее трех встреч Североатлантического совета и Комитета по вопросам политики и безопасности (КПБ) и одной министерской встречи в период каждого председательства в ЕС. Первая встреча министров иностранных дел ЕС и НАТО (в формате «23») с участием генеральных секретарей Х.Соланы и Дж.Робертсона состоялась 15 декабря 2000 года.

Военный комитет ЕС был подключен к системе консультаций с НАТО в июне 2001 года. Кроме того, были установлены связи между руководством штабных структур обоих союзов. Европейский союз регулярно консультирует третьи страны по проблемам ЕПБО, и прежде всего по вопросам их участия в «европейских» операциях. Такие консультативные встречи проводятся, как правило, в формате «15+15» (между государствами ЕС и странами-кандидатами, а также остальными членами НАТО).

На пражской встрече на высшем уровне (ноябрь 2002 г.) руководители стран НАТО вновь подтвердили свое обязательство расширять сотрудничество между НАТО и ЕС, необходимость которого стала очевидной при попытках восстановления мира и создания условий для стабильности обстановки на Балканах.

В Декларации НАТО-ЕС по ЕПБО (декабрь 2002 г.) обе организации «приветствовали стратегическое партнерство, сложившееся между ЕС и НАТО в области кризисного регулирования». При этом подчеркивались их цивилизационное и идеологическое основания: «общие ценности, неделимость безопасности, решимость противостоять вызовам нового столетия».

Спустя несколько месяцев, НАТО и Европейский союз сделали свое стратегическое партнерство более содержательным, согласовав ряд документов, предусматривавших обмен секретной информацией и сотрудничество в области кризисного регулирования. Одним из первых инструментов в контексте сотрудничества между НАТО и ЗЕС явились механизмы «Берлин плюс» (Берлин, 1996

г.) которые были окончательно согласованы в марте 2003 года.

Участники признали тот факт, что государства-члены обеих организаций обладают только одним комплектом сил и ограниченными оборонными ресурсами. Учитывая эти обстоятельства и необходимость избегать ненужного дублирования ресурсов, они договорились о том, что в операциях под руководством Европейского союза будет возможно использовать силы, средства и ресурсы НАТО. Указанные механизмы позволяют Североатлантическому союзу поддерживать операции под руководством ЕС, в которых он сам не участвует. Их основные элементы состоят в следующем:

- гарантированный доступ ЕС к средствам планирования НАТО, которые могут содействовать военному планированию операций под руководством ЕС;

- презумпция того, что ЕС может рассчитывать на предварительно согласованный состав сил и средств альянса и его общие ресурсы для использования в операциях под руководством ЕС;

- определение вариантов европейского командования для операций под руководством ЕС и дальнейшее повышение роли заместителя главнокомандующего ОВС НАТО в Европе, чтобы он мог полностью и эффективно принять на себя обязанности по командованию европейскими силами;

- дальнейшая адаптация системы военного планирования НАТО с целью более полного учета сил для операций под руководством ЕС;

- соглашение НАТО-ЕС, регулирующее обмен секретными данными согласно правилам взаимной защиты информации;

– процедуры для предоставления, контроля, возврата и отзыва сил, средств и ресурсов НАТО;

– механизмы консультаций между НАТО и ЕС в контексте операций по кризисному регулированию под руководством ЕС с использованием сил, средств и ресурсов НАТО.

На первой официальной встрече министров иностранных дел стран НАТО и ЕС (Будапешт, 30 мая 2001 г.) генеральный секретарь НАТО и представители страны-председателя ЕС обнародовали совместное заявление о положении на западных Балканах

Затем представители НАТО и ЕС встречались в Брюсселе (декабрь 2001 г.) и в Рейкьявике (май 2002 г.).

На этих саммитах были проанализированы пути расширения сотрудничества по всем основным вопросам совместной повестки. Была, в частности, подчеркнута неизменность взаимных обязательств по поддержанию между организациями тесных и «прозрачных» отношений, а также упрочению мирного процесса в бывшей югославской Республике Македония и в других регионах западных Балкан.

Первой военной операцией по кризисному регулированию под руководством ЕС на Балканах стала операция «Конкордия». Она проводилась на основе механизмов «Берлин плюс» и стала реальной отправной точкой в сотрудничестве между НАТО и Европейским союзом в решении оперативных задач кризисного регулирования.

НАТО и Европейский союз официально договорились (29 июля 2003 г.) о «согласованном подходе к обеспечению безопасности и стабильности на западных Балканах» и изложили свой стратегический подход к проблемам региона. Обе организации выразили решимость продолжать свое

сотрудничество, чтобы положить конец конфликту и помочь стабилизировать регион в целом.

На стамбульском саммите (июнь 2004 г.), учитывая развитие обстановки в области безопасности в Боснии и Герцеговине, руководители стран Североатлантического союза подтвердили свое решение завершить миротворческую миссию НАТО, которую они проводили там с 1996 года. Участники саммита приветствовали готовность Европейского союза принять на себя ответственность за новую миссию – операцию «Алтея», основанную также на механизмах «Берлин плюс». Тесному сотрудничеству и координации в области планирования и реализации миссии ЕС способствовало назначение заместителя главнокомандующего ОВС НАТО в Европе командующим операциями ЕС.

Руководители стран НАТО подчеркнули, что блок и впредь будет поддерживать меры, направленные на стабилизацию обстановки в Боснии и Герцеговине, и сохранит остаточное военное присутствие в виде своего штаба в Сараево. Этот штаб отвечает, прежде всего, за содействие военной реформе в БиГ, а также выполняет другие задачи, в том числе по контртеррористической деятельности и поддержке Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии в завершающий период его полномочий.

2 декабря 2004 года в Сараево состоялась церемония передачи основных полномочий НАТО по обеспечению безопасности в Боснии и Герцеговине Европейскому союзу. В тот же день был официально создан новый штаб НАТО.

Стратегическое партнерство НАТО и ЕС включает и другие вопросы, представляющие взаимный интерес стран-

участниц, к которым относятся согласованные усилия в области планирования и создания военного потенциала.

Эксперты НАТО обеспечивали военные и технические консультации при первоначальной подготовке и последующей реализации Плана действий по европейскому потенциалу Европейского союза (ПДЕП) (принят в ноябре 2001 г.). Цель ПДЕП - обеспечить наличие сил и потенциала, необходимых для достижения «приоритетной цели» ЕС, установленной в Хельсинки в 1999 году.

Группа по военному потенциалу НАТО-ЕС (создана в мае 2003 г.) работает над тем, чтобы инициатива в области военного потенциала Североатлантического союза и ПДЕП взаимно подкрепляли друг друга. Кроме того, она также анализирует отношения между Силами реагирования НАТО и недавно созданными боевыми группами ЕС как частью взаимодействия между НАТО и ЕС в рамках механизмов «Берлин плюс».

Подразделения быстрого реагирования ЕС, состоящие из боевых групп, создаются в соответствии с новой «приоритетной целью» ЕС на 2010 год (была обнародована в феврале 2004 г.). Они должны были быть полностью сформированы к 2007 году.

«Мы начинаем 2007 год в готовности взять, если потребуется, на себя ответственность за нейтрализацию вооруженных конфликтов. Я искренне надеюсь, что такой необходимости не возникнет, но мы готовы к таким событиям», - отметил Х.Солана, подчеркнув, что на 1 января 2008 года «боевые группы объединенных сил Европы» достигли полной боевой готовности.

Речь в выступлении Х.Соланы идет о двух сформированных и подготовленных в рамках Евросоюза подразделениях, которые могут быть переброшены в любую точку мира через 10 суток после того, как союзные государства единогласно решат, что участие сил ЕС в конфликте в этой точке планеты «жизненно необходимо». Причем сделать это ЕС может как на основании резолюции ООН, так и по собственной инициативе.

Каждая такая группа включает 1500 солдат и офицеров. Они набираются из состава прошедших совместную подготовку и боевое слаживание спецподразделений, а также сил быстрого реагирования двух-трех европейских государств. Отличительным знаком военнослужащих таких подразделений является нашивка с эмблемой Евросоюза – синий круг с 12 звездами желтого цвета. Активное участие в создании коллективных европейских вооруженных сил принимают Франция, Германия, Испания, Италия и Польша. «Теперь мы говорим о реальном начале европейской армии», – заявил французский генерал Кристиан Дама. Экспертов в связи с этим очень заботит вопрос: не является ли появление «европейской армии» элементом воссоздания той или подобной расстановки сил, которая сложилась в Европе в промежутке между Первой и Второй мировыми войнами?

В соответствии с упомянутой «приоритетной целью» было также создано Оборонное агентство ЕС, работа которого сосредоточена на создании оборонного потенциала, исследованиях, закупках и вооружении.

Обмениваясь информацией о своей деятельности, проводя консультации и контакты на экспертном и рабочем уровнях, а также совместные заседания, НАТО и Европейский союз

ведут еще совместную работу по таким вопросам, как борьба с терроризмом, распространение оружия массового уничтожения (ОМУ), ситуация в Молдове, проблемы Средиземноморья и сотрудничество в Афганистане. Кроме того, происходит обмен информацией и сотрудничество по вопросам защиты мирного населения от нападений с применением химических, биологических, радиологических и ядерных боевых средств, а также по другим вопросам гражданского чрезвычайного планирования и противодействия ОМУ.

Иногда сотрудничество может включать участие в учениях на взаимной основе.

Например, в ноябре 2003 года состоялось первое совместное учение НАТО и ЕС по отработке задач кризисного регулирования (СМЕ/СМХ 03). Оно основывалось на ряде постоянных механизмов «Берлин-плюс» и было посвящено отработке планирования в ЕС для предполагаемой операции под его руководством с использованием сил, средств и ресурсов НАТО, в которой не участвует НАТО в целом.

* * *

Появление Европейского союза как новой политической силы на европейской и международной сцене свидетельствует о том, что объединенная Европа играет все более важную роль в международных отношениях. Государства, входящие в ЕС, активно работают над созданием международной политики обороны и безопасности.

Вместе с тем, специалисты в сфере безопасности единодушно отмечают, что экономический и социальный

потенциал объединенной Европы, входящей (вместе с США и КНР) в ведущую тройку мировых субъектов, значительно и, главное, непропорционально превосходит ее оборонный потенциал. Именно из этого вывода проистекает идея о необходимости существенного увеличения вклада Европейского союза в обеспечение как общей безопасности Запада в рамках НАТО, так и экспорта ее влияния в глобальном масштабе.

Поэтому ключевой задачей является наделение ЕС собственным потенциалом в области кризисного регулирования по всему спектру «петербургских задач» (миссии гуманитарного и спасательного характера, операции по поддержанию мира и «управлению кризисами», включая силовое умиротворение). Речь идет об адаптации к новым условиям применения национальных средств, с помощью которых европейцы смогут проводить военные операции под командованием либо ЕС, либо НАТО в зависимости от того политического выбора, который будет сделан.

Главной целью при этом является утверждение Европейского союза в качестве самостоятельной политической силы, способной обеспечивать весь комплекс жизненно важных интересов Евросоюза не только в Европе, но и в отношениях с США или Россией.

Особую важность эти перемены внутри НАТО имеют для формирования новой системы взаимоотношений Европейского союза и НАТО с Российской Федерацией.

Глава 4.2. Россия и НАТО: партнерство или противостояние?

Вопрос о взаимоотношениях нашей страны с НАТО, пожалуй, наиболее острый во всем спектре современных международных отношений. Причем, несмотря на имеющиеся у него два основных среза: исторический, связанный со стратегическим биполярным противостоянием СССР и НАТО, который был обусловлен холодной войной, и современный, в рамках которого крайне противоречиво переплелись между собой элементы противостояния и партнерства. Ставить знак равенства между ними, на наш взгляд, неправомерно, ибо взаимодействие носит ситуативный и фрагментарный характер; большая часть осуществляемых в современных условиях мер ограничивается стремлением повысить по-прежнему низкий уровень взаимного доверия, и лишь отдельные вопросы общей повестки базируются на некоем подобии действительно общих интересов.

Почему так происходит, причем, вопреки, вроде бы ясно выраженной политической воле обеих сторон к расширению сотрудничества? В целом, мы уже подробно отвечали на этот вопрос в первом разделе, поэтому здесь повторим кратко.

Во-первых, эта политическая воля субъективна и далеко не во всем отражает объективные интересы; в частности, обеим сторонам непонятно, каков временной горизонт сближения, готового, как показывает опыт, при смене власти в той или другой стране быстро смениться новым витком конфронтации.

Во-вторых, ввиду своей субъективности эта политическая воля чрезвычайно сильно зависит от таких факторов, как негативно расположенное друг к другу общественное мнение, конъюнктурные маневры политических и деловых элит, непрекращающееся противоборство в таких сферах, как деятельность разведок и контрразведок и т.д.

Наконец, в-третьих, нельзя сбрасывать со счетов ядерный фактор, и здесь появляется серьезнейшее противоречие. С одной стороны, сохраняющаяся обеими сторонами возможность если не гарантированного взаимного уничтожения, то уж, по крайней мере, нанесения «неприемлемого ущерба», объективно требует снижения уровня ядерных потенциалов. С другой стороны, катастрофическая для России разница в количестве и качестве обычных вооружений в отсутствие фактора ядерного сдерживания делает нашу страну практически беззащитным объектом внешней экспансии либо, как минимум, шантажа или диктата. Поэтому снижение ядерных потенциалов в сложившихся условиях становится односторонней и, стало быть, неприемлемой уступкой со стороны России, и именно так оно воспринимается российским общественным мнением. Отсюда такая неоднозначность в оценках договора СНВ-3, проходящего в настоящий момент стадию обсуждения в национальных парламентах.

Сам ход дискуссий, когда российская сторона требует увязки СНВ с ПРО, а американская – с ДОВСЕ и сокращением тактического ядерного арсенала, наличие этого противоречия наглядно подтверждает.

Уже по этому видно, насколько глубоки разделяющие Россию и НАТО противоречия. Поэтому авторская позиция заключается в том, что бесперспективными являются любые попытки апеллировать якобы к «общим» принципам, ибо их нет и быть не может. Рассматриваемые нами стороны представляют собой объективно конкурирующие между собой проектные цивилизации – западно-христианскую и восточно-христианскую. Привести их к общему цивилизационному (то есть, ценностному) знаменателю можно лишь уничтожив одну из них физически или духовно, то есть кардинально изменив соответствующую цивилизационную идею и формируемые ею нормы – стереотипы поведения, присущие как государствам, так и гражданам.

В своем противостоянии каждая из этих цивилизаций обращается и к другим цивилизационным ресурсам, например, к исламу, который для России является внутренним фактором, а для Запада – внешним. Однако формируемые таким образом альянсы (зачастую противоестественные, вроде членства в НАТО Турции) лишь затушевывают основной сюжет, которым является именно конкурентное противостояние российской и западной цивилизаций. Сегодня его субъектами являются Российская Федерация, являющаяся не только правопреемницей СССР, но и своеобразным «хранителем» традиционной российской государственной формы, а также англосаксонский «глобальный центр» Запада, геостратегической и военно-политической квинтэссенцией которого выступает блок НАТО.

Если рассматривать проблему взаимоотношений Российской Федерации и НАТО в историческом контексте, то следует признать, что этот вопрос имеет такую же продолжительную историю, как и сам Североатлантический альянс и, можно сказать, даже большую. Ибо эти взаимоотношения уходят корнями в предшествовавшее появлению НАТО начало холодной войны, то есть, в 1946 год. Будучи правопреемницей Советского Союза, Российская Федерация в полной мере наследует всю историю отношений с НАТО, которые, безусловно, в гораздо большей степени были наполнены соперничеством и конфронтацией, нежели партнерством и взаимодействием.

Официальные представители НАТО в течение всех шестидесяти лет существования альянса говорили о важности взаимодействия с СССР (Россией), необходимости внедрения в эти отношения новых подходов. Однако на деле созданная для противостояния СССР НАТО с самого своего появления превратилась в главный инструмент холодной войны, обеспечивающий нагнетание напряженности в советско-западных отношениях.

Следует подчеркнуть, что сама инициатива холодной войны принадлежит именно Западу. Начавшись жесткими противоречиями между державами-победительницами во Второй мировой войне еще на Потсдамской конференции (17 июля – 2 августа 1945 г.), процесс оформления холодной войны получил логическое завершение 5 марта 1946 года во время выступления экс-премьера Великобритании У.Черчилля в американском городке Фултоне в присутствии президента США Г.Трумэна.

Если же перейти от исторического аспекта к современности, то выясняется следующее. Нынешняя российско-американская «перезагрузка», усиленно распространяемая на всю систему отношений между Россией и НАТО, является не чем иным, как очередной попыткой Запада подчинить себе Россию или, в терминологии Трехсторонней комиссии, «вовлечь ее» в орбиту своего влияния. Особо выделим попытки Запада увязать такое вовлечение с курсом на модернизацию российской экономики, который осуществляется государственным руководством нашей страны.

Так, германская сторона, всячески поддерживающая сближение России с НАТО, ставит «предоставление Москве инновационной помощи в зависимости от обязательств, связанных с модернизацией общественной жизни (то есть политической системы – Авт.)»⁴⁴.

Убедимся в том, насколько это противоречит позиции Кремля. Так, в канун саммита Россия-Евросоюз в Ростове-на-Дону (начало июня 2010 г.) Президент России Д.А.Медведев говорил о более эффективном использовании внешнеполитического инструментария для решения внутренних задач в целях «модернизации нашей страны, ее экономики, социальной сферы и отчасти (курс. – Авт.) политической системы»⁴⁵.

Западная же сторона, как видим, рассматривает институционально-политическую трансформацию России в качестве краеугольного камня и неременного условия любого взаимодействия.

⁴⁴ <http://www.inosmi.ru/politic/20100604/160383361-print.html>.

⁴⁵ www.kremlin.org.

Вряд ли случайной на этом фоне выглядит достаточно жесткая критика практики осуществления «перезагрузки» американской стороной со стороны Председателя Правительства России В.В.Путина. В частности, им была подчеркнута сохраняющаяся актуальность ряда положений нашумевшей «мюнхенской» речи (февраль 2007 г.), особенно в том, что касается реанимации планов размещения в Восточной Европе объектов ПРО США, а также продолжающегося перевооружения американцами агрессивного грузинского режима Саакашвили⁴⁶.

В связи с этим также необходимо отметить, что стремление Германии и США воспользоваться российскими преобразованиями в конъюнктурно-политических интересах Запада и НАТО, дело отнюдь не ограничивается.

В 2009 году министр иностранных дел Польши Р. Сикорский (входивший в список потенциальных кандидатов в генеральные секретари НАТО) даже высказывался за прием России в этот блок, мотивируя данную инициативу необходимостью привлечения нашей страны «к участию в решении европейских и глобальных проблем».

Эта тема получила практическое развитие в рассуждениях некоторых западных аналитиков, которые не только указывают на факторы, способствующие, на их взгляд, сближению России и НАТО, но и беззастенчиво перечисляют преимущества, которые может получить Запад от подобного сближения. При этом практически не скрывается, что речь идет об эксплуатации стремления российского руководства к модернизации западного

⁴⁶ *Путин В.В. Интервью газете «Коммерсант» // 2010. 30 августа.*

типа «любой ценой», без учета объективных национальных интересов страны.

Вот примерный перечень таких «преимуществ» с краткими комментариями, указывающими на возможные последствия их получения Западом для Российской Федерации, а также для перспектив постсоветской интеграции.

1. В духе трудов Г.Киссинджера западные эксперты обсуждают перспективы включения «бывших врагов» в «новый» (разумеется, западный – Авт.) мировой порядок, а именно:

- помощь России в ограничении ядерных амбиций Ирана и упрочении режима ДНЯО (обостряющие отношения нашей страны с государствами «третьего мира» в целом и одним из ближайших соседей в частности – Авт.);

- интенсификация процесса СНВ (ограничивающая российские возможности ядерного уравнивания непропорциональных преимуществ Запада и НАТО в конвенциональных силах и средствах – Авт.);

- сотрудничество по Афганистану (способствующее радикальному росту объемов наркотической продукции, поступающей на российский нелегальный рынок и не только этому – Авт.);

- совместная борьба с терроризмом (набивший оскомину термин, извлекаемый из небытия всякий раз, когда Западу требуется ограничить активность противостоящих ему сил, пусть созданных и выкормленных с его собственной руки, как в случае с «Талибаном» и «Аль-Кайедой» – Авт.);

- обеспечение глобальной энергетической безопасности (призыв к взаимодействию с Россией здесь выглядит политкорректным паллиативом прозвучавшей годом ранее угрозы принять в США федеральный закон, включающий в сферу действия ст. 5-й Вашингтонского договора 1949 г. «угрозу энергетической безопасности стран-членов НАТО» - Авт.) и т.д.

2. «Вовлечение России» (в духе доклада Трехсторонней комиссии), по мнению западных экспертов, способно сохранить логику самого процесса расширения НАТО. (То, что подобная логика является серьезным раздражителем не только для самой России, но и для ряда крупных мусульманских стран, а также для Китая, с которым наша страна образует «становой хребет» Шанхайской организации сотрудничества, для сторонников подобного подхода, разумеется, благо - Авт.).

3. Присоединение России к НАТО рассматривается через призму «оживления трансатлантических отношений», формируя самодостаточную и равноправную с Соединенными Штатами Европу (сомнительно, что такое «оживление» соответствует интересам России, ибо оно лишь облегчит положение Запада, особенно в условиях кризиса, расширив спектр возможностей его маневра при различных вариантах развития глобальной геополитической ситуации - Авт.)

4. Западные эксперты без обиняков называют «вовлечение России» в НАТО кратчайшим и наименее безболезненным для Запада путем инкорпорирования в альянс остальных постсоветских республик (после чего перспективы постсоветской интеграции можно будет считать окончательно похороненными - Авт.).

5. И, наконец, особое внимание на Западе уделяется «расширению горизонтов» НАТО (то есть закреплению блока за пределами зоны геополитической ответственности в Северной Атлантике, определенной Вашингтонским договором 1949 г. – Авт.)⁴⁷.

Если вспомнить историю – недавнюю и более отдаленную, то вопрос о присоединении нашей страны к НАТО поднимался еще задолго до формального создания Североатлантического блока.

Так, в начале 1949 года в британском парламенте с подачи представителей компартии и независимых лейбористов велась дискуссия, а не направить ли соответствующее приглашение Советскому Союзу. Впоследствии эта тема в неофициальном порядке всплывала в ряде западных стран еще несколько раз, но в целом все это обсуждение носило исключительно пропагандистский характер.

С другой стороны и в СССР рассматривалась возможность присоединения нашей страны к НАТО, пусть и с определенными оговорками.

В 1951 году на совещании в Париже на уровне заместителей глав внешнеполитических ведомств СССР, США, Великобритании и Франции первый заместитель министра иностранных дел Советского Союза А.А.Громыко заявил, что если бы вновь созданный Североатлантический союз был направлен против возрождения германского милитаризма, то СССР сам бы присоединился к такому пакту.

⁴⁷ Купчан Ч. Россия и НАТО: Брак по расчету // Il Sole 24 Ore (Италия). 2010. 16 июля // ИноСМИ.Ru.

По воспоминаниям ответственных сотрудников МИД СССР, И.В.Сталин летом 1952 года встречался с французским послом в Москве и, услышав от него утверждение о мирном, оборонительном характере НАТО, рассмеялся и спросил министра иностранных дел А.Я.Вышинского, а не следует ли в таком случае вступить в этот блок Советскому Союзу.

В архивных внешнеполитических документах, предназначенных для высшего советского руководства, был назван ряд условий, при выполнении которых СССР мог бы стать членом альянса. В частности, подчеркивалось, что Советский Союз не станет «безоговорочно присоединяться к Североатлантическому договору» и выступать «в качестве просителя», и что все участники НАТО должны были бы принять обязательство о невмешательстве во внутренние дела других государств и об уважении их независимости и суверенитета. Было обращено внимание на важность сокращения в Европе американских военных баз.

В ноте советского правительства, адресованной правительству США от 31 марта 1954 года № 16/ОСА (ноты с аналогичным содержанием были направлены также правительствам Великобритании и Франции), отмечалось, что «Североатлантический договор не может не рассматриваться как агрессивный договор, направленный против Советского Союза. Совершенно очевидно, что «Организация Североатлантического договора могла бы при соответствующих условиях утратить свой агрессивный характер в том случае, если бы ее участниками стали все великие державы, входившие в антигитлеровскую коалицию. В соответствии с этим, руководствуясь неизменными

принципами своей миролюбивой внешней политики и стремясь к уменьшению напряженности в международных отношениях, советское Правительство выражает готовность рассмотреть совместно с заинтересованными правительствами вопрос об участии СССР в Североатлантическом договоре».

Принципиальным условием рассмотрения советским правительством возможности и целесообразности присоединения к альянсу была увязка данного вопроса с предложением о заключении «Общеввропейского договора о коллективной безопасности в Европе».

В ответ МИД СССР получил полностью согласованные ноты США, Великобритании и Франции, в которых был дан отрицательный ответ на советское предложение. В ноте США говорилось: «Нет необходимости подчеркивать совершенно нереальный характер такого предложения. Оно противоречит самим принципам, от которых зависит система обороны и безопасность западных государств».

Документ обосновывал необходимость коллективного обеспечения безопасности на евро-атлантическом пространстве только силами государств-участников НАТО, которую они не могли укрепить в одиночку «перед лицом военного превосходства, достигнутого Советским Союзом в Европе с 1945 года», а также «...экспансии в направлении Запада политической, экономической и военной системы, находящейся под его исключительным контролем».

США и их союзники также заявили, что в случае вхождения в альянс «...Советский Союз в качестве члена этой организации был бы в состоянии налагать вето на любое ее решение. Ни одно из государств-членов

организации не может допускать того, чтобы их совместная оборонительная система была разрушена подобным образом».

В последующие месяцы 1954 года стороны продолжили переписку друг с другом по данной теме.

В 1955 году на Женевском совещании глав правительств четырех держав советская делегация вновь предложила рассмотреть вопрос о возможном присоединении СССР к НАТО, но вновь получила твердый отказ. В этих условиях пять государств Центральной и Восточной Европы вместе с СССР в 1955 году создали свой военный союз – Организацию Варшавского договора.

Много лет спустя, в начале марта 2000 года, вокруг позиции нашей страны относительно ее возможного членства в альянсе вновь возник ажиотаж. Этот вопрос был задан обозревателем Би-би-си Президенту России В.В.Путину. В ответ он услышал: «Почему нет? Я не исключаю такой возможности. Повторяю, в том случае, если с интересами России будут считаться, если она будет полноправным партнером. Я хочу это подчеркнуть особо».

Через какое-то время ответ В.В.Путина был прокомментирован бывшим в то время генеральным секретарем НАТО Дж.Робертсоном: «НАТО признает необходимость партнерства между альянсом и Россией и будет усердно работать над укреплением существующих связей... Но в настоящее время вопрос о членстве России в НАТО на повестке дня не стоит».

Логичной была и ответная реакция на это В.В.Путина: «Если военная организация

(Североатлантический союз – Авт.) будет принимать решения, подобные тем, которые были приняты НАТО по Югославии, то это нас не устраивает, и мы в такую организацию вступать не намерены». При этом Президент России добавил, что если появления России в альянсе не ожидают, то зона его ответственности не должна расширяться на Восток, подходя вплотную к российским границам.

Все встало на свои места. Как и в 50-е годы XX столетия СССР, а теперь Россию никогда и ни под каким предлогом (иначе как на условиях фактической сдачи суверенитета) не примут в блок НАТО, поскольку она, не входя в западную цивилизацию, резко отличается от остальных государств-членов альянса. Кроме того, наличие в НАТО упомянутого англосаксонского «глобального центра» обеспечивает безоговорочное подчинение его рядовых членов основным «игрокам» – Вашингтону и Лондону. По большому счету, России, учитывая ее самодостаточность, а также в целом негативный опыт участия в цивилизационно чуждых ей коалициях, вступить в НАТО нет никакой необходимости.

Кроме того, Россию не пригласят и из-за ключевых стратегических военно-политических установок НАТО. Сам базовый доклад «Совета мудрецов» НАТО, формирующий ключевые подходы и положения новой Стратегической концепции Североатлантического альянса (2010 г.), именуется «НАТО-2020: гарантированная безопасность и динамичное сотрудничество». Налицо тесная увязка «динамичного сотрудничества» с безопасностью, гарантии которой в перспективе до 2020 года представляются

именно НАТО, точнее, все тем же «глобальным центром»; все остальные «игроки» и претенденты на самостоятельную «игру», включая Россию, рассматриваются как второстепенные.

О невозможности безболезненной для нашей страны интеграции в НАТО свидетельствует весь более чем 60-летний опыт существования блока, который сегодня ставит перед собой глобальные цели и делает ставку на доминирование в сфере военной силы, особенно после завершения холодной войны и устранения СССР. Опыт войн в Югославии и Ираке однозначно свидетельствует о готовности НАТО без колебаний применять эту силу даже без санкции Совета Безопасности ООН в любой точке земного шара. Это вновь подтвердили итоговые документы апрельского (2009 г.) юбилейного саммита НАТО. Как отмечают политические обозреватели, эти документы «по своему содержанию во многом являются конфронтационными по отношению к России. Как в части превращения НАТО в глобальную организацию, так и в части сохранения функции обороны территории от "государства-агрессора", под которым все эти годы понималась в НАТО наша страна».

Так что же скрывается за получающей все большую популярность в определенных кругах на Западе и в самой России формулой «Россия в НАТО»?

Во-первых, стремление под прикрытием разговоров об «обеспечении безопасности в Евро-Атлантическом регионе» «прикрепить» Россию к Западу⁴⁸, надежно связав ее определенными дополнительными блоковыми

⁴⁸ Россия должна стать частью Европы // *Wirtschaftswoche* (Германия). 2010. 1 июня // *InoСМИ.Ru* // <http://www.inosmi.ru/europe/20100601/160324472-print.html>.

обязательствами. Очевидность этого доказывается тем, что и Основополагающий акт Россия-НАТО (1997 г.), и Римская декларация (2002 г.), регламентирующие отношения сторон, однозначно рассматривают безопасность данного региона «неделимой», поэтому дополнительные обязательства России в сфере безопасности от России вроде бы не нужны.

Что же это за обязательства?

Имеются все основания полагать, что речь идет о совместном с НАТО противостоянии Китаю.

Во-вторых, на антикитайский характер этих гипотетических обязательств в полной мере указывает муссирующийся тезис об «общей безопасности России, Европы и Америки». Обратим внимание: в данном случае беззастенчиво эксплуатируется популярный для разнообразной глобалистской литературы последних десятилетий императив ограждения Севера от Юга. Но не только. Апелляция к совместной безопасности с Европой и Северной Америкой позволяет провести определенные внутривнутриполитические параллели, вспомнив, в частности, о появившемся на рубеже 2000 года проекте А.Б.Чубайса, призывавшим строить Россию как «либеральную империю»⁴⁹.

Отмечая, что Чубайс входит в Совет директоров банка «J.P.Morgan Chase», являясь, таким образом, одним из ключевых в России фигурантов «теневого» внешнего влияния, подчеркнем, что тезис о территориальном и институциональном объединении Евроатлантики с Евразией, а ОБСЕ и НАТО с ОДКБ и СНГ в ноябре 2009 года приводился Президентом России.

⁴⁹ Чубайс А.Б. Россия как либеральная империя // Русский архипелаг (сетевой проект «Русского мира») // <http://www.archipelag.ru/geopolitics/nasledie/empire/russia>.

Ради реализации данного пункта глобальной повестки в интересах НАТО Запад даже готов на повышение уровня самостоятельности в его рамках Европейского союза (что, в общем-то, и так соответствует текущим задачам англосаксонского «глобального центра» по совершенствованию НАТО). Чем иначе объяснить готовность к разработке плана совместных действий между Россией и НАТО на 2011 год, проявленную председателем Военного комитета Североатлантического блока итальянским адмиралом Дж. Ди Паоло, а также Евро-атлантическую инициативу в области безопасности по совместной «защите региона от потенциального ракетного удара», положения которой сформулированы экс-главой российского МИД И.Ивановым, бывшим послом ФРГ в Вашингтоне В.Ишингером и известным американским специалистом в военной сфере сенатором С.Нанном⁵⁰.

В этом же направлении действует и обнародованное в июне 2010 года предложение глав МИД Франции, Германии, России и Польши создать Комитет Россия-ЕС по безопасности, сопредседателями которого выдвинуты Министр иностранных дел РФ С.В.Лавров и Высокий представитель по вопросам внешней политики ЕС К.Эштон.

В-третьих, зондируемые Западом перспективы вовлечения России в НАТО имеют и вполне прагматическую, можно сказать, сермяжную подоплеку – в виде заинтересованности в доступе, а в случае успеха – и в установлении контроля над российскими природными ресурсами. Напомним, что эта сверхзадача была четко сформулирована еще в 1992–1998 гг. в рамках процессов,

⁵⁰ Уолберг Э. Россия, Афганистан и звездные войны // Online Journal (США). 2010. 31 июля // InoСМИ.Ru // <http://www.inosmi.ru/world/20100731/161739438-print.html>.

запущенных Конференцией ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро и последующей деятельности созданной этой конференцией Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству.

Так, в упоминавшейся новой Стратегической концепции НАТО (2010 г.) прямо говорится о необходимости «обеспечения энергетической безопасности», «борьбе с глобальным потеплением» и «защите природных ресурсов».

Учитывая все указанные соображения, российская элита, на наш взгляд, не только не должна, но и, при наличии чувства ответственности перед будущим страны и народа, просто не имеет права ставить вопрос о членстве страны или даже о каком-то «привилегированном партнерстве» с НАТО. Не следует подталкивать к этому и с помощью апелляции к тем пяти направлениям взаимодействия с НАТО, по которым пока развивается, хотя и в неполном объеме, сотрудничество в сферах противодействия терроризму, наркобизнесу, пиратству на морях, укрепления режима нераспространения ОМУ, стабилизации обстановки в Афганистане.

Необходимо обратить внимание и на то, что шаги Советского Союза, а затем и Российской Федерации в отношениях с НАТО всегда были не инициативными, а ответными. Так, СССР в 1949 году фактически не ответил симметричными шагами на сам факт создания НАТО (тесно связанный, как помним, с появлением неправительственного элитного клуба «Американский комитет объединенной Европы», позднее трансформированного в Бильдербергский клуб).

Только после всего этого «пакета» недружественных по отношению к недавнему союзнику по антигитлеровской коалиции действий Запада, включая принятие в НАТО ФРГ, в Москве по-настоящему озаботились собственной безопасностью, создав в противовес НАТО Организацию Варшавского Договора.

Отношения между СССР и НАТО всегда были напряженными, развиваясь в диапазоне от жестких обострений и балансирования на грани перехода холодной войны в «горячую», до «разрядок» международной напряженности и потеплений, сменявшихся, впрочем, новыми осложнениями.

С распадом СССР и ОВД в Москве возобладала эйфория, смысл которой, выраженный пресловутой «kozyревщиной», сводился к недальновидным представлениям об исчерпании всех противоречий с Западом и установлении «принципиально новых» отношений. Этим беспочвенным надеждам, не учитывавшим того обстоятельства, что противостояние по линии Россия – Запад носило и носит не идеологический, а цивилизационный характер, воплощенный в геополитических реалиях, впрочем, сбыться было не суждено.

С начала 2000-х годов прежней эйфории уже не наблюдалось: в России сделали надлежащие выводы из югославской трагедии, а наиболее дальновидные и ответственные представители отечественного истеблишмента успели спроецировать их на собственную, российскую историческую перспективу.

Фактически замороженными отношения России и НАТО оказались после «пятидневной» войны в Южной Осетии,

результаты которой в США и Североатлантическом альянсе восприняли очень болезненно, фактически как свое собственное поражение. Но затем прагматический интерес Вашингтона и Брюсселя к России как естественному партнеру по противодействию талибам в Афганистане взял верх, и отношения были нормализованы – вслед за российско-американской межгосударственной нормализацией.

В настоящее время отношения в системе Россия-НАТО развиваются в общем формате российско-американской «перезагрузки», но, тем не менее, сохраняют ряд не укладывающихся в нее измерений. Так, даже в тех областях, в которых имеет место сотрудничество (например, по Афганистану), сохраняется взаимное недоверие, выраженное стремлением контролировать действия партнера. Россия, например, стремится ликвидировать военно-воздушную базу НАТО «Манас» в Киргизии (аэродром подскока к Афганистану).

НАТО, в свою очередь, ставит целью расширить сферу своего влияния в Центральной Азии. В частности, постоянно проявляется стремление создать новые элементы военной инфраструктуры в критически важном для судьбы афганской операции НАТО Узбекистане, где до 2005 года уже существовала военно-воздушная база США.

Взаимодействуя с Россией по ряду важных вопросов стратегической повестки дня, НАТО одновременно, тем не менее, в пику России развивает взаимодействие с республиками бывшего СССР, которые Москва рассматривает узлом своих интересов и одним из главных приоритетов своей внешней политики.

Подобная противоречивость политического руководства блока отнюдь не выглядит случайным экспромтом, а полностью отражает как букву, так и дух новой Стратегической концепции блока (2010 г.), в соответствии с которой Россия, Центральная Азия (включая Афганистан) и Закавказье являются одновременными приоритетами альянса.

Кстати, следует отметить, что Афганистан – далеко не единственная из проблем, с которыми НАТО не может справиться одна без взаимодействия с Россией. С другой же стороны, существует гораздо больше проблем, по которым НАТО не то что не желает взаимодействовать с Россией, но даже не намерена учитывать ее позицию.

Одна из главных таких проблем – расширение НАТО на Восток. Россия воспринимает это однозначно как угрозу национальной безопасности. Однако НАТО просто не воспринимает аргументы России и продолжает двигать к нашим границам свою военную машину. Бывший генсек НАТО Яап де Хооп Схеффер заявил, что Россия не остановит расширение альянса на Восток, чтобы она ни предпринимала в этом плане.

Рассмотрим более подробно современное состояние во взаимоотношениях Североатлантического союза и Российской Федерации.

Как известно, одной из ключевых целей в контексте трансформации НАТО было провозглашено развитие партнерских отношений между НАТО и Россией для поиска совместных подходов к общим вопросам безопасности.

Считалось, что создание Совета Россия – НАТО (СРН) (май 2002 г.) ознаменует начало прагматических

отношений, главное внимание в которых будет уделено взаимодействию в таких видах деятельности, как борьба с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, кризисное регулирование, военное сотрудничество, повышение оперативной совместимости войск за счет совместной подготовки и учений, поиск и спасение на море, гражданское чрезвычайное планирование, ПРО на театре военных действий, сотрудничество в воздушном пространстве, а также подготовка к возможным новым совместным миротворческим операциям.

Что же можно записать в актив взаимодействия России и НАТО за прошедшее время?

Прежде всего, следует отметить создание структуры рабочих органов и механизмов консультаций, которые позволяют оперативно обсуждать возникающие проблемы, принимать конкретные решения и осуществлять совместные действия по довольно широкому кругу направлений сотрудничества.

Важнейшее из них – борьба против терроризма и с незаконным оборотом наркотиков.

Основой для сотрудничества в этой области является утвержденный (декабрь 2004 г.) министрами иностранных дел стран СРН комплексный План действий СРН по борьбе с терроризмом, направленный на совершенствование общей координации и стратегического руководства сотрудничеством СРН в данной области. В соответствии с этим планом в 2004 году в районе Мурманска в присутствии наблюдателей от НАТО были проведены антитеррористические учения «Авария – 2004»,

направленные на борьбу с терактами против конвоев с ядерным оружием.

Еще одним практическим шагом по реализации Плана было участие России в контртеррористической операции НАТО в Средиземном море «Active Endeavour» («Активные усилия»).

В рамках этой операции в феврале 2006 года во время похода ракетного крейсера «Москва» в Средиземное море было проведено обучение офицеров Черноморского флота мобильной группой НАТО и совместное учение в восточной части Средиземного моря сторожевого корабля «Пытливый» с британским фрегатом «Ноттингем» (май – июнь). Участие российских сил и средств в операции осуществлялось также и осенью 2006 года.

В 2007 году ВМФ России продолжал участие в операции и выделил в состав оперативной группы сторожевой корабль «Ладный» и средства обеспечения.

На 2008 год было запланировано учение Сил специального назначения, которое намечалось провести во Франции. Оно должно было продемонстрировать возможность синхронных и скоординированных действий военных подразделений России и НАТО на тактическом уровне по отработке сценариев в борьбе с террористами.

Однако, как уже отмечалось, после августовских событий 2008 года на Кавказе сотрудничество Российской Федерации и НАТО в военной сфере было свернуто. Многочисленные заявления о готовности сторон к его возобновлению практического подтверждения, в целом, не получили. Это отражает объективное расхождение

интересов, начавшееся с того момента, когда Россия перешла от сдачи своих позиций к их отстаиванию*.

Тем больше становится цена падения международного имиджа, которую платила наша страна за призрак российско-натовского военного сотрудничества.

Помимо совместных учений, осуществляется пилотный проект СРН по совместной подготовке кадров для антинаркотических структур Афганистана и транзитных стран Центральной Азии.

К июню 2007 года прошло подготовку около 150 специалистов из этих стран, причем большая часть из них обучалась в России во Всероссийском институте повышения квалификации сотрудников МВД (г. Домодедово).

Еще одной сферой взаимодействия России и НАТО является кризисное регулирование, ключевую роль в котором играет императив совместимости.

В этих целях с июня 2003 года осуществляется практическая работа в области повышения уровня оперативной совместимости войск (сил). Цель – обеспечение возможности проведения совместных операций воинских контингентов.

Продолжалось также рассмотрение вопроса о совместных миротворческих операциях на основе уже одобренного документа «Политические аспекты базовой концепции миротворческих операций Россия – НАТО». Задача – обеспечить формирование общего потенциала кризисного регулирования за счет достижения оперативной совместимости национальных миротворческих контингентов.

* В конце концов, НАТО – антироссийский блок, который создавался пусть и против СССР, но с вполне определенными геополитическими целями.

В сентябре 2004 года состоялось так называемое «процедурное учение» по проверке функционального механизма СРН, обеспечивающего проведение совместных миротворческих операций в формате Россия – НАТО. Его итоги подтвердили, что соответствующие положения базовой концепции являются работоспособными и в принципе позволяют СРН реагировать на возникающие кризисные ситуации. Затем на повестку дня встал вопрос о разработке оперативных аспектов концепции миротворческих операций

В июне 2005 года на встрече министров обороны стран СРН приняты «Военно-политические руководящие указания по укреплению оперативной совместимости между силами России и государств НАТО». Их цель – способность к эффективным совместным действиям на 3-х уровнях: стратегическом, оперативном и тактическом. В достижении этой цели большую роль опять же призвано было сыграть присоединение России к операции «Активные усилия». Кроме того, принципиальным шагом по отработке совместимости стало завершение формирования российской 15-й отдельной мотострелковой бригады как миротворческого соединения для совместных действий с НАТО или в рамках других международных операций.

По мнению министерства обороны России, основная цель оперативной совместимости заключается в создании таких условий, когда при наличии разных стандартов достигается возможность совместных действий.

Кроме того, планировалось продолжить работу над обеспечением совместимости подразделений вооруженных сил России и стран НАТО при проведении миротворческих

операций. Это – важный задел на будущее с учетом желаний развивать сотрудничество в Совете Россия – НАТО в области совместного миротворчества.

Особое значение здесь придавалось подготовке комплексного учения по проведению операции кризисного реагирования с участием от Вооруженных Сил Российской Федерации подразделений 15-й отдельной мотострелковой бригады, воздушно-десантных войск, военно-транспортной авиации, сил и средств боевого, тылового и технического обеспечения. Уже состоялась планирующая конференция по подготовке этого мероприятия.

В 2009 году планировалось провести командно-штабное учение, а в 2010 году – его активную фазу на территории одной из стран Североатлантического альянса.

Основой в решении этих задач должно было стать подписанное Россией в 2004 году Соглашение о статусе сил программы «Партнерство ради мира» (от 19 июня 1995 г.), ратифицированное обеими палатами Федерального Собрания Российской Федерации (23 и 25 мая 2007 г.).

Присоединение к этому документу позволяет, прежде всего, усовершенствовать правовую базу для решения комплекса правовых и организационно-технических вопросов пребывания военнослужащих, гражданских служащих и членов их семей, а также вооружения и военной техники одних государств-участников Соглашения на территориях других государств-участников.

При этом хотелось бы отметить, что это Соглашение является международным документом рамочного характера и поэтому имеет для нас сугубо обеспечивающий характер. По каждому конкретному случаю пребывания иностранных

военнослужащих на территории Российской Федерации (например: визиты, транзит участников контртеррористической операции в Афганистане, участие в совместных учениях миротворческих сил и т.д.) должно будет приниматься соответствующее политическое решение военно-политического руководства страны. Соглашение 1995 года устанавливает статус участников подобных мероприятий, определяя их обязанности и юридическую ответственность в случае нарушения законодательства Российской Федерации. При этом имеется в виду, что обязательства по данному Соглашению основываются на принципах взаимности.

Теперь, например, НАТО может использовать российские авиатранспортные ресурсы на стратегическом уровне и на уровне ТВД, а также воспользоваться российскими средствами тылового обеспечения Международных сил по поддержанию безопасности в Афганистане, действующих под руководством НАТО.

Имеется еще один проект СРН – Инициатива по сотрудничеству в воздушном пространстве (ИСВП), который направлен на формирование гражданского и военного контроля над воздушным пространством в целях осуществления контртеррористических мероприятий.

Создание общей картинки воздушной обстановки позволяет не только более эффективно реагировать на террористические угрозы с применением самолетов, но и предотвращать опасные инциденты в воздухе. На сегодняшний день, к сожалению, не удалось подключить к проекту страны Прибалтики, хотя их географическое положение позволяет существенно усилить возможности

России и альянса в устранении опасности воздушных инцидентов.

Эксперимент по взаимному обмену информацией о воздушных судах на базе координационных центров управления воздушным движением в Москве и в Варшаве, проведенный в 2005 году, стал еще одним наглядным примером совместной работы. Он продемонстрировал высокую эффективность выявления фактов возможного захвата самолетов террористами и нейтрализации последствий их действий.

В феврале 2007 года был инициирован вопрос о подготовке и проведении учения ИСВП. В этой связи поступило предложение создавать целевую группу по разработке идеи учения, в которую войдут представители международного секретариата, Норвегии, России, Польши, Турции, США.

На сегодняшний день данный проект в рамках СРН является одним из наиболее проработанных.

В области противоракетной обороны театра военных действий (ПРО ТВД) действует специальная рабочая группа СРН, которой удалось добиться определенных результатов в области разработки совместной терминологии и концептуальной основы для возможного будущего развертывания ПРО ТВД для поддержки операций кризисного реагирования с участием сил России и НАТО. В 2003 году было начато исследование, призванное проанализировать потенциальные уровни оперативной совместимости между системами ПРО России и НАТО. Россия и НАТО также провели три командно-штабных учения (КШУ): первое – в

марте 2004 года в США, второе – в марте 2005 года в Нидерландах и третье – в октябре 2006 года в России.

КШУ должны были послужить основой для повышения оперативной совместимости в будущем и разработки механизмов и процедур для совместных операций в области ПРО ТВД. На реализацию исследования и программу учений было выделено свыше трех миллионов евро.

Однако в связи с намерениями США создать в Польше и Чехии элементы третьего позиционного района национальной ПРО сотрудничество в этой области замедлилось. Более того, в мае 2008 года заместитель начальника Главного управления международного сотрудничества генерал-лейтенант Е.Бужинский заявил, что «...если США все-таки разместят в Чехии и Польше элементы своей ПРО, то Россия может пересмотреть отношение к сотрудничеству с НАТО по ПРО «театра военных действий». Участвовать в системе, которая имеет антироссийский потенциал, мы не будем».

Сегодня, после отказа администрации США от своих планов, видимо, именно в сфере ПРО ТВД возможен новый прогресс.

Поиск и спасение экипажей аварийных подводных лодок. Сотрудничество в этой области началось с трагедии, связанной с гибелью атомной подводной лодки «Курск».

В 2003 году было заключено рамочное соглашение по поиску и спасению аварийных подводных лодок. Наглядным результатом было спасение российского батискафа у берегов Камчатки (лето 2005 г.). В июне того же года Россия приняла участие в крупнейших в истории учениях

по поиску и спасению подводных лодок под названием «Sorbet Royal», на 2008 год было запланировано еще более масштабное учение «Bold Monarch», в котором Россия также планировала принять участие.

Вопросы нераспространения, контроля над вооружениями и ядерных технологий. Под эгидой СРН развивался диалог по широкому кругу вопросов, имеющих отношение к нераспространению оружия массового уничтожения. Были составлены конкретные рекомендации по усилению существующих механизмов нераспространения, проведено несколько всесторонних дискуссий и экспертных семинаров для изучения возможностей практического сотрудничества в области защиты от ядерного, биологического и химического оружия.

Специалистами по ядерным вопросам был разработан глоссарий терминов и определений и организованы контакты по ядерным доктринам и стратегии. Эксперты также участвовали в качестве наблюдателей на полевых учениях по отработке действий при инциденте с ядерным оружием (2004 г. в России; 2005 г. в Великобритании; 2006 г. в США; 2007 г. во Франции).

Присутствие экспертов на таких учениях способствует повышению транспарентности. Также оно помогает разработать общий подход к процедурам реагирования на инциденты с ядерным оружием и формирует полную уверенность в том, что Россия и члены НАТО, имеющие ядерное оружие (США, Великобритания, Франция), в полной мере готовы к действенной реакции на любую чрезвычайную ситуацию, возникшую в связи с использованием ядерных средств.

СРН явился также форумом для откровенных дискуссий по вопросам контроля над обычными вооружениями. И главным здесь является сложившаяся ситуация вокруг Договора об обычных вооружениях в Европе (ДОВСЕ), ранее называемого «краеугольным камнем европейской безопасности».

Россия не только безоговорочно выполнила все взятые по нему обязательства, ратифицировала адаптированный договор, но и длительное время ждала, когда это сделают ее натовские партнеры. Однако вместо этого они начали ставить перед Россией надуманные условия, затягивать процесс ратификации адаптированного договора, принимать в свои ряды страны, которые вообще не являются его участниками, а главное – продолжать в нарушение всех договоренностей накапливать силы у российских границ.

В результате ДОВСЕ сегодня превратился в инструмент не создания стабильной и безопасной Европы, а воспроизводства блоковых подходов в Европе.

В такой ситуации у России не оставалось другого выхода, как приостановить действие Договора об обычных вооруженных силах в Европе до тех пор, пока стороны НАТО не ратифицируют подписанное в 1999 году в Стамбуле соглашение об адаптации этого договора и не начнут в полном объеме выполнять принятый документ. А до тех пор Россия прекращает предоставление партнерам по договору информации, касающейся состояния российских Вооруженных Сил в Европе, не будет принимать у себя инспекции из стран НАТО и считает себя свободной от всяких

ограничений на размещение вооруженных сил и вооружений на континенте.

В области военных реформ работа направлена на развитие вооруженных сил, совершенствование кадровых структур и управления финансовыми ресурсами, реформу оборонной промышленности и смягчение последствий оборонной реформы.

В данной сфере существует ключевой проект – Центр социальной адаптации военнослужащих «Россия – НАТО», который осуществляет переподготовку уволенных из Вооруженных Сил военнослужащих и помогает им адаптироваться к гражданской жизни. Центр официально открылся 21 марта 2002 года, а его финансирование осуществляется под эгидой СРН.

За первые пять лет своего существования Центр помог 725 уволенным военнослужащим найти работу в гражданском секторе и провел переподготовку около 1500 человек, а также обучил 600 специалистов по социальной адаптации.

Одной из наиболее продвинутых сфер взаимодействия с альянсом является чрезвычайное гражданское планирование и реагирование.

В 1998 году был создан Евро-атлантический координационный центр реагирования на стихийные бедствия и катастрофы (ЕКЦРСБК). Центральным направлением сотрудничества в этой сфере является создание потенциалов для ликвидации последствий терактов.

За свою более чем 10-летнюю историю ЕКЦРСБК принял участие примерно в 40 операциях по всему миру от

тушения мелких пожаров до оказания помощи и поддержки жертвам землетрясения в Пакистане в 2005 году.

Два состоявшихся в России учения по реагированию на стихийные бедствия и катастрофы (в 2002 г. в Богородске и в 2004 г. в Калининграде), а также учения СРН в октябре 2006 года близ Рима «Лацио-2006» по реагированию на террористический акт с применением радиоактивных веществ позволили разработать конкретные рекомендации по ликвидации последствий подобных инцидентов.

Кроме того, в рамках СРН развивается российско-венгерская инициатива по созданию потенциала быстрого реагирования на стихийные бедствия, техногенные катастрофы.

В области новых угроз и вызовов современному обществу проводится перспективная работа по сотрудничеству в области науки и экологии.

Среди ключевых направлений сотрудничества – обнаружение взрывоопасных предметов, защита от химических, биологических, радиологических и ядерных средств, кибербезопасность, психосоциальные последствия терроризма, транспортная безопасность, экологическая безопасность и экотерроризм, прогнозирование и предотвращение стихийных бедствий и катастроф.

* * *

Анализируя характер взаимодействия России и НАТО нельзя не заметить, что оно имеет успех чаще всего там, где Россия по каким-то причинам идет навстречу

пожеланиям Североатлантического альянса. Если же Москва не соглашается на уступки, то дело стопорится. Причем ее тут же обвиняют в неких злых намерениях.

Почему так происходит, почему существующие большие возможности российско-натовского сотрудничества используются не в полной мере? Причина тут очевидно одна – нет взаимного доверия. Ни у России к НАТО, ни у НАТО к России. При этом недоверие друг к другу, получившее, к сожалению, тенденцию к нарастанию, мотивировано, главным образом, сохранением у НАТО синдрома вражды к России, возникшего еще в годы холодной войны по отношению к СССР, и вытекающие отсюда традиционные подходы к нейтрализации, а иногда блокированию ее усилий на международной арене.

Часть «молодых» членов альянса специально приносят в восприятие современной России негативные моменты, зачастую надуманные, извлеченные из своего исторического наследия.

Вероятно, нашим партнерам стоит пересмотреть роль и место России в современном мире, исходя при этом не из выдуманного образа России, которая, якобы, создает угрозу ее соседям, а из той реальной политики, которая носит прагматичный и в то же время мирный характер. Россия на деле противодействует международному терроризму, распространению ОМУ, проявляет религиозную и цивилизационную толерантность, стремится использовать все свои возможности в области кризисного регулирования.

Все это было – хорошо или плохо – до 8 августа 2008 года, когда грузинский режим развязал военную

агрессию против Южной Осетии. В той сложной, критической обстановке, которая сложилась в зоне конфликта, Россия ожидала от НАТО партнерства. Однако вместо осуждения агрессора, руководство блока всю вину за создавшуюся ситуацию возложило на Россию и отказалась обсуждать этот вопрос на Совете Россия – НАТО.

В этих условиях Россия приняла решение о временном замораживании военного сотрудничества с НАТО, что выразилось, в частности, в следующем:

- были отложены визиты высокого уровня представителей военного руководства НАТО в Российскую Федерацию;

- приостанавливалась практика визитов кораблей постоянных военно-морских соединений НАТО и государств-членов НАТО в порты России;

- приостанавливалось участие в совместных учениях с привлечением войск (сил) Российской Федерации;

- Российская Федерация воздержалась на время от ведения переговоров и консультаций по выработке нормативно-правовой базы отношений с НАТО по военной линии;

- Российская Федерация воздержалась от направления групп представителей министерства обороны РФ на различные обучающие курсы по линии НАТО в 2008 году;

- приостанавливался прием натовских специалистов в военные учебные заведения Российской Федерации в 2008 году;

- ограничивалось количество мероприятий, проводимых в рамках повышения уровня оперативной совместимости сил России и НАТО;

- было понижено участие российских военных представителей в заседаниях военного комитета Евроатлантического партнерства;

- приостанавливалось сотрудничество России и НАТО в области тылового обеспечения, а также в области контактов и обменов между учеными и экспертами в сфере военных и смежных исследований.

В то же время Россия не прекратила своего участия в деятельности рабочих органов Совета Россия – НАТО и была продолжена деятельность военного комитета Евроатлантического партнерства и участие российских представителей в конференции национальных директоров по вооружениям.

В сфере миротворчества с учетом игнорирования руководством альянса важной миротворческой роли России на Кавказе и в свете последних событий в Южной Осетии Москва полагала целесообразным, по крайней мере, на полгода заморозить это направление в отношениях с Североатлантическим альянсом. Россия также отказалась от участия в контртеррористических операциях «Активные усилия» в Средиземном море и не видела возможности для сохранения проекта «Партнерство ради мира».

В отношении договоренности между Россией и НАТО о наземном транзите в Афганистан Москва считала, что борьба с террористической угрозой в Афганистане – это проблема общая для всего международного сообщества и поэтому в условиях, когда силы НАТО продолжают

проводить операцию в Афганистане, проект наземного транзита в Афганистан Россия не будет приостанавливать. В дальнейшем же предполагается исходить из того, как будут развиваться отношения России с НАТО.

В Москве в последнее время отдают себе отчет в том, что потенциал этих взаимоотношений не исчерпывается официальными связями в рамках СРН или российско-американской «перезагрузки», а включает всю систему двусторонних отношений России с европейскими членами НАТО, прежде всего, с Германией, Францией и Италией, а также Испанией. Во многом это игра на противоречиях внутри НАТО, но ведь и Североатлантический альянс отнюдь не гнушается вбивать клин между Россией и бывшими республиками СССР, что было наглядно продемонстрировано по всему периметру границ СНГ – от Прибалтики до Центральной Азии.

Очень многое в этой ситуации зависит от США. Если их давление на союзников по НАТО, с тем чтобы пересмотреть весь комплекс отношений с Россией, будет продолжаться и усиливаться, Североатлантический альянс не сможет оставаться прежней площадкой сотрудничества с Россией.

Но есть и другой вариант, более вероятный. Ведь Россия и НАТО сотрудничают в столь важных для обеих сторон областях, как, например, Афганистан. Поражение альянса обернется существенными стратегическими потерями и ослаблением безопасности. И в России, и в НАТО это ясно осознают. Поэтому необходимость этого взаимодействия, как и развитие партнерства Россия – ЕС,

являются аргументом для преодоления неконструктивной линии Запада в отношении России.

Совершенно очевидно также, что отношения России и НАТО до предела обострятся, если альянс продолжит политику расширения на Восток, особенно если это будет ответом Запада на российские действия на Кавказе.

Присоединение к альянсу Украины и Грузии только усилило бы в Европе логику взаимного сдерживания, а не партнерства. В этом случае НАТО фактически превратилась бы в некую организацию общеевропейского масштаба – почти ОБСЕ, но со строгим, жестким и отработанным механизмом принятия решений, сильной военной машиной. Причем Россия оказалась бы вне этой организации, а, следовательно, не смогла бы участвовать в принятии решений в рамках европейской и международной безопасности. В результате она неизбежно пришла бы к осознанию необходимости односторонней политики с опорой на собственные силы и средства.

Если Москва будет вынуждена идти по пути односторонних решений, то насколько это может быть опасно для Запада, для международной ситуации в целом, для самой России, в конце концов? Вот это та важная проблема, над которой должны задуматься в НАТО.

Вместе с тем, это вовсе не означает, что Россия должна сворачивать наработанные с НАТО проекты и отгородиться от Организации Североатлантического договора. Во все нет, ибо для России политическая важность НАТО возрастает, так как объективно альянс является важным фактором на мировой арене и в Евроатлантическом пространстве, а многие страны НАТО

являются нашими близкими, а то и непосредственными соседями.

Следовательно, с НАТО надо сотрудничать, однако, в том объеме и по тем вопросам, которые нужны и выгодны нам с точки зрения наших национальных интересов, и одновременно противодействовать всем попыткам навязывать России решения, которые не соответствуют ее целям. Ни эйфории, ни слепого отторжения в отношении сотрудничества России с НАТО быть не должно. Должна быть четко выверенная прагматическая позиция. При всех обстоятельствах нам нежелательно обособляться от Запада. России нужна многовекторная политика, которая должна определяться исключительно собственными национальными интересами.

Итак, грузинская агрессия в Южной Осетии в августе 2008 года вызвала острый кризис в отношениях России и НАТО. Были приостановлены взаимные контакты по военной линии, работа Совета Россия – НАТО, хотя политический диалог на двустороннем уровне сохранился.

Однако в конце января 2009 года Североатлантический альянс сам попытался дезавуировать свои прежние решения и по своей инициативе предложил начать восстановление прерванного сотрудничества.

Первым пунктом на этом пути стало неформальное заседание на уровне послов Совета Россия – НАТО (январь 2009 г.).

Кроме того, при всей неоднозначности для России решений юбилейного саммита НАТО (апрель 2009 г.), в его итоговой декларации указывается на готовность альянса к полной и безоговорочной нормализации отношений с

Россией, в частности подтверждалась готовность к возобновлению заседаний Совета Россия – НАТО.

НАТО вновь на словах заявила, что Россия особо важна для них как партнер и сосед. У НАТО и России общие интересы в области безопасности, такие как стабилизация в Афганистане, контроль над вооружением, разоружение и нераспространение ОМУ, включая средства их доставки, кризисное регулирование, противодействие терроризму, борьба с незаконным оборотом наркотиков и борьба с пиратством.

Более того, в декларации апрельского (2009 г.) юбилейного саммита констатировалось: «Мы с надеждой ожидаем нового созыва формальных заседаний Совета Россия – НАТО в качестве форума для политического диалога по всем вопросам – по тем, по которым мы согласны, и по тем, с которыми мы не согласны, – с целью решения проблем, реагирования на озабоченность и укрепления практического сотрудничества».

Аналогичные мысли натовцами были продекларированы и год спустя – уже в новой Стратегической концепции блока. Предполагается, что этот документ поможет унифицировать взгляды союзников на Россию, прояснить намерения НАТО в отношении Москвы и заложить основы для более серьезного сотрудничества.

И, тем не менее, все это пока лишь слова, а на деле – опять недружественные шаги в отношении России. Это учения НАТО в Грузии (май 2009 г.) и шпионский скандал с высылкой из Брюсселя двух российских дипломатов, в результате чего было сорвано министерское заседание Совета Россия – НАТО.

Шпиономания в отношении России просто захлестнула страны НАТО летом 2010 года, когда в течение нескольких недель инциденты с «разоблачением» действий российской разведки имели место в трех странах блока: США, Германии и Чехии.

Кроме того, в том же 2010 году, несмотря на смену власти на Украине вновь прошли украинско-натовские маневры «Sea Breeze», в ходе которых, по мнению экспертов, отрабатывались совместные действия по вытеснению из Севастополя российского Черноморского флота.

В этих условиях актуальной остается точка зрения, высказанная на встрече в формате Совета Россия – НАТО на греческом острове Корфу министром иностранных дел РФ С.В.Лавровым. По его словам, Россия поддерживает призывы партнеров по НАТО к восстановлению доверия, но считает, что они должны подкрепляться конкретными практическими шагами.

Некая новая динамика в развитие отношений России и НАТО была внесена сменой руководства блока и приходом на должность генерального секретаря альянса А.Ф.Расмуссена (август 2009 г.).

Выступая 18 сентября 2009 года в европейском отделении Фонда Карнеги в Брюсселе, новый генсек представил новое стратегическое видение отношений между Североатлантическим альянсом и Россией. НАТО и Россия, по его словам, должны сосредоточиться на непосредственных общих для обеих сторон проблемах в сфере безопасности. «Я считаю, что среди всех взаимоотношений между НАТО и партнерами ни одни не

обладают таким большим потенциалом как отношения с Россией», – подчеркнул он.

Расмуссен перечислил те ключевые задачи, которые, по его мнению, должны стремиться совместно реализовать в Брюсселе и Москве, а именно развить практическое сотрудничество в тех областях, где Россия и НАТО видят общие риски безопасности, то есть укрепить взаимное доверие и дать новый импульс в работу Совета Россия – НАТО; провести совместный обзор и оценку новых вызовов и угроз безопасности XXI века для создания широкой аналитической базы совместной практической работы.

В числе ключевых сфер, в рамках которых генсек НАТО предложил России укреплять фундамент совместного сотрудничества, названы борьба с международным терроризмом, предотвращение распространения ОМУ и средств их доставки, противоракетная оборона, укрепление безопасности в Афганистане и борьба с пиратством.

При этом были озвучены конкретные идеи о необходимости обновить Совместный план действий по борьбе с терроризмом, усилить противодействие росту наркотрафика как главного источника финансовой подпитки террористических групп в Афганистане. Более того, новый генсек НАТО упомянул о том, что Брюсселю и Москве следовало бы начать диалог по таким проблемам, как предложение Президента России Д.А.Медведева по европейской безопасности и выработке новой стратегической концепции НАТО. (Реальных подвижек в этом вопросе, по сути, отданном на откуп ОБСЕ, как мы уже отмечали, пока не произошло).

Как видим, в основе предложений нового генсека лежат старые элементы уже предлагавшиеся ранее, в первую очередь, российской стороной. Более того, сотрудничество по ряду вопросов, о которых сообщил Расмуссен, уже было раньше закреплено в основополагающем акте Россия – НАТО (1997 г.) и Римской декларации (2002 г.) об отношениях Россия и НАТО, в которой даже был употреблен термин «новое качество отношений Россия – НАТО».

С тех пор прошло уже семь лет. Однако никакого серьезного продвижения в сотрудничестве России с НАТО не произошло. И дело здесь, видимо, не в свежих предложениях по взаимодействию, а, прежде всего, в желании сотрудничать, в политической воле, а также умении и желании услышать другую сторону. К сожалению, прошедшие годы показали, что такого желания у НАТО не оказалось.

Таким образом, как показывает практика уже 2009–2010 годов, развитие отношений в условиях «перезагрузки» российско-американских отношений, а также деятельности А.Ф.Расмуссена, отношения России и НАТО фактически замерли на определенной, достаточно низкой отметке. Выход из этой ситуации, на наш взгляд, возможен только при переходе Североатлантического альянса к практике подлинно равноправного сотрудничества, а не поиска путей получения от Российской Федерации односторонних уступок.

Глава 4.3. Отношения НАТО с государствами и межгосударственными структурами на постсоветском пространстве

После распада социалистического лагеря и СССР на всем постсоветском пространстве, помимо Российской Федерации, появилось 14 новых государств, которые, разумеется, весьма условно были разделены специалистами на четыре основных блока:

- Прибалтика (Латвия, Литва, Эстония);
- восточно-европейские республики (Украина, Белоруссия, Молдавия);
- Закавказье (Грузия, Армения и Азербайджан);
- Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан, Киргизия).

Помимо этого, в результате многочисленных локальных межнациональных и внутренних конфликтов* сложилась достаточно пестрая мозаика, в которой поначалу было крайне сложно разобраться.

Поэтому в 90-е годы отношение ЕС и НАТО к региону было выжидательным. Сказывался и другой фактор: внутривнутриполитическая ситуация в Российской Федерации как бывшей союзной метрополии. Пока доминирующими во внутренней и внешней политике Москвы оставались прозападные тенденции, Запад не беспокоила перспектива постимперского воссоединения основных национальных территорий СССР. Но как только власть в Кремле поменялась, и новое государственное руководство во

* К ним можно отнести армяно-азербайджанский конфликт, гражданские войны в Грузии и Таджикистане; попытки военного подавления «титовскими» нациями этнических меньшинств: Молдавией в Приднестровье, Грузией в Абхазии и Южной Осетии.

главе с В.В.Путиным приступило к восстановлению полуразрушенной международно-политической субъектности, ситуация в корне изменилась.

С началом XXI века Запад, в особенности США, НАТО и Европейский союз стали проявлять к этому региону повышенный интерес, пытаясь как максимум продолжить дезинтеграцию постсоветского пространства, а, как минимум – не допустить укрепления реинтеграционных тенденций и перевода их в плоскость практической политики. Активизировались и соответствующие действия во всех аспектах внешней политики западных государств и институтов, во главу угла которой было поставлено ускоренное расширение Запада на Восток, предполагавшее инкорпорирование в Евросоюз и НАТО образовавшихся на постсоветском пространстве государств.

Такой интерес был связан не только с геополитическими проблемами глобальной конкуренции, определявшей интерес к данному региону, но и наличием здесь огромных запасов полезных ископаемых, прежде всего нефти и газа.

Именно на постсоветском пространстве сталкиваются жизненно важные интересы всех ведущих стран мира. Здесь находится клубок сложных политических, социальных, национальных, религиозных и этнических противоречий, чреватых применением военной силы на любом уровне.

Чтобы лучше оценить взрывоопасный характер и реальный потенциал противоречий, высвобожденных распадом СССР, достаточно вернуться в начало XX века, в конец 1910-х годов, и с этой точки зрения посмотреть на действия глобальных «игроков» на территории Российской

империи. Многие из них способны указать и на современные тенденции, которые те же самые «игроки» стремятся развернуть в том или ином направлении.

Конечная цель политики США, НАТО и Европейского союза, безусловно, не только координирующих свои действия, но и осуществляющие их на основе единого стратегического планирования, также достаточно легко просматривается в исторической ретроспективе. Налицо стремление окружить территорию Российской Федерации системой «лимитрофов» (или «санитарных кордонов»), служащих одновременно как инструментом давления на Москву, так и барьерами, препятствующими формированию принципиально новых двусторонних отношений России с традиционными континентально-европейскими лидерами, прежде всего Германией, а также Францией и Италией.

Помимо «лимитрофной» политики внутри постсоветского пространства, обеспечивающей, как мы убедились, «огораживание» России, аналогичный курс проводится и в пограничье «дальнего зарубежья». И в Восточной Европе, и в Закавказье, и на центральноазиатской периферии «Большого Ближнего Востока» неизменно проводится один и тот же курс: вокруг постсоветского пространства формируются новые кольца «санитарных кордонов».

В этих условиях интерес США и НАТО к периферии постсоветского пространства возрос настолько, что на стамбульском саммите НАТО (2004 г.) было принято решение о смещении геополитических приоритетов в сторону регионов Кавказа и Центральной Азии. В решениях саммита указывается, что в ответ на изменяющуюся

международную обстановку Североатлантический союз переориентирует имеющиеся ресурсы на эти два региона в соответствии с долгосрочной стратегией блока на повышение стабильности во всем Евро-Атлантическом регионе посредством содействия реформе и ее поддержки. Было также заявлено, что «НАТО будет уделять первостепенное значение помощи государствам-партнерам, в особенности на Кавказе и в Центральной Азии по созданию современных демократически ответственных институтов обороны, которые смогут поддерживать сотрудничество в области международной безопасности».

Для двух указанных регионов был назначен специальный представитель, выступающий от имени генерального секретаря НАТО, а также два представителя по связи.

Итак, на стамбульском саммите регион Южного Кавказа (Грузия, Азербайджан и Армения) был включен в число приоритетных для Североатлантического союза зон. При этом, если основу сотрудничества НАТО с государствами региона составляют индивидуальные планы действий партнерства, то США, привыкшие действовать без оглядки на принципы международного права, открыто объявляют практически всю окаймляющую Российскую Федерацию постсоветскую территорию «зоной жизненно важных интересов».

Важное место в планах НАТО по укреплению влияния в Закавказье отводится **Грузии**, которая, наряду с другими странами, используется для оказания военно-политического давления на Россию и официально признанные ею бывшие грузинские территории – Абхазию и

Южную Осетию. Специфика геополитического положения Грузии состоит в том, что эта страна имеет не только сухопутную, но и морскую границу с Россией. В ряде районов соприкосновения грузинской и российской территорий, прежде всего на российском Северном Кавказе, имеют место затяжные этнические конфликты, которые открывают Североатлантическому альянсу потенциальные возможности для интернационализации существующих в регионе противоречий.

Руководство НАТО считает Грузию одной из критически важных стран Закавказья, которая за счет модернизации своих вооруженных сил сможет внести немалый вклад в борьбу с «терроризмом».

Данные соображения систематически подкрепляются вовлечением грузинских войск в осуществляемые альянсом «миротворческие» операции, например, в Ираке. Вместе с тем, во время военного конфликта в Южной Осетии НАТО не рискнула пойти на конфронтацию с Россией и не оказала грузинскому президенту М.Саакашвили реальной поддержки, ограничившись демаршами преимущественно политико-дипломатического характера.

На вовлечение Грузии в орбиту НАТО был направлен целый ряд мероприятий, проведенных США и руководством альянса.

Так, военный бюджет Грузии, благодаря поддержке со стороны международных структур, контролируемых США и Евросоюзом, в период с 2003 по 2008 год был увеличен более чем в 30 раз – с 27,9 млн. долларов до 900 млн. долларов.

Кроме того, в рамках «Закона о поддержке свободы»,

принятого конгрессом США (24 октября 1992 г.), в Грузии были созданы специальные фонды, через которые осуществлялось финансирование деятельности по реформированию правоохранительных органов, усилению безопасности границ и ряд других военных программ. Общая сумма выделенных через эти фонды средств составляет более 366 млн. долларов.

Далее. США за последние годы поставили в Грузию следующие виды вооружений и военной техники: 10 вертолетов ИН-1Н «Ирокез», 2 патрульных катера типа «Пойнт» и запчасти к ним, 230 единиц автомобильной техники различного назначения, 101 радиостанцию и другие технические средства.

В дополнение к этому проводилось обучение личного состава вооруженных сил Грузии по военным программам США. Американские инструкторы в рамках программы «Обучи и оснасти» (Train and Equip Program) (2002–2004 гг.) подготовили 1-ю пехотную бригаду (четыре батальона по 560 военнослужащих и механизированную роту – 180 человек). Стоимость программы – 64 млн. долларов. По программе «Операция по сохранению стабильности» (Sustainment and Stability Operations Program) (с 2005 по 2007 г.) также подготовлены 2-я и 3-я пехотные бригады. Стоимость этой программы также составляет более 60 млн. долларов.

Кроме этого, с американской помощью были проведены реформирование военно-резервной системы и реорганизация системы военной разведки Грузии.

Таким образом, складывается впечатление, что без НАТО и США, без прямой финансовой поддержки со стороны

Вашингтона, без его поставок военного назначения, Тбилиси никогда не рискнул бы предпринять агрессию против Южной Осетии. Однако и сегодня Грузия снова получает поощрительные сигналы от США и НАТО, подталкивающие ее к новым авантюрам в регионе. К тому же между США и Грузией была подписана Хартия о стратегическом партнерстве (9 января 2009 г.).

Азербайджану в политической игре Запада также отводится особая роль.

Для НАТО и США его геополитическая ценность состоит в том, что эта страна располагает значительными запасами нефти, ее территорию можно использовать для укрепления военно-политических позиций альянса на Кавказе (в частности, в связи с обострением ситуации вокруг Ирана) и в Центральной Азии, а также для решения различного рода военно-стратегических задач.

Кроме того, Баку, как и Тбилиси, является стратегическим узлом обходящих территорию России маршрутов транспортировки энергоносителей как существующих, так и проектируемых (например, проект НАБУККО), наполнение которых зависит от подключения к ним государств Центральной Азии. Поэтому Азербайджан – еще и важнейший транспортный узел, обеспечивающий диверсификацию энергетических поставок в Европу и повышающий, по мнению чиновников Евросоюза и НАТО, уровень энергетической безопасности европейских стран.

В свое время официальный Баку не бросился сломя голову в объятия Вашингтона и не повернулся спиной к Москве, как это сделал Тбилиси, и сегодня пожинает плоды вполне успешной многовекторной внешней политики,

инициированной президентом Ильхамом Алиевым.

Тем не менее, сотрудничество Азербайджана и НАТО, начавшееся с мая 1994 года – с момента присоединения к программе «Партнерство ради мира», позволило республике активно сотрудничать с различными структурами и институтами НАТО, а также участвовать в мерах по укреплению международной безопасности в западной трактовке. Через эту программу Азербайджан, как считают некоторые ученые, имеет возможность реально участвовать в создании системы стратегического баланса и безопасности на Южном Кавказе, использовать авторитет и механизмы воздействия НАТО в решении проблем безопасности страны.

Среди стран НАТО наиболее тесные связи у Азербайджана в военной области с Турцией и США. Азербайджанскую армию в течение достаточно продолжительного времени готовят турецкие военные специалисты. В последние годы военное сотрудничество между США и Азербайджаном переходит в новую стадию. Его приоритетами становятся приближение азербайджанской армии к стандартам НАТО, расширение возможностей ВМФ страны по обеспечению безопасности морских границ, а также стандартизация системы безопасности воздушного пространства Азербайджана.

Кроме того, США планируют проведение в Азербайджане учений по борьбе с экстремизмом и распространением оружия массового поражения. Реализация всех этих мероприятий ведет к расширению военного сотрудничества и военного присутствия США в регионе. Еще одна из целей присутствия американских военных в

Азербайджане – обеспечение безопасности трубопровода Баку – Тбилиси – Джейхан.

Что касается **Армении**, то, несмотря на малые территориальные размеры, она также представляет собой важный геополитический фактор. Вашингтон стремится во что бы то ни стало усилить военное сотрудничество с Ереваном, подогнать армянскую армию под натовские стандарты, для чего намерен использовать ее участие в программе «Партнерство ради мира». В рамках этой программы Совет НАТО утвердил Программу действий индивидуального партнерства Армении с НАТО (2005 г.). Основная цель присоединения Армении к Плану индивидуального партнерства – формирование системы безопасности, соответствующей требованиям XXI века, о чем заявил заместитель министра обороны Армении А.Агабекян. По его мнению, в рамках этого плана будут вестись периодические консультации с НАТО по вопросам региональной безопасности, а это включает разработку стратегии безопасности, военной доктрины, совершенствование оборонного и бюджетного планирования, обеспечение взаимодействия с силами НАТО на оперативном уровне. При этом в рамках указанной программы Армения намерена получать от стран-членов НАТО «исключительно консультативную помощь, и никогда не ставила вопрос материального или военно-технического обеспечения».

Тем не менее, США предоставили (август 2007 г.) миротворческому батальону министерства обороны Армении военное снаряжение на сумму 3 млн. долларов по программе США внешнего военного финансирования. В соответствии с этой программой предусмотрено финансовое

содействие в размере 8 млн. долларов, которые должны были быть направлены на формирование в Армении до 2009 года миротворческого батальона для взаимодействия со структурами НАТО в миротворческих операциях. В бюджете США на 2008 год предусматривалась военная помощь Армении в размере 3 млн. долларов. И это несмотря на принадлежность Армении к важнейшей военно-политической структуре на постсоветском пространстве – Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), а также ее участие в созданных этой организацией Коллективных силах оперативного реагирования (КСОР).

В контексте попыток вовлечения Азербайджана и Армении в орбиту влияния НАТО обращает внимание наличие между этими республиками затяжного, весьма болезненного конфликта в Нагорном Карабахе. Конкурируя с Россией в стремлении к урегулированию этого конфликта в своих интересах, американская и западная дипломатия, тем не менее, достаточно ограничена в возможностях.

Так, бесплодной можно считать работу Минской группы ОБСЕ, в которой ведущие позиции принадлежат западной дипломатии. Кроме того, Западу приходится учитывать серьезную экономическую зависимость этих республик от России, прежде всего, с учетом интересов работающих в России соотечественников. Однако в условиях кризиса, а также имея в виду рост в последние годы азербайджанской экономики, позволяющий гражданам республики возвращаться на родину, воздействие этого фактора уменьшается, а возможности отрыва Армении и Азербайджана от России – увеличиваются.

Таким образом, политика, проводимая США и НАТО в

регионе, в целом, направлена на всемерное ослабление влияния России на Кавказе в экономической, политической и военной сферах. Интеграция стран Южного Кавказа в НАТО может привести к тому, что коренное изменение баланса сил в регионе станет необратимым со всеми вытекающими отсюда последствиями.

С 2002 года в сфере пристальных интересов США и НАТО находится и **Центральная Азия**.

США рассматривают этот регион как один из важнейших в продвижении своих интересов в регионе, который Зб.Бжезинский справедливо назвал «евразийскими Балканами». А потому Запад стремится закрепить свое присутствие здесь, используя для этого все средства, в том числе привлекая страны региона к сотрудничеству с НАТО.

Используя «Индивидуальные планы действий» в рамках программы «Партнерство ради мира», альянс «оказывает» местным режимам помощь в «переходе к так называемой демократии по западным стандартам», а также стремится к интенсификации сотрудничества, чтобы взять под контроль весь регион.

Сотрудничество НАТО с государствами Центральной Азии широко реализуется в различных областях и подкрепляется на практике военным присутствием в расположенных здесь странах. Этому не препятствует членство всех этих республик, за исключением Туркменистана, в ОДКБ, а Казахстана, Киргизии и Таджикистана – еще и в КСОР.

Довольно часто государства Центральной Азии посещают высокопоставленные представители США и НАТО.

Например, в 2004 году среднеазиатское турне совершил глава Центрального командования ВС США, побывавший в Узбекистане, Киргизии, Таджикистане, где он обсуждал вопросы расширения военного и военно-технического сотрудничества Америки со странами региона.

В том же 2004 году был разработан проект плана военного сотрудничества между **Киргизией** и США на 2005–2010 годы, который был назван заместителем министра обороны США Дж.Макдугаллом самым лучшим и обоснованным в Центрально-Азиатском регионе. И подкреплено это было денежным грантом на киргизские военные нужды. В начале октября 2004 года оборонные ведомства Киргизии и Франции подписали в Бишкеке план двустороннего сотрудничества по военным вопросам на 2005 год. Документ предусматривал обучение киргизских офицеров французскому языку, проведение различных тренировок, в том числе совместную горную подготовку подразделений специального назначения. Французская сторона передала министерству обороны Киргизии военную экипировку, имущество на сумму 60 тыс. долларов США.

Еще в 2001 году США заключили межправительственное соглашение с Киргизией о создании в столичном аэропорту Манас американской военно-воздушной базы Ганси, которая, согласно мандату ООН, должна была использоваться для проведения антитеррористической операции в Афганистане. Однако наверняка с территории базы велись разведка и другие мероприятия, ибо база есть база, и она является фокусом интересов и источником американского влияния в регионе. В 2005 году

правительство Киргизии приняло решение о ликвидации американской базы Ганси и выводе американского контингента из страны, но по просьбе президентов США, Турции и Афганистана правительство Киргизии пересмотрело свое решение и разрешило войскам США оставаться на своей территории.

Ситуация повторилась и в 2009 году, когда Бишкек принял решение о закрытии базы, но вновь не устоял перед нажимом американской стороны и сохранил базу в виде формально демилитаризованного Центра транзитных перевозок для обеспечения военной операции в Афганистане. Соответствующее новое соглашение между Киргизией и США по базе в аэропорту Манас было подписано в конце июня 2009 года. Таким образом, Вашингтону все-таки удалось сохранить важное для него военно-политическое присутствие в Киргизии.

Как заявил президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л.Г.Ивашов, соглашение о создании Центра позволит США сохранить свое военное присутствие в Центральной Азии и «все вернется к прежнему положению».

Не менее активно вовлекается в различные западные проекты по военному и военно-техническому сотрудничеству и **Таджикистан**.

На территории Таджикистана (в Душанбе) разместилась военно-воздушная база, хотя в основном на ней располагается пока французский воинский контингент.

США и контролируемые ими международные финансовые институты, а также западные союзники с начала только 2007 года предоставили Таджикистану международных

кредитов на сумму 1 млрд. 43 млн. долларов и грантов в размере 145,3 млн. долларов, что составляет более двух бюджетов этой республики.

По имеющимся данным, США осмотрели на предмет создания баз аэродромы в Чкаловске на севере и в Кулябе на юге Таджикистана.

К 2010–2011 годам Пентагон надеется закрепитесь и на третьем аэродроме в Хороге на границе с КНР. Повод – ремонт взлетно-посадочной полосы на случай аварийных ситуаций с самолетами международной коалиции в Афганистане.

Развивается сотрудничество и по линии программы НАТО «Партнерство ради мира». В ее рамках проводятся различные семинары и конференции, посвященные вопросам миротворчества, гуманитарного разминирования, правовых аспектов преодоления последствий вооруженного конфликта, развитие учебной базы по изучению иностранных языков и т.д.

В то же время официальный Душанбе заявил, что размещения военных баз НАТО и США на территории страны не будет. Хотя Таджикистан дал согласие на использование своих железнодорожных и автомобильных путей для транзита невоенных грузов в Афганистан. Это согласие было получено во время визита в Душанбе начальника управления по материально-техническому обеспечению Транспортного командования США контр-адмирала Марка Харничека. «Любая страна, которая граничит с Афганистаном, для нас очень важна, – считает Харничек. – В этом плане очень важен и Таджикистан, потому, что до наших баз в Афганистане это самый

короткий наземный путь». Таджикистан предоставил Пентагону и НАТО также и воздушный коридор для провоза невоенных грузов, следующих в Афганистан.

При этом следует отметить, что с 2009 года начинается постепенное преодоление прежнего отчуждения Российской Федерации от Таджикистана, связанное с успешным визитом в страну Президента России Д.А.Медведева летом 2009 года.

Одна из крупнейших и наиболее экономически развитых стран региона – **Казахстан**, который в рамках участия в программе «Партнерство ради мира» намного опережает по интенсивности контактов и уровню взаимодействия всех своих ближайших соседей по Центральной Азии. Казахстанское руководство пока связывает эту «западную ориентацию» исключительно с политическим и экономическим сотрудничеством со странами Европы и США.

Республика начала сотрудничество с НАТО еще в 1992 году, когда вступила в Совет Североатлантического сотрудничества (ССАС)*. 27 мая 1994 года Казахстан присоединился к программе «Партнерство ради мира». С тех пор его участие в СЕАП – одно из самых активных на постсоветском пространстве. Он помогал американцам в оккупированном Ираке, посылал долгое время туда своих солдат и офицеров.

В 2002 году республика присоединилась к плану НАТО «Процесс планирования и обзора» (ПАРП) и стала двадцатым государством-участником данной программы, первым из государств Центральной Азии. В июле 2003 года

* ССАС в 1997 г. был преобразован в Совет Евро-атлантического партнерства (СЕАП).

минобороны республики подписало меморандум о взаимодействии между Республикой Казахстан и Организацией НАТО по техническому обеспечению и обслуживанию (NAMSO).

Сегодня взаимодействие республики с НАТО осуществляется в сфере подготовки и оснащения отдельных подразделений вооруженных сил. Благодаря сотрудничеству Казахстана со странами НАТО созданный в республике миротворческий батальон «Казбат» полностью укомплектован по стандартам НАТО и вошел в состав «голубых касок», согласно подписанному 10 октября 2003 года меморандуму с ООН.

Казахстан регулярно проводит военные учения с силами НАТО.

Например, тактико-специальные международные учения «Степной орел – 2008», на которых присутствовали эксперты из 12 стран НАТО, состоялись в сентябре 2008 года. Целью учений явилась проверка возможности взаимодействия «Казбата», подразделений вооруженных сил Казахстана и Североатлантического альянса при выполнении операции по поддержанию мира и согласия, а также повышение навыков командиров по управлению войсками.

Казахстанская армия не только учится по программам НАТО, но и участвует в конкретных операциях, проводимых альянсом и США. Так, в 2003–2008 годах казахстанские военнослужащие действовали в Ираке. За период миротворческой деятельности было проведено 9 ротаций, в которых в составе коалиционных сил участвовали 290 военнослужащих казахстанской армии.

Иными словами, блок НАТО надолго и всерьез прописался в Казахстане. Как заявил куратор Центральной Азии директората евро-атлантической интеграции и партнерства НАТО Тугай Тунчер, Североатлантический союз благодарен Казахстану за миротворческую деятельность и высоко оценивает потенциал республики в этой области. По его словам, в 2010 году предполагается достичь полной оперативной совместимости с казахстанским миротворческим батальоном. «Мы рассчитываем, что «Казбат» будет в зависимости от решения правительства в полной мере принимать участие в миротворческих силах (надо понимать в миротворческих силах НАТО в Афганистане), в достижении безопасности во всем регионе и других частях мира», – заявил натовский чиновник.

А в мае 2009 года Североатлантический альянс официально пригласил Казахстан принять участие в миротворческой операции по восстановлению Афганистана. Это сообщение передали информагентства России со ссылкой на спецпредставителя генсека НАТО по Кавказу и Центральной Азии Роберта Симмонса, который подчеркнул, что армия Казахстана достигла уровня оперативной совместимости с войсками НАТО и сумеет успешно проявить себя в афганской миссии.

Однако реакции Казахстана пока не последовало.

Не так интенсивно, но все же расширяется сотрудничество США и **Узбекистана**. Хотя интерес Европы и США к Узбекистану постоянно растет.

Этот интерес, в первую очередь, связан с проблемами Афганистана, с которым у Узбекистана общая граница. В феврале 2009 года Узбекистан вслед за

другими странами СНГ (Россией, Казахстаном, Туркменией, Таджикистаном и Киргизией) разрешил наземную доставку через свою территорию невоенных грузов США для действующего в Афганистане контингента. С НАТО подписано соглашение об обеспечении транзита через узбекскую территорию материальных ресурсов альянса в пограничный узел Термез – Хайратон. Это практически единственное железнодорожное сообщение с Афганистаном.

В Термезе также находится военная база ФРГ. В начале 2000-х годов США активно использовали узбекскую базу в Ханабаде для военных операций в Афганистане. После антиправительственного мятежа в Андижане (май 2005 г.) узбекские власти настояли на том, чтобы американские войска покинули республику, и сотрудничество Ташкента с НАТО было практически свернуто, а государственное руководство страны стало подвергаться жесткой критике со стороны международных и неправительственных организаций. Однако в настоящее время, после отказа Узбекистана от участия в КСОР ОДКБ и ряда связанных с этим демаршей президента И.Каримова, взаимодействие республики с США и НАТО обнаруживает тенденцию к восстановлению. Происходит это если не в полном объеме, то в весьма значительных масштабах, и войска НАТО получили возможность вернуться на военную базу в Ханабад в связи с неожиданно наметившимся потеплением между Узбекистаном и Западом.

«Мы приветствуем тот факт, что Узбекистан проявляет готовность к сотрудничеству. Насколько я понимаю, США начинают вновь использовать этот объект», – заявил спецпредставитель генсека НАТО по Кавказу и

Центральной Азии Роберт Симмонс.

Что касается **Туркменистана**, то в январе 2009 года президент республики Г.Бердымухамедов утвердил новую военную доктрину, которая по его заявлению, основана на Конституции и Конституционном законе «О постоянном нейтралитете Туркменистана».

Основной закон страны и издаваемые в соответствии с ним законодательные и подзаконные акты предусматривают неприсоединение к военным союзам и блокам, отказ от размещения на своей территории иностранных военных баз, приобретения, производства, распространения и прохождения через его границы ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения.

Вместе с тем, Туркмения, по заявлению президента, намерена предоставить свою территорию для транспортировки невоенных грузов США в Афганистан. Бердымухамедов дал разрешение на посадку и дозаправку американских самолетов в аэропорту Ашхабада. Кроме того, Туркмения, как Узбекистан и Казахстан, является участником транспортного проекта, финансируемого США и другими заинтересованными странами – Line Communication, который через территории стран Центральной Азии свяжет страны НАТО с Афганистаном.

Большое внимание вопросам проникновения Запада на постсоветское пространство с целью недопущения его реинтеграции отводится новой инициативе, известной как **«Восточное партнерство»***.

Предложение «Восточного партнерства» имело вид

* Старт данному проекту ЕС был дан в мае 2008 г. Учредительная встреча в рамках этой программы состоялась в мае 2009 г. в Праге.

безобидной инициативы, официально заявленные цели которой состояли в «значительном повышении уровня политического взаимодействия, в том числе в обеспечении возможности заключения ассоциативных соглашений нового поколения, глубокой интеграции экономик ряда постсоветских государств в экономику Евросоюза, упрощении визовых процедур, реализации совместных усилий в области энергобезопасности, а также в увеличении объектов финансовой помощи бывшим республикам СССР».

Реальная же цель формирования «Восточного партнерства», по словам американского аналитика Рика Розоффа, заключается в том, чтобы развалить СНГ, ЕврАзЭС и ОДКБ. «Задача "Восточного партнерства" – изолировать Россию от шести из двенадцати государств-членов СНГ при том, что другие четыре из них находятся в поле действия еще одной интеграционной инициативы США – ГУАМ» – подчеркивает Розофф в работе «Последний штурм СНГ».

Как проявление истинных намерений Запада можно рассматривать и то обстоятельство, что Белоруссия была включена в список партнеров только при условии принятия ею «плана совершенствования демократии». Ереван и Минск находятся во втором эшелоне кандидатов на участие в «Восточном партнерстве», и от них потребуются долгое «совершенствование», прежде чем они будут поглощены в процессе «мягкой» экспансии на Восток.

«Восточное партнерство» в действительности предназначено для того, чтобы, играя на теме якобы существующей угрозы энергетической безопасности

Евросоюза, подчинить Брюсселю и Вашингтону 11 из 12 постсоветских государств, еще не вошедших в ЕС и НАТО. Когда в этот список за счет простого приобщения или «смены режима» будет включена Белоруссия, Россия лишится последнего буфера, отделяющего ее от НАТО в Европе, а заодно единственных вне ее границ систем ПВО и раннего предупреждения о ракетном нападении. Уход Армении приведет к изгнанию России с Южного Кавказа, а с поглощением пяти центральноазиатских государств Россия, по мнению американских аналитиков, окончательно утратит всякое влияние на постсоветском пространстве за пределами собственной территории.

Еще одной организацией, созданной Западом в 1997 году с далеко идущими стратегическими целями, является **ГУАМ** (Грузия, Украина, Азербайджан, Молдавия).

Во-первых, она должна была стать «троянским конем» в СНГ (до выхода из него Грузии все четыре государства-члены ГУАМ одновременно являлись и членами Содружества) и, в конечном итоге, способствовать распаду этого постсоветского альянса.

Во-вторых, одной из целей сколачивания ГУАМ было включение четырех бывших советских республик в коридор Евразийского энергетического и военного транзита, ведущего от Черного моря через Каспийский бассейн.

Государства ГУАМ вовлечены в каждый из четырех «замороженных» конфликтов на постсоветском пространстве, а «замороженные» конфликты дают Западу возможность препятствовать развитию интеграционных процессов в СНГ, устанавливать тесные связи в военной сфере с участвующими в этих конфликтах странами и еще

больше вмешиваться в дела на постсоветской территории под предлогом миротворчества.

Еще одним свидетельством того, что подход ко всем, кроме России, государствам СНГ на Западе является полностью согласованным, служат сообщения о том, что в ноябре 2008 года Евросоюз дал старт новой инициативе «Верховенство закона» для стран Центральной Азии. Эта инициатива станет одним из ключевых элементов стратегии в отношении Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

Могут спросить, рассматривая Североатлантический альянс, его концепции, планы и инициативы, а причем здесь Евросоюз? На это можно ответить: наверное пора распрощаться с иллюзиями насчет некой особой, отличной от НАТО роли ЕС в Европе и понять, что мы имеем дело с «двуликим Янусом». ЕС и НАТО – это по сути дела, блок одних и тех же государств, которые «торгуют» одной и той же политикой под различными вывесками.

* * *

Таким образом, закрепляясь в странах региона, Запад в лице НАТО постоянно продвигается к российским границам, стремясь замкнуть «кольцо Анаконды» вокруг России с юга, то есть реализовать цели и задачи, поставленные еще в начале XX столетия одним из основоположников американской геополитики Н.Спайкменом. В сферу особых интересов США и НАТО «лимитрофные» постсоветские государства включаются и новой Стратегической концепцией блока (2010 г.).

На этом фоне НАТО прекратила многолетние споры об операциях за пределами своей зоны ответственности, то есть «как на территории альянса, так и за ее пределами, на периферии альянса и на стратегическом удалении».

Однако на стороне России в данном случае играет цивилизационный фактор, предельно осложняющий включение субъектов бывшего СССР в ареал западной цивилизации, представленный НАТО.

Глава 4.4. Мировой финансово-экономический кризис и будущее международной безопасности

Обращаясь к природе произошедшего мирового финансового обвала, вызвавшего экономическую рецессию, выскажем точку зрения, которая в течение кризиса становится все более и более популярной. Кризис, в котором ряд аналитиков и экспертов обнаруживает признаки катастрофы, является рукотворным и управляемым процессом, запущенным с конкретной целью – продвижения к «Новому мировому порядку». Североатлантическому альянсу в нем отводится вполне конкретная роль – военного и полицейского обеспечения безопасности и стабильности вовлекаемых Западом в орбиту этого порядка территорий.

Раскрывая тему трансформации НАТО, мы уже упоминали о деятельности Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству, являющейся продуктом состоявшейся Конференции ООН по окружающей среде и развитию (Рио-де-Жанейро, 1992 г.). Вновь и вновь обращаясь к этому фундаментальному документу, очерчивающему контуры «Нового мирового порядка», отметим системообразующие параметры, которыми обусловливается его наступление:

- дальнейшее развитие глобализации, придание ей необратимого характера;
- уравнивание в правах государства и граждан и постепенный переход от национальной безопасности к безопасности людей и планеты, сопровождающееся стиранием границ между внешними и внутренними проблемами (концепция «коллективного суверенитета»);

- утверждение общих ценностей и формирование на этой основе единой «глобальной гражданской этики», перекрывающей существующие межрелигиозные (то есть межцивилизационные) различия за счет их фактической отмены.

Институциональный аспект обеспечения необратимости предлагаемых перемен связан с реформой ООН и расширением полномочий специально аккредитованных при Генеральной Ассамблее неправительственных организаций с созданием на их базе «глобального гражданского общества», а также с поощрением регионализма и многосторонности.

Отметим многозначительный тезис авторов этого текста. В случае если предложенный план установления «Нового мирового порядка» не сработает, основную ставку предлагается сделать на расширение полномочий и масштабов деятельности региональных организаций⁵¹.

Ключевыми и наиболее мощными из таких организаций являются НАТО и его европейско-политический паллиатив в лице Европейского союза. С этой точки зрения «вторая волна» кризиса, захлестнувшая в первой половине 2010 года Западную Европу, с одной стороны, обеспечила сохранение глобального лидерства за США, а с другой - создало в Европе определенную альтернативу, связанную с мощным возвышением Германии. Настолько мощным, что германское лидерство уже фактически безоговорочно признано Францией, а рассматриваемые европейскими специалистами сценарии возможного распада зоны евро так или иначе сходятся к расширению за счет этого масштабов

⁵¹ Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 27, 69, 92-93, 161-162, 280.

германского доминирования. Политические аналитики тем временем вновь обращаются к планам «еврорегионализации», представляющим собой инструмент не только укрепления германского лидерства в континентальной Европе, но и обеспечения его увязки с соответствующей динамикой трансатлантических процессов, протекающих под контролем англосаксонского «глобального центра».

Иначе говоря, преобладающие в ходе развития кризиса тенденции полностью соответствуют императиву его управляемости, накрепко связывая между собой европейский и американский центры глобального капитализма. В этом же русле, возможно, осуществляется и процесс вовлечения третьего центра, лидерство в котором все явственнее переходит к Китаю. По-видимому, именно эти процессы имели в виду как Бжезинский, говоривший о переходе к «многополярному» миру, так и Д. Рокфеллер, констатировавший, что побудить принять «Новый мировой порядок» человечество может только масштабный всеохватный кризис – экономический или как вариант – военный. Последняя часть этого утверждения коррелирует с поэтапным нарастанием военно-политической напряженности на Ближнем и Среднем Востоке, вокруг Ирана, а также в критически близком к нему Закавказье, где кризисные тенденции все активнее фокусируются на Нагорном Карабахе.

Суммируя указанные тенденции и высказанные в связи с их появлением точки зрения, руководитель аналитического центра «Неокон» М.Л.Хазин указывает на то, что большинство оптимистических мнений сводится к

неадекватному признанию рядового, «циклического» характера текущего кризиса, до окончания которого, по преобладающему в экспертном сообществе мнению, еще далеко. Он подчеркивает наличие целого ряда фундаментальных причин, не позволяющих рассматривать его в подобном контексте. Прежде всего, продолжающуюся более четверти века политику перепроизводства совокупного спроса за счет потребительского кредитования.

Ситуация не изменилась и сегодня: оживление спроса в США было достигнуто беспрецедентным вбросом денег в западную, прежде всего американскую, экономику, который временно оживил угасший спрос. Это принесло краткосрочный эффект, достаточный для того, чтобы стабилизировать ситуацию в США как стране-эмитенте единой мировой меры стоимости (доллара) и перенаправить кризисные тенденции в Старый Свет. Но эта мера принципиально не способна решить проблему избыточного, не обеспеченного реальными активами глобального инфляционного «навеса» из наличных бумажных долларов. Займы США у самих себя, то есть у Федеральной резервной системы, с последующей девальвацией соответствующих обязательств, как известно, в качестве теоретической модели отработывались еще в середине 90-х годов, в упомянутом докладе Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству⁵².

Если объединить эту очевидную большинство экспертов тенденцию с изначальным тезисом об управляемости разразившегося кризиса, а также его

⁵² Наше глобальное соседство. Доклад Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству. М., 1996. С. 191–194.

ориентацией на активизацию строительства «Нового мирового порядка» с достижением при развитии современной фазы глобальной эволюции некоего конкретного результата, то получим не слишком большой набор различных вариантов объяснения якобы имеющегося отката кризисных тенденций.

Изначально отбросив версию о «естественном» угасании кризиса из-за смены фазы экономического цикла, можно предположить, в качестве первого варианта, что кризис достиг своих целей.

Что может свидетельствовать об этом?

Во-первых, продолжающееся обострение глобальных противоречий, проявлений которого множество: активизация боевых столкновений в Ираке; новая вспышка войны в Афганистане; массовые беспорядки и сохраняющееся политическое противостояние после президентских выборов в Иране; явные признаки нового кризиса в российско-грузинских отношениях и т.д.

Особняком в этом ряду стоит обостряющаяся ситуация на «Большом Ближнем Востоке», в которую, по мнению экспертов Международной кризисной группы (МКГ) под руководством М. Ахтисаари, наряду с Ираном и Израилем, вплетены Сирия, Ливан, а также управляемый «Хамас», палестинский сектор «Газа» и ливанское радикальное движение «Хезболла»⁵³.

При этом следует иметь в виду, что любой конфликт является совокупностью объективных и субъективных факторов, а его обострение всегда усиливает субъективный фактор, способствуя управленческому

⁵³ Ближний Восток оказался на грани войны века // <http://news.rambler.ru/7160459>.

вмешательству в развитие событий со стороны определенных сил. В современных условиях, когда большинство институциональных, финансовых, политических и военных возможностей такого вмешательства сосредоточено на Западе, обострение любого из локальных конфликтов играет на руку именно ему.

Во-вторых, наблюдается резкая активизация антироссийских тенденций на постсоветском пространстве. Помимо продолжающегося кризиса в отношениях Москвы с Тбилиси, есть еще целая цепочка событий, отраженная в новой Стратегической концепции НАТО, тесно связанная с ситуацией в Закавказье (вокруг Нагорного Карабаха) и Центральной Азии. Особняком в списке фактов, подтверждающих данную тенденцию, стоит перманентное ухудшение российско-белорусских отношений.

В-третьих, резкое обострение произошло во внутривнутриполитической ситуации в Российской Федерации. Не сосредотачиваясь на деталях, отметим, что на протяжении 2009-2010 годов наблюдается усиливающаяся поляризация не просто политических сил, а основных элитных группировок. Не исключено, что продолжение этого процесса, а также отмечаемая активизация участия в нем церковных кругов, намеренно форсируются с целью приближения своеобразного «момента истины», которым, возможно, станет постановка вопроса о конкретных формах развязки внутривнутриполитического противостояния по одному из двух сценариев:

1. Прикрытия дезинтеграционных процессов в России и других крупных субъектах постсоветского пространства (прежде всего, на Украине и в Молдавии) виртуальным

проектом «Святой Руси». Формальное сохранение «единого духовного пространства» в этом случае будет сопровождаться расчленением пространства геополитического, а протекание неизбежно возникающих локальных конфликтов будет направляться силами внешнего управления.

2. Другой, противоположный сценарий – соединение факторов духовной консолидации и углубленной политической интеграции с выходом на восстановление основной части «большой России» (бывшего СССР). В пользу данного варианта говорит, например, создание Таможенного союза; против него – узость его состава, невозможность вхождения Украины без вступления субъектов союза в ВТО, а также внутренние противоречия, прежде всего, между Москвой и Минском.

В случае, если успешно реализуется этот сценарий, то в практическом плане развитие событий может пойти по двум вариантам – с упором как на светские, так и на духовные аспекты государственно-церковного альянса, например, по пути формирования предсказанной еще И.А.Ильиным «национальной диктатуры» или евразийской конфедерации, постепенно трансформирующейся в федерацию.

В случае же взятия верха первой тенденцией, остающееся дезинтегрированным постсоветское пространство остается фактором глобальной дестабилизации. Как ни парадоксально, но этот режим функционирования, называемый некоторыми западными представителями прикладной политической науки «стратегией хаоса», выгоден адептам «Нового мирового

порядка». Ибо, как убедительно показано рядом отечественных исследователей*, его смысл заключается не просто в разрушении существующей международной системы, а в трансформации всей многовековой Вестфальской традиции со свойственным ей приоритетом национально-государственных суверенитетов в «цивилизацию новых кочевников», функционирующую в институционально-политическом плане на основе вышеупомянутой доктрины «коллективного суверенитета». Существовая вне категорий, связанных с историческим контекстом и геополитическим пространством, подобная цивилизация служит не только инструментом консолидации «глобальной элиты» или, по Д.Беллу, «меритократии», но и обращает ее развитие вспять. Иначе говоря, речь идет о том, что в рамках «цивилизации новых кочевников» прогресс планируется преобразовать в его противоположность – регресс, что предполагает фактическую остановку всякого развития. Именно на это направлены генеральные концепции Римского клуба – «контроля над численностью населения» и «интернационализации природных ресурсов».

Что это означает?

Только одно: все существующие сегодня глобальные проекты, рассчитанные на поступательное развитие в рамках действующего набора социокультурных и технико-экономических особенностей, именуемого Модерном, проявившим себя в рамках как капитализма, так и социализма советского и китайского типов, должны быть в итоге этой трансформации свернуты.

* Например, в работах, подготовленных и опубликованных такими аналитическими структурами, как Экспериментальный творческий центр (С.Е.Кургинян), Фонд стратегической культуры (Ю.А.Прокофьев) и др.

«Постиндустриальное» общество – это общество «постмодернистское», а Постмодерн равнозначен до-Модерну, то есть Средневековью. Но это будет уже не религиозное, а секулярное, постхристианское Средневековье, в рамках которого «не-элита» будет самым жестким образом отделена от элиты и поставлена под ее технократический контроль. А для того, чтобы такое разделение и такой контроль были надежными и, главное, необратимыми, как раз и следует выполнить программу Римского клуба – радикально уменьшить численность населения и передать в «международное» владение (то есть, под контроль «глобальной элиты») природные ресурсы. Иначе говоря, фактически учредить «мировое правительство».

Интересная коллизия: Реформация и Просвещение, открывшие в свое время дорогу Модерну, одновременно запустили механизм его трансформации в Постмодерн. В рамках привычной концепции прогресса, базирующейся на выведенном Г.В.Ф.Гегелем принципе «двойного отрицания», понять эту закономерность невозможно. Для этого необходимо применение другой, скорее метафизической, нежели диалектической методологии, нашедшей отражение в трудах замечательного российского мыслителя К.Н.Леонтьева. Его философская формула «первичная простота – цветущая сложность – вторичное окончательное упрощение» не только вскрывает сущность соединения до-Модерна с Постмодерном, но и теоретически обосновывает необходимость удержания современной реальности в рамках Модерна как единственного порядка, в рамках которого эта реальность, во-первых, останется сама собой, а во-

вторых, получит возможность развиваться. В противном случае неизбежный переход в Постмодерн станет тем самым «концом истории», о котором в начале 90-х годов писал Ф.Фукуяма.

Если суммировать эти преимущественно теоретические выкладки, легко увидеть, что наиболее вероятной перспективой человечества при переходе в Постмодерн, как это в свое время и утверждал С.Е.Кургинян, остается деградация человечества с последующим его отступлением из капитализма в порядок, сопоставимый с феодализмом, а возможно и еще дальше – вглубь времен. Иначе говоря, фаза «новой сборки» в рамках «цивилизации новых кочевников» окажется сопряженной с уходом от достижений современной цивилизации в архаику с одной важной оговоркой – для абсолютного большинства человечества, когда кардинальное сокращение его численности в этих условиях станет лишь вопросом времени.

Но все это не для «глобальной элиты», которая, как следует из проводящихся на протяжении длительного периода, со времен Третьего рейха, специальных исследований, рассчитывает увековечить саму себя в своем доминантном качестве. Если вернуться к популярной в советскую эпоху научно-популярной фантастике, то картина подобного миропорядка в локальном масштабе отражена в известном произведении Г.Уэллса (кстати, основоположника основных глобалистских концепций XX столетия) «Машина времени», а в глобальном – в повести И.Ефремова «Час быка».

Осмыслив и охарактеризовав цели и задачи проекта «Новый мировой порядок», а также оценив современное

состояние его практической реализации, можно прийти к выводу, что, по-видимому, эффект, произведенный современным финансово-экономическим кризисом, пока явно недостаточен для того, чтобы продвинуть в указанном направлении развитие всей глобальной ситуации. Именно поэтому и рассматриваются, судя по различным «утечкам» информации из разных источников, иные, более радикальные сценарии.

Что касается России, то потери, понесенные во время кризиса нашей страной, – это скорее неизбежный результат инкорпорирования отечественной экономики в систему международного разделения труда, побочным результатом которой стал отход от традиционной модели самообеспечения, по крайней мере, в стратегическом секторе.

Еще меньше впечатляет суетливая, осуществляемая прямо-таки в «пожарном» порядке вестернизация, которая изо всех сил проталкивается определенными элитными кланами под лозунгами «модернизации», грозящей обернуться новой «перестройкой».

В настоящее время напрашивается вывод о том, что разработанный проектировщиками и организаторами кризиса план пока не сработал. Столкновение с серьезным противодействием объективных, а возможно и субъективных факторов глобального развития побудило «модераторов» кризиса временно свернуть данный проект, откатившись в исходное, докризисное положение и скорректировав исходный сценарий. О том, что такая корректировка была осуществлена, свидетельствуют практически все заслуживающие доверия источники, освещавшие итоги

очередной ежегодной Бильдербергской конференции (Ситжес, Испания, начало июня 2010 г.).

Под противодействием, с которым столкнулся проект «кризис», в данном случае следует понимать влияние объективных факторов: чем дальше и глубже заходит процесс унификации (как, собственно, и любой другой политический процесс), тем с более серьезным сопротивлением окружающей среды он сталкивается. По крайней мере, до тех пор, пока, согласно синергетической теории, он не пройдет «точку бифуркации».

Однако эта точка может быть пройдена лишь после того, как не только будет разрушен прежний аттрактор – принцип национально-государственных суверенитетов, но и создан новый, более привлекательный – замещающая суверенитеты глобалистская модель. Сегодня следует признать, что суверенитеты пока устояли, а привлекательной глобалистской модели, по крайней мере, в глобальном масштабе еще не создано. (В масштабе региональном такой моделью сегодня является Европейский союз). Возможно, «клин» в этой ситуации собираются вышибать другим «клином»: отсюда и упомянутые «утечки» о разработке определенными кругами планов ужесточения кризиса, его политизации и даже перевода в военную сферу.

Таким образом, источник противодействия «Новому мировому порядку» со стороны группы объективных факторов можно считать установленным. Это – сама международно-политическая среда, точнее, определяющая ее поведение инерция. Представляется, что, оставаясь в

рамках научного подхода, сложно предположить, что эта среда претерпит какие-либо качественные изменения в краткосрочной исторической перспективе.

Что касается субъективного фактора, то здесь, возможно, свою роль сыграло постепенное, не очень явное, но устойчивое и последовательное сближение России и Китая, осуществляемое на протяжении нескольких лет как на двусторонней, так и многосторонней основе – в рамках Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Полагать так позволяют, во-первых, сами оппоненты такого сближения, анонсировавшие, еще в начале 2009 года на фоне неформального визита Зб.Бжезинского в Пекин, возобновление американо-китайского стратегического союза, имеющего антироссийскую направленность.

Логика этих оппонентов, позиционирующих себя в качестве «либерально-демократической оппозиции» существующему в России политическому режиму, можно не только понять, но с ней можно и согласиться, ибо стратегический «треугольник», включающий Запад, Россию и Китай, по сей день остается весьма актуальной геополитической конструкцией. В треугольнике же, как известно, проигрывает тот, кто остался в одиночестве против двух других сторон. В 70-е – 80-е годы прошлого столетия в роли такого проигравшего оказался СССР. Противникам сохранения российской государственности в ее современном формате явно хотелось стать очевидцами продолжения этого процесса. В этих своих пожеланиях они даже дошли до открытой констатации действительно имевших место со стороны США попыток затормозить

развитие Китая, что на некоторое время американцам удалось – в первой половине 2009 года.

Однако с началом второго полугодия (2009 г.) становилось все более очевидным, что шансов на формирование американо-китайского стратегического альянса остается все меньше, а выбор Китая все отчетливее разворачивается в прямо противоположную сторону – к России. В случае если данная тенденция получит дальнейшее развитие, оставшейся в одиночестве стороной треугольника, скорее всего, окажется Запад и, прежде всего, США. Это не означает, что Америка потерпит крах (хотя и такие прогнозы, причем, со стороны достаточно влиятельных и информированных специалистов, как известно, существуют). Но подобный поворот событий со всей очевидностью ставит препятствие, причем стратегическое, на пути продвижения планов реализации «Нового мирового порядка».

Здесь, насколько парадоксальным это не покажется, навредить России может лишь сама Россия. Точнее, ее элиты, которые на протяжении первой половины 2010 года все активнее отходили от курса на сближение с Китаем, отдавая явный приоритет «модернизационным альянсам» с западными государствами – членами Европейского союза и НАТО. Развиваясь в рамках противостояния различных элитных групп в российском истеблишменте, эти тенденции могут оказать негативное влияние на обеспечение национальных интересов страны, существенно облегчив Западу решение геостратегических задач, поставленных его верхушкой.

Обладая «контрольным пакетом» управляющих «акций» в глобальной политике, Запад, разумеется, пока еще далек и от победы, и от поражения, каким для СССР был 1991 год. Поэтому новая глобальная ситуация, отличающаяся крайней нестабильностью и динамизмом, и вызвала пусть временное, но отступление – с последующим уточнением планов, по крайней мере, в их тактическом звене, а также соответствующей перегруппировкой сил.

Имеются все основания полагать, что демонстрируемый западными лидерами «оптимизм» по поводу внезапно «наметившихся» перспектив «выхода из кризиса» именно эти цели и преследует.

Если так, то чего ждать?

По-видимому, развитие в этом случае в ближайшее время (или в обозримом будущем) получат четыре основные тенденции. Удар будет нанесен:

- по российско-китайским отношениям, выполняющим функцию глобального противовеса узурпаторским амбициям «глобальной элиты»; возможно, для этого будет использован наметившийся в последнее время явный проамериканский тренд Индии, а также ситуация в Афганистане и Пакистане;

- по республикам СНГ и их системообразующим связям с Россией (упомянутая активизация Евросоюза на белорусском направлении, а НАТО, в рамках новой Стратегической концепции, в Закавказье и Центральной Азии, это подтверждает);

- по двусторонним связям России с ведущими странами континентальной Европы, прежде всего Германией и Францией (здесь следует отметить, что диалог Москвы с

Берлином пока развивается успешно и динамично; что касается Парижа, то на этом направлении уже заметна определенная пробуксовка); аналогичные тенденции «застоя» наблюдаются и в системе отношений Россия-Евросоюз;

- по внутривнутриполитической стабильности в самой Российской Федерации: следует ожидать не только обострения ситуации на Северном Кавказе, но и усиления атаки на видимую часть главной несущей конструкции действующей политической системы – правящий тандем Д.А.Медведев – В.В.Путин; еще более важным представляется содержание ответных действий российской власти против внутренних оппонентов.

Поскольку сколько-либо определенный и верифицируемый тренд, способный хотя бы приблизительно обозначить общий вектор действий Запада и его проектного центра в лице «глобальной элиты» в сложившейся ситуации «кризисной паузы», может быть определен лишь по совокупности всех этих факторов, время для более или менее определенных выводов еще не пришло. Научно-аналитическому сообществу остается внимательный мониторинг основных событий и тенденций.

Заключение

Подводя итоги проведенного анализа основных аспектов и особенностей трансформации НАТО, следует сосредоточить внимание на главном, наиболее фундаментальном и основополагающем выводе: рассматриваемый процесс неразрывно связан с глобализацией и является ее неотъемлемой частью. В ходе глобализации трансформации подвергается как вся структура международных отношений, так и все основные глобальные, транснациональные, а также государственные и межгосударственные институты, функционирующие во всех сферах – социальной, экономической, культурной, политической, военной и т.д.

«Развитие мира, – говорится в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года», – идёт по пути глобализации всех сфер международной жизни, которая отличается динамизмом и взаимозависимостью событий», обострением противоречий, связанных с неравномерностью развития глобализационных процессов, возросшей уязвимостью всех членов международного сообщества перед лицом новых вызовов и угроз.

Важнейшим фактором глобализации является так называемая глокализация – феномен, заключающийся в поэтапном перераспределении государственных полномочий как вверх – в пользу наднациональных структур глобального и регионального (трансграничного) уровня, так и вниз – к структурам и органам власти национального (государственного) и местного уровней. Наиболее очевидным результатом подобного

переформатирования власти и властных институтов становится постепенный демонтаж традиционной государственности, основанной на подходах, сформировавшихся в рамках Вестфальской системы, и обусловленное этим формирование новой, надгосударственной общности.

Особенности ряда международных глобалистских материалов (в частности, документы Комиссии по глобальному управлению и сотрудничеству, действующей в тесно увязке с рядом структур ООН, с одной стороны, и с Социнтерном, с другой) указывают на конечную цель этого не афишируемого, но пунктуально выполняемого плана. Это - формирование принципиально новой, «общечеловеческой» цивилизации, базирующейся на понятийном аппарате и категориях упомянутых глобалистских документов: «глобальная община», «глобальное общее достояние», «глобальная гражданская этика», «коллективный суверенитет» и т.д.

Государства не являются основными субъектами такой цивилизации. С ними на первых порах будут считаться, но при этом всячески принижать, урезать их роль, сводя ее к минимуму. Для начала равноправными с государствами субъектами международного права признают международные неправительственные организации (НПО) и транснациональные корпорации (ТНК).

Ж.Аттали назвал подобный миропорядок «цивилизацией новых кочевников». Основными ее признаками служат отсутствие взаимосвязи с цивилизационным (в традиционном понимании этого термина) и геополитическим аспектами своей эволюции и становления, то есть

уничтожение исторической памяти – главного средства **сохранения** людьми **своей** национальной и государственной идентичности, **вследствие** **чего** свое «alter ego» противопоставляется этой идентичности.

«Цивилизация новых кочевников», в полном соответствии с пророчествами Г.Уэллса, оторвана от любых корней, помещающих ее в любой исторический контекст, который если и рассматривается, то исключительно через призму «истории обыденного человека», названную писателем-фантастом в своих философских трудах «социальной биологией». Наглядным примером цивилизации подобного типа может служить цивилизация планеты Тормонс в хорошо известном в советскую эпоху футурологическом романе И. Ефремова «Час быка».

Условным рубежом, сигнализирующим о поступательном развитии процесса трансформации человечества в «цивилизацию новых кочевников», должна служить так называемая «точка бифуркации» (или «точка сборки»), достижение которой связано с окончательным и необратимым разрушением прежней идентичности, тесно связанной с соответствующим ей социальным порядком.

С помощью внешней по отношению к разрушенной идентичности системы ценностей, выполняющей функцию нового аттрактора, запускается «встречный» процесс кристаллизации идентичности, которую мы назовем «нео-кочевнической», взамен разрушенной традиционной. Укоренение нового аттрактора, проявляющего себя не только в интеграции традиционных культур в единую «массовую культуру», но и в унификации основных мировых

религий и формировании на ее основе некоей «единой мировой религии» (то есть той самой «глобальной гражданской этики») и есть «точка сборки».

Особенности и основные фазы данного процесса методологически изложены еще В.И. Лениным в учении об объективном и субъективном факторе. Экстраполируя диалектику взаимодействия этих факторов с революционной средой, где она успешно применялась вождями большевиков, на политический процесс в целом, а имея в виду ленинское замечание о том, что при отсутствии субъективного фактора «гниение может продолжаться сколь угодно долго», получаем целостный механизм «разрушения-созидания», то есть новой «сборки».

Иначе говоря, конечная цель глобализации видится ее адептам в виде полной унификации человечества за счёт кардинальной перестройки социального порядка с разрушением всех его элементов и несущих конструкций и создания на их месте новых.

В соответствии с анализом, проведенным в первом разделе монографии, глобализация как инструмент строительства «нового мирового порядка» еще не дошла до «точки сборки». Или, если выразиться точнее, только отдаленно приближается к ней и то лишь в секторе находящейся в авангарде глобализационного процесса западной цивилизации, в которой явственно просматриваются как укрепление новой идентичности в лице Европейского союза, так и перспективы переформатирования по аналогичной схеме североамериканской части Запада.

Аналогичные тенденции наблюдаются и на

постсоветском пространстве, где все активнее конкурируют пророссийская (центростремительная) модель, не допускающая полного распада Российской Федерации, и антироссийская (центробежная), предполагающая доведение его до «новой сборки». В отличие от центробежной модели, предусматривающей либо возобновление интеграции на базе новых доминирующих центров (например, Украины), либо включение отдельных территорий России и других постсоветских республик в сферы геополитического влияния стран Запада, Китая и Японии, центростремительная модель ставит целью сохранение России как метрополии нового объединения, степень централизации которого неизменно возрастает.

Однако ни в условиях западной цивилизации, ни тем более в России процесс продвижения к «точке сборки» пока не приобрел необратимого характера. Так, на Западе сохраняется доминирование сильных национальных государств. Более того, с приходом кризиса именно они, а не транснациональные структуры, включая ЕС, а тем более не транснациональные корпорации становятся главным инструментом смягчения, а в перспективе – и преодоления его последствий. Факт явной переоценки весьма модных еще в середине 2000-х годов постмодернистских идей об «устаревании» государства и признания актуальности и состоятельности этого института как сохраняющего солидный запас прочности в условиях кризиса, очень четко зафиксирован российскими и зарубежными исследователями и экспертами. (Характерным примером здесь может служить прошедшая в сентябре 2009 г. в Ярославле конференция «Современное

государство и глобальная безопасность»).

Необходимо констатировать, что даже в Европе, где процесс реформирования мирового порядка зашел уже достаточно далеко, национальные государства остаются стержнем как внутреннего, так и общеевропейского развития. В Северной Америке же процесс унификации, ведущий к пресловутой «точке сборки», пока вообще не начинался и существует лишь в проектной плоскости Техасского соглашения (2005 г.)*.

При этом следует иметь в виду, что перспективы этого проекта оказались под вопросом после состоявшегося в феврале 2010 года в Канкуне (Мексика) 23-го саммита «Группы Рио». В его итоговом решении зафиксировано предстоящее создание новой региональной организации – Сообщества государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAR), включающего Мексику. Ряд экспертов уже говорит об этом решении как о некоей альтернативе контролируемой Вашингтоном Организации американских государств (ОАГ), появление которой способно поставить крест на Техасском соглашении.

Упоминается и о той роли, которую сыграл в создании этой **новой** организации Китай.

Исторический шанс России (а вместе с ней и всего человечества) заключается в использовании кризиса для обращения унифицирующих тенденции глобализации вспять. Применительно к внутренней политике нашей страны это предполагает сочетание разумного изоляционизма с

* Техасское соглашение предполагает создание Североамериканского Союза (NAU). Предполагается, что на основе Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) сформируется межрегиональный экономический и политический союз, который объединит США, Канаду и Мексику. Это стало главным итогом саммита президентов Буша, Фокса и премьер-министра Мартина, состоявшегося в марте 2005 г. в Техасе.

интеграционными усилиями на постсоветском пространстве, а также с развитием и упрочением двусторонних связей с ведущими государствами континентальной Европы, составляющими каркас Евросоюза. Подобная конфигурация является оптимальной для восстановления утраченного с распадом СССР глобального баланса сил. В том случае, если реальностью станет завершение процесса общезападной интеграции, человечество, по сути, вернется к расстановке сил, дважды на протяжении XX столетия приводившей его к разрушительным и кровавым мировым войнам.

Актуальность этого выбора подчеркивается еще и тем, что в остальной части мира за пределами евроатлантического Запада и постсоветской Евразии – геополитического «Хартленда» – процессы дезинтеграции, способные привести мир к Рубикону, которым является упомянутая нами «точка новой сборки», находятся в зачаточном состоянии и практически никакой угрозы существующему миропорядку не несут.

Следует особо подчеркнуть, что на формулируемые выводы не оказывают серьезного воздействия итоги прошедших в 2008–2010 годах саммитов «Группы двадцати». Наоборот, создается устойчивое впечатление, что все маневры, осуществляемые в рамках этого форума, представляющего собой «расширенную» «большую семерку» учредителей Банка международных расчетов, преследуют цель не выхода из кризиса, а маскировки его подлинных причин, тесно связанных с попытками управляемой трансформации мирового порядка в интересах глобальной (мировой) элиты, прежде всего, международного

банковского сообщества. Насколько реальны маскируемые «двадцаткой» международные противоречия наглядно показали итоги конференции ООН по изменению климата (Копенгаген, декабрь 2009 г.). На ней, в частности, в жесткое противоречие между собой вступили развитые страны Запада, с одной стороны, развивающиеся государства, позиция которых была представлена Китаем, а также Российская Федерация, поставившая условием своего продвижения к глобальным договоренностям по «парниковым выбросам» предварительное их сокращение странами ОЭСР и БРИК.

Поэтому утверждать, что альтернативы переходу человечества к пресловутому «Новому мировому порядку» не существует, явно преждевременно.

Тем не менее, несмотря на задержки и коррективы, которые вносятся в планы западных элит указанными процессами, от своих планов они не отказываются. Именно приданием глобализации однозначного управляемого характера и направлением ее во вполне определенное русло характеризуется и собственно является нынешняя трансформация НАТО.

В какую сторону эта трансформация осуществляется наглядно демонстрируется новой Стратегической концепцией НАТО, рассмотрению которой через призму целого ряда аспектов современных международных и глобальных проблем посвящена значительная часть данной монографии.

Можно назвать блок НАТО «армией Нового мирового порядка» или, как вариант, «армией будущей цивилизации новых кочевников». Именно поэтому в ключевых

документах, отражающих процесс трансформации Североатлантического альянса и придающих ему соответствующую динамику, заметен подчеркнутый упор на обслуживание глобализации.

Разумеется, определенные коррективы в этот курс вносятся растущим масштабом проблем, с которыми блок столкнулся в Афганистане, а ведущая его держава – США – еще и в Ираке. Далекое не гипотетической является вероятность того, что в НАТО пойдут на то, чтобы «разрубить» этот узел проблем ударом по Ирану, перспективы и последствия которого уже открыто обсуждаются многими влиятельными фигурами мировой политики, в том числе национально-государственными лидерами.

Но эти коррективы непринципиальны.

Не будет преувеличением сказать, что в НАТО сегодня куда больше озабочены поиском способов обхода этих проблем, добившись реализации заявленных (а также не заявленных) планов, чем действительно скорректировать эти планы, исходя из подлинных интересов мирового сообщества.

Анализ новой Стратегической концепции НАТО с учетом исторической ретроспективы и общих тенденций, выявленных ходом эволюции блока на протяжении всего его существования, позволяет предположить, что данный документ отражает комплекс мер, направленных на практическую реализацию заявленного еще во времена Дж. Буша плана переустройства Ближнего и Среднего Востока – в комплексе с Закавказьем, Центральной Азией, то есть всем «южным подбрюшьем» России и СНГ. В политической и

специальной литературе этот план фигурирует под наименованием «Большого Ближнего Востока».

Показательно, что в этом курсе, осуществляемом в последние годы руководством НАТО, как в зеркале отражаются события более отдаленного прошлого. Еще в период создания Римского клуба, то есть на рубеже 60-х – 70-х годов, советские критики унифицирующих императивов его организаторов, например В.М.Лейбин, справедливо указывали на попытку экстраполировать углубляющийся кризис Запада на весь мир, представив его основной «глобальной проблемой», решать которую надлежит всему человечеству.

Сегодня приверженность подобному видению мировых проблем снова становится, если можно так выразиться, «модной». Именно это дает основание российским лидерам указывать на «несостоятельность существующей глобальной и региональной архитектуры, ориентированной, особенно в Евро-Атлантическом регионе, только на Организацию Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов создают все больше угроз обеспечению международной безопасности.

Очевидно, что складывающаяся в настоящее время на евро-атлантическом пространстве обстановка существенно отличается от той, что была в конце XX века. Обусловленная этим неэффективность созданной тогда системы безопасности наглядно демонстрируется беспомощностью международного сообщества перед лицом локальных политических кризисов, переходящих в военные конфликты и ведущих к подрыву всего существующего миропорядка. Здесь следует назвать, прежде всего,

многолетний конфликт в Косово и августовскую «пятидневную» войну (2008 г.) в Закавказье. В этих условиях, как неоднократно указывал Президент России Д.А.Медведев, актуальным становится вопрос о создании новой системы безопасности. Такая система, по мнению российского лидера, должна быть способной предотвращать конфликты, подобные косовскому или юго-осетинскому, объединяя геополитический потенциал всех заинтересованных сторон, делая это на подлинно равноправной основе.

В рамках этого видения перспективы развития международного взаимодействия главой российского государства были представлены конкретные элементы проекта нового договора, позволяющие привлечь к участию в нём большинство ведущих государств, а также международные организации, включая НАТО, то есть сделать такой договор по-настоящему многосторонним. Кроме того, президентская инициатива предусматривала существенное повышение эффективности договора за счет надежной системой контроля, выгодно отличающей его от Хельсинкских соглашений (1975 г.), не содержащих действенных механизмов обеспечения незыблемости границ и потому не оправдавших возложенных на них ожиданий.

Однако США и их союзники не только не отреагировали на прорывные предложения России, но, наоборот, продолжили курс, упрочивающий одностороннюю ориентацию системы европейской безопасности на Североатлантический союз, в основе которого находится принцип обеспечения неделимой безопасности всех членов НАТО, но отнюдь не всей Европы. Показательно, что

риторика «перезагрузки» обходит стороной предложения России в сфере коллективной безопасности за рамками НАТО. Очень похоже на то, что в Лондоне, Вашингтоне и Брюсселе для себя все уже решили.

Так, находясь в Москве в конце июля 2010 года и выступая перед российскими военнослужащими, глава военного комитета НАТО адмирал Дж. Ди Паола заявил: «В 1997 году мы подписали с Россией Основопологающий акт, который был переутвержден в 2002 году в формате Римской декларации. И если внимательно посмотреть, то можно увидеть, что все заложено в этом документе – все те принципы, которые Президент России Дмитрий Медведев обсуждал на международном уровне, говоря о новой архитектуре европейской безопасности. Все эти принципы есть в Основопологающем акте, в Римской декларации, в Хельсинкском акте и в Парижской хартии». Как говорится, тут ни убавить, ни прибавить.

С приходом к власти в США администрации Б.Обамы дальнейшее формирование внешней и военной политики США в рамках НАТО, по мнению ряда экспертов, фактически поставлено в зависимость от того, какие именно тенденции возьмут верх во внутреннем американском политическом раскладе.

Не является, к примеру, секретом, что в последнее время все более явственно обнаруживаются признаки расхождения базовых интересов институтов США как национального государства и опирающихся на их государственную мощь глобальных и даже глобалистских структур и организаций. В частности, появились очаги напряженности между Конгрессом США и американской

судебной системой, с одной стороны, и Федеральной резервной системой, с другой. Поскольку подобные конфликты, во-первых, являются беспрецедентными, а, во-вторых, неминуемо примут затяжной характер, постольку внятного ответа от новой американской администрации на российские инициативы придется ожидать еще долго.

Так, официальные лица в Вашингтоне и Москве в неофициальном порядке практически открыто признают, что подписание Договора СНВ-3 по стратегическим наступательным вооружениям не решает всего спектра проблем, связанных с истечением срока действия прежних договоренностей. Ожидать его ратификации Конгрессом, в котором растут оппозиционные настроения, обусловленные резким снижением рейтинга доверия к Обаме американских избирателей, возможно, придется долго. За это время общая глобальная ситуация может претерпеть изменения, способные сделать новый договор неактуальным, как уже получилось с подписанным в Вене Л.И.Брежневым и Дж.Картером (1979 г.) договором ОСВ-2 и т.д.

К тому же и вся деятельность Организации Североатлантического договора на протяжении последних лет свидетельствует о её претензиях на некую ключевую роль в процессах, связанных с динамичной трансформацией всех международных отношений. Отчётливо проявляются попытки США и НАТО сохранить доминирующую роль Запада, рассчитанную на односторонние, в том числе военно-силовые, решения глобальных проблем. Не претерпевает принципиальных изменений и позиция, связанная со стремлением к игнорированию ООН, ее Совета Безопасности, а также основополагающих норм

международного права, что встречает существенные возражения со стороны не только Российской Федерации, но и наиболее крупных европейских партнеров США по НАТО, прежде всего Германии.

Судя по той активности и настойчивости, с которыми ряд государственных и международных институтов Запада продвигает идею реформы Совета Безопасности ООН с отменой при её осуществлении права вето, подлинная позиция США и НАТО изменений не претерпела.

Исходя из этого, следует предположить, что и дальше будет делаться все, чтобы НАТО как можно быстрее трансформировалась из доминирующего, по собственному мнению, мирового военного альянса во всеобъемлющее военно-политическое сообщество в области обороны и безопасности планетарного масштаба.

Это подтверждают и решения состоявшегося в начале апреля 2009 года юбилейного (и потому особенно интересного) саммита Североатлантического союза, посвящённого шестидесятой годовщине со дня его образования. На нем главы государств и правительств стран-членов НАТО подвели итоги деятельности организации в первом десятилетии XXI века, а также положили начало процессу разработки новой Стратегической концепции, основные положения которой сегодня уже общеизвестны. Как заявил накануне юбилея НАТО советник президента США по вопросам национальной безопасности генерал Джеймс Джонс: «Нам необходим заново созданный и по-новому ориентированный альянс».

Под этим заявлением большинство представителей научного сообщества, а также аналитиков и экспертов

понимают кардинальное реформирование НАТО, предполагающее повышение оперативности принятия решений, маневренности и мобильности сил и средств, необходимых для принятия превентивных мер, обеспечивающих способность воздействовать на геополитическую ситуацию в любом районе планеты. По мнению генерала Джонса, настало время по-новому обозначить задачи альянса, доведя эти изменения как до собственной общественности, так и до «потенциальных врагов». По-видимому, именно преобразуясь в этом русле, НАТО все активнее проявляет интерес к Закавказью и Центральной Азии – регионы, проникновение в которые планируется прикрывать расширением и трансформацией миссии в Афганистане и поиском путей взаимодействия на этом поприще с Россией.

Джонсу вторит и бывший генеральный секретарь НАТО Я. де Х.Схеффер, который еще до ухода со своего поста фактически расшифровал приоритеты новой Стратегической концепции, подчеркнув, что НАТО должна повышать способность альянса к «экспедиционным действиям за пределами территорий стран-членов». Для этого, как считает Схеффер, страны НАТО должны наращивать возможности альянса по «обеспечению глобальной безопасности», что предполагает, прежде всего, упор на военно-морскую составляющую коллективных сил. «В XXI веке НАТО на море может быть не менее важной, чем НАТО на суше», – утверждает экс-генсек блока.

Внутри альянса, по мнению Схеффера, «возникает опасное несоответствие: мы пытаемся развивать союз в XXI веке набором инструментов, которые достались нам от

XX века. Хотим мы в этом признаться или нет, но НАТО продолжает функционировать как в эпоху холодной войны: определение общей угрозы и подготовка к противодействию ей общими усилиями. Но мир уже изменился: новая ситуация в области международной безопасности совершенно иная и требует иных подходов со стороны НАТО».

Традиционным, несмотря на отказ администрации Б. Обамы от размещения элементов третьего позиционного района ПРО в Восточной Европе, остается позиция политического руководства и военного командования НАТО по отношению к противоракетной составляющей обороны Запада. Декларируемая готовность к взаимодействию в данном вопросе с Россией – не что иное, как демагогическая «фигура умолчания», использование которой обусловлено стремлением прикрыть постоянно ускоряющуюся реализацию собственных планов глобальной ПРО, российскому сегменту которой (в случае его появления), несомненно, будет отведена сугубо вспомогательная роль. Ибо под прикрытием разговоров о «международном сотрудничестве» в этой сфере, а также об «общеевропейской ПРО», продолжают испытания тех компонентов данной системы, которые призваны обеспечить Североатлантическому блоку безусловные односторонние преимущества над любым из потенциальных противников.

На своей первой пресс-конференции новый генсек НАТО А.Ф.Расмуссен весьма критически (каким бы лицемерием это не выглядело) отозвался о боеспособности сил альянса. «Если мы хотим сохранить обороноспособность в будущем, – заявил он, – необходимо

реформировать военные силы, повышая их оперативность и боевую готовность».

Первым и главным приоритетом НАТО, как подчеркнул тогда Расмуссен, является Афганистан. «Самый главный вызов – наша задача в Афганистане. В краткосрочном плане нужно обеспечить успешные парламентские выборы.. В долгосрочном – переложить ответственность за безопасность в стране на плечи самих афганцев. Мы будем развивать боеспособность их армии». Как проводятся в жизнь эти идеи – видно как по безальтернативному избранию Х. Карзая на очередной президентский срок, так и по роли и месту, которое отводится Афганистану в новой Стратегической концепции НАТО.

Из-за явной сомнительности итогов афганских выборов, не отвечавших никаким, даже самым условным стандартам демократии, США и контролируемое ими руководство НАТО оказались перед сложным выбором. Рассматриваются самые различные варианты действий – вплоть до установления контактов и фактической легализации так называемых «умеренных талибов». Безусловно, такой поворот событий ни в коей мере не устраивает Россию, а также ее союзников по ОДКБ из числа республик Центральной Азии, ибо сулит дальнейший рост напряженности в этом и без того беспокойном регионе.

Таким образом, польза от участия НАТО в антитеррористической операции в Афганистане оказывается весьма условной, а вот потенциальные издержки, способные трансформироваться в долгосрочные негативные последствия от этой авантюры, становятся все более

очевидными. Именно это вносит элементы раскола по отношению к оценке ситуации в Афганистане в сам Североатлантический блок: количество стран-участниц афганской операции неумолимо сокращается, и России приходится учитывать фактор возможного поражения сил НАТО как вполне реальный.

Вторым ключевым приоритетом, по словам Расмуссена, должно было стать установление подлинного стратегического партнерства с Россией.

Среди возможных направлений такого сотрудничества были названы борьба с терроризмом и наркобизнесом в том же Афганистане, противодействие пиратству на море и нераспространение ядерного оружия. То есть те вызовы, с которыми НАТО не сможет справиться в одиночку без взаимодействия с Россией. «Североатлантический альянс не направлен против России, - вновь утверждает Расмуссен. - Наоборот, у нас много общих интересов в сфере безопасности. И я намерен убедить политическое руководство и российский народ в том, что НАТО - не враг России».

Небезынтересно напомнить, что именно такие слова слышали мы и от всех бывших до него генеральных секретарей НАТО. На деле же отношения между Брюсселем и Москвой остаются не стратегическими и даже не партнерскими, а, можно сказать, «умеренно холодными». Нет холодной войны, но уровень разногласий по основным международным проблемам, а также, что особенно важно, по ряду вопросов внутреннего развития нашей страны таков, что говорить о «стратегическом взаимодействии» не приходится.

Летом 2009 года все мы стали свидетелями широко освещавшейся аналитическими передачами полемики между сторонниками реалистических и идеалистических подходов к российско-американским отношениям в американской администрации. Показательно, что во время этой полемики позиция американских «ястребов» от демократии получила внятную поддержку приверженцев либеральной демократии в самой России, что позволяет говорить о сохранении сложившегося между ними еще в конце 80-х годов «консенсуса». Являясь безусловным препятствием на пути по-настоящему равноправного партнерства, данный консенсус остается зримым свидетельством сохранения в истеблишменте США и НАТО доминирования традиционных взглядов на Россию как на «реинкарнацию» СССР.

Таким образом, следует признать, что российско-натовские отношения сегодня развиваются скачкообразно. «Оттаивая» на словах, они в реальной политике то и дело охлаждаются вплоть до «температуры замерзания». Происходит это практически по любому мало-мальски пригодному для этого поводу, будь то бомбардировки авиацией НАТО Югославии, ситуация внутри и вокруг Косово, грузинская агрессия в Южной Осетии и операция России по принуждению Тбилиси к миру и т.д. Отдельная и, кстати, очень важная тема – противоречия по поводу ДОВСЕ и настойчивого желания усилить позиции блока на Украине и в Грузии.

Мнение России и ее национальные интересы для США и НАТО всегда были и будут оставаться второстепенными ввиду последовательной реализации блоком НАТО планов по осуществлению экспансии на постсоветском пространстве.

Современная приостановка этих планов носит вынужденный, а, главное, временный характер. Неминуемое возобновление этой экспансии – вопрос времени.

Показательно, что Расмуссен, заслуживший репутацию твердого проамериканского политика еще в период пребывания во главе правительства Дании, не устает заявлять, что вопреки воле и желанию России, он продолжит политику расширения НАТО. «Я ожидаю, что политика расширения НАТО будет продолжаться в течение моего мандата».

Таким образом, расширение НАТО на Восток скорее всего будет продолжено, в том числе на фоне заверений Запада о готовности укреплять с Москвой «стратегическое партнерство». «Линейным» этот процесс, разумеется, не будет: возможны как приливы, так и отливы, обеспечивающие его развитие по своеобразной синусоиде. России, прежде всего российской элите, следует четко осознать и осмыслить два очевидных любому непредвзятому взгляду умозаключения.

Первое из них заключается в том, что противоречия Запада и России носят не внутрицивилизационный характер, к которому обычно апеллируют адепты единства так называемой «христианской цивилизации», а межцивилизационный. У каждой из участвующих в этом противостоянии сторон имеются собственные цивилизационные коды, обуславливающие передающийся из поколения в поколения смысл их существования. Свести эти коды к единому знаменателю иным путем, кроме прямого поглощения одной цивилизацией другой, невозможно.

Второе умозаключение сводится к тому, что ключевым инструментом западной цивилизационной экспансии служит вовлечение в ее ценностную систему «верхушек» постсоветских элит. В большинстве республик бывшего СССР, за исключением, пожалуй, лишь Белоруссии и в меньшей степени Казахстана, данный процесс либо уже завершился, либо набрал значительную динамику. Протекает он и в самой России. Именно здесь, к примеру, корень наших противоречий с Украиной или, скажем, Грузией, а также рядом центральноазиатских республик, прежде всего Узбекистаном.

Все это означает, что ни мы, ни наши соседи из СНГ не смогут успешно противодействовать западной экспансии без существенного обновления национальных элит, требующего, в свою очередь, применения не столько административно-правовых, сколько культурно-цивилизационных критериев их эффективности.

Руководство НАТО постоянно твердит, что НАТО трансформируется, адаптируясь к новым угрозам и вызовам, что главный враг альянса сегодня – это международный терроризм, а не Россия. Лидеры НАТО часто заявляют о новых, дружественных отношениях России и НАТО. Но было бы в высшей степени опрометчиво в вопросах стратегической безопасности полагаться на голословные заявления западных руководителей. Неуклонное приближение вооружённых сил союза к границам нашей страны, как и геостратегические комбинации, разыгрывающиеся в ее южном «подбрюшье», говорят о существовании и прямой военной угрозы со стороны НАТО. Об этом свидетельствует и разработка Норвежского

института оборонных исследований, в которой содержится детальный план военной интервенции против России. В этих условиях делать вид, что никакой угрозы нашей безопасности от экспансии НАТО на Восток не возникает, было бы явным пренебрежением интересами России.

Угрожает ли России в этих условиях война? Может ли наша страна стать одним из следующих объектов агрессии? На первый взгляд – нет. Но не следует забывать, что в политике на протяжении всей истории никогда не было неизменных друзей и незыблемых моральных принципов, а действия руководства стран, прежде всего, определялись и определяются их стратегическими и национальными интересами. Важно, что вокруг России уже создан «санитарный кордон» как на Западе, так и на Юге, и Востоке. К тому же и призванный служить официальным «прикрытием» подобных планов «терроризм» на деле несет в себе значительную составляющую стратегических интересов Запада, причем, в наиболее радикальном его звене – исламистском (исламско-фундаменталистском).

Не менее важно, что «особая» роль, которая отводится новой Стратегической концепцией НАТО Европейскому союзу, вполне может указывать на попытку реализации геополитического сценария, восстанавливающего на европейском ТВД расстановку сил, напоминающую канун Первой и Второй мировых войн.

Процитируем точку зрения американского эксперта Р. Фрайзера. Для иллюстрации системы взаимоотношений НАТО, Германии и Евросоюза, он перефразирует слова первого генерального секретаря НАТО лорда Исмея, считавшего, что блок необходим для того, чтобы «держат русских

вовне, американцев – внутри, а немцев – внизу». Фрайзер в связи с этим указывает, что «главный парадокс в том, что новая Стратегическая концепция НАТО в сочетании с задачами безопасности Евросоюза и новой военной организацией Германии приведут к тому, что с Россией возникнет альянс, американцы будут вытеснены вовне, а Германия поднимется вверх»⁵⁴.

Что это, если не предвоенная конфигурация в Европе, особенно, если учесть, что альянсы России и Германии в XX веке, как правило, носили краткосрочный, ситуативный характер!

Вместе с тем, это вовсе не означает, что Россия должна сворачивать наработанные с НАТО проекты и наглухо отгородиться от Организации Североатлантического договора новым «железным занавесом».

Кроме того, важность НАТО как объективного фактора глобальной стабильности, прежде всего, на Евро-Атлантическом пространстве безусловно возрастает, а со многими членами блока нашу страну связывают тесные двусторонние и многосторонние связи.

Вывод из этого единственный: с НАТО надо сотрудничать. Однако в том объёме и по тем вопросам, которые нужны и выгодны нам с точки зрения наших национальных интересов. Одновременно следует оказывать решительное противодействие любым попыткам навязать России как чуждую стратегию, так и конкретные, невыгодные нашей стороне политические решения. Ни эйфории, ни слепого отторжения в отношении

⁵⁴ <http://oko-planet.su/first/print:page,1,44931-evrosoyuz-nato-i-germ...>

сотрудничества России с НАТО быть не должно. Необходима чётко выверенная прагматическая позиция баланса интересов – в русле традиционной для наших отношений с Западом «Realpolitik».

Поэтому, как справедливо отмечается в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации», «Россия готова к развитию отношений с Организацией Североатлантического договора». Однако добиваться этого необходимо «на основе равноправия и в интересах укрепления всеобщей безопасности в Евро-Атлантическом регионе, глубина и содержание которых будут определяться готовностью альянса к учёту законных интересов России».

Данный подход, как подчеркивается в этом важнейшем государственном документе, распространяется на все сферы деятельности: от осуществления военно-политического планирования НАТО и уважения норм международного права до «дальнейшей трансформации и поиску новых задач и функций гуманистической направленности».

Сегодня государственное и политическое руководство нашей страны настойчиво ищет пути к преодолению последствий распада СССР. Вопреки официальным декларациям их перечень не сводится к пресловутой «интеграции в мировое сообщество»: это, как представляется, – лишь часть общей стратегии. Намного более важным является стабильное внутреннее развитие России, которое не сводится только к решению сугубо экономических и социальных проблем, тем более, к преодолению нынешнего кризиса. Вторая, более

существенная по своему значению часть этой задачи, – формирование культурной и идеологической, а также технологической сфер, тесно связанных с восстановлением и утверждением традиционных ценностей.

И на этой основе – возрождение России, ее интеграция с соседями из «ближнего» зарубежья, обеспечение полноценной субъектности в сложном и непредсказуемом мире глобальной политики.

Глобализация – безусловно, главная тенденция современности. Однако никто пока не доказал ее необратимости. А это означает, что любой срыв данного неоднозначного по своему протеканию и возможным последствиям процесса, подобный тому, что произошел в середине второго десятилетия XX века, даже если не приведет к глобальному военному конфликту, то неизбежно потрясет основы современного миропорядка и приведет к опережающей роли внутреннего развития основных субъектов мировой политики.

Оставшись в их числе, Россия получит уникальный шанс занять новые позиции, более выгодные по сравнению с теми, на которых она оказалась после распада СССР.

Это крайне необходимо вне зависимости от степени влияния на все эти процессы глобальных институтов. Глобальное управление – как явление и процесс, захвативший умы современных интеллектуалов, формируется не произвольно, а в прямой зависимости от реального расклада сил. Иначе говоря, управляемыми могут быть только те изменения, которые, в случае отсутствия такого управления, могли начаться стихийно, непомерно увеличив издержки, а возможно, и поставив мир на грань

глобальной катастрофы. Чем прочнее будут позиции России, ее экономическая и военная мощь, степень консолидации общества, уровень интеграции в рамках постсоветского пространства, тем шире пространство для маневра в меняющейся глобальной обстановке, даже при самых сложных и драматичных поворотах российской и мировой исторической судьбы.

**Доклад группы экспертов альянса с предложениями
по новой Стратегической концепции «НАТО 2020:
обеспеченная безопасность; динамичное вмешательство»***

17 мая 2010 года Постоянному совету НАТО группа экспертов альянса передала доклад: **«НАТО 2020: обеспеченная безопасность; динамичное вмешательство»**. Рекомендации этого документа предполагается положить в основу новой Стратегической концепции НАТО.

Ниже приводятся основные положения доклада:

Прежде всего, новая Стратегическая концепция НАТО, признавая необходимость дальнейших изменений, должна оставить неизменными основополагающие идеи, которые объединяют союз и обеспечили ему позитивную международную репутацию.

К числу этих идей, которые были заложены в Стратегической концепции 1999 года и которые должны быть подтверждены в Концепции 2010 года относятся:

– Основная цель НАТО это защита – политическими и военными средствами – свободы и безопасности всех своих членов;

– Альянс олицетворяет трансатлантическую связь, которой безопасность Северной Америки неразрывно связана с безопасностью Европы;

* NATO 2020: Assured Security; Dynamic Engagement. Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May 2010 (перевод автора); *Штоль В.В.* О новой Стратегической концепции НАТО // Обозреватель–Observer. 2010. № 8.

- Безопасность всех союзников неразделима: нападение на одного из них означает нападение на всех;

- Объединенные вооруженные силы союза должны быть способны:

а) сдержать любую потенциальную агрессию против него;

б) обеспечить политическую независимость и территориальную целостность своих членов;

- Успех союза зависит от справедливого распределения между членами роли, рисков и ответственности, а также выгод;

- НАТО полностью использует свои связи с другими сторонами и организациями, чтобы помочь предотвратить или смягчить кризисы;

- Стабильность, транспарентность, предсказуемость, низкие уровни вооружений и верификация, которые могут быть обеспечены через соглашения по контролю над вооружениями и нераспространению, поддержат политические и военные усилия НАТО в достижении стратегических целей;

- При реализации своих целей и фундаментальных задач обеспечения безопасности альянс будет уважать законные интересы других в сфере безопасности и искать мирное разрешение споров, как это зафиксировано в Уставе ООН.

Все эти положения не требуют полной ревизии, однако альянсу все же нужна новая Стратегическая концепция, так как НАТО 2020 не будет такой же, как НАТО 1950, 1990 или даже 2010.

Альянс должен готовить себя к решению множества свежих вызовов и опасностей.

В своем движении к НАТО 2020 альянс должен учесть в новой Концепции следующие положения:

– Подтвердить ключевое обязательство НАТО, заключенное в ст.5 Вашингтонского договора о том, что нападение на любого участника блока будет считаться нападением на всех. При этом Концепция должна обновить толкование этой статьи. Ее основополагающий принцип должен быть реализован не только с помощью существующих военных потенциалов, но и путем реализации других мер, таких как «планирование на случай чрезвычайных ситуаций, проведение целенаправленных военных учений, повышения боеготовности войск и организация надежного тылового прикрытия»;

– Организовать защиту от неконвенциональных угроз. Указав, что вероятность нападения на альянс представляется незначительной, авторы доклада считают, что такая опасность все же существует, так как существуют угрозы применения оружия массового поражения, осуществления террористических актов, кибератак и нападений на важнейшие линии снабжения. С целью противодействия таким угрозам НАТО должна совершенствовать свой подход к защите территории своих союзников, повышая свои возможности отразить эти угрозы;

– Содержать руководящие указания для альянса, в случае если будет принято решение, когда и где применить свои вооруженные силы за пределами границ союза. При этом подчеркивается, что НАТО не глобальная, а региональная

организация и в этой связи ее власть и ресурсы ограничены;

– Создать условия для успеха в Афганистане. Для этого она должна руководствоваться следующими принципами: сплоченность альянса, необходимость единого командования, эффективное планирование, всеобъемлющий военно-гражданский подход и необходимость развернуть силы на стратегическом удалении на продолжительное время;

– Для предотвращения кризисов творчески и регулярно использовать консультации в соответствии со ст. 4 Вашингтонского договора;

– В интересах расширения партнерства в новой Концепции должно быть предусмотрено углубление отношений с ключевыми странами, установление, где возможно, новых партнерских отношений, расширение сферы партнерской деятельности;

– Союз остается преданным идее сотрудничества с Россией (которое якобы было задумано как средство укрепления безопасности в Евро-Атлантическом регионе).

Главным форумом для связи служит Совет Россия-НАТО. Этот орган – который не всегда адекватно используется – был создан для предотвращения кризисов, анализа событий, обмена идеями и согласования совместных действий при разрешении совместных озабоченностей.

Хотя альянс не представляет угрозу для России и не считает, что Россия представляет военную угрозу для альянса, но сомнения относительно политики и намерений друг друга на обеих сторонах остаются.

В соответствии с основополагающим актом между НАТО и Россией новая Стратегическая концепция должна подтвердить стремление НАТО к созданию единой системы евро-атлантической безопасности, которая включала бы взаимодействия по вопросам безопасности с Россией. Исходя из этого принципа, НАТО должна проводить политику взаимодействия с Россией, убеждая в то же время своих союзников в том, что их безопасность и интересы будут защищены. В этих целях альянс должен демонстрировать свою заинтересованность в работе Совета Россия-НАТО (и приглашать Россию делать то же самое), сосредотачивая внимание на прагматическом взаимодействии в решении таких проблем, как ядерное нераспространение, контроль над вооружениями, контртерроризм, ПРО, кризисы, миротворческие операции, морская безопасность и борьба с нелегальным перемещением наркотиков;

– Стратегическая концепция должна подтверждать принцип «открытых дверей» для вступления в нее новых членов. При этом называются потенциальные участники: страны Западных Балкан, Грузия и Украина, с которыми предлагается вести широкий диалог по вопросу соответствия требованиям для членов. При этом подчеркивается, что такая политика «открытых дверей» является двигателем прогресса для всей Европы и во многом способствует коллективной безопасности членов альянса;

– Стратегическая концепция должна содержать четкое заявление о военных приоритетах и включать согласованный перечень важных новых или усовершенствованных возможностей и реформ.

Силы НАТО должны быть способны защитить территорию союза, предпринять необходимые усилия для выполнения задач на стратегическом удалении, внести вклад в создание более безопасной международной обстановки и дать отпор непредсказуемым чрезвычайным обстоятельствам, где и когда это потребуется. Таким образом, существует постоянная необходимость совершенствования вооруженных сил НАТО, несмотря на то, что ресурсы почти в каждой из стран НАТО ограничены;

– В отношении ядерного оружия Стратегическая концепция должна констатировать, что НАТО должна сохранить гарантированные и надежные ядерные силы на минимальном уровне, соответствующие существующей обстановке безопасности с широкой сферой взаимной ответственности за размещение и оперативную поддержку.

Она также должна подтвердить полную поддержку со стороны НАТО в отношении усилий по предотвращению распространения ядерного оружия, обеспечения безопасности при обращении с ядерными материалами и содействовать прогрессу в направлении освобождения мира от страха перед ядерной войной. В этом духе альянс значительно сократил и количество субстратегического оружия в Европе и приветствовал бы консультации с Россией на предмет повышения транспарентности и дальнейших взаимных сокращений.

Защита от угрозы возможного удара баллистическими ракетами со стороны Ирана породила для НАТО важную военную задачу. Решение президента Обамы развернуть адаптированную постоянную ПРО даст более эффективное, быстрое и надежное прикрытие, чем предыдущие предложения.

Оно также полностью включает ПРО в НАТО с участием всех членов и защитой всех членов. ПРО является наиболее эффективной, когда она является совместным предприятием и такое сотрудничество в альянсе а также между НАТО и ее партнерами (особенно с Россией) очень желательно.

НАТО также должна увеличить усилия в ответ на опасность кибератак путем защиты своих систем связи и командования и помочь союзникам усовершенствовать их способность противостоять и восстанавливаться после атак, разработать комплекс киберзащитных мероприятий, нацеленных на обнаружение и сдерживание таких атак.

Для НАТО 2020 двойным императивом должна стать гарантированная безопасность для всех его членов и динамическое использование силы вне зоны договора для сокращения (минимизации) угроз.

Характеризуя обстановку безопасности в Евро-Атлантическом регионе, авторы доклада, утверждают, что НАТО удалось создать зону безопасности, мира и относительного процветания, в которой альянс остается краеугольным камнем стабильности и безопасности. Тем не менее, считают они, трудно сделать детальные предсказания относительно развития обстановки на следующее десятилетие, ибо существующие на сегодняшний день неясности усугубляются такими факторами, как:

- распространением ядерного и другого оружия массового поражения;
- амбициями международных террористических групп;
- сохранением региональных, национальных, этнических и религиозных противоречий;

- ростом влияния в мире потенциально уязвимых информационных систем;
- соперничеством за обладание нефтяными и другими стратегическими ресурсами;
- обострением демографических проблем, которые могут обострить такие глобальные явления как нищета, голод, нелегальная иммиграция и пандемические болезни;
- ухудшением состояния окружающей среды, включая изменение климата.

В этих условиях НАТО и ЕС остаются центральными опорами стабильности и сотрудничества в Евро-Атлантическом регионе. Хотя этот регион мира также вряд ли свободен от проблем, однако вероятность военного конфликта – как международного, так и гражданского – относительно не велика. Затяжные неурядицы существуют на Кавказе и Балканах. Они требуют постоянного международного внимания.

Кооперация внутри региона была бы важной для борьбы с такими транснациональными опасностями, как нелегальная торговля оружием, наркотиками, людьми.

Что касается отношений с Россией, то благодаря своим размерам и статусу она неизбежно будет играть важную роль в формировании обстановки безопасности в Евро-Атлантическом регионе.

Позитивно оценивается то, что Россия продемонстрировала возросшее желание помочь наладить воздушные и наземные пути снабжения войск НАТО в Афганистане через свою территорию, приняла участие в продуктивных переговорах с США по стратегически

вооружениям и заняла самую жесткую позицию противодействия терроризму, пиратству и дальнейшему увеличению количества ядерных государств.

Однако опыт учит, что руководители России и НАТО не всегда одинаково рассматривают одни и те же факты. Руководители в Москве выражают озабоченность по поводу расширения НАТО, в то время как союзники озабочены возможными попытками России проводить акты политического и экономического запугивания, такая комбинация взаимных интересов и напряженностей говорит за политику активного и конструктивного взаимодействия с обеих сторон.

Стратегическая концепция может быть средством объединения взглядов союзников на Россию, в разъяснении намерений НАТО в отношении Москвы и закладке основ для более существенного сотрудничества. Так как будущую политику России в отношении НАТО трудно предсказать, союзники должны идти по пути сотрудничества, в то же время, сохраняя бдительность в отношении возможного решения России двигаться в более враждебном направлении.

Далее, авторы доклада, дают краткую оценку развития событий и роли НАТО в районе Центральной Азии, на Среднем Востоке, Африке и Тихоокеанском регионе.

В заключение делаются выводы о том, что:

- конвенциональная военная агрессия против альянса или его членов маловероятна, однако ее возможность нельзя игнорировать;

- самыми вероятными угрозами для союзников в предстоящее десятилетие будут:

а) удары баллистическими ракетами (ядерными и обычными);

б) удары международных террористических групп; а также кибератаки различного характера и масштаба.

Ряд других угроз, включая нападения на линии энергоснабжения, морские пути, изменение глобального климата, финансовые кризисы также представляют опасность.

– опасность неконвенциональных угроз имеет очевидное влияние на готовность НАТО, включая ее стратегию сдерживания, необходимость военной трансформации и способность принимать быстрые решения.

Оценивая обстановку безопасности на предстоящие годы, авторы доклада, указывают, что в этот период обстановка будет меняться от предсказуемой до непредвиденной. Глобальные тенденции будут характеризоваться развитием глобализации.

С точки зрения безопасности НАТО должна найти свое место среди менее централизованного, но более сложного международного порядка. На ее новую роль будет оказывать влияние появление специфических угроз из различного рода источников. Эти угрозы могут быть направлены на территорию союзников или их граждан, на инфраструктуру, войска и их ценности.

Значительное место в новой Стратегической концепции, по мнению авторов доклада, должно быть уделено теме партнерства.

В первую очередь планируется развитие отношений в военной сфере с ЕС. В этих целях даются следующие рекомендации:

Новая стратегическая концепция должна признать, что Лиссабонский договор ЕС предназначен, среди всего прочего, повысить военные возможности Европы и усовершенствовать командные структуры. В соответствии с этим НАТО должна добиваться соглашения с лидерами ЕС в отношении плана проведения совместных регулярных встреч, более плотного взаимодействия между военными штабами и более тесной координации в борьбе с кризисами, оценке угроз и обмена экономическими данными.

Что касается партнерства с другими организациями, то предлагается наращивать усилия по формированию нормативно-правовой основы отношений между НАТО и ООН, шире использовать в интересах альянса потенциал ОБСЕ. Новую динамику предлагается придать отношениям с государствами-участниками программ ПРМ, в частности усилить обычные и кризисные консультации с членами Совета евро-атлантического партнерства, как это предусмотрено параграфом 8 рамочного документа ПРМ. Предлагается также активизировать связи с группой «контактных государств», со странами Средиземноморского диалога, государствами Персидского залива, Организацией американских государств и Африканским союзом.

Впервые, наряду с перечисленными организациями, в числе перспективных партнеров в докладе упоминаются ШОС и ОДКБ.

В отношении России указывается, что она занимает особую категорию среди государств-партнеров. Отмечается

наличие различных подходов натовских стран к восприятию роли и значения России, а также противоречивых сигналов о готовности сотрудничать с НАТО, якобы идущих от нее.

Тем не менее, рекомендовано, чтобы в новой Концепция блока было подчеркнуто желание НАТО к качественно улучшенным отношениям с Россией на основе разделяемых интересов, взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости.

Новая Стратегическая концепция должна содержать руководство по дальнейшей трансформации военных возможностей альянса. Участие блока в различных операциях подчеркивает необходимость иметь вооруженные силы, способные к быстрому развертыванию и ведению продолжительных боевых действий, обладающие оперативной совместимостью в средствах командования, управления и связи, компьютерной техники, разведки и наблюдения.

Однако главным лимитирующим фактором, отрицательно влияющим на военную трансформацию НАТО, всегда было отсутствие у европейцев единства в вопросах военных расходов на нужды вооруженных сил. Сейчас только шесть из двадцати шести европейских союзников расходуют на эти цели два процента или чуть больше ВВП и лишь немногим меньше половины государств-членов НАТО достигли установленного в союзе 20% уровня военных расходов.

Тем не менее, несмотря на ограниченность в финансовых возможностях, НАТО все же способна иметь вооруженные силы, способные решать весь спектр задач НАТО в пределах установленных ассигнований.

Новая Стратегическая концепция призвана обновить задания, установленные концепцией 1999 года и содержать согласованный пакет первоочередных задач на предстоящие годы.

В этой связи в докладе экспертов указывается, что на предстоящее десятилетие перед НАТО в военной области стоят четыре центральных взаимосвязанных задачи:

- сдерживать и предотвратить любую агрессию, а также защитить политическую независимость и территориальную целостность любого государства-члена НАТО в соответствии со ст. 5 Вашингтонского договора;
- взаимодействовать с партнерами и гражданскими институтами в защите территории по всему диапазону вызовов безопасности;
- разворачивать и обеспечивать экспедиционные силы для военных операций вне зоны действия Договора для защиты жизненно важных интересов государств-членов альянса;
- способствовать созданию более стабильной и мирной международной обстановки безопасности путем повышения взаимодействия с партнерами, обеспечения возможностей подготовки военнослужащих и полицейских, координации военной помощи и кооперации с правительствами ключевых стран.

Для успешного решения этих задач НАТО должна остановить крутое падение национальных военных расходов, провести новые реформы и установить приоритеты для развития будущих возможностей.

В этой связи новая Стратегическая концепция, наряду с другими вопросами, должна учитывать в качестве приоритетных задач следующие положения:

- Обеспечить уверенность союзников в выполнении обязательств по ст. 5 Вашингтонского договора. Помимо уже существующих критериев военной готовности к выполнению обязательств по ст. 5, необходимо принять дополнительные меры, чтобы гарантировать эту готовность на практике. К этим мерам относятся совершенствование чрезвычайного планирования, подготовка к реагированию на кризисы, оценка имеющихся сил и проведение военных учений. При этом, чтобы исключить провокационный характер таких учений, они должны объявляться заранее и на них должны приглашаться наблюдатели из соседних стран.

- Силы, предоставляемые членами НАТО или партнерами для решения задач как на территории союза, так и вне ее должны обладать способностью к развертыванию и ведению длительных боевых действий. Для этого союзники должны реорганизовать большую часть своих сил на новых принципах. Развертывание предполагает стратегические переброски войск по воздуху, однако, средств для этого у НАТО пока недостаточно, хотя создание консорциума самолетов C-17 – шаг в данном направлении.

Идея создания нового органа – Агентства по развертыванию (NATO Deployment Agency) – заслуживает внимания и должна быть реализована. Такое агентство должно быть ответственно за отработку всех аспектов подготовки сил союза для быстрого развертывания.

- Расширение роли Сил реагирования НАТО. Силы реагирования НАТО должны быть в готовности как к

выполнению задач, предусмотренных ст.5, так и не подпадающих под нее. Эти силы должны быть в центре учений по отработке задач в соответствии со ст.5 Вашингтонского договора.

- Поднять роль системы электронных коммуникаций (системы управления, контроля и связи, вычислительной техники, сбора и распространений информации, наблюдения разведки – C42SR) как оперативного органа НАТО. Ее возможности обеспечивают связь и оперативное взаимодействие между НАТО и национальными войсками и позволяют им действовать как единое целое. Система должна пользоваться приоритетом в распределении инвестиций как государств-членов, так и самой НАТО.

Союзники должны инвестировать первыми в соответствии с последней архитектурой систем связи и информации и стандартами систем сбора данных наблюдения и разведки. В этой связи НАТО должна обеспечивать то же самое единообразие в системе командных структур блока. Союзники и партнеры должны увеличивать инвестиции в национальные системы на тактическом и оперативном уровне, которые войдут в оперативно-стратегические сети НАТО.

- Усилить возможности Сил специального назначения (SOF – Special Operations Forces). Многие уже было сделано в направлении сплочения возможностей Сил специального назначения стран-членов и партнеров, включая Штаб специальных операций НАТО (NATO Special Operations Headquarters). Этот орган разрабатывает общую доктрину и порядок подготовки, а также вопросы совершенствования обменом разведданных. Еще больше может быть сделано в сфере повышения возможностей использования этих

экспедиционных сил. В соответствии с заявлением по итогам встречи глав государств и правительств в Страсбурге/Келе Североатлантический совет должен рассмотреть вопрос о превращении Штаба специальных операций НАТО в самостоятельное компонентное командование.

– Повысить роль Союзного командования по трансформации. Ему необходим более широкий мандат, больше ресурсов и больше власти. Оно должно быть инициатором в разработке как возможностей по трансформации, так и новых эффективных мер. Оно должно на основе полученного НАТО опыта взять на себя разработку доктрин и программ учебной и боевой подготовки.

– Трансформация системы обучения и подготовки (образовательной системы). Под руководством Командования по трансформации НАТО должна, используя информационную революцию, выработать систему непрерывного образования военного и гражданского персонала. Современные образовательные возможности, включая дистанционное образование, взаимообмен и тренажеры, смогут шлифовать оперативные и стратегические навыки. По мере возможности в эти программы подготовки должен включаться персонал партнерских стран и организаций.

– Повышение осведомленности о ситуации в морской обстановке. Меняющаяся обстановка в морских районах, прилегающих к НАТО, в северных широтах, Персидском заливе, Индийском океане требует новый уровень осведомленности о состоянии безопасности в этих районах.

НАТО должна соразмерять инвестиции в такие средства наблюдения, как беспилотные летательные аппараты, морские патрульные самолеты, РЛС наземного базирования, надводные

и подводные суда и автоматические системы (роботы). НАТО также должна, в соответствии со ст. 5, согласовывать районы специального наблюдения, в которых может осуществляться незаконное нападение на судоходство, распространение ОМП и террористическая деятельность.

В интересах решения указанных задач и своевременного реагирования на возникающий угрозы, НАТО должна совершенствовать свои возможности более быстро, чем это делается сейчас. Для этого необходимо создание:

- новых, действительно многонациональных формирований с единым командованием и управлением, взаимозависимым материально-техническим обеспечением (МТО) и интегрированными гражданско-военными компонентами;
- новых условий для организации неформальных пулов, особенно для перебросок войск;
- условий для увеличения общего финансирования системы электронных коммуникаций (C42SR) и взаимодействия ее элементов;
- общих подходов к МТО;
- условий для дальнейшей эволюции и координации национальных возможностей и их специализации;
- возможностей для организации дополнительных многонациональных закупочных программ;
- Агентства по оборонным потенциалам НАТО и ЕС;
- общих фондов для частичного развертывания, включая ежегодные учения Сил реагирования НАТО;
- структуры командования НАТО с целью сокращения расходов и увеличения способностей к развертыванию.

Несмотря на принятие несколько лет назад концепции о всестороннем подходе, говорится в докладе экспертов в НАТО, существуют достаточно серьезные трения между гражданским и военным персоналом при совместной работе. «Военные и гражданские пытаются планировать по-разному, устанавливают разные приоритеты, принимают разные стандарты подотчетности, по-разному подходят к подбору и расстановке кадров и часто говорят на одном и том же языке так, что с трудом понимают друг друга».

В этой связи Стратегическая концепция должна напомнить об этом упущении и потребовать от каждого члена альянса улучшить отношения своих военных с гражданскими партнерами и рекомендует:

1. НАТО на всех уровнях должна быть частью интегрированной гражданско-военной структуры. Это потребует создания в НАТО небольшой гражданской группы планирования для поддержания контакта, обмена информацией и участия в совместном планировании со странами-партнерами и организациями.

2. НАТО должна иметь современный меморандум взаимопонимания с такими ключевыми организациями как ООН, ЕС и ОБСЕ, а также другими национальными и региональными органами и неправительственными организациями.

3. Процесс военного планирования должен учитывать гражданские возможности, которые следует задействовать с первыми боевыми формированиями для проведения постконфликтной стабилизации.

4. НАТО должна просить своих членов создать кадры гражданских специалистов с опытом комплексных операций,

которые были бы в наличии для быстрого использования в избранных миссиях, если у стран-партнеров и организаций такого персонала нет. Эти гражданские резервисты должны пройти подготовку в НАТО, чтобы вступить в зону конфликта или начать работу с местными властями и боевыми войсками через ограниченный период времени для обеспечения безопасности и организации других гражданских услуг.

5. НАТО должна систематически помогать партнерам совершенствовать свои возможности сдерживать и отвечать на кризисные ситуации.

В докладе «Группы Олбрайт» особое место отводится роли ядерного оружия в современной мировой политике, констатируя, что «для сдерживания вооруженного нападения НАТО полагается как на обычные, так и ядерные вооружения. Смена угроз альянсу расширила концепцию сдерживания и позволила НАТО существенно сократить типы, количество своих ядерных сил». Заглядывая вперед, НАТО должна быть готова для широких консультаций о будущей роли ядерного оружия в своей стратегии сдерживания. Некоторые параметры для таких консультаций приводятся в указанном докладе и сводятся к следующему:

- Пока ядерное оружие остается реальностью международных отношений, альянс должен сохранить ядерный компонент в своей стратегии сдерживания на минимальном уровне, требуемым существующей обстановкой безопасности.
- При существующих условиях безопасности сохранение некоторых американских систем передового базирования в Европе усиливает принцип широкого ядерного сдерживания и коллективной обороны.

- Широкое участие неядерных союзников является важным знаком трансатлантической солидарности и разделения риска. Участие неядерных государств может выражаться в форме размещения ядерного оружия на их территории или неядерных мерах поддержки.
- НАТО должна продолжать обеспечивать абсолютную физическую безопасность ядерного оружия, хранящегося в Европе.
- С Россией должен вестись диалог по ядерному восприятию, концепциям, доктринам и прозрачности. Эти переговоры должны помочь установить этапы для дальнейшего сокращения и возможно окончательной ликвидации всего класса субстратегического ядерного оружия.
- НАТО должна воссоздать Специальную консультативную группу по контролю над вооружениями с целью ускорения своего собственного внутреннего диалога по всему спектру вопросов, относящихся к ядерной доктрине, новым инициативам по контролю над вооружениями и распространению.
- НАТО должна ясно выразить свою полную поддержку усилиям по предотвращению распространения ядерного оружия, уменьшить значение ядерных вооружений в военных доктринах любой страны и обеспечить, чтобы ядерные материалы хранились безопасным образом.
- НАТО должна поддерживать политику неиспользования или угрозы использования ядерного оружия против неядерных государств, которые являются участниками Договора о

нераспространении ядерного оружия и в соответствии с их обязательствами по ядерному нераспространению.

В заключение в докладе экспертов указывается, что пока существует ядерное оружие НАТО должна продолжать содержать безопасные и надежные ядерные силы с широкой ответственностью всех участников за размещение и оперативную поддержку на минимальном уровне в зависимости от существующей обстановки безопасности. В то же время подчеркивается, что НАТО должна пригласить Россию к диалогу по ядерному оружию.

«Это не должно быть односторонним движением. Только вместе мы должны продвигаться по пути разоружения. В аспекте сокращения ядерного оружия в Европе альянс не может игнорировать Россию, которая сегодня имеет около трех тысяч единиц тактического ядерного оружия. Это существенная причина для дискуссий как в двухстороннем формате США – Россия, так и в более широком аспекте ядерного разоружения.

Авторы доклада предлагают уделить заметное внимание развитию системы ПРО. Они заявили о своей поддержке новому американскому фазированному адаптированному подходу к ПРО, который обеспечит возможность создания эффективной стратегической системы ПРО для защиты не только вооруженных сил альянса, но и гражданского населения входящих в него стран.

Американские системы, которые должны быть развернуты, будут значительно эффективнее против ракетной угрозы Европе со стороны Персидского залива, чем те, которые предусматривались ранее. Они не направлены против России, не будут угрожать российским силам ядерного сдерживания.

НАТО должна признать создание территориальной ПРО в качестве важнейшей задачи союза. С этой целью НАТО должна согласиться на расширение своей активной эшелонированной ПРО ТВД с тем, чтобы предоставить основу для создания органов управления системы территориальной ПРО.

На основе исследования вопросов борьбы с терроризмом, кибер-уязвимости, энергетической безопасности и изменения климата в докладе содержатся новые рекомендации по этим проблемам.

Усиление борьбы с терроризмом. В борьбе с терроризмом в Афганистане важную роль играют военные силы НАТО. В пределах же территории НАТО контртерроризм является главной обязанностью полицейских и других внутренних органов. Тем не менее, НАТО и здесь может выполнять обеспечивающую роль защиты важнейших военных объектов, обмениваться разведданными и предоставления помощи по запросу. В 2004 году НАТО разработала Программу защиты от терроризма, которая предусматривала разработку новых технологий защиты войск и населения от таких опасностей, как самодельные взрывные устройства, человек-бомба и зенитные ракеты. Эта программа должна быть расширена за счет совместных исследований в этой области.

Возможности киберзащиты. В целях защиты от кибератак НАТО уже предприняла определенные меры в виде создания Органа НАТО по управлению киберзащитой, Центра киберзащиты и Центра реагирования на инциденты с ЭВМ. Тем не менее, в системе защиты от кибератак имеются серьезные проблемы, на которые в первую очередь должно быть обращено внимание в Стратегической концепции:

- НАТО должна понять, что кибератаки являются растущей угрозой для безопасности союза и его членов;
- соответственно должен быть серьезно организован мониторинг критических сетей НАТО и приняты меры по ликвидации обнаружения недостатков;
- Центр киберзащиты должен оказать помощь членам союза усовершенствовать свои программы по киберзащите;
- союзники должны расширить свои возможности в сфере раннего оповещения в виде создания в НАТО широкой сети сенсоров и узлов мониторинга;
- альянс должен быть готов выслать экспертные группы любому члену союза, находящемуся под угрозой крупной кибератаки;
- со временем НАТО должна иметь полностью адекватный набор сил и средств по киберзащите, включая пассивные и активные элементы.

Энергетическая безопасность. Так как в современных условиях многие страны в той или иной степени зависят от внешних источников энергии и средств ее доставки, то любой значительный и внезапный перерыв в снабжении энергией любого союзника, если он связан с саботажем энергетической инфраструктуры или незаконным вмешательством в морскую торговлю, мог бы служить поводом для ответа со стороны союзников.

Вообще энергетическая политика – внутренняя политика, хотя ЕС и Международное энергетическое агентство на многонациональном уровне предлагают услуги в отношении потенциальных перерывов в снабжении энергией. Однако у НАТО есть обязательства по защите своих собственных

энергоресурсов. Кроме того, в 2008 году на саммите в Бухаресте были приняты ряд альтернативных шагов по энергетической безопасности, включая обмен разведанными, поддержку в защите критической инфраструктуры и поддержку в широком диалоге со странами-экспортерами энергии.

Изменение климата. Как альянс НАТО не играет роли в регулировании квот газовых эмиссий в атмосферу, которые, по мнению экспертов, способствуют глобальному потеплению. НАТО, однако, может быть призвана помочь справиться с вызовами безопасности, вытекающих из таких последствий изменения климата, как таяние полярной шапки льда или увеличение катастрофических штормов и других естественных катаклизмов.

Союз должен держать эту возможность в уме, готовясь к будущим чрезвычайным обстоятельствам.

**Перечень упоминаемых в монографии документов
и международных организаций**

Амстердамский договор подписан 2 октября 1997 г. и представляет собой скорректированный и дополненный вариант Маастрихтского договора. Договор подтверждает цели Европейского союза и дополнен разделом, касающимся механизмов осуществления Общей внешней политики и политики безопасности (ОВППБ).

Бозенский процесс основан на Бозенской декларации (разработана Бозенской европейской академией (ЕВРАК), принята в 1994 г. и связана с концепцией еврорегионов). За всеми направлениями деятельности ЕВРАК (например, поощрение местной специфики и этнических особенностей) стоят госдепартамент США и известные глобалистские организации: фонд Карнеги, фонд Рокфеллеров, фонд Форда, фонд Маршалла и др.

Боливарианский альянс для народов нашей Америки – Торговый договор народов (АЛБА). В состав АЛБА входят 9 стран: Боливия, Венесуэла, Куба, Эквадор, Никарагуа, Гондурас, Доминика, Антигуа и Барбуда, Сент-Винсент и Гренадины. Как международная организация была создана в 2004 г. по инициативе У.Чавеса и Ф.Кастро. АЛБА рассматривается как социалистическая альтернатива панамериканского проекта зоны свободной торговли, поддерживаемого США.

Бреттон-Вудская система – так называется комплекс решений, принятых на Бреттон-Вудской конференции ООН (1944 г.) по валютным и финансовым вопросам. Конференция пришла к решению о создании Международного валютного фонда (МВФ) и приняла проект положения о Международном банке реконструкции и развития (МБРР), заложила основы послевоенной валютно-финансовой системы капитализма.

Основные принципы системы включали:

- возрождение золотодевизного, золотодолларового стандарта, то есть обмен долларов на золото по официальному курсу;

- установление твердых валютных паритетов, что предполагало фиксирование в МВФ паритетов национальных валют по отношению к доллару, а через него – к другим валютам, причем изменение паритетов (девальвация или ревальвация) происходило лишь с разрешения МВФ, но не более чем на 10 процентов, а колебания валютных курсов вокруг фиксированных паритетов допускались в пределах одного процента;

- придание доллару роли основной резервной валюты.

Военно-политический руководящий комитет программы «Партнерство ради мира» (ВПК/ПРМ). ВПК является главным рабочим органом, занимающимся программой «Партнерство ради мира». Его заседания проводятся в различных формах: либо с участием только союзников по НАТО, либо с участием союзников и партнеров.

К основным задачам ВПК относятся:

- консультирование Североатлантического совета по вопросам ПРМ;

- ответственность за общую координацию Рабочей программы партнерства (разработка политических и военных рекомендаций для руководящих военных органов НАТО при подготовке их предложений для Рабочей программы партнерства в связи с военными учениями и мероприятиями;

- общее руководство при подготовке индивидуальных программ партнерства и представление их на утверждение Североатлантическому совету;

- развитие и координация работы, связанной с планированием и анализом Партнерства (ППА).

Военно-политические рамки операций под руководством НАТО (ВПР) – этим документом предусматривается участие партнеров в политических консультациях, в принятии решений, планировании операций и в достижении договоренности о командовании при проведении операций ПРМ под руководством НАТО.

В нем рассматриваются четыре фазы:

- бескризисная фаза;

- фаза консультаций до начала военного планирования;

- фаза планирования и консультаций в период от начала военного планирования до проведения операции;

- фаза проведения операции.

С точки зрения участия страны-партнеры подразделяются на «потенциальные страны-участницы»,

«выделенные потенциальные страны-участницы» и «страны-участницы».

ВПР дополняют и поддерживают концепцию многонациональных объединенных оперативно-тактических групп (МООТГ).

Группа координации партнерства (ГКП) – эта группа является уникальной структурой ПРМ. Она располагается в г. Монс (Бельгия), где находится штаб ВГК ОВС НАТО в Европе.

Группа работает под эгидой Североатлантического совета и выполняет свои задачи под непосредственным руководством обоих стратегических командований (по операциям и трансформации) НАТО.

В ее задачи входит координация совместной военной деятельности в рамках ПРМ и проведения необходимого военного планирования для выполнения военных аспектов Рабочей программы партнерства, в частности военных учений и соответствующей деятельности в таких областях, как миротворчество, гуманитарные операции, поиск и спасение. ГКП также участвует в проведении оценки этой деятельности. За детальное оперативное планирование военных учений отвечают военные командования, проводящие учения.

ГУАМ – организация создана по инициативе Запада в 1997 г. В нее входят Грузия, Украина, Азербайджан и Молдавия. Цель создания – включение бывших советских республик в евразийский энергетический и военный транзит.

Дейтонские соглашения (1995 г.). Политические руководители сербов, мусульман и хорватов под нажимом США и международных организаций были вынуждены пойти на подписание мирного договора – Дейтонские соглашения.

Дейтонские соглашения, парафированные 21 ноября 1995 г. в США и подписанные 14 декабря того же года в Париже, зафиксировали компромисс, который при всех своих недостатках дал возможность остановить войну.

Босния и Герцеговина признана целостным государством, разделенным на две части – Федерацию БиГ и Республику Сербскую. Были определены границы общего государства и двух образований, полномочия различных органов власти, права и функции международных военных сил и гражданских представителей, намечены основные методы и формы восстановления мира в полиэтническом государстве.

Хорватское образование Герцег-Босна прекратило свое существование. Мир в Боснии и Герцеговине по-прежнему поддерживают международные и полицейские силы.

Декларация НАТО – ЕС по ЕПБО принята в декабре 2002 г. Обе организации «приветствовали стратегическое партнерство, сложившееся между Евросоюзом и НАТО в области кризисного регулирования, основанное на наших общих ценностях, неделимости нашей безопасности и нашей решимости противостоять вызовам нового столетия».

Спустя несколько месяцев, НАТО и Европейский союз сделали свое стратегическое партнерство более содержательным и открыли путь к скоординированным

действиям, согласовав ряд документов, предусматривавших обмен секретной информацией и сотрудничество в области кризисного регулирования, в том числе посредством механизмов «Берлин плюс».

Елисейский договор (1963 г.) вступил в силу 2 июля 1963 г.

Елисейский договор связан, прежде всего, с именами президента Франции Шарля де Голля и канцлера ФРГ Конрада Аденауэра.

Участники Договора обязались осуществлять сотрудничество в различных областях и договорились о проведении регулярных двусторонних консультаций на уровне глав государств и правительств (не реже двух раз в год), министров иностранных дел и обороны (раз в 3 месяца), начальников штабов (раз в 2 месяца) и других уровнях.

В области внешней политики стороны обязались согласовывать позиции двух государств «перед принятием решений по всем важным внешнеполитическим вопросам», развивать обмен информацией, координировать внешнеэкономическую политику и курс в отношении развивающихся государств.

По Договору стороны обязались согласовывать стратегические и тактические планы, расширить обмен по военной линии, принять меры по организации совместного производства вооружений.

В соответствии с Договором была создана Комиссия по проблемам двустороннего сотрудничества, в задачи которой входит координация деятельности различных

органов, ведающих вопросами экономических связей и научно-технического сотрудничества.

Индивидуальная программа Партнерства (ИПП)

разрабатывается и согласуется НАТО и государством-партнером на двухлетний период.

В ИПП излагаются политические цели партнера в ПРМ, указываются военные и прочие силы и средства, предоставляемые государством-партнером для целей ПРМ, ставятся задачи сотрудничества между партнером и Североатлантическим союзом в различных областях сотрудничества, а также указываются конкретные мероприятия, подлежащие осуществлению по каждому из направлений сотрудничества в рамках ИПП.

Индивидуальный план действий Партнерства (ИПДП) –

это двусторонний механизм, учитывающий потребности государств-партнеров при проведении реформ и позволяющий Североатлантическому союзу более направленно предоставлять консультации и оказывать помощь тем государствам-партнерам, которые желают и способны выполнять комплексные планы реформ, в частности военных, крупных политических и институциональных реформ.

Такие планы разрабатываются на двусторонней основе на срок два года и включают различные механизмы сотрудничества, позволяющие государству-партнеру взаимодействовать с Североатлантическим союзом. Их цель – более точно поставить задачи по мерам эффективной поддержки внутренних усилий в области реформ.

Неотъемлемой частью ИПДП является углубленный политический диалог по актуальным вопросам ИПДП. Это способствует координации помощи, предоставляемой странам отдельными членами НАТО и Партнерами, а также согласованию усилий с другими международными организациями.

Инициатива об оборонном потенциале (ИОП) была выдвинута на Вашингтонской встрече НАТО на высшем уровне (апрель 1999 г.) и направлена на обеспечение способности Североатлантического союза противостоять вызовам в области безопасности в XXI в. и его готовности эффективно разрешать кризисы и выполнять основные обязанности по обороне государств-членов блока.

Инициатива охватывает почти все аспекты военного потенциала, а именно:

- мобильность войск, их тыловое обеспечение;
- способность войск защищать себя и поражать противника;

- системы командования, управления и информации, используемые войсками (силами), для обеспечения быстрого и эффективного развертывания в районах, где может потребоваться их присутствие для решения задач по урегулированию кризиса, и нахождения там, если потребуется, в течение продолжительного периода времени.

Чтобы противостоять угрозам и вызовам в области безопасности, НАТО должна обеспечить свои вооруженные силы необходимой военной техникой, вооружением, личным

составом и проводить боевую подготовку для успешного решения всех поставленных перед ними задач. Целью ИОП является совершенствование потенциалов Североатлантического союза в следующих пяти областях:

- мобильность и способность к быстрому развертыванию, в том числе и за пределами территории стран Североатлантического союза;

- способность к продолжительным действиям, то есть способность обеспечивать материально-техническое снабжение войск при долгосрочных операциях и вдали от обычных мест базирования;

- эффективное применение силы, то есть способность вести боевые действия успешно при любой интенсивности во всех видах операций;

- выживаемость, то есть способность защитить войска и объекты инфраструктуры от существующих и будущих угроз;

- совместимость средств связи, то есть системы командования, управления и информации должны обладать совместимостью друг с другом для эффективного взаимодействия войск разных стран.

«Каролингская» франко-германская ось – наименование «Каролингская» франко-германская ось связано с императорской династией Каролингов, правящей во Франкском государстве (с 800 г.), которое включало в результате завоеваний Карла Великого почти всю Западную и часть Центральной Европы.

Концепция оперативного потенциала (КОП) была разработана для повышения способности Североатлантического союза и вооруженных сил партнеров к взаимодействию при возможных операциях ПРМ под руководством НАТО.

Главное внимание уделяется силам и средствам, которые могут потенциально быть предоставлены для проведения таких операций. Углубление рабочих отношений в мирное время, которые постепенно развиваются между штабами и их личным составом, а также между формированиями союзников по НАТО и партнеров, должно облегчить интеграцию этих формирований в силы под руководством НАТО. Эта деятельность также включает создание базы данных и механизмы оценки и обратной связи по оперативному потенциалу формирований, заявленных партнерами.

Создаваемые в соответствии с КОП формы военного сотрудничества должны повысить уровень сотрудничества в мирное время и позволить вооруженным силам стран-партнеров усилить свою военную эффективность и готовность к совместным действиям с войсками Североатлантического союза.

Лига Наций – международная организация, действовавшая в период между Первой и Второй мировыми войнами. По Статуту (Уставу) Лиги Наций ее учредителями являлись государства, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся – Польша, Хиджаз, Чехословакия. Первоначально Статут Лиги Наций как составную часть Версальского мирного договора

1919 г. подписали 44 государства, в том числе 31 государство, принимавшее участие в войне на стороне Антанты или присоединившееся к ней, и 13 государств, не участвовавших в войне.

США, не ратифицировав этот договор, не вошли в число членов Лиги Наций. Декларируя в Статуте в качестве основной цели организации «развитие сотрудничества между народами и гарантию их мира и безопасности», Лига Наций в действительности была призвана поддерживать Версальскую систему международных отношений.

Многонациональная объединенная оперативно-тактическая группа (МООТГ) – это многонациональное межвидовое (объединенное) временное формирование, создаваемое для выполнения определенной задачи, но в рамках всего комплекса задач Североатлантического союза и предполагающее наличие многонациональных межвидовых органов управления войсками (силами) в виде штабов МООТГ. В МООТГ могут входить воинские контингенты, выделенные государствами, не являющимися членами НАТО.

Маастрихтский договор. Договор о Европейском союзе был подписан в г. Маастрихт (Нидерланды) 7 февраля 1992 г. и вступил в силу с 1 ноября 1993 г.

Целью Маастрихтского договора было создание Экономического и валютного союза, а также переход к Общей внешней политике безопасности (ОВПБ) и сотрудничество государств-членов в области внутренней

политики и правосудия. Договор ввел единое гражданство Союза.

Механизмы «Берлин плюс» основаны на признании того факта, что государства-члены обеих организаций (НАТО и ЕС) обладают только одним комплектом сил и ограниченными оборонительными ресурсами. Учитывая эти обстоятельства и необходимость избежать ненужного дублирования ресурсов, была достигнута договоренность о том, что в операциях под руководством Европейского союза будет возможно использовать силы, средства и ресурсы НАТО. Эти механизмы позволяют НАТО поддерживать операции под руководством ЕС, в которых не участвует Североатлантический союз. Они облегчили передачу от НАТО Европейскому союзу ответственности за военные операции в бывшей югославской Республике Македония, а также в Боснии и Герцеговине.

Охридские соглашения (официальное название – **Рамочное соглашение**) – документ, подписанный македонским правительством и албанскими политическими силами под давлением международного сообщества 13 августа 2001 г.

План Вэнса – Оуэна (1993 г.) – план по урегулированию кризиса в Югославии был подготовлен Сайрусом Вэнсом (личный представитель генерального секретаря ООН по урегулированию кризиса в Югославии, бывший госсекретарь по иностранным делам США) и лордом

Дэвидом Оуэном (представитель Евросоюза по урегулированию кризиса в Югославии).

План Вэнса – Оуэна, по мнению генерального секретаря ООН Б.Бутрос-Гали, представлял «всеобъемлющий пакет, который ведет к установлению справедливого и прочного мира в Боснии и Герцеговине». План включал:

- проект соглашения по Боснии и Герцеговине, касающегося делимитации границ провинций, конституционного устройства и гуманитарных вопросов;

- проект соглашения о мире в Боснии и Герцеговине, касающегося соблюдения прекращения боевых действий и наблюдения за ним.

Согласно предложенным конституционным принципам БиГ делилась на десять провинций (три сербские, три мусульманские две хорватские и одну со смешанным хорватско-мусульманским населением). Сараево предполагалось сделать свободной зоной.

План действий Партнерства по строительству оборонных институтов. Цель этого механизма НАТО, принятого в июне 2004 г., способствовать усилиям государств-партнеров в проведении реформ и перестройке оборонных структур для реализации международных обязательств. План определяет общие задачи в этой области, а также предусматривает обмен опытом по актуальным вопросам и позволяет адаптировать двусторонние программы помощи в области обороны и безопасности.

План действий Партнерства против терроризма

разработан НАТО совместно с государствами-партнерами и принят на Пражской встрече на высшем уровне (2002 г.). Он стал основой сотрудничества НАТО с государствами-партнерами в борьбе с терроризмом. В нем определяются задачи Партнерства, а также средства борьбы с терроризмом и ликвидации последствий террористических актов.

План действий по подготовке к членству в НАТО (ПДПЧ) принят в апреле 1999 г. для оказания помощи странам, желающим присоединиться к Североатлантическому союзу, при их подготовке к вступлению в НАТО (консультации, практическая поддержка по всем аспектам членства в НАТО). Его главными пунктами являются:

- представление претендентами индивидуальных годовых национальных программ подготовки к возможному будущему членству, охватывающих соответствующие аспекты политики, экономики, обороны, ресурсов, безопасности и права;

- механизм целевой и объективной обратной связи по текущим вопросам выполнения государством-претендентом своих программ, включающий политические и технические консультации, а также ежегодные совещания на уровне Совета НАТО для оценки достигнутых результатов;

- контрольно-аналитическая деятельность для содействия в координации помощи странам-претендентам со стороны НАТО и государств-членов в оборонной/военной области;

- подход к военному планированию, рекомендуемый претенденту и включающий разработку и анализ согласованных плановых показателей.

НАТО контролирует работу каждого из претендентов и консультирует их по политическим и техническим вопросам.

Участие в ПДПЧ не гарантирует будущее членство в блоке. Решение о приглашении государства-претендента начать переговоры о присоединении принимается государствами-членами НАТО по принципу консенсуса и на индивидуальной основе.

Петерсбергская декларация. 19 июня 1992 г. министры обороны и министры иностранных дел государств-членов ЗЕС приняли Петерсбергскую декларацию, в которой заявили о своей готовности предоставлять части и подразделения всех родов войск и видов обычных вооруженных сил для выполнения военных задач под руководством ЗЕС. Эти задачи получили название «Петерсбергские миссии» (или «Петерсбергские задачи»).

Петерсбергские задачи (Петерсбергские миссии) ЗЕС – это гуманитарные, поисково-спасательные и миротворческие миссии, задачи кризисного регулирования, включая принуждение к миру, а также охрану окружающей среды.

Пражское обязательство о потенциале (ПРОП) было принято в 2002 г. в развитие «Инициативы об оборонном потенциале» (ИОП).

Отличие нового документа от предыдущего заключается в том, что теперь отдельные союзники по НАТО приняли на себя конкретные политические обязательства по совершенствованию военного потенциала в более чем 400 конкретных областях, которые имеют особую важность для эффективного выполнения всех задач Североатлантического союза. Они охватывают следующие сферы:

- противохимическая, противобиологическая, противорадиологическая и противоядерная защита;
- разведка, наблюдение и обнаружение целей;
- командование, управление и связь;
- наблюдение за наземными целями с воздуха;
- средства повышения боевой эффективности, включая высокоточные боеприпасы и средства подавления ПВО противника;
- стратегические воздушные и морские перевозки войск;
- дозаправка самолетов в воздухе;
- части и подразделения боевого и тылового обеспечения быстрого развертывания.

Программа «Восточное партнерство» – это польско-шведская инициатива, которая обсуждалась на Пражском саммите Европейского союза (май 2009 г.).

На основе этой европейской программы шесть бывших союзных республик СССР (Украина, Грузия, Азербайджан, Белоруссия, Армения, Молдавия), обладающих транзитными мощностями в западном направлении, выразили намерение придерживаться курса политического сближения и

экономической интеграции в рамках предлагаемых европейцами условий.

Программа «Партнерство ради мира» (ПРМ) была принята НАТО в 1994 г. Ее сущность заключается в создании партнерства на индивидуальной основе между каждым из государств-партнеров и НАТО. Она строится с учетом индивидуальных потребностей сторон и реализуется совместно, причем уровень и темпы развития такого партнерства определяются правительством страны-участницы.

Программа углубления обучения и образования ПРМ (ПРООБР) содержит меры совершенствования учебно-образовательной деятельности, направленные на удовлетворение текущих и будущих требований Партнерства, и помогает совершенствовать оперативную совместимость сил и средств, а также содействует расширению сотрудничества и диалога между специалистами по обороне и безопасности в странах НАТО и ее партнеров, что обеспечивает оптимальное использование людских и других ресурсов.

ПРООБР включает в себя шесть главных элементов:

- связь и сотрудничество между учебными заведениями стран НАТО и ПРМ;
- обратную связь и проведение оценок в отношении деятельности ПРМ;
- средства оперативной совместимости для партнеров;
- средства и методы планирования учений, предлагаемые партнерами;

- консультации со стороны НАТО в области национальных стратегий, профессиональной подготовки и образования;
- продвинутое рассредоточенное обучение и моделирование.

Процесс планирования и анализа по программе «Партнерство ради мира» (ППА). Участие в процессе планирования и анализа предлагается партнерам на добровольной основе. Это двухгодичное мероприятие, основанное на опыте НАТО в военном планировании и включающее как двусторонние, так и многосторонние элементы. Для каждого двухлетнего цикла планирования партнеры предоставляют информацию по широкому кругу вопросов, в том числе сведения о направлении оборонной политики, информацию о своих вооруженных силах и более подробные данные о тех силах, которые они готовы предоставить в интересах сотрудничества по программе ПРМ.

Расширенный и адаптированный Процесс планирования и анализа ПРМ аналогичен процессу планирования строительства вооруженных сил Североатлантического союза.

Рабочая программа партнерства (РПП) содержит подробное описание различных направлений сотрудничества со списком имеющихся мероприятий по каждому из направлений деятельности. Каждый партнер отбирает мероприятия с учетом своих индивидуальных потребностей и приоритетов. РПП рассчитана на два года и ежегодно

пересматривается. Она готовится при взаимодействии партнеров.

В РПП перечисляются такие направления, как консультации, структуры командования и управления, в том числе системы связи и информации, системы навигации и опознавания, аспекты совместимости сил и средств, процедуры и терминология; оборонная политика и стратегия, военная инфраструктура, военное планирование и др.

Рамочный документ «Партнерство ради мира» обнародован Североатлантическим союзом в 1994 г. одновременно с приглашением заинтересованных стран к участию в программе. В Рамочном документе закреплено обязательство государств-членов Североатлантического союза проводить консультации с любым государством-партнером, которое видит прямую угрозу своей территориальной целостности, политической независимости или безопасности. Каждое государство-партнер, кроме политических обязательств, принимает также конкретные обязательства направленные на достижение прозрачности национального военного планирования и формирования бюджета обороны, установление демократического контроля над вооруженными силами и повышение потенциала совместных с НАТО действий в миротворческих и гуманитарных операциях.

Силы реагирования НАТО (СР НАТО) были формально созданы в конце 2006 г.

Силы реагирования НАТО структурно состоят из сил (войск) немедленного реагирования (СНР) и сил быстрого реагирования (СБР). Первые перебрасываются в район боевых действий военно-транспортной авиацией, транспортными судами ВМС, вторые – действуют немедленно непосредственно с постоянных баз, нанося удары по назначенным объектам.

СР НАТО представляют собой объединенную оперативно-тактическую группу, состоящую из сухопутных войск численностью до бригады для выполнения задач силового вторжения, военно-морской тактической группы в составе боевой авианосной группы, амфибийной тактической группы, боевой группы надводных кораблей, военно-воздушных сил, способных выполнять 200 боевых вылетов в сутки, и сил специального назначения.

По решению Североатлантического совета СР НАТО могут осуществить развертывание в любой точке мира, чтобы обеспечить достаточное проецирование силы блока в ситуациях, когда это необходимо, и там, где это необходимо.

Страны НАТО будут выделять воинские контингенты в состав СР из боеготовых частей, обладающих оперативной совместимостью между собой.

Совет Евро-Атлантического партнерства (СЕАП) был создан в 1997 г. вместо Совета Североатлантического сотрудничества. В него входят в общей сложности 46 государств (28 членов НАТО и 18 государств-партнеров).

Совет является многосторонней консультативной структурой, обеспечивающей регулярный диалог и

консультации между государствами по вопросам, связанным с безопасностью и политикой. СЕАП – это политическая основа индивидуальных двусторонних отношений, развивающихся между НАТО и странами-участницами ПРМ.

Переход от ССАС к СЕАП стал одной из мер, направленных, по мнению руководства блока, на повышение роли «Партнерства ради мира» за счет расширения участия государств-партнеров в принятии решений и планировании по всем видам деятельности партнерства.

Совет Европы был создан 5 мая 1949 г. с целью достижения большего единства между его членами во имя «защиты и реализации идеалов и принципов, которые являются их общим наследием, и содействия их социально-экономическому прогрессу».

Главная цель Совета состоит в поддержании основных принципов гуманитарных прав, плюралистической демократии и правовых норм, а также в повышении качества жизни граждан европейских стран.

Совет Россия – НАТО (СРН) был создан в соответствии с совместной декларацией «Отношение Россия – НАТО: новое качество», подписанной главами государств и правительств России и стран НАТО в Риме (май 2002 г.) СРН заменил Совместный постоянный совет (СПС).

Государства-члены НАТО и Россия участвуют в СРН как равные партнеры, ища и используя возможности совместных решений и действий по широкому спектру вопросов безопасности в Евро-Атлантическом регионе.

Однако после 8 августа 2008 г., когда НАТО вместо осуждения Грузии как агрессора всю вину за сложившуюся ситуацию возложила на Россию и отказалась обсуждать этот вопрос на Совете Россия – НАТО, Россия приняла решение о временном замораживании военного сотрудничества с НАТО. Однако НАТО под действием объективных причин все же была вынуждена пойти на возобновление отношений с Россией.

Совет Североатлантического сотрудничества (ССАС) был создан в декабре 1991 г. как совещательный орган, в котором представители стран НАТО и ее новых партнеров могут обсуждать вопросы, представляющие взаимный интерес.

Главное внимание в его работе уделялось многостороннему политическому диалогу, что не давало государствам-партнерам возможности развивать индивидуальные отношения сотрудничества с НАТО, соответствующие их возможностям и потребностям.

В 1997 г. ССАС был заменен на Совет Евро-Атлантического партнерства (СЕАП).

Техасское соглашение (2005 г.) – это создание Североамериканского союза (NAU) на основе Североамериканского соглашения о свободной торговле (НАФТА) для формирования некоего межрегионального политического и экономического союза, объединяющего США, Канаду и Мексику.

Штабные элементы ПРМ (ШЭП) создаются в различных штабах стратегических и региональных командований НАТО. Каждый ШЭП состоит из оперативной группы офицеров стран НАТО и государств-партнеров, имеющих международный статус и ведущих совместную работу по планированию учений и выполнению других совместных функций.

Указатель имен

АДЕНАУЭР Конрад [*Konrad Hermann Joseph Adenauer*] (5 января 1876 г. – 19 апреля 1967 г.).

С сентября 1949 г. по октябрь 1963 г. – федеральный канцлер Западной Германии, а в 1951–1955 гг. также министр иностранных дел.

Штрихи к портрету

В 1917–1933 гг. Аденауэр был обер-бургомистром Кёльна, в 1920–1932 гг. – председателем прусского Государственного совета.

После прихода нацистов к власти (1933 г.) ушел со своих постов ввиду неприятия политики Гитлера и философии национал-социализма.

После окончания Второй мировой войны Аденауэр был в числе основателей партии Христианско-демократический союз (ХДС), а с 1946 г. стал ее председателем. В 1948–1949 гг. – президент так называемого Парламентского совета.

Аденауэр как волевой и энергичный политик авторитарного стиля, жесткий и одновременно гибкий, скептик и прагматик внес значительный вклад в создание Основного закона (конституции) и государства ФРГ; добился приема ФРГ в Западноевропейский союз и НАТО (1955 г.).

Политика Аденауэра основывалась на – социальной рыночной экономике и «новой Германии в новой Европе».

Во внешней политике Аденауэр направил усилия прежде всего на урегулирование международного положения страны, на смягчение ограничений, введенных союзниками в отношении Германии. Он способствовал и укреплению связей с бывшим врагом – Францией, выступал за европейскую интеграцию.

Аденауэр подписал Парижский мирный договор (1947 г.).

Во время визита в Москву (сентябрь 1955 г.) Аденауэр договорился об установлении дипломатических отношений с СССР и об освобождении 38 тыс. немецких военнопленных. В 50-е годы он запретил коммунистическую партию.

Раскол на ФРГ и ГДР К.Аденауэр считал даже выгодным для того, чтобы показать всем немцам преимущества своего пути.

Экономика при Аденауэре основывалась на теории социального рыночного хозяйства.

Достижения Аденауэра в промышленном восстановлении послевоенной Германии получили название «экономическое чудо». Он начинал радикальные реформы тогда, когда экономика Германии была разрушена, привлек в правительство экономиста, почетного профессора Мюнхенского университета Людвига Эрхарда.

Аденауэр содействовал созданию благоприятного климата для евреев в Германии и согласился выплатить репарации за преступления холокоста. Речь шла о 1,5 млрд. долл., что составляло больше

половины всех субсидий, которые Западная Германия получила по «плану Маршалла».

Аденауэр понимал, что внешнюю безопасность ФРГ можно обеспечить только присутствием на ее территории войск союзников. Но уже в 1956 г. он добился создания новых германских вооруженных сил – бундесвера.

АМР Мусса (родился 15 мая 1936 г.). Получил образование в Каирском университете на юридическом факультете. В 1957 г. получил диплом по специальности «адвокат международного права». С мая 2001 г. – генеральный секретарь Лиги арабских государств. Дипломат и бывший министр иностранных дел Египта (1991–2001 гг.).

АТТАЛИ Жак [*Jacques Attali*] (родился 1 ноября 1943 г.) – французский философ и экономист.

Штрихи к портрету

Ж.Аттали родился в Алжире в еврейской семье. В 1963 г. окончил политехническое училище, а позже получил диплом в Институте политических исследований и стал слушателем Национальной школы администрации.

Он приобрел особую известность в 1981 г., став главным советником президента Франции. Этот пост он сохранил и поныне.

Аттали является членом Бильдербергского клуба.

В апреле 1991 г. Ж.Аттали стал первым главой Европейского банка реконструкции и развития.

По мнению Жака Аттали, демократия – это наилучшая политическая система; торговый строй – двигатель прогресса; всемогущество денег – самый справедливый порядок правления.

Аттали – один из фигурантов по делу о незаконной продаже оружия Анголе («Анголагейт»).

АХТИСААРИ Мартти Ойва Калеви [*Martti Oiva Kalevi Ahtisaari*] (родился 23 июня 1937 г.) – президент Финляндии в 1994–2000 гг., финский дипломат, сотрудник ООН. Лауреат Нобелевской премии мира 2008 г.

Штрихи к портрету

М.Ахтисаари родился в Выборге в семье финского офицера норвежского происхождения. В 1959 г. окончил заочное педагогическое отделение Оульского университета.

В 1965 г. стал сотрудником МИД Финляндии. В 1973 г. он был назначен послом в Танзанию (1973–1976 гг.), а в 1975–1976 гг. одновременно был послом в Замбии, Сомали и Мозамбике. В 1977–1981 гг. – специальный представитель генерального секретаря ООН в Намибии.

С 1978 г. Ахтисаари работал в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке.

В марте 1989 г. он возглавил миссию ООН в Намибии.

Ахтисаари возглавлял деятельность ООН по преодолению последствий войны 1991 г. в Ираке («Буря в пустыне»). Считается, что его позиция по Ираку стоила ему поддержки США на выборах генерального секретаря ООН в 1991 г.

С сентября 1992 г. по апрель 1993 г. он возглавлял рабочую группу ООН по урегулированию ситуации в Боснии и Герцеговине.

В 1999 г. Ахтисаари представлял ЕС на переговорах НАТО, Евросоюза и России с руководством Югославии. Вместе со спецпредставителем президента России в Югославии В.С.Черномырдиным добился подписания президентом Югославии С.Милошевичем условий НАТО по прекращению конфликта.

В настоящее время – руководитель созданной им независимой неправительственной организации Crisis Management Initiative (Инициатива кризисного управления), спонсируемой проправительственными фондами США.

В сентябре 2003 г. он возглавил экспертную группу по вопросам безопасности сотрудников ООН в

Ираке, являлся личным посланником председателя ОБСЕ в Центральной Азии.

В ноябре 2005 г. был назначен специальным посланником генерального секретаря ООН в Косово.

Первый президент Намибии Сэм Нуйома [*Sam Nujoma*] в своей автобиографии (2001 г.) выступил с резкой критикой действий Ахтисаари в Намибии. По словам Нуйомы, тот был более заинтересован в продвижении собственной карьеры в ООН, нежели в исполнении своих обязанностей по отношению к народу Намибии.

Он является автором так называемого «плана Ахтисаари» по проблеме отделения сербской провинции Косово. По мнению экспертов, целый ряд положений плана, разработанного Мартти Ахтисаари, противоречит Уставу ООН и резолюции Совета Безопасности № 1244. В прессе распространены обвинения, со ссылкой на германскую разведслужбу BND, что за разработку и продвижение данного плана Ахтисаари получил крупную взятку от косовских сепаратистов.

БЕЛЛ Дэниел [*Bell Daniel*] (родился 10 мая 1919 г.) – американский социолог и публицист, основатель теории постиндустриального (информационного) общества.

Штрихи к портрету

В молодости Д.Белл увлекался «оппортунистической» версией марксистского социализма. В начале 50-х годов перешел на позиции либерального реформизма, стал сторонником проведения обширных социальных реформ и получил признание как теоретик неолиберализма.

В середине 70-х годов Белл примыкает к неоконсерватизму. В последние годы призывает к укреплению политических устоев в духе либерализма, осуждая крайности «консервативного мятежа» против современности.

Согласно концепции Белла, научно-техническая революция делает излишней социальную революцию. Белл выступает против «одностороннего детерминизма» и монизма материалистического понимания истории, он противопоставляет этим взглядам свою интерпретацию всемирной истории через призму технологии и знания (доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество).

БЁРК **Эдмунд** [*Edmund Burke*] (12 января 1729 г. – 9 июля 1797 г.) – английский парламентарий, политический деятель, публицист эпохи Просвещения, идейный родоначальник британского консерватизма.

Штрихи к портрету

В 1758 г. основал ежегодный альманах Annual Register – обзор мировых событий, который издавал на протяжении 30 лет. В 1765 г. Бёрк стал личным секретарем премьер-министра Англии маркиза Рокингема (от партии вигов), а вскоре и членом парламента.

Бёрк считал, что необходимо более терпимое отношение к английским колониям в Америке и критиковал английское правление в Ирландии, особенно за дискриминацию католиков.

В течение многих лет Бёрк выступал за реформирование управления колониальной Индией, которая в то время находилась под контролем Ост-Индской компании. Бёрк настаивал на неукоснительном воплощении в Индии британских законов как основанных на естественном праве, присущем всем людям без исключения, а колониальные власти утверждали, что западные представления о праве и законности вообще неприменимы на Востоке.

Политические взгляды Бёрка отразились в его памфлетах против Великой французской революции. Корень зла он видел в пренебрежении традициями и ценностями, унаследованными от предков, в том, что революция бездумно уничтожает духовные ресурсы общества и накопившееся столетиями культурно-идеологическое наследие. Радикализму французских революционеров он противопоставлял неписаную британскую конституцию и ее основные ценности: политическую преемственность и естественное

развитие, уважение к практической традиции и конкретным правам вместо абстрактной идеи закона, умозрительных построений и основанных на них нововведениях. Бёрк полагал, что общество должно принять за должное существование иерархической системы среди людей.

БЖЕЗИНСКИЙ Збигнев Казимеж [Zbigniew Kazimierz Brzeziński] (родился 28 марта 1928 г.) – американский политолог, социолог и государственный деятель. Долгое время являлся одним из ведущих идеологов внешней политики США. Советник и член правления Центра стратегических и международных исследований при Университете Джона Хопкинса. Известен своими взглядами, пропагандирующими мировую гегемонию США.

Штрихи к портрету

В середине 60-х годов Бжезинский был назначен членом Совета планирования государственного департамента. Он первым предложил объяснять все происходящее в социалистических странах с позиций концепции тоталитаризма. Бжезинский – автор глобальной стратегии антикоммунизма, теории технотронной эры и концепции американской гегемонии нового типа.

В 60-х годах он был советником в администрациях Кеннеди и Джонсона, занимал жесткую позицию по отношению к Советскому Союзу. В конце

срока президентства Джонсона являлся советником по внешней политике вице-президента Хамфри и его президентской кампании. Суровый критик политики Никсона – Киссинджера.

В 1977–1981 гг. Бжезинский был помощником президента США по национальной безопасности в администрации Картера. Являлся активным сторонником секретной программы ЦРУ по вовлечению СССР в дорогостоящий и по возможности отвлекающий военный конфликт, о чем после начала Афганской войны написал президенту Картеру: «Теперь у нас есть шанс дать Советскому Союзу свою Вьетнамскую войну».

В период президентства Клинтона Бжезинский стал одним из авторов концепции расширения НАТО на Восток.

В настоящее время является консультантом Центра стратегических и международных исследований (Center for Strategic and International Studie), членом совета директоров Национальной поддержки демократии (National Endowment for Democracy), членом Трехсторонней комиссии (Trilateral Commission), сопредседателем Американского комитета за мир в Чечне.

Бжезинский считает США мировым гегемоном и отрицает возможность обретения подобной роли другими государствами. Он относится к СССР/России как к поверженному противнику в холодной войне,

аналогично Германии и Японии после их поражения во Второй мировой войне.

Цитаты

«Фактически советская военная мощь и страх, который она внушала представителям Запада, в течение длительного времени скрывали существенную асимметрию между соперниками. Америка была гораздо богаче, гораздо дальше ушла в области развития технологий, была более гибкой и передовой в военной области и более созидательной и привлекательной в социальном отношении. Ограничения идеологического характера также подрывали созидательный потенциал Советского Союза, делая его систему все более косной, а его экономику все более расточительной и менее конкурентоспособной в научно-техническом плане».

«Для Соединенных Штатов евразийская геостратегия включает целенаправленное руководство динамичными с геостратегической точки зрения государствами и осторожное обращение с государствами-катализаторами в геополитическом плане, соблюдая два равноценных интереса Америки: в ближайшей перспективе – сохранение своей исключительной глобальной власти, а в далекой перспективе – ее трансформацию во все более глобальное институционализирующееся сотрудничество. Употребляя терминологию более жестоких времен древних империй, три великие обязанности имперской геостратегии заключаются в

предотвращении сговора между вассалами и сохранении их зависимости от общей безопасности, сохранении покорности подчиненных и обеспечении их защиты и недопущении объединения варваров».

«Если Европа преуспеет как в процессе объединения, так и в процессе расширения и если Россия тем временем успешно справится с процессом демократической консолидации и социальной модернизации, то в определенный момент Россия также может стать подходящей кандидатурой для установления более органичных взаимоотношений с Европой. Однако вопрос об официальном членстве России как о практической реальности до определенного времени не будет подниматься, и это, помимо прочего, еще одна причина для того, чтобы бессмысленно не захлопывать перед ней двери».

«Если русские будут настолько глупы, что попробуют восстановить свою империю, они нарвутся на такие конфликты, что Чечня и Афганистан покажутся им пикником».

«О чем я должен сожалеть? Эта тайная операция (поддержка исламских фундаменталистов в Афганистане – Авт.) была замечательной идеей. В результате русские попались в афганскую ловушку, а вы хотите, чтобы я об этом сожалел? Что важнее для мировой истории? Талибан или крах Советской империи?»

БУРДА Джереми Майкл (родился в 1939 г.) – внук евреев-переселенцев, которые в 1904 г. бежали в Америку, спасаясь от погромов на Украине.

Бурда начал службу рядовым и стал первым в истории ВМС Америки человеком, прошедшим путь от матроса до четырехзвездного адмирала, и первым главнокомандующим военным флотом США, который не получил специального военно-морского образования.

Покончил жизнь самоубийством 16 мая 1966 года.

БУТРОС-ГАЛИ Бутрос [*Boutros Boutro-Ghali*] (родился 14 ноября 1922 г.) – египетский дипломат, 6-й генеральный секретарь ООН (1992–1996 гг.).

Штрихи к портрету

Бутрос-Гали изучал политологию, экономику и право в Каирском и Парижском университетах. С 1977 г. – министр иностранных дел Египта. В 1991 г. стал заместителем премьер-министра.

С 1992 г. – генеральный секретарь ООН. В 1996 г. решил баллотироваться на второй срок, но США наложили вето.

В первые месяцы пребывания на посту генерального секретаря ООН Бутрос-Гали предложил концепцию «построения мира» вместо концепции «поддержания мира».

В 1994 г. он безуспешно пытался провести решение о военном вмешательстве ООН в гражданскую

войну в Руанде. После ухода в отставку Бутрос-Гали выступал с резкой критикой некоторых инициатив ООН, в том числе в отношении Ирака.

ВЕБЕР Максимилиан Карл Эмиль [Max Weber] (21 апреля 1864 г. – 14 июня 1920 г.) – немецкий социолог, историк и экономист.

Штрихи к портрету

Вебер работал в университетах Берлина (1892–1894 гг.), Фрейбурга (1894–1896 гг.), Гейдельберга, Мюнхена и Вены. В 1919 г. – советник немецкой делегации на Парижской мирной конференции.

Вебер внес существенный вклад в такие области социального знания, как общая социология, методология социального познания, политическая социология, социология права, социология религии, экономическая социология, теория капитализма.

Свою концепцию Вебер называл «понимающей социологией». В отличие от своих современников Вебер не стремился строить социологию по образцу естественных наук, относя ее к гуманитарным наукам или, в его терминах, к наукам о культуре, которые как по методологии, так и по предмету составляют автономную область знания.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Вебер пытается объяснить генезис современного капитализма, связав эту проблему с социологией религии, в частности протестантизма. Он усматривает связь между этическим кодексом протестантских вероисповеданий и духом капиталистической экономики, основанной на идеале предпринимателя-рационалиста.

Параллели между протестантским акцентом на мирском служении и идеалом капиталистической рациональности позволили Веберу связать Реформацию и возникновение капитализма. Минимализация догматики и ритуала, рационализация жизни в протестантизме, по Веберу, стало частью процесса «расколдовывания мира», начатого древнееврейскими пророками и древнегреческими учеными и идущего к кульминации в современном капиталистическом мире. Этот процесс связан с освобождением человека от магических суеверий, автономизацией индивида, верой в научный прогресс и рациональное познание.

В социологии власти Вебер выделяет три типа легитимации власти (господства):

– рациональный, основанный на вере в законность существующих порядков и законное право властвующих на отдачу приказаний;

– традиционный, основанный на вере в святость традиций и право властвовать тех, кто получил власть в соответствии с этой традицией;

– харизматический, основанный на вере в сверхъестественную святость, героизм или какое-то иное достоинство властителя и его власти.

В этом контексте формулируется веберовская теория рациональной бюрократии, связанной с первым типом власти. В своем анализе демократии Вебер формулирует наличие двух видов этого типа правления: «плебисцитной вождистской демократии» и разнообразные формы «демократии без вождя», цель которой – сведение к минимуму прямых форм господства человека над человеком благодаря выработке рациональных форм представительства, коллегиальности и разделения властей.

ВЁРНЕР Манфред [*Manfred Werner*] (23 сентября 1934 г. – 13 августа 1994 г.) получил юридическое образование в университетах Гейдельберга, Парижа и Мюнхена, министр обороны ФРГ, генеральный секретарь НАТО.

Штрихи к портрету

С 1956 г. Вёрнер активно включается в германскую политику как член Христианско-демократического союза.

В 80-е годы Вёрнер занимал пост министра обороны ФРГ.

Генеральным секретарем НАТО он был избран в июне 1988 г., став к тому же первым немцем во главе альянса за всю его историю.

Это был один из самых сложных периодов в истории: существовавшая все послевоенные годы система миропорядка, основанная на противостоянии двух лагерей, рассыпалась практически в одночасье. С ликвидацией Организации Варшавского договора Западу предстояло решить непростой вопрос о сохранении и адаптации НАТО к новым историческим условиям.

С именем Вёрнера во многом связан успех натовской программы «Партнерство ради мира», предложенной Вашингтоном в качестве альтернативы немедленному расширению блока за счет восточноевропейских государств (чему противодействовала Россия). Вернер был категорически против предоставления Москве каких бы то ни было преимуществ в рамках «Партнерства», отстаивая принцип равенства всех партнеров.

ГЕГЕЛЬ **Георг Вильгельм Фридрих** [*Georg Wilhelm Friedrich Hegel*] (27 августа 1770 г. – 14 ноября 1831 г.) – немецкий философ, один из творцов немецкой классической философии и философии романтизма.

ГОЛЛЬ **Шарль Андре Жозеф Мари де** [*Charles André Joseph Marie de Gaulle*] (22 ноября 1890 г. – 9 ноября 1970 г.) – президент Франции в 1959–1969 гг.

Штрихи к портрету

В 1940 г. де Голль основал в Лондоне патриотическое движение «Свободная Франция» (с 1942 г. – «Сражающаяся Франция»), примкнувшее к антигитлеровской коалиции; в 1941 г. стал руководителем Французского национального комитета, а в 1943 г. – Французского комитета национального освобождения, созданного в Алжире. С 1944 г. по январь 1946 г. – глава Временного правительства Франции.

После Второй мировой войны – основатель и руководитель партии «Объединение французского народа». В 1958 г. – премьер-министр Франции.

По инициативе де Голля была подготовлена новая конституция (1958 г.), расширившая права президента.

В годы президентства де Голля Франция осуществила планы по созданию собственных ядерных сил, вышла из военной организации НАТО; значительное развитие получило советско-французское сотрудничество.

Де Голль стал основоположником новой политики Франции в постколониальном пространстве: политики культурных связей между франкофонными (то есть франкоговорящими) государствами и территориями. Алжир был не единственной страной, покинувшей Французскую империю, за которую де Голль боролся в 40-е годы. За 1960 г. («Год Африки») обрели независимость более двух десятков африканских государств. Вьетнам и Камбоджа также стали независимыми. Во всех этих странах оставались

тысячи французов, не желающих терять связи с метрополией.

Главная цель де Голля состояла в обеспечении влияния Франции в мире, два полюса которого – США и СССР – уже определились.

В 1959 г. де Голль переводит под французское командование ПВО, ракетные войска и войска, выводимые из Алжира. Решение, принятое в одностороннем порядке, не могло не вызвать трений с Эйзенхауэром, а затем и с его преемником Кеннеди.

1965 г. – год переизбрания де Голля на второй президентский срок – стал годом двух ударов по политике НАТО.

4 февраля генерал объявляет об отказе от использования доллара в международных расчетах и о переходе на единый золотой стандарт.

9 сентября президент сообщает, что Франция не считает себя связанной обязательствами перед Североатлантическим блоком.

21 февраля 1966 г. наступает развязка семилетней борьбы де Голля с чужим военным присутствием во Франции. Республика выходит из военной организации НАТО. В официальной ноте правительство Помпиду объявило об эвакуации 29 баз с 33 тыс. чел. личного состава с территории страны.

С этого времени официальная позиция Франции в международной политике становится резко антиамериканской. Генерал осуждает действия Израиля в «шестидневной» войне (1967 г.), а затем и Вьетнамскую войну.

В начале своего президентства, 23 ноября 1959 г., де Голль выступил со знаменитой речью о «Европе от Атлантики до Урала». В грядущем политическом союзе стран Европы (интеграция ЕЭС была связана тогда в основном с экономическими вопросами) президент видел альтернативу «англосаксонской» НАТО (в его понятие «Европы» Великобритания не входила).

В своей деятельности по созданию европейского единства он пошел на ряд компромиссов, определивших дальнейшее своеобразие внешней политики Франции.

Первый компромисс де Голля касается образовавшейся в 1949 г. Федеративной Республики Германии. Де Голль взял с канцлера Аденауэра обязательство выступить против английского плана «европейской зоны свободной торговли», перехватывавшей инициативу у де Голля, в обмен на посреднические услуги в отношениях с СССР. Визит де Голля в ФРГ 4–9 сентября 1962 г. потряс мировую общественность открытой поддержкой Германии со стороны человека, в двух войнах воевавшего против нее; но это был первый шаг по примирению стран и созданию европейского единства.

Второй компромисс был связан с тем, что в борьбе против НАТО генералу необходимо было заручиться поддержкой СССР – страны, которую он рассматривал не столько как «коммунистическую тоталитарную империю», сколько как «извечную Россию» (например, установление дипломатических отношений между «Свободной Францией» и СССР в 1941–1942 гг., а также его визит в Москву в 1944 г., преследовали одну цель – исключить узурпацию власти в послевоенной Франции американцами).

Личная неприязнь де Голля к коммунизму отошла на второй план ради национальных интересов страны.

ГОРБАЧЕВ Михаил Сергеевич (родился 2 марта 1931 г.) – президент СССР в 1990–1991 гг.

Штрихи к портрету

Горбачев в 1985–1991 гг. – генеральный секретарь ЦК КПСС. В 1966–1968 гг. – первый секретарь Ставропольского горкома КПСС. В 1968–1970 гг. – второй секретарь, с апреля 1970 г. – первый секретарь Ставропольского крайкома КПСС. В 1978–1985 гг. – секретарь ЦК КПСС; председатель Президиума Верховного Совета СССР в 1988–1989 гг.; председатель Верховного Совета СССР (1989–1990 гг.); член Политбюро ЦК КПСС в 1980–1991 гг. (кандидат с 1979 г.).

Горбачев выступил инициатором «перестройки».

После августовского кризиса 1991 г. и приостановки деятельности КПСС на территории РСФСР

заявил об уходе с поста генерального секретаря ЦК КПСС, а 25 декабря 1991 г. «в силу сложившейся ситуации с образованием СНГ» заявил о прекращении своей деятельности на посту президента СССР. В 1996 г. он баллотировался на пост президента Российской Федерации.

С декабря 1991 г. – президент Международного фонда социально-экономических и политологических исследований («Горбачев-фонд»). Лауреат Нобелевской премии мира (1990 г.).

ДАНИЛЕВСКИЙ Николай Яковлевич (28 ноября ([10 декабря](#)) [1822](#) г. – 7 ([19](#)) ноября [1885](#) г.) – русский социолог, [культуролог](#), публицист и естествоиспытатель; геополитик, один из основателей цивилизационного подхода к истории, идеолог [панславизма](#).

Штрихи к портрету

Н.Я.Данилевский – сын генерала, воспитывался в Александровском лицее, а затем был вольным слушателем на факультете естественных наук в Санкт-Петербургском университете. Занимаясь специально ботаникой, он также изучал социалистическую систему [Фурье](#).

Главное сочинение Данилевского «Россия и Европа» (1871 г.).

Основное воззрение автора «России и Европы» резко отличается от образа мыслей прежних славянофилов. Те утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание как истинный

носитель всечеловеческого окончательного просвещения. Данилевский, напротив, отрицая всякую общечеловеческую задачу в истории, считает Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, однако наиболее широким и полным.

Видя в человечестве только отвлеченное понятие, лишенное всякого действительного значения, и вместе с тем оспаривая общепринятые деления: географическое (по частям света) и историческое (древняя, средняя и новая история), Данилевский выставляет в качестве действительных носителей исторической жизни несколько обособленных «естественных групп», которые он обозначает термином «культурно-исторические типы». Таких типов, уже проявившихся в истории, Данилевский насчитывает 10: египетский, китайский, ассиро-вавилонно-финикийский (он же халдейский или древнесемитический), индийский, иранский, еврейский, [греческий](#), римский, новосемитический или арабийский, германо-романский или европейский. Россия с славянством образуют новый, культурно-исторический тип, совершенно отличный и отдельный от Европы.

Данилевский признает четыре общих разряда культурно-исторической деятельности: религиозная, собственно культурная (наука, искусство, промышленность), политическая и социально-экономическая.

Некоторые из исторических типов сосредоточивали свои силы на одной из этих сфер деятельности (так

евреи – на религии, греки – на культуре), другие – проявляли себя сразу в двух или трех направлениях; но только России и славянству, по Данилевскому, дано равномерно развить все четыре сферы человеческой деятельности и осуществить полную «четырёхосновную» культуру.

Другой его обширный труд «Дарвинизм» ([1885](#) г.), в котором Данилевский подвергает теорию [Дарвина](#) подробному разбору, чтобы доказать ее полную несостоятельность.

Мнение К.А.Тимирязева: «Книгу Данилевского я считаю полезною для зоологов и ботаников; в ней собраны все сделанные Дарвину возражения и разбросаны местами интересные фактические данные, за которые наука останется благодарною Данилевскому».

Академик А.П.[Карпинский](#), разбиравший палеонтологическую часть «Дарвинизма», дает следующую ее оценку: «В авторе можно признать человека выдающегося ума и весьма разнообразных и значительных знаний; но в области геологии сведения его ... не лишены и крупных пробелов. Без сомнения, это обстоятельство, а также предвзятое, утвердившееся уже до рассмотрения вопроса с геологической стороны, убеждение в несправедливости теории эволюции было причиной, что Данилевский пришел к выводам, с которыми нельзя согласиться».

[Достоевский](#) назвал «Россию и Европу» «настолярной книгой каждого русского», сильное

влияние оказал Данилевский на взгляды К.Леонтьева, признававшего его одним из своих учителей, наследником историософских взглядов Данилевского считал себя Н.Трубецкой, также высоко ценил «Россию и Европу» [Л.Гумилев](#).

На данный момент Данилевский заслуженно признан классиком русской геополитики, оказавшим сильное влияние, к примеру, на евразийскую геополитическую школу. Наряду с О.Шпенглером он признан основателем цивилизационного подхода к истории.

Цитаты

Весьма оригинальны для того времени политические взгляды Данилевского, которые он резюмирует в следующих словах: *«...мы постоянно проводим мысль, что Европа не только нечто нам чуждое, но даже враждебное, что ее интересы не только не могут быть нашими интересами, но в большинстве случаев прямо им противоположны.. Если невозможно и вредно устранить себя от европейских дел, то весьма возможно, полезно и даже необходимо смотреть на эти дела всегда и постоянно с нашей особой русской точки зрения, применяя к ним как единственный критерий оценки: какое отношение может иметь то или другое событие, направление умов, та или другая деятельность влиятельных личностей к нашим особенным русско-славянским целям; какое они могут оказать препятствие или содействие им?*

К безразличным в этом отношении лицам и событиям должны мы оставаться совершенно равнодушными, как будто бы они жили и происходили на Луне; тем, которые могут приблизить нас к нашей цели, должны всемерно содействовать и всемерно противиться тем, которые могут служить ей препятствием, не обращая при этом ни малейшего внимания на их безотносительное значение – на то, каковы будут их последствия для самой Европы, для человечества, для свободы, для цивилизации...

Европа не случайно, а существенно нам враждебна; следовательно, только тогда, когда она враждует сама с собою, может она быть для нас безопасной... Именно равновесие политических сил Европы вредно и даже губительно для России, а нарушение его с чьей бы то ни было стороны выгодно и благотельно... Нам необходимо, следовательно, отрешиться от мысли о какой бы то ни было солидарности с европейскими интересами».

ЕЛЬЦИН Борис Николаевич (1 февраля 1931 г. – 23 апреля 2007 г.) – первый президент Российской Федерации (1991–1999 гг.).

Штрихи к портрету

Ельцин окончил Уральский политехнический институт. С 1968–1988 гг. – на партийной работе.

В 1990 г. на XXVIII съезде КПСС Ельцин объявил о выходе из КПСС; в 1990–1991 гг. – председатель Верховного Совета РСФСР; в августе 1991 г. возглавил выступление против ГКЧП.

В декабре 1991 г. совместно с руководителями Белоруссии и Украины подписал Беловежские соглашения о прекращении существования СССР и создании СНГ. В соответствии с его Указом «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» (сентябрь 1993 г.) распущены Съезд народных депутатов и Верховный Совет РФ, ликвидирована система Советов. По его инициативе разработана новая Конституция России.

1 декабря 1999 г. он заявил о досрочной отставке.

Ельцин известен как радикальный реформатор общественно-политического и экономического устройства России, а также своими решениями о запрете КПСС, курсом на отказ от социализма, решениями о ропуске Верховного Совета, подавлении вооруженного сопротивления его защитников и штурме Дома Советов России с применением бронетехники (1993 г.), о начале военной кампании в Чечне (1994 г.), повторном вводе войск и бомбардировок Чечни (сентябрь 1999 г.), послуживших началом второй чеченской военной кампании.

ИДЕН Энтони Роберт [*Antony Robert Eden*] (12 июня 1897 г. – 14 января 1977 г.), 1-й граф Эйвонский (1961 г.), 1-й виконт Иден из Роял-Лемингтон-Спа (1961 г.), рыцарь (1954 г.), сын 7-го барона Идена. – британский государственный деятель и дипломат. Член палаты общин (1923-1957 гг.);

министр иностранных дел (1935–1938 гг., 1940–1945 гг., 1951–1955 гг.); премьер-министр Великобритании (1955–1956 гг.).

Штрихи к портрету

Э.Иден получил образование в Итоне и колледже церкви Христа в Оксфорде (который окончили его отец и дед). Участник Первой мировой войны, с июня 1916 г. сражался во Франции. За отличия в сражении на Сомме (1916 г.) награжден Военным крестом.

В 1923 г. по списку Консервативной партии был избран членом палаты общин от Уорика-Лемингтона и уделял основное внимание вопросам военной и внешней политики. В 1926–1929 гг. – парламентский секретарь главы Форин Офис О.Чемберлена. В течение многих лет Иден был тесно связан с британской внешней политикой. В 1931–1934 гг. в кабинете Р.Макдональда занимал пост статс-секретаря секретаря по иностранным делам (министра иностранных дел). С 1 января 1934 г. – лорд-хранитель печати. В 1935 г. при формировании кабинета С.Болдуина он получил пост главы Форин Офис. В феврале 1938 г. подал в отставку из-за своих разногласий тактического характера с премьер-министром Н.Чемберленом, проводившим «политику умиротворения» Германии.

С 1939 г. – государственный секретарь по делам доминионов. После создания коалиционного кабинета У.Черчилля (1940 г.) Иден занял в нем пост государственного секретаря по военным делам, но

уже в декабре 1940 г. стал секретарем по иностранным делам. При его участии в мае 1942 г. был подписан советско-британский союзный договор. Одновременно в 1942-1945 гг. он был лидером палаты общин; участвовал в работе Тегеранской (1943 г.), Крымской и Потсдамской (1945 г.) конференций и других международных конференций.

Э.Иден – убежденный противник послевоенных уступок СССР в Восточной Европе. В 1944 г. он выступил против «плана Morgентау», предполагавшего после войны демонтаж германской промышленности. В июле 1945 г. консерваторы проиграли выборы, и правительство ушло в отставку.

В 1945-1951 гг. Иден – заместитель лидера парламентской оппозиции, с 1951 г. – секретарь по иностранным делам и заместитель премьер-министра; в 1955 г. сменил Черчилля на посту премьер-министра.

Э.Иден – убежденный сторонник сохранения Британской колониальной империи и политики, направленной на создание коалиции европейских держав против СССР. Он один из инициаторов англо-франко-израильской агрессии против Египта в 1956 г., а после ее провала был вынужден подать в отставку (январь 1957 г.), покинуть палату общин и отойти от активной политической деятельности.

Цитаты

О [Сталине](#): «Сталин изначально произвел на меня впечатление своим дарованием, и мое мнение не изменилось. Его личность говорила сама за себя, ее оценка не требовала преувеличений. Ему были присущи хорошие естественные манеры, видимо, грузинского происхождения. Я знаю, что он был безжалостен, но уважаю его ум и даже отношусь к нему с симпатией, истоки которой так и не смог до конца себе объяснить. Вероятно, это было следствием прагматизма Сталина. Быстро забывалось, что ты разговариваешь с партийным деятелем...

Я всегда встречал в нем собеседника интересного, мрачноватого и строгого, чему часто обязывали обсуждавшиеся вопросы. Я не знал человека, который бы так владел собой на совещаниях. Сталин был прекрасно осведомлен по всем его касающимся вопросам, предусмотрителен и оперативен... За всем этим, без сомнения, стояла сила».

ИСМЕЙ Гастингс Лайонел [*Hastings Lionel Ismay*] ([21 июня 1887](#) г. – [17 декабря 1965](#) г.), 1-й барон Исмей – [британский](#) военный и политический деятель.

Штрихи к портрету

Г.Исмей родился в Индии, барон (1947 г.), британский генерал (1944 г.).

Г.Исмей окончил военный колледж в Сандхерсте (1905 г.), служил в колониальных войсках. В 1931–1933 гг. – военный секретарь вице-короля Индии, в

1933–1936 гг. – в имперском Генштабе. В 1938–1940 гг. – секретарь Комитета обороны империи. В 1940–1946 гг. – начальник штаба при министре обороны и секретарь по военным вопросам в военном кабинете Великобритании, был ближайшим советником У.Черчилля по вопросам военного руководства во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.). В 1947 г. – начальник штаба вице-короля Индии. В 1951–1952 гг. – государственный секретарь по делам Содружества, в 1952–1957 гг. – первый генеральный секретарь НАТО.

КВИГЛИ Кэрролл (9 ноября 1910 г. – 3 января 1977 г.) – американский историк, энциклопедист, перу которого принадлежит работа «Эволюция цивилизаций. Введение в исторический анализ». Видный сторонник плюралистского подхода. В отличие от А.Дж.Тойнби он выделяет в развитии цивилизаций не четыре стадии, а семь: смешения, созревания, экспансии, конфликта, универсальной империи, разложения и вторжения.

КАРЗАЙ Хамид [*Hāmid Karzay*] (родился 24 декабря 1957 г.) – президент Афганистана.

Штрихи к портрету

Хамид Карзай – выходец из пуштунского клана поползай влиятельного племени дуррани,

представители которого правили Афганистаном в течение двух столетий.

Х.Карзай учился сначала в Кабуле, а затем в Химачальском университете (Симла, Индия).

В 1983 г. Карзай примкнул к одной из группировок моджахедов – Национально-освободительному фронту Афганистана, возглавлявшемуся Пир Сейедом Гейлани. Он занимался вопросами финансирования вооруженной борьбы против просоветского правительства Афганистана. Финансирование моджахедов осуществлялось в основном через представителей разведки США и Саудовской Аравии.

После поражения просоветского режима в Афганистане это помогло ему занять пост заместителя министра иностранных дел в правительстве Бурханудина Раббани.

С приходом к власти талибов Карзай на первых порах сотрудничал с ними, но когда ему было предложено представлять Афганистан в ООН, порвал с режимом талибов. По-видимому, после 1997 г. Карзай стал сотрудничать с американцами в интересах свержения власти талибов в Афганистане.

В октябре-ноябре 2001 г., когда начались боевые действия международной антитеррористической коалиции против талибов, активизировались операции афганских отрядов по двум направлениям – с севера при поддержке американской авиации наступали силы

Северного альянса (в основном таджики и узбеки), а на юге действовали формирования пуштунов, одним из которых командовал Карзай. Их главной задачей было привлечение на сторону американцев вождей пуштунских племен.

С началом формирования новой власти в Кабуле Х.Карзай оказался востребован не просто как политик-пуштун, но и как представитель племенной знати.

В декабре 2001 г. на Боннской конференции афганских политических деятелей Карзай был поставлен во главе переходной администрации Афганистана. В июне 2002 г. Лойя джирга (Высший совет, в который входят лидеры всех народов, племен и группировок Афганистана) избрала его временным президентом страны. Все это время в правительстве Карзая были широко представлены деятели Северного альянса – основной силы, противостоявшей талибам в Афганистане.

Победа Хамида Карзая на президентских выборах 2004 г. была легко предсказуемой. Он предложил пост вице-президента Зия Масуду – брату убитого лидера Северного альянса Ахмад-шаха Масуда.

Назначая Карзая главой временного правительства Афганистана (2001 г.), США надеялись, что он сможет навести порядок в стране, однако за все эти годы он практически ничего не сделал.

Уровень наркоторговли резко увеличился по сравнению с тем периодом, когда у власти были талибы. Карзаю не удалось подавить вооруженное сопротивление талибов. Реальная власть остается в руках полевых командиров

20 августа 2009 г. состоялись очередные президентские выборы, по результатам которых Карзай был вновь переизбран.

КАСТЕЛЬС Мануэль [Manuel Castells] (родился в 1942 г.) – испанский социолог.

Штрихи к портрету

Считается одним из крупнейших социологов современности, специализирующимся в области теории информационного общества. Преподавал социологию в Высшей школе социальных наук (Париж). С 1979 г. – профессор Калифорнийского университета в Беркли.

КЛИНТОН Билл [*Bill Clinton*] полное имя Уильям Джефферсон Клинтон [*William Jefferson Clinton*] (родился 19 августа 1946 г.) – 42-й президент США (1993–2001 гг.) от Демократической партии. До своего избрания на пост президента США Клинтон дважды избирался губернатором штата Арканзас.

Штрихи к портрету

В июле 1963 г. Клинтон в составе делегации от национальной молодежной организации участвовал во встрече с Джоном Кеннеди, после чего и решил посвятить жизнь публичной деятельности и политике.

Б.Клинтон учился в Университете Джорджтауна в Вашингтоне и Оксфорде в Йеле.

Будучи губернатором штата Арканзаса, он, сделав упор на содействие предпринимательству и подъем образования, за 11 лет серьезно повысил доходы штата, считающегося одним из самых отсталых в США. Одной из важнейших своих задач губернатор Клинтон считал доступность качественного образования для всех жителей штата, независимо от дохода и цвета кожи, и с этим он справился. В 1986–1987 гг. на посту председателя Ассоциации губернаторов он продвигал свои образовательные идеи уже на государственном уровне.

Б.Клинтон был одним из лидеров «южных демократов» (в южных штатах демократы не популярны), ставивших во главу угла не только либерализацию, но и свойственный республиканцам прагматизм. Одной из ведущих задач «южных демократов» было и возвращение своего исконного электората.

3 октября 1991 г. Клинтон выдвинул свою кандидатуру на пост президента США. Во время предвыборной кампании упор делался на неважное экономическое состояние страны (огромный

государственный долг, дефицит бюджета, растущая безработица и высокая инфляция) после 12 лет правления республиканцев. Клинтон уверенно победил. Ему удалось взять верх в традиционно республиканских штатах, подобного не было со времен Джона Кеннеди.

Итоги президентства: США резко снизили внешний долг, безработица существенно уменьшилась. Америка стала лидером в области высоких технологий (до Клинтона в этой сфере лидировала Япония).

Администрация Клинтона пролоббировала запрещение испытаний ядерного оружия во всем мире.

Развал СССР облегчил задачу расширения влияния США, что позволило добиться четвертого расширения НАТО и отделения Косово и Метохии от Югославии после войны НАТО против Югославии (1999 г.).

Таким образом, Клинтон продолжил американскую экспансию в мире. На президента-демократа Клинтона американцы возлагали надежды как на реформатора консервативного общества США, граждане рассчитывали, что Клинтон снизит влияние религиозных конфессий. Но если в науке действительно был прорыв, то позиции религии наоборот сильно укрепились, причем активизировались всевозможные деструктивные секты.

В мае 2009 г. Клинтон получил пост специального посланника ООН по Гаити.

КИССИНДЖЕР Генри Альфред [*Henry Alfred Kissinger*] (родился 27 мая 1923 г.) – американский государственный деятель, дипломат и эксперт в области международных отношений. Государственный секретарь США с 1973 по 1977 г., лауреат Нобелевской премии мира (1973 г.). В 2002 г. Г.Киссинджер возглавил список 100 ведущих интеллектуалов мира.

Штрихи к портрету

Г.Киссинджер родился в религиозной еврейской семье, эмигрировавшей в США (1938 г.) из Германии.

Он играл большую роль в американской внешней политике с 1969 г. по 1977 г., до 1973 г. как помощник Р.Никсона по внешней политике, затем с началом его второго срока как государственный секретарь. В 1974 г. после отставки Никсона продолжил исполнение прежних обязанностей и при Джеральде Форде.

Киссинджер был сторонником и одним из главных исполнителей политики разрядки международной напряженности в отношениях с СССР и КНР (1972 г.). Ему также принадлежит идея антисоветского блока с КНР, поддержки антикоммунистических режимов в Южной Америке, в частности переворота Пиночета в Чили (1973 г.).

В конце XX в. после рассекречивания материалов администраций Никсона и Форда Киссинджер неоднократно обвинялся журналистами и правозащитниками (как в США, так и за рубежом) в причастности к преступлениям военных хунт в Чили и Аргентине (операция «Кондор»).

В 1973 г. Киссинджер получил Нобелевскую премию мира за свою роль в достижении Парижского соглашения, которое, как предполагалось, должно было завершить войну во Вьетнаме.

В настоящее время является членом Бильдербергского клуба.

Цитаты

«На следующей неделе кризиса быть не может. В моем расписании уже нет места».

«Это хорошо. Все приличные люди начинали в разведке. Я тоже».

КОУДЕНХОВ–КАЛЕРГИ Ричард Николаус Эйиро (Эйджиро) фон, граф (16 ноября 1894 г. – 27 июля 1972 г.) – австрийский политик, специалист в области геополитики, философии.

Штрихи к портрету

В 1926 г. Куденхоув–Калерги предложил проект мирного сотрудничества суверенных государств,

выступил против фашистского видения насильственно объединенной Европы, в которой национальные государства были бы уничтожены.

Куденхоув-Калерги написал в 1932 г. книгу «Революция через технологию», которая представляла собой программу возвращения к средневековому обществу. Эта книга фактически стала рабочим материалом для планов «Комитета-300». Утверждая, что перенаселение является серьезной проблемой, Куденхоув-Калерги советует вернуться к тому, что он назвал «открытыми пространствами».

В конце Второй мировой войны Куденхоув-Калерги переезжает в США, где ведет активную лоббистскую деятельность с целью убедить Вашингтон навязать Европе федеративную организацию сразу же после установления мира.

ЛАСЛО Эрвин [*László Ervin*] (родился 12 июня 1932 г.) – основатель и президент Будапештского клуба, философ науки, исследователь систем и интегральный теоретик.

Штрихи к портрету

Э.Ласло является руководителем Исследовательской группы общей эволюции, редактором журнала общей эволюции, ректором Венской академии футурологии, инициатором создания Международной академии системных исследований,

почетным доктором ряда университетов Америки, Канады, Финляндии, Кореи и Японии.

Э.Ласло – обладатель самой высокой степени в философии и гуманитарных науках в университетах Парижа, диплома музыканта-исполнителя в Академии Ференца Листа в Будапеште.

Доктор Э.Ласло признается как основатель философии систем и теории общей эволюции.

Он выдвинул оригинальную гипотезу происхождения Вселенной, жизни и сознания. Согласно этой гипотезе, в основе мира лежит информационное (*in-formation*) поле, для именованя которого Ласло использует санскритский и ведический термин «акаша» – пустота. По Ласло, квантовый вакуум является энергетическим и информационном полем, которое включает в себя не только нашу Вселенную, но и все вселенные в прошлом и настоящем (Метавселенную).

В ряде своих книг Ласло показывает, что существуют два варианта развития событий в связи с системным кризисом, охватывающим весь мир. Первый – всеобщая катастрофа и децентрализация, ведущая к росту неравенства и новой гонке вооружений. Второй – глобальный прорыв под руководством негосударственных международных организаций.

Он рассматривает период 2012-2020 гг. как критическое время для предстоящей трансформации.

МАККИНДЕР Хэлфорд Джон, сэр [*Halford John Mackinder*] (15 февраля 1861 г. – 6 марта 1947 г.) – выдающийся английский географ и геополитик, член Тайного совета, основатель теории «хартленда».

Штрихи к портрету

Х.Маккиндер с 1887 г. преподавал географию в Оксфордском университете, пока не был назначен директором Лондонской экономической школы. С 1910 по 1922 гг. он был членом палаты общин, а в промежутке (1919–1920 гг.) британским Верховным комиссаром в Южной России. Его задачей было сообщать о состоянии антибольшевистских сил, возглавляемых генералом Деникиным. Эта миссия позволила Маккиндеру давать свои рекомендации британскому правительству по геополитике в Восточной Европе.

Х.Маккиндер пришел в геополитику в 1904 г. В том же году издан его главный труд «Географическая ось истории» (*Geographical pivot of history*), в котором он вводит понятие «хартленда».

Часто именно это произведение считается началом геополитики как науки, хотя сам Маккиндер не использовал этот термин.

Хартлендом (*Heartland* – «сердцевинная земля») Маккиндер назвал центральную часть Евразии, вокруг которой расположены внутренняя дуга (Европа –

[Аравия](#) – [Индокитай](#)) и периферийная дуга ([Америка](#) – [Африка](#) – [Океания](#)). К периферии Маккиндер отнес и [Соединенные Штаты Америки](#). Для сегодняшней внешней политики России (последних 10 лет) это является очень интересным тезисом.

Маккиндер, в отличие от большинства своих соотечественников, придавал большее для геополитического положения государства значение земной массе, чем морскому могуществу.

В [1919](#) г., сразу после окончания [Первой мировой войны](#) выходит второй его труд – «Демократические идеалы и реальность», где он сформулировал свою максиму следующим образом: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует хартлендом; кто контролирует хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром».

В [1943](#) г. выходит труд Маккиндера «Земной шар и достижение мира», где кардинально пересматривается будущее мировое устройство после окончания [Второй мировой войны](#). В своей работе Маккиндер вводит новую геополитическую ось – [США](#), обосновывает идею геополитических блоков и предсказывает становление двуполярного мира, вращающегося вокруг двух противостоящих друг другу осей: [Соединенных Штатов](#) и [Советского Союза](#) (хартленда). Поэтому Маккиндера принято считать основоположником теории [«атлантизма»](#).

МАРШАЛЛ-мл. Джордж Кэтлетт [*George Catlett Marshall, Jr.*] (31 декабря 1880 г. – 16 октября 1959 г.) – государственный и военный деятель США, генерал армии (1944 г.), инициатор «плана Маршалла», лауреат Нобелевской премии мира. Занимал посты начальника генштаба, государственного секретаря и министра обороны.

Штрихи к портрету

Дж.Маршалл в 1901 г. окончил институт и был зачислен в пехоту, затем служил на Филиппинах, участвовал в Первой мировой войне. В 1919 г. Маршалл готовил план предполагавшегося наступления на Германию.

В рамках политики «Нового курса» Ф.Д.Рузвельта и по поручению генерала Д.Макартура в 1933 г. Маршалл занимался организацией Гражданского корпуса охраны окружающей среды – масштабной программы трудоустройства молодых безработных.

В 1938 г. Маршалл стал помощником начальника военного планирования генерального штаба. Когда началась Вторая мировая война (сентябрь 1939 г.), Маршалл был назначен начальником штаба армии.

После атаки на Перл-Харбор (1941 г.) президент США Рузвельт сделал Маршалла своим советником по вопросам стратегии и тактики. Он сопровождал Рузвельта на конференциях в Тегеране, Ялте и др.

Маршалл был инициатором атомной атаки на Хиросиму и Нагасаки.

В 1947 г. Маршалл выступил в Гарварде с инициативой о помощи европейским странам, ставшей известной как «план Маршалла». В 1947–1949 гг. государственный секретарь США. В 1950 г. с началом войны в Корее был назначен министром обороны.

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Анатольевич (родился 14 сентября 1965 г.) – российский государственный и политический деятель, третий президент Российской Федерации (с 2 марта 2008 г.), Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации и председатель Совета безопасности РФ.

Штрих к портрету

С 1990 г. по 1997 г. – на преподавательской работе в Санкт-Петербургском государственном университете. Кандидат юридических наук. Одновременно в 1990–1995 гг. – советник председателя Ленинградского городского совета А.Собчака, эксперт Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга.

В 1999–2000 гг. – заместитель руководителя администрации президента России. Возглавлял предвыборный штаб В.В.Путина.

В 2000–2001 гг. – председатель совета директоров ОАО «Газпром», в 2001 г. – заместитель председателя совета директоров ОАО «Газпром», с

июня [2002 г.](#) по май [2008 г.](#) – председатель совета директоров ОАО «Газпром».

С октября 2003 г. по ноябрь [2005 г.](#) – [руководитель Администрации президента России.](#) 12 ноября 2003 г. Медведев был назначен членом Совета безопасности России.

С [21 октября 2005 г.](#) по [10 июля 2008 г.](#) – первый заместитель председателя [Совета при президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике.](#)

[Ноябрь 2005 г.](#) – [сентябрь 2007 г.](#) – первый [заместитель председателя правительства Российской Федерации.](#)

Д.А.Медведев [10 декабря 2007 г.](#) был выдвинут кандидатом в президенты Российской Федерации от партии [«Единая Россия».](#) Кандидатуру Медведева поддержали партии [«Справедливая Россия»](#), [Аграрная партия России](#) и партия [«Гражданская сила».](#)

Основными лозунгами избирательной кампании Медведева стали:

– в основу государственной политики закладывается принцип «свобода лучше, чем несвобода»;

– следование идеям «Концепции-2020»;

– возвращение России статуса мировой державы и ее дальнейшее развитие, интеграция в мировые

отношения, собственная позиция по всем ключевым международным вопросам, повсеместное отстаивание российских интересов.

Цитаты

Во время грузино-югоосетинского конфликта президент РФ Медведев заявил ([8 августа 2008 г.](#)):

«Сегодня ночью в Южной Осетии грузинские войска, по сути, совершили акт агрессии против российских миротворцев и мирных жителей. <...> Мы не допустим безнакаванной гибели наших соотечественников. Виновные понесут заслуженное наказание».

На совместной пресс-конференции с президентом [Франции Николя Саркози](#) (12 августа) он назвал действия грузинской армии в зоне грузино-югоосетинского конфликта «[геноцидом](#)» и «[этническими чистками](#)».

Президент России Медведев изложил свои соображения о природе и уроках экономического кризиса: по его мнению, к кризису «привел прежде всего экономический эгоизм ряда стран». Предложил программу из 5 пунктов, первым из которых гласил: «В новых условиях нужно упорядочить и привести в систему как национальные, так и международные институты регулирования».

Он считает, что Причиной глобального финансового кризиса является система, которая сложилась и которая «сегодня не выполняет никаких задач по

поддержанию международной финансовой системы в сбалансированном состоянии».

11 ноября 2008 г. президент РФ Медведев в соответствии со ст. 134 Конституции Российской Федерации и ст. 3 Федерального закона «О порядке принятия и вступления в силу поправок к Конституции Российской Федерации» внес в Госдуму проекты законов о поправках к Конституции РФ: «Об изменении срока полномочий Президента Российской Федерации и Государственной Думы» и «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства Российской Федерации».

В своих интервью Медведев обозначил позиции, на которых он намерен строить внешнюю политику страны, а именно: «Россия признает первенство основополагающих принципов международного права, которые определяют отношения между цивилизованными народами».

«У России, как и у других стран мира, есть регионы, в которых находятся привилегированные интересы. В этих регионах расположены страны, с которыми нас традиционно связывают дружеские, добросердечные отношения, исторически особенные отношения. Мы будем очень внимательно работать в этих регионах и развивать такие дружеские отношения с этими государствами, с нашими близкими соседями».

«...Актуальность заключения большого европейского договора после событий на Кавказе становится все более высокой. И это понимают даже те, кто в кулуарных беседах, в личных беседах со мной говорил, что не надо этого ничего: НАТО все обеспечит, НАТО все решит. Что решило НАТО, что оно обеспечило? Только спровоцировало конфликт, не более того».

Он подчеркнул невозможность возвращения мира к холодной войне. Выступая на Конференции по мировой политике в Эвиане (8 октября 2008 г.), подверг критике проводимый правительством США глобальный внешнеполитический курс, а именно:

«Тогда, к сожалению, из-за стремления Соединенных Штатов Америки затвердить свое глобальное доминирование был упущен исторический шанс на деидеологизацию международной жизни и строительство по-настоящему демократического миропорядка.

...Расширение НАТО осуществляется с каким-то особенным азартом. Сегодня активно обсуждается прием в НАТО Грузии и Украины.

...Альянс вплотную приближает свою военную инфраструктуру к границам нашей страны и проводит новые "разделительные линии" в Европе – теперь уже по нашему западному и южному рубежам. И вполне естественно, что бы там ни говорили, что мы

рассматриваем эти действия как действия, направленные против нас».

Медведев на [саммите](#) «[Двадцатки](#)» в Вашингтоне ([15 ноября](#) 2008 г.) предложил полностью перестроить все институты финансовой системы; новая структура, по словам президента России, должна быть «открытая, прозрачная и равномерная, эффективная и легитимная».

МЕДОУЗ Деннис Л. (родился 7 июня 1942 г.) – американский кибернетик, профессор Массачусетского технологического [института](#), специалист в области системной динамики, член Римского [клуба](#).

Штрихи к портрету

Д.Медоуз возглавлял исследовательский проект «Пределы роста. Доклад Римскому клубу» (1972 г.).

Книга «Пределы роста» вошла в список десяти наиболее влиятельных работ об окружающей среде XX столетия и получила в Германии приз Мира.

Проведенное под руководством профессора Медоуза исследование фактически предопределило развитие мировой мысли, концепций и методов глобального прогнозирования и управления.

МЕРКЕЛЬ Ангела Доротея [*Angela Dorothea Merkel*] (родилась [17 июля](#) [1954](#) г.) – [немецкий](#) политик,

лидер партии [ХДС](#). С 21 ноября 2005 г. занимает пост [федерального канцлера Германии](#).

Штрихи к портрету

После окончания института А.Меркель работала в Академии наук ГДР (1978–1989 гг.).

Осенью [1989 г.](#) после падения [Берлинской стены](#) на фоне происходивших радикальных перемен стало очевидным, что в ГДР, с одной стороны, начинается процесс образования новых демократических партий, а с другой – Академия наук ГДР перестанет существовать (фактически она была распущена 31 декабря 1991 г.). В этот момент Ангела Меркель поступила на работу в новую партию [«Демократический прорыв»](#) (*Demokratischer Aufbruch*).

Неудачные для «Демократического прорыва» выборы в Народную палату (март 1990 г.) и ситуация, сложившаяся в последующие месяцы, привели к его сближению с ХДС.

Быстрое восхождение бывшей гражданки ГДР А.Меркель по партийной лестнице ХДС произошло лишь благодаря протекции федерального канцлера Г.Шрёдера.

На федеральном съезде ХДС (декабрь 1991 г.) в [Дрездене](#) Меркель была избрана заместителем председателя ХДС, сменив на этом посту Лотара де Мезьера.

Выборы в бундестаг [22 сентября 2002 г.](#) с небольшим перевесом выиграла коалиция [СДПГ](#) и партии «зеленых» во главе с [Герхардом Шрёдером](#) и [Йошкой Фишером](#). Свой вклад в победу Шрёдера на выборах внесла и молниеносная реакция правительства на [наводнение](#) на [Эльбе](#) ([2002 г.](#)), а также отрицательное отношение к войне в [Ираке](#). В отличие от четкого «нет», высказанного действующим федеральным правительством, А.Меркель выразила поддержку курсу [Джорджа Буша](#), заявив, что ХДС поддерживает предъявление [ультиматума](#) [Саддаму Хусейну](#), ставшего «последним шансом сохранить мир», и призвала федеральное правительство последовать этому примеру, чтобы «реально предотвратить войну в Ираке».

[22 ноября 2005 г.](#) А.Меркель была избрана на пост федерального канцлера ФРГ. Она – первый представитель новых федеральных земель на этом посту и первый федеральный канцлер с естественнонаучным образованием.

А.Меркель и федеральный министр иностранных дел [Франк-Вальтер Штайнмайер](#) представляли Германию, исполнявшую с [1 января](#) по [30 июня 2007 г.](#) свои полномочия по председательству в [Европейском союзе](#). Среди наиболее важных направлений своей политической деятельности в период председательства Германии в Евросоюзе А.Меркель назвала [Договор о введении конституции для Европы](#), защиту климата, энергетическую

политику, углубление трансатлантического экономического сотрудничества и добрососедские отношения со странами [Черноморского региона](#) и [Центральной Азии](#).

Цитаты

О Косовском конфликте (1999 г.): «Наше собственное историческое прошлое напоминает нам о необходимости сохранения мира как величайшей ценности и использования всех возможностей для того, чтобы избежать военных конфликтов. ... Однако оно же заставляет нас помнить о том, что неправильно понятый [радикальный пацифизм](#) может привести к гибели, а использование силы (имеется в виду участие сил НАТО – Авт.), несмотря на причиняемые страдания, неизбежно на последней стадии для того, чтобы избежать еще большего зла. И новейшая история Европы показывает, что война с [диктаторами](#) может быть «последним доводом». ... В [войне в Косово](#) применение силы “коалицией согласных” предотвратило еще большие страдания».

МЕССАРОВИЧ Михайло Д. [Messarovich M.D.] (родился в 1928 г.) – американский ученый-математик, профессор системного проектирования в Западном резервном университете Кейза. Он был одним из первых разработчиков в области системной теории, научным советником по глобальным переменам при ЮНЕСКО. Является членом Римского клуба.

МИЛОШЕВИЧ Слободан [*Slobodan Milošević*] (20 августа 1941 г. – 11 марта 2006 г.) – с 1990 по 1997 г. – президент Республики Сербия (в составе Союзной Республики Югославия). С 1997 г. по 2000 г. – президент Союзной Республики Югославия.

Штрихи к портрету

В период с 1986 по 1990 г. сначала председатель белградского горкома Союза коммунистов Сербии, затем председатель Президиума Союза коммунистов Сербии.

С именем С.Милошевича тесно связана череда этнических конфликтов и гражданских войн, последовавших за распадом Югославии и приведших к масштабному военному вмешательству вооруженных сил НАТО.

Некоторые считают С.Милошевича одним из главных виновников этих драматических событий, международным преступником, а другие – жертвой произвола со стороны США и НАТО. Согласно этой

точке зрения, этнические конфликты на территории Югославии (и в особенности на территории Косово) намеренно провоцировались США с тем чтобы подготовить мировое общественное мнение к военному вмешательству силами НАТО во внутренние проблемы Югославии, смене руководства в стране, а также политического и экономического курса Югославии, ее окончательного расчленения, обеспечения своего военного присутствия на ее территории.

В 1999 г. (во время албанско-сербского конфликта в Косово) Милошевич был обвинен ООН и НАТО в военных преступлениях, нарушении Женевской конвенции и геноциде. Сербия была подвергнута бомбардировкам авиацией НАТО.

В октябре 2000 г. Милошевич был свергнут, а через несколько месяцев арестован. В июне 2001 г. по инициативе премьер-министра З.Джинджича тайно передан Международному трибуналу по военным преступлениям в бывшей Югославии (МТБЮ).

Милошевич не признавал легитимность Гаагского трибунала и отказался от адвокатов, заявив, что будет защищаться самостоятельно.

В своей защитной речи Милошевич дал развернутый анализ предыстории, истоков и хода войны НАТО против Сербии. Предъявил доказательства ряда военных преступлений НАТО: использование запрещенных видов вооружений (кассетные бомбы и боеприпасы с обедненным ураном, намеренное

уничтожение невоенных объектов, многочисленные атаки на гражданское население).

Преемник Милошевича на посту председателя Главного комитета Социалистической партии Сербии (СПС) Ивица Дачич заявил, что Милошевич был убит в Гаагском трибунале. По его словам, Милошевичу удалось защитить сербский народ от обвинений в геноциде и этнической чистке, что имеет жизненное значение для будущего Сербии.

Цитаты

В феврале 1993 г. (после нападения хорватов на Краину, находившуюся под защитой миротворцев ООН и в разгар боснийской войны) Милошевич дал интервью российской газете «Правда», в котором обвинил Германию в распаде Югославии:

«О позиции Сербии... Мы ее никогда не меняли: всегда стояли за мирное решение вопроса. Мы не оспаривали и не оспариваем право какого-либо народа на самоопределение. Подразумевается, что подобное право имеет и сербский народ».

«Мы столкнулись с удивительным фактом: международное сообщество признало право на отделение более весомым, чем право остаться в своей стране. Так было совершено большое преступление: разрушена Югославия – страна, являющаяся одним из основателей ООН... Именно в интересах немецко-католического альянса –

разрушение не только нашей страны, но и вашей (России. – Авт.)».

«...Все началось с объединения Германии. Как только это случилось, Германия стала наказывать победителей Второй мировой войны. Пресса с немецкой педантичностью разделила мир на хороших и плохих. "Хорошие" – это те, кто во Второй мировой войне был с фашистами и проиграл войну. А "плохие" – те, кто не был с ними и выиграл войну.. Югославию надо было разрушить. Югославия стала первой жертвой политики реваншизма».

МУШАРРАФ Первез (родился 11 августа 1943 г.) – военный, политический и государственный деятель Пакистана. Генерал, президент Пакистана.

Штрихи к портрету

Мушарраф родился в Дели в семье клерка министерства иностранных дел. В Пакистане он учился в христианских школах, а затем получил военное образование в Военной академии. Впоследствии участвовал в двух войнах против Индии.

12 октября 1999 г. Мушарраф возглавил бескровный переворот против правительства Шарифа. Он обещал покончить с коррупцией, а в международных делах начать переговоры с Индией по

вопросу о Кашмире и с Афганистаном по вопросу о терроризме.

20 июня 2001 г. П.Мушарраф стал президентом Пакистана. При этом он сохранил за собой посты главы исполнительной власти и вооруженных сил. В октябре 2002 г. Мушарраф обещал провести новые парламентские выборы, чтобы после этого обратиться к парламенту с просьбой выбрать его президентом на пятилетний срок.

28 ноября 2007 г. Мушарраф покинул пост начальника штаба сухопутных войск Пакистана, а 29 ноября принял присягу в качестве гражданского главы государства. Во время инаугурации Мушарраф заявил, что не поддастся давлению Запада в отношении отмены режима чрезвычайного положения.

«Нам нужна демократия, нам нужны права человека, нам нужна стабильность, но мы придем к этому своим путем», – отметил Мушарраф. Следующим шагом должны были стать всеобщие выборы и формирование нового правительства.

18 августа 2008 г. он добровольно ушел в отставку с поста президента Пакистана. На его решение уйти в отставку под гарантии собственной безопасности повлияли позиции стран Запада и США, которые отказали ему в своей поддержке, и позиция пакистанской армии, которая отказалась предпринимать какие-либо действия по защите президента в случае объявления ему импичмента.

МЭХЭН Альфред Тайер [*Alfred Thayer Mahan*] ([27 сентября 1840](#) г. – [1 декабря 1914](#) г.) – американский военный морской теоретик и историк, контр-адмирал ([1906](#) г.), один из основателей [геополитики](#).

Штрихи к портрету

А.Х.Мэхэн окончил [Военно-морскую академию США](#) ([1859](#) г.), участвовал в [Гражданской войне](#) ([1861–1865](#) гг.) на стороне [Севера](#). В [1886–1888](#) гг. и [1892–1893](#) гг. президент военно-морского колледжа в [Ньюпорте](#). В [1893–1895](#) гг. командовал [крейсером «Chicago»](#), с [1896](#) г. в отставке.

Во время [испано-американской войны 1898](#) г. – член Морского комитета по стратегии, в [1899](#) г. – член американской делегации на [Гаагской конференции](#).

А.Х.Мэхэн – автор трудов с большим фактическим материалом, в которых сформулированы закономерности войны на море. Одновременно с английским военно-морским теоретиком и историком [Ф.Х.Коломбом](#) обосновал теорию «морской мощи», или «морской силы» (*Sea Power*). Согласно этой теории, завоевание господства на море признавалось основным законом войны и целью, обеспечивающей победу над противником и завоевание мирового господства.

Основные положения его теории «морской мощи» отражены в главном его труде «Влияние морской мощи на историю 1660–1783», изданном в [1890](#) г.

Отталкиваясь от успехов [Англии](#) в эпоху паруса, Мэхэн проанализировал причины, приведшие Англию к победе, в частности он считал, что:

1. Море не барьер, а дорога. Всякий, кто рассматривает море как средство изоляции ... в конце концов обнаруживает, что сосед уже поставил море себе на службу. То есть изоляционист неизменно проигрывает, так как добровольно отдает все выгоды тому, кто видит в море средство обмена.
2. Владение морем решает дело. Начиная от [Пунических войн](#), тот, кто владел морем, был способен не только одерживать победы, но и пользоваться их плодами, и как высшая цель – создавать жизнеспособные мировые империи. По нему, [Ганнибал](#), [Александр](#), [Наполеон](#), не понимая важности владения морем, не удержали свои империи, несмотря на военный талант.
3. Морская мощь – путь к владению морем. По Мэхэну, она состоит в свободе пользования морем, и воспрещении пользования им для противника. Обе задачи обеспечиваются сильным флотом, в первую очередь – военным, но также и торговым.
4. Основа морской мощи – на суше. Как поддерживающая флоты экономика, так и базы,

колонии и стратегически важные территории – ее необходимые составляющие.

5. Оборона своих берегов начинается у берегов противника – решающий характер наступления и глобальный характер войны.

Выводы Мэхэна:

– Суть войны состоит в борьбе за морское господство;

– Главное внимание должно уделяться линейному флоту, который, в свою очередь, должен стремиться уничтожить линейный флот противника в одном генеральном сражении;

– Морская мощь должна быть частью большой политики;

– Если морское господство обеспечено, то обеспечена и защита торговли.

В викторианской Англии теория стала официальной точкой зрения на будущую морскую войну. При этом лорды адмиралтейства охотно принимали принцип главенства линейного флота, но полностью отменяли конвои для защиты торговли. Подводная лодка была объявлена «не-английской», «не-джентльменской» машиной. Упорство в этом пункте стоило торговому флоту Англии в Первой мировой войне неоправданно больших потерь.

Быстро вооружавшаяся [Германия](#) тоже разделяла взгляды Мэхэна. Самыми влиятельными приверженцами были морской министр [Альфред фон Тирпиц](#).

В Соединенных Штатах самым известным сторонником был президент [Теодор Рузвельт](#). Два его детища — Панамский канал и [Большой Белый флот](#) — появились в полном соответствии со взглядами Мэхэна.

В межвоенный период морские державы не отказались от представления о крупных кораблях как основе флота.

Германия, вынужденная по условиям [Версальского мира](#) прекратить строительство линейного флота, тем не менее сохранила «морскую мечту». Лично [Гитлер](#) не придавал борьбе на море первостепенного значения, но военно-морское руководство, и прежде всего адмирал [Эрих Редер](#), ухватилось за [строительство «большого флота»](#), как только Гитлер в 1935 г. предоставил ему такую возможность.

[Италия](#), традиционно отличавшаяся быстрыми кораблями, сознательно сосредоточилась на создании линкоров со скоростью на один-два узла выше британских и французских, забросив авианосцы и отодвинув на последнее место подводные лодки.

[Япония](#) довела идею линкора до крайнего выражения. Созданные ею [линейные корабли типа «Ямато»](#) остались непревзойденными по размеру, калибру орудий и толщине брони.

Опыт Второй мировой войны выявил ведущую роль подводных лодок и авиации, и заставил флота перестраиваться на ходу. Однако последним и самым упорным сторонником идей Мэхэна оказался Советский Союз, когда, игнорируя опыт войны, предполагалось создать флот, в основе которого были бы пять линкоров.

Теория Мэхэна породила множество последователей.

НАЗАРБАЕВ Нурсултан Абишевич (родился в 1940 г.).
С марта 1990 г. – президент Казахстана.

Штрихи к портрету

В 1967 г. Назарбаев окончил завод-ВТУЗ при Карагандинском металлургическом комбинате. Работал чугунщиком разливочных машин, горновым доменной печи на Карагандинском металлургическом заводе (1965–1969 гг.).

В 1969–1973 гг. – на партийной работе в Карагандинской области; в 1979–1984 гг. – секретарь ЦК Компартии Казахстана; в 1984–1989 гг. – Председатель Совета Министров Казахской ССР; в 1989–1991 гг. – первый секретарь ЦК Компартии Казахстана.

В 1991 г. Назарбаев, приверженец реформ, поддержал план заключения нового союзного договора

4 декабря 2005 г. Н.А.Назарбаев был вновь избран президентом Республики Казахстан, получив 91,15% голосов избирателей.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (родилась 23 декабря 1948 г.) – российский политический деятель, историк и политолог.

Штрихи к портрету

Нарочницкая Н.А. – доктор исторических наук, специалист по США, Германии и общим проблемам международных отношений. В 1982–1989 гг. работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке. Депутат Государственной думы Российской Федерации.

Н.А.Нарочницкая – автор фундаментальных разработок по внешней политике России, проблемам совмещения русского национально-государственного сознания с философией западноевропейского либерализма.

В целом ряде работ Нарочницкая рассматривала в широком философском и международно-политическом контексте глобальные и военно-стратегические последствия отказа России от традиционных основ своей внешней политики.

Н.А.Нарочницкая выступает и публикуется за рубежом, в частности в западноевропейских национально-консервативных кругах, которые

обеспокоены утратой Европой роли самостоятельного субъекта мировой истории и культуры и диктатом США и НАТО.

Нарочницкая имеет научные и общественные связи с западноевропейскими учеными и научными центрами (Германия, Великобритания, Франция, Италия, Греция), выступающими за сохранение государствами суверенитета, против глобализации и диктата наднациональных идеологических, финансовых и военных механизмов, осознающими роль сильной России как единственного препятствия на пути сил, стремящихся к мировому господству. Большим авторитетом и известностью она пользуется в Югославии.

НИЦШЕ Фридрих Вильгельм [*Friedrich Wilhelm Nietzsche*] (15 октября 1844 г. – 25 августа 1900 г.) – немецкий философ, композитор, культуролог, представитель иррационализма.

Штрихи к портрету

Ницше подверг резкой критике религию, культуру и мораль своего времени и разработал собственную этическую теорию. Он был скорее литературным, чем академическим философом, и его сочинения носят афористический характер.

Философия Ницше оказала большое влияние на формирование экзистенциализма и постмодернизма, а

также стала весьма популярна в литературных и артистических кругах. Интерпретация его трудов довольно затруднительна и до сих пор вызывает много споров.

ПЕСТЕЛЬ Эдуард [Eduard Pestel] – немецкий механик, разработчик доклада для Римского клуба, в частности в 1974 г. вышел второй доклад Клуба. Его возглавили члены Римского клуба М.Мессарович и Э.Пестель.

Штрихи к портрету

Доклад «Человечество на перепутье» предложило концепцию «органического роста», согласно которой каждый регион мира должен выполнять свою особую функцию подобно клетке живого организма. Концепция «органического роста» была всецело принята Римским клубом и до сих пор остается одной из основных отстаиваемых им идей.

Модели Медоуза – Форрестера и Мессаровича – Пестеля заложили основу идеи ограничения потребления ресурсов за счет так называемых промышленно слаборазвитых стран. Предложенная учеными методика была востребована правительством США для прогнозирования и соответственно активного воздействия на процессы, происходящие в мире.

Особое место среди докладов Римскому клубу занимает доклад Э.Пестеля «За пределами роста» (1987 г.), в котором обсуждаются актуальные

проблемы «органического роста» и перспективы возможности их решения в глобальном контексте, учитывающем как достижения науки и техники, так и международную обстановку.

Цитаты

«Только выработав общую точку зрения по этим фундаментальным вопросам – а сделать это должны прежде всего богатые и сильные страны, – можно найти верную стратегию перехода к органическому росту, которую и передать потом своим партнерам на подсистемном уровне. Только тогда можно будет управлять мировой системой, и управлять надежно».

ПОНТЕ Карла, дель [Carla del Ponte] (родилась 9 февраля 1947 г.) – бывший генеральный прокурор Швейцарии, бывший прокурор Международного трибунала ООН по бывшей Югославии и Международного трибунала ООН по Руанде. С января 2008 г. является послом Швейцарии в Аргентине.

Штрихи к портрету

Карла дель Понте изучала право в университетах Берна, Женевы и Лондона.

В 1981 г. дель Понте начала работу в аппарате окружного прокурора Лугано. Вела расследования, связанные с отмыванием денег, контрабандой оружия, международной наркоторговлей.

В 1994 г. дель Понте была назначена на пост генерального прокурора Швейцарии. Широкую известность в России ей принесло дело о коррупции в окружении первого президента РФ Б.Ельцина; также в свое время она заморозила счета бывшего премьер-министра Пакистана Беназир Бхутто и добилась ареста 118 млн. долл. на счетах брата экс-президента Мексики Рауля Салинаса.

В августе 1999 г. Совет Безопасности ООН назначил ее на должность обвинителя в Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), расследовавшим военные преступления в ходе Балканских конфликтов, а также в Международный трибунал по Руанде (МТР), занимавшийся расследованием геноцида в Руанде.

По Югославии главным обвиняемый был С.Милошевич. Доказать его вину так и не удалось. После этого внимание обвинителя было переключено на лидеров боснийских сербов Ратко Младича и Радована Караджича, обвинявшихся в массовых убийствах в Сребренице. Однако добиться их выдачи от Сербии не удалось.

30 января 2007 г. дель Понте оставила свой пост прокурора в МТБЮ.

ПОПОВ Гавриил Харитонович (родился 31 октября 1936 г.) – экономист и российский политический деятель.

Штрихи к портрету

Г.Х.Попов один из лидеров демократического движения в СССР и России в конце 80-х – начале 90-х годов, являлся сторонником демократических преобразований в стране. Председатель Московского городского Совета народных депутатов (1990–1991 гг.), мэр Москвы (1991–1992 гг.). После отставки с поста мэра – президент Международного университета в Москве.

С именем Попова тесно связано создание Международного союза экономистов, Вольного экономического общества, президентом которых он является с 1991 г.

В марте 2009 г. Попов выступил с критикой антикризисных мер российской власти, заявив о «необходимости смены правящей команды». Он выступает за создание Мирового правительства, роспуск ООН и формирование ее на новой основе.

По его мнению, все ядерное оружие, ядерная энергетика, ракетно-космическая техника и «все богатства недр» планеты («прежде всего – запасы углеводородного сырья») должны быть переданы под глобальный контроль. Попов, в частности, считает, что «должны быть установлены жесткие предельные нормативы рождаемости с учетом уровня производительности и размеров накопленного каждой страной богатства. Пора выйти из тупика, на который указывал еще Мальтус: нельзя, чтобы

быстрее всех плодилось нищие». Кроме того, по его мнению, «перспективным представляется ... постоянная очистка генофонда человечества».

Попов полагает, что «при формировании государственных структур надо полностью исключить популистскую демократию... При избрании законодательной палаты гражданин должен иметь то число голосов, которое соответствует его образовательному и интеллектуальному цензу, а также величине налога, уплачиваемого им из своих доходов». При этом, по его мнению, «страны, которые не примут глобальную перспективу, должны исключаться из мирового сообщества».

ПРИМАКОВ Евгений Максимович (родился 29 октября 1929 г.) – советский и российский политический и государственный деятель, президент Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, доктор экономических наук, академик, член Президиума РАН. Чрезвычайный и Полномочный Посол.

Штрихи к портрету

Е.М.Примаков окончил Московский институт востоковедения, арабское отделение (1953 г.) и аспирантуру экономического факультета МГУ (1956 г.).

Он занимал должности председателя Совета Союза Верховного Совета СССР, директора Службы внешней

разведки России, министра иностранных дел и председателя правительства Российской Федерации. Депутат Государственной думы РФ третьего созыва.

Е.М.Примаков один из ведущих отечественных востоковедов, крупный ученый в области мировой экономики и международных отношений, в частности в сфере комплексной разработки вопросов внешней политики России, изучения теории и практики международных конфликтов и кризисов, исследования мирового цивилизационного процесса, глобальных проблем, социально-экономических и политических проблем развивающихся стран.

24 марта 1999 г. Примаков направлялся в Вашингтон с официальным визитом. Над Атлантикой он узнал по телефону от вице-президента США А.Гора, что принято решение бомбить Югославию. Примаков отменил визит и распорядился развернуться над океаном и вернулся в Москву (журналисты назвали это «петлей Примакова»).

РАББАНИ Бурхануддин (родился в 1940 г.) – президент Афганистана (1992– 2001 гг.). Реально не обладал президентскими полномочиями после взятия Кабула талибами в 1996 г., однако признавался международным сообществом как легитимный президент Афганистана.

Штрихи к портрету

Раббани родился в провинции Бадахшан, этнический таджик, обучался исламской философии в Египте, с 1963 г. – профессор Кабульского университета.

Работая в Кабульском университете и преподавая исламское право, он примкнул к организации «Исламское движение», выступавшей против светских реформ короля Мухаммеда Захир-шаха.

Раббани и его сторонники резко выступили против пришедшего к власти в 1973 г. республиканского режима президента М.Дауда, который в 1974 г. ответил репрессиями против исламистов. В 1973 г. Раббани эмигрировал в пакистанский Пешавар.

Захват власти в Афганистане Народно-демократической партией Афганистана (апрель 1978 г.) лишь усилил сопротивление со стороны исламских кругов, поскольку новый режим посягал на традиционные социально-экономические структуры страны.

Раббани участвовал в военных действиях 1980–1989 гг. Был одним из командиров афганских моджахедов.

После свержения президента М.Наджибуллы (апрель 1992 г.) силы Ахмад-шаха Масуда вступили в Кабул. Раббани принял участие в совещании лидеров политических групп моджахедов, на котором было достигнуто соглашение о будущем управлении

Афганистаном. 28 июня 1992 г. в соответствии с Пешаварским соглашением, занял пост временного президента Исламского государства Афганистан. Новые власти ввели в действие законы шариата.

Приход Раббани к власти не принес стране умиротворения. Между его сторонниками и войсками Масуда Ахмад-шаха, с одной стороны, и силами Г.Хекматъяра - с другой, вспыхнули бои, которые с перерывами продолжались до 1996 г.

27 сентября 1996 г. силы талибов захватили Кабул, президент Раббани и его правительство эвакуировались в Мазари-Шариф. В 1997 г. он возглавил Объединенный исламский фронт спасения (Северный альянс). Его правительство контролировало главным образом северо-восточные и северные провинции страны, но признавалось ООН в качестве законной власти Афганистана. Летом 1998 г. территории Северного альянса в основном были захвачены талибами, сопротивление продолжали прежде всего силы Ахмад-шаха Масуда, а Раббани перемещался между Файзабадом и Таджикистаном, затем поселился в Душанбе.

Под давлением западных держав и других афганских группировок, Раббани вынужден был дать согласие на проведение под эгидой ООН конференции по Афганистану в Бонне, на которой 5 декабря было достигнуто соглашение о создании новой переходной администрации во главе с Хамидом Карзаем. 22

декабря 2001 г. Раббани официально подал в отставку с поста президента.

В современном Афганистане он остается лидером партии «Хезб-е джамиат-е ислами».

РАМСФЕЛД Дональд Генри [*Donald Henry Rumsfeld*] (родился 9 июля 1932 г.) – американский политический деятель, министр обороны США в 1975–1977 гг. (администрация Джеральда Форда) и в 2001–2006 гг. (администрация Джорджа Буша-младшего).

Штрихи к портрету

Рамсфелд занимал пост министра обороны дольше всех, кроме Роберта Макнамары. Во время второго срока был сторонником и основным исполнителем плана войны в Ираке. Отправлен в отставку 8 ноября 2006 г. после поражения республиканцев на выборах в конгресс США 2006 г.

РАСМУССЕН Андерс Фог – [*Anders Fogh Rasmussen*] (родился 26 января 1953 г.) – генеральный секретарь НАТО с 1 августа 2009 г.

Штрихи к портрету

Расмуссен окончил Орхусский университет в 1978 г. со степенью магистра по экономике.

В 1978 г. он был впервые избран в фолькетинг от округа Кьеллеруп.

В 1985 г. он был назначен вице-председателем Либеральной партии, а два года спустя получил пост министра по налогообложению. С 1990 по 1992 г. он совмещал два министерских поста: был главой министерства экономики и министерства по налогообложению.

В 1998 г. Расмуссен был назначен главой Либеральной партии. В ноябре 2001 г. на парламентских выборах либералы одержали победу и сформировали коалицию с правыми партиями: Датской народной партией и Консервативной народной партией. Новое правительство возглавил Расмуссен.

На посту премьер-министра Дании Расмуссен провел ряд реформ. Одной из наиболее важных была реформа административного устройства страны, сократившая число коммун в стране. Расмуссен поддерживал приватизацию, вопреки предвыборным обещаниям начал сокращение государственного финансирования социального обеспечения и провел налоговую реформу, направленную на сокращение налогообложения.

Расмуссена считали одним из самых преданных европейских сторонников Джорджа Буша-младшего. Несмотря на оппозицию внутри страны, он был одним из наиболее активных сторонников начала войны в Ираке в 2003 г.

По воле союзников по коалиции Расмуссен ужесточил иммиграционные законы. Вместе с тем он выступал за развитие европейской интеграции и

настаивал на проведении повторного референдума о введении в стране евро.

РОБЕРТСОН Джордж Айлей Макнил, лорд Порт-Элленский [George Islay MacNiell Robertson] (родился 12 апреля 1946 г.) – десятый генеральный секретарь НАТО, председатель Совета НАТО 1999–2003 гг.

Штрихи к портрету

Робертсон получил образование в Университете Данди. До избирания в парламент Дж.Робертсон работал в одном из профсоюзов Шотландии (1968 по 1978 г.). В 1978 г. впервые был избран депутатом в палату общин английского парламента. Всего в парламент он избирался пять раз.

Находясь в оппозиции после выборов 1979 г., Робертсон был с 1982 по 1993 г. ее официальным представителем сначала по делам Шотландии, затем по вопросам обороны и внешней политике. С 1983 по 1997 г. он входил в состав теневого кабинета. С 1997 до октября 1999 г. Робертсон – министр обороны Великобритании.

С самого начала работы в качестве министра обороны Робертсон стал проводить идею Тони Блэра о создании европейских сил безопасности. Во время Косовского кризиса Робертсон выступил последовательным сторонником военной операции против С.Милошевича.

В 1992 г. премьер-министр Джон Мейджор назначил Робертсона председателем

«Вестминстерского фонда за демократию», который оказывал поддержку странам из бывшего Восточного блока в установлении и укреплении демократии.

В должность генерального секретаря НАТО Джордж Робертсон вступил 14 октября 1999 г. В своем первом интервью в качестве генерального секретаря НАТО Дж.Робертсон заявил, что его приоритетами станут реорганизация самого альянса, налаживание отношений с Россией и усиление атлантического партнерства с США.

Цитаты

По поводу своего назначения на пост генерального секретаря НАТО Робертсон сказал: *«Меня выбрали потому, что, будучи министром обороны Великобритании, я накопил достаточный опыт. Еще у меня есть умение говорить прямо, здравый смысл и достаточно упрямства, чтобы попасть туда, где, по моему мнению, мне следует быть».*

«Холодная война, которая послужила основанием для создания альянса, давно закончилась. Необходимо найти для НАТО новую роль в Европе и в мире. Главное для НАТО сегодня – это "формально и по духу" сблизиться с Европейским союзом. Необходимо реорганизовать систему сотрудничества в вопросах вооружения в Европе».

РУЗВЕЛЬТ Франклин Делано [Franklin Delano Roosevelt] (30 января 1882 г. – 12 апреля 1945 г.)

– 32-й президент США от Демократической партии (1933–1945 гг.). Четыре раза избирался на этот пост.

Штрихи к портрету

В 1913–1920 гг. – помощник морского министра; в 1929–1933 гг. – губернатор штата Нью-Йорк.

В области внешней политики Ф.Д.Рузвельт проявил себя как реалистически мыслящий государственный деятель. В 1933 г. его правительство установило дипломатические отношения с СССР. Сознавая опасность, грозившую со стороны фашизма, выступил в 30-е годы с осуждением агрессивных акций Германии, Италии и Японии.

С началом Второй мировой войны выступил за оказание помощи Великобритании и Франции против фашистской Германии. После нападения гитлеровской Германии на СССР заявил (24 июня 1941 г.) о готовности США оказать поддержку борьбе советского народа, отстаивал идею сближения двух стран и оказания материальной помощи СССР. После вступления США в войну (декабрь 1941 г.) внес крупный вклад в создание и укрепление антигитлеровской коалиции.

Участвовал в выработке Атлантической хартии (1941 г.) и советско-американского соглашения 1942 г., в работе Квебекских конференций (1943 и 1944 гг.), Каирской (англо-американо-китайской) и Каирской (англо-американо-турецкой) конференций (1943 г.). Представлял США на Тегеранской (1943 г.) и Крымской (Ялтинской) (1945 г.)

конференциях, придавал важное значение развитию послевоенного международного сотрудничества и созданию ООН.

Выступал сторонником сохранения и укрепления сотрудничества с СССР в послевоенный период, усматривая в этом важнейшее условие сохранения всеобщего мира.

САРКОЗИ Николя Поль Стефан де Надь-Боча [*Sárközy Nicolas Paul Stéphane de Nagy-Bócsa*] (родился 28 января 1955 г.) – французский государственный и политический деятель, 23-й президент Французской Республики и 6-й президент Пятой Французской республики (избран 6 мая 2007 г.). Как президент, является князем (соправителем) Андорры и великим магистром ордена Почетного легиона.

Штрихи к портрету

Саркози – лидер правящей партии «Союз за народное движение». В 1993–1995 гг., 2002–2004 гг. и с 2005 по 2007 г. занимал министерские посты в правительстве Франции. До вступления в должность президента Республики являлся председателем генерального совета департамента О-де-Сен.

Политологи отмечают его высокие лидерские качества и харизму. По убеждениям – правый консерватор. Выступает за снижение налогов и социальных расходов. Сторонник европейской интеграции. Судя по его выступлениям, поддерживает

традиционные французские ценности светского демократического государства, которые вобрали в себя и опыт христианской цивилизации.

В вопросе ассимиляции иммигрантов обращает внимание прежде всего на их способность принять эти ценности. Считается союзником США. Некоторые журналисты, критически настроенные к политике Штатов, обвиняют Саркози в том, что он агент сионизма и ЦРУ. Оппоненты и многие независимые исследователи называют Саркози либералом или ультралибералом; сам он отрицает такое определение и утверждает, что он прагматик.

23 июля 2008 г. по инициативе Н.Саркози была проведена самая масштабная реформа Конституции 1958 г. (было изменено или дополнено 47 статей из 89). Она проходила под лозунгом «Модернизация институтов V Республики» и затронула институт президента Республики.

Приоритетом внешней политики Саркози является Европа, в частности Европейский союз. Именно он стал одним из авторов и активных сторонников Лиссабонского договора, изменяющего Договор об основании ЕС и Договор об основании ЕЭС, – договора, заменившего проект Европейской конституции, отвергнутый на референдумах во Франции и Нидерландах в мае-июне 2005 г.

Саркози выступает против немедленного вступления Турции в ЕС, но официально поддерживает вступление в ЕС государств Западных Балкан.

Саркози участвовал в июне 2007 г. в саммите «Большой восьмерки» в Германии, где выступал за независимость Косово.

Как президент страны-председателя ЕС Саркози внес вклад в мирное урегулирование военного конфликта в Южной Осетии 2008 г., выработав с Президентом России Д.А.Медведевым основные пункты мирного соглашения, получившего название «План Медведева - Саркози»; впоследствии его подписали также президенты Грузии, Южной Осетии и Абхазии.

СОЛАНА Хавьер Франсиско [*Francisco Javier Solana*] (родился 14 июля 1942 г.) – испанский политический деятель, ученый-физик, специалист в области физики твердого тела.

Штрихи к портрету

Долгое время Х.Солана был на исследовательской и преподавательской работе, является профессором физики твердого тела в Мадридском университете Комплутенсе.

С 1966 г. – член Испанской социалистической рабочей партии (ИСРП); с 1977 по 1995 г. – член Палаты депутатов Генеральных кортесов Испании. После победы ИСРП на парламентских выборах

неоднократно назначался министром в правительствах Фелипе Гонсалеса Маркеса.

С 5 декабря 1995 г. по 6 октября 1999 г. – генеральный секретарь Организации Североатлантического договора (НАТО). С 18 октября 1999 г. – генеральный секретарь Совета Европейского союза – Высокий представитель по общей внешней политике и политике безопасности. В июле 2004 г. Х.Солана назначен на этот же пост на второй 5-летний срок.

СПАЙКМАН Николас Джон [*Nicholas John Spykman*] (1893–1943 гг.) – американский геополитик голландского происхождения. Основатель подхода классического реализма в американской теории международных отношений, автор концепции «сдерживания» и двух известных работ: «Американская стратегия в мировой политике» (1942 г.) и «География мира» (1944 г.). Основой его теории являлась идея «римленда» как ключевой территории в мировой политике.

СТИГЛИЦ Джозеф Юджин [*Joseph Stiglitz*] (родился 9 февраля 1943 г.) – американский экономист-неокейнсианец, лауреат Нобелевской премии по экономике «За анализ рынков с несимметричной информацией» (2001 г.).

Штрихи к портрету

Дж. Стиглиц учился в Амхерст-колледже и Массачусетском технологическом институте, профессор Колумбийского университета.

Стиглиц – председатель Совета экономических консультантов при президенте США (1995–1997 гг.); шеф-экономист Всемирного банка (1997–2000 гг.).

Он известен как жесткий критик неограниченного рынка, монетаризма и неоклассической политэкономической школы вообще, а также неолиберального понимания глобализации, политики МВФ в отношении развивающихся стран и либеральных реформ в России, что делает его знаковой фигурой современного альтерглобалистского движения.

ТАЛАБАНИ Джаляль [Celal Talebanî] (родился 12 ноября 1933 г.) – видный курдский и иракский политический деятель, президент Ирака с 6 апреля 2005 г.

Штрихи к портрету

Талабани родился в семье местного шейха. С 13 лет возглавлял молодежную организацию «Союз курдских учащихся».

В 1950 г. стал членом Демократической партии Курдистана.

В 1953–1958 гг. учился на юридическом факультете Багдадского университета. В 1954 и 1957

гг. в качестве лидера «Союза курдских учащихся» возглавлял курдские делегации на Пекинском и Московском фестивалях молодежи и студентов.

В 1962 г. Талабани становится одним из виднейших и наиболее популярных повстанческих командиров. После заключения перемирия с первым баасистским режимом (февраль 1963 г.) Барзани посылает его в качестве своего представителя, а затем главы курдской делегации в Багдад. В качестве члена иракской делегации Талабани посещает Гамаля А.Насера в Каире и А. бен Беллу в Алжире, начав таким образом свою международно-дипломатическую карьеру.

С началом Ирано-иракской войны (1980 г.) Талабани получает поддержку иранцев в борьбе против багдадского режима (с перерывом в 1984 г., когда между ним и Саддамом Хусейном было заключено перемирие).

В марте 1991 г. после разгрома С.Хусейна силами международной коалиции, Талабани и Масуд Барзани возглавили всеобщее курдское восстание, приведшее к освобождению практически всей территории Курдистана.

Осенью того же года Курдистан был объявлен ООН «зоной безопасности», и иракские войска были изгнаны силами НАТО из Сулеймании, Эрбиля и Дохука.

В апреле 2003 г. после падения Багдада силы Талабани занимают «нефтяную столицу» Ирака – Киркук; вслед за этим Талабани и Барзани входят в правящий совет Ирака. В 2005 г. Талабани становится президентом Ирака при активной поддержке своего соперника Барзани, который согласно договоренности, стал президентом Курдистана.

По мнению многих, Талабани отличают энергия, несомненные дипломатические способности, безграничное честолюбие и та черта, которую даже его сторонники определяют как «маккиавелизм».

ТОЙНБИ Арнольд Джозеф [*Arnold Joseph Toynbee*] (14 апреля 1889 г. – 22 октября 1975 г.) – британский историк, культуролог, автор «Постижения истории» – двенадцатитомного анализа рождения и упадка цивилизаций. Удостоен Ордена Кавалеров Почета.

Штрихи к портрету

А.Дж.Тойнби окончил Винчестерский колледж и Оксфордский университет. Был признанным знатоком древнего мира; профессор Лондонского университета (1919–1924 гг.) и Лондонской школы экономических наук (1925–1955 гг.); автор множества исследований по историко-философским, социологическим и политическим проблемам. Положение ученого-специалиста, вовлеченного в мировую политику на самом высоком уровне (эксперт на международных

конференциях во время Первой и Второй мировых войн), в значительной степени определило характер и масштабы его исторического мышления.

Цитаты

О капитализме: «Я полагаю, что во всех странах, где максимальная частная прибыль выступает как мотив производства, частнопредпринимательская система перестанет функционировать. Когда это случится, социализм, в конечном итоге, будет навязан диктаторским режимом».

О коммунизме и России: «Коммунизм есть... оружие западного происхождения. Не изобрети его в XIX веке Карл Маркс и Фридрих Энгельс, два человека с Запада, воспитанных в рейнской провинции и проведших большую часть жизни в Лондоне и Манчестере, коммунизм никогда не стал бы официальной российской идеологией. В российской традиции не существовало даже предпосылок к тому, чтобы там могли изобрести коммунизм самостоятельно; и совершенно очевидно, что русским и в голову бы не пришло ничего подобного, не пояись он на Западе, готовый к употреблению... Россия рассталась со своей вековой традицией, впервые в истории переняв западное мировоззрение».

О будущем человечества: «Человечество, очевидно, должно выбрать одно из двух: или совершить самоубийство, или научиться жить как

одна семья. Предполагаю, что человечество согласится на жесткую диктатуру ленинского типа как на зло меньшее, чем самоуничтожение».

ТРАЙКОВСКИЙ Борис [Борис Трајковски] (25 июня 1956 г. – 26 февраля 2004 г.) – второй президент Республики Македония (1999–2004 гг.).

Штрихи к портрету

В 1980 г. окончил юридический факультет в Скопье, после чего работал в США.

До 1997 г. он работал в мэрии Скопье, с 1998 г. – заместитель министра иностранных дел.

Трайковский играл ключевую роль на переговорах, связанных с проблемой размещения албанских беженцев из Косово на территории Македонии. Погиб в авиакатастрофе в 2004 г.

ТРОЦКИЙ Лев Давидович [настоящая фамилия Бронштейн] (25 октября (7 ноября) 1879 г. – 21 августа 1940 г.) – деятель международного коммунистического революционного движения, практик и теоретик марксизма, идеолог одного из его течений – троцкизма. Один из создателей Красной Армии.

Штрихи к портрету

Л.Троцкий – один из основателей и идеологов Коминтерна, член Исполкома Коминтерна. В первом советском правительстве – нарком по иностранным делам; в 1918–1925 гг. – нарком по военным и морским делам и председатель Революционного военного совета РСФСР, затем СССР.

С 1923 г. – лидер внутрипартийной левой оппозиции. Член Политбюро ВКП(б) в 1919–1926 гг. В 1927 г. снят со всех постов и отправлен в ссылку. В 1929 г. выслан за пределы СССР. После высылки из СССР – создатель и главный теоретик троцкистского Четвертого интернационала (1938 г.). Убит агентом НКВД Рамоном Меркадером в Мексике (1940 г.).

УСТРЯЛОВ Николай Васильевич (25 ноября 1890 г. – 14 сентября 1937 г.) – русский правовед, философ, политический деятель; считается основоположником русского национал-большевизма, идеолог сменовеховства.

Штрихи к портрету.

В период преподавания в Московском университете Н.В.Устрялов был членом Конституционно-демократической партии.

Во время Гражданской войны Устрялов был на стороне белых, но позже пришел к выводу, что большевики были единственной силой, способной восстановить могущество России, и стал

поддерживать Советский Союз, который, по его мнению, был красным лишь снаружи, но оставался белым внутри.

Как диссидент-радикал Устрялов был выслан из страны и провел некоторое время в Китае и Франции. Тем не менее он продолжал поддерживать русскую революцию, СССР и в особенности Сталина и его стиль правления.

Устрялов был серьезным ученым, обладавшим энциклопедическими познаниями, будучи в эмиграции, преподавал международное право на юридическом факультете в Харбине.

В 1935 г. после продажи СССР КВЖД Японии вернулся в СССР, предварительно переправив свой архив в США. В 1935-1937 гг. – профессор экономической географии в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время – в Московском университете.

ФУКУЯМА Фрэнсис Ёсихиро [*Francis Yoshihiro Fukuuyama*] (родился 27 октября 1952 г.) – влиятельный американский философ, политический экономист и писатель.

Штрихи к портрету

Ф.Фукуяма получил степень бакалавра в Корнелльском университете, затем степень доктора политических наук в Гарвардском университете.

В 1979–1980, 1983–1989 и 1995–1996 гг. работал сотрудником департамента политических наук в исследовательском центре Rand Corporation (Калифорния).

В 1981–1982 и 1989–1990 гг. являлся сотрудником отдела политического планирования госдепартамента США, где сначала специализировался на Ближнем Востоке, а затем на Европе.

В 1996–2000 гг. – профессор публичной политики в Университете Джорджа Мейсона (Вашингтон).

В 2001–2005 гг. – член президентского совета США по биоэтике.

В настоящее время – профессор Школы углубленных международных исследований (*SAIS*) при Университете Джона Хопкинса, а также директор программы международного развития SAIS и председатель редакционного совета журнала «Американские интересы».

Фукуяма неоднократно выступал с критикой трансгуманизма, который, по его мнению, является «самой опасной в мире идеей». Кроме этого он критиковал технологии клонирования человека, генной инженерии, практику использования

ноотропиков для усиления интеллекта, ряд других технологий, направленных на улучшение человека.

ХАММАРШЁЛЬД Даг Яльмар Агне Карл [*Dag Hjalmar Agne Carl Hammarskjöld*] (29 июля 1905 – 18 сентября 1961 г.) – шведский государственный и политический деятель; второй генеральный секретарь Организации Объединенных Наций (10 апреля 1953 – 18 сентября 1961 гг.). Поэт, журналист и эссеист. Лауреат Нобелевской премии мира (1961 г.).

Штрихи к портрету

В 1947 г. – входил в состав делегации Швеции на Парижской конференции.

1948 г. – возглавлял делегацию Швеции на Парижской конференции 1948 г. Организации европейского экономического сотрудничества и развития (ОЕЭС). Несколько лет был заместителем председателя Исполнительного комитета ОЕЭС.

7 апреля 1953 г. по рекомендации Совета Безопасности ООН был единогласно избран Генеральной Ассамблеей на должность генерального секретаря Организации Объединенных Наций, а в 1957 г. был единогласно переизбран вновь на этот пост.

18 сентября 1961 г. погиб в авиационной катастрофе в Северной Родезии (ныне Замбия) во время миротворческой операции ООН в Конго. Существует ряд неофициальных версий гибели

Хаммаршельда, включая предположения о диверсии или уничтожении самолета авиацией катанжийских сепаратистов.

ХАНТИНГТОН Самюэль Филлипс [*Samuel Phillips Huntington*] (18 апреля 1927 г. – 24 декабря 2008 г.) – известный американский социолог и политолог.

Штрихи к портрету

С.Хантингтон получил высшее образование в Йельском университете, защитил докторскую диссертацию в Гарвардском университете, где и преподавал до конца жизни.

В начале научной карьеры получил известность прежде всего как исследователь гражданского контроля над вооруженными силами и теории модернизации. Основатель и главный редактор журнала «Международные отношения» (*Foreign Affairs*).

ХЕРД Дуглас [*Douglas Hurd*] (родился 8 марта 1930 г.) – британский политик-консерватор. В правительствах Маргарет Тэтчер и Джона Мейджора Херд был министром иностранных дел и министром внутренних дел. Начав свою карьеру в дипломатическом ведомстве, Херд с 1974 г. по 1997 г. был членом парламента Великобритании.

ХООП СХЕФФЕР Якоб Гейсберт Яап, де [*Jakob Gijsbert Jaap de Hoop Scheffer*] (родился 3 апреля 1948 г.) – нидерландский политик, генеральный секретарь НАТО в 2004–2009 гг.

Штрихи к портрету

В 1974 г. окончил Лейденский университет и получил степень магистра права; 1976 г. работал в посольстве Нидерландов в Гане; 1980–1986 гг. – секретарь министра иностранных дел; 1986–2002 гг. – депутат парламента; с 2002–2003 гг. – министр иностранных дел Нидерландов и одновременно председатель ОБСЕ (2003 г.).

В 2004 г. занял пост генерального секретаря НАТО. 10 декабря 2006 г. было принято решение продлить мандат де Хоопа Схеффера до 2009 г.

Хооп Схеффер возглавил Североатлантический альянс, когда организация участвовала в ряде миротворческих операций, важнейшей из них была операция в Афганистане.

После начала войны в Южной Осетии (август 2008 г.) де Хооп Схеффер обвинил Россию в нарушении целостности Грузии и применении «непропорциональной силы» в конфликте. Кроме того, он потребовал отменить признание Россией независимости Южной Осетии и Абхазии, сделанное 26 августа Президентом России Д.А.Медведевым.

ЧЕРНОМЫРДИН Виктор Степанович (родился 9 апреля 1938 г.) – советский и российский хозяйственный и государственный деятель.

Штрихи к портрету

В.С.Черномырдин окончил Куйбышевский политехнический институт в 1966 г. и ушел на партийную работу в Орском горкоме КПСС. В 1973–1978 гг. был директором Оренбургского газоперерабатывающего завода, затем вернулся на партийную работу. С 1982 г. – заместитель министра газовой промышленности СССР; в 1985–1989 гг. – министр газовой промышленности СССР; в 1989–1992 гг. – председатель правления Государственного газового концерна «Газпром»; 30 мая 1992 г. назначен заместителем председателя правительства России по ТЭК; председатель Совета Министров – правительства РФ (1992–1993 гг.), председатель правительства РФ (1993–1998 гг.); 21 мая 2001 г. – 11 июня 2009 г. – Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ на Украине, специальный представитель Президента РФ по развитию торгово-экономических отношений с Украиной.

В мае 1995 г. был избран председателем Всероссийского общественно-политического движения «Наш дом – Россия».

14 апреля 1999 г. назначен специальным представителем Президента РФ по урегулированию ситуации вокруг Союзной Республики Югославии.

С 11 июня 2009 г. – советник Президента РФ,
специальный представитель Президента РФ по
вопросам экономического сотрудничества с
государствами – участниками СНГ.

ЧЕРЧИЛЛЬ Уинстон Леонард Спенсер, сэр [Winston Leonard Spenser Churchill] (30 ноября 1874 г. – 24 января 1965 г.) – премьер-министр Великобритании в 1940–1945 гг., 1951–1955 гг.

Штрихи к портрету

До 1904 г. Черчилль – консерватор, затем либерал, с начала 20-х годов XX в. снова консерватор, один из лидеров Консервативной партии. С 1908 г. – неоднократно назначался министром.

В годы Второй мировой войны был символом выдержки британского народа, предсказал ему «кровь, тяготы, слезы и пот»; выступил одним из инициаторов создания антигитлеровской коалиции с США и СССР и одновременно стремился ограничить влияние СССР в послевоенной Европе.

В августе 1946 г. в речи «Пробудись, Европа!», произнесенной в Цюрихе, призвал к единству европейских стран-победителей и побежденных.

В программной речи в Фултоне (США, 5 марта 1946 г.) высказал предостережение об угрозе тирании и тоталитаризма, исходящей из СССР, который, по его словам, создал «железный занавес» от Щецина на Балтике до Триеста на Адриатике, и призвал к укреплению ООН, созданию особых

отношений между Великобританией и США для предотвращения новой войны и сохранения свободы и демократии.

У.Черчилль – автор сочинений историческо-мемуарного характера. Лауреат Нобелевской премии в области литературы (1953 г.).

ШРЁДЕР Герхард Фриц Курт [*Gerhard Fritz Kurt Schröder*] (родился 7 апреля 1944 г.) – немецкий политик, федеральный канцлер ФРГ (27 октября 1998 г. – ноябрь 2005 г.).

Штрихи к портрету

Г.Шрёдер в 1971 г. окончил юридический факультет Геттингенского университета; с 1978 по 1990 г. занимался частной юридической практикой в Ганновере. Одновременно в 1978 г. стал лидером «Молодых социалистов» – молодежной секции СДПГ.

В 1980 г. он впервые был избран депутатом бундестага, а 21 июня 1990 г. – премьер-министром земли Нижняя Саксония.

Возглавляемая Шрёдером коалиция социал-демократов и «зеленых» пришла к власти в октябре 1998 г. после 16-летнего пребывания в оппозиции с обещаниями модернизации экономики, поддержки предпринимательства и сохранения системы социальной защиты.

В руководстве страной Шрёдеру предстояло выбрать между двумя концепциями преодоления кризиса: одна была предложена либеральными экономистами, а на другой настаивали левые социал-демократы во главе с Оскармом Лафонтеном (повышение налогообложения более состоятельных слоев общества). Шрёдер выбрал первый вариант. Его попытка приступить к выполнению программы урезания социальных прав граждан привела к стремительному падению поддержки СДПГ со стороны населения.

Не сумев решить структурные экономические проблемы, Шрёдер едва не потерпел поражение на выборах 22 октября 2002 г. Только жесткая оппозиция американскому вторжению в Ирак и эффективная помощь жертвам наводнения на востоке Германии в тот год помогли СДПГ получить небольшой перевес над ХДС.

В марте 2003 г. Шрёдер начал программу либеральных экономических реформ, известную как «Программа-2010» (либерализация трудового законодательства для стимулирования создания новых рабочих мест, ограничение расходов на здравоохранение, пенсионное и социальное обеспечение).

В декабре 2005 г. после ухода Шрёдера с поста федерального канцлера ФРГ было объявлено, что он возглавит комитет акционеров *North European Gas Pipeline Company*, компании-оператора Северо-Европейского газопровода. Комитет акционеров будет

выполнять функции совета директоров, к которым относятся «принятие всех стратегических решений по всем направлениям деятельности компании».

Цитаты

Герхард Шрёдер заявил в интервью: «Россия важна для нас политически и экономически. Я действительно убежден в том, что расширившийся Европейский союз поступает правильно, налаживая стратегическое партнерство с Россией. Я хочу внести вклад в это дело, ибо твердо убежден, что это партнерство необходимо – в том числе с учетом европейской истории... Никто в Германии не должен быть заинтересован в нестабильности в России...».

Корреспондентам *Süddeutsche Zeitung* Шрёдер вновь подтвердил, что у него нет намерения менять политику правительства в отношении России: «Если вы рассмотрите ситуацию в регионе с точки зрения того, какие политические и экономические последствия она может иметь для Германии, то поймете, что никто не может быть заинтересован в том, чтобы ставить под вопрос территориальную целостность Российской Федерации».

Шрёдер назвал сближение России и Евросоюза одной из долгосрочных перспектив, поскольку «нельзя гарантировать безопасность и благополучие единой Европы без стратегического партнерства с Россией».

ЭНГДАЛЬ Фредерик Уильям [*Frederick William Engdahl*] (9 августа 1944 г.) – американский экономист, независимый журналист, писатель и политолог; автор ряда известных книг и исследований, более 30 лет работает в области геополитики.

Штрихи к портрету

Ф.У.Энгдаль окончил Принстонский университет по специальности «Политика», докторскую степень в области сравнительной экономики получил в университете Стокгольма. Последние 20 лет живет в Висбадене.

Основой всех исследований У.Энгдаля является нестандартный подход к выделению ключевых проблем на стыке экономики и геополитики, что позволяет читателю увидеть мировые события в особом ракурсе.

Энгдаль хорошо известен и в России. Телеканал «Вести» неоднократно привлекал его в качестве видного эксперта по вопросам геополитики в связи с «цветными революциями» на постсоветской территории и событиями в энергетической сфере.

Список сокращений

АВАКС – Система дальнего радиолокационного обнаружения и управления.

АОК – Армия освобождения Косово.

БМР – Банк международных расчетов.

ВГК ОВС НАТО – Верховное главнокомандование Объединенными вооруженными силами НАТО.

ВГКТ ОВС НАТО – Верховное главное командование по трансформации ОВС НАТО.

ГВП – группа восстановления провинций.

ГКТ – Главное (союзное) командование по трансформации.

ГУАМ – организация включающая Грузию, Украину, Азербайджан и Молдавию.

ЕПБО – Европейская политика в области безопасности и обороны.

ЕС – Европейский союз.

ЕСФОР – Европейские силы стабилизации в Боснии и Герцеговине.

ИОП – Инициатива об оборонном потенциале (1999 г.).

ИПД – Индивидуальная программа партнерства.

ИПДП – Индивидуальный план действий Партнерства.

ИСАФ – Международные силы содействия безопасности в Афганистане.

ИСВП – Инициатива по сотрудничеству в воздушном пространстве.

ИФОР – Многонациональные силы по выполнению мирного соглашения в Боснии и Герцеговине под политическим управлением и контролем Североатланти-ческого совета.

КЗК – Корпус защиты Косово.

КМРВЕ – Конгресс местных и региональных властей Европы.

КОП – Концепция оперативного потенциала.

КОС – Командование объединенными силами.

КТ ОВС НАТО – Командование по трансформации ОВС НАТО.

КШУ – Командно-штабные учения.

МАСС – Миссия Африканского союза в Судане.

МКК – Миссия по контролю в Косово.

МНД – Многонациональная дивизия.

МООТГ – Многонациональные объединенные (межвидовые) оперативно-тактические группы.

МТБЮ – Международный трибунал по бывшей Югославии.

МЦУБДА – Многонациональный центр управления боевыми действиями авиации.

НОФ – Национальная освободительная армия (на территории Республики Македония из этнических албанцев).

ОВППБ – Общая внешняя политика и политика безопасности.

ОЦАНО – Объединенный центр анализа и накопленного опыта.

ОЭСР – Организация экономического сотрудничества.

ПДЕП – План действий по европейскому потенциалу.

ПДПЧ – План действий по подготовке к членству в НАТО (1999 г.).

ППА – Процесс планирования и анализа по программе «Партнерство ради мира».

ПРМ – Партнерство ради мира (1994 г.).

ПРООБР – Программа углубления обучения и образования ПРМ.

ПРОП – Пражское обязательство о потенциале 2002 г. – в развитие КОП.

РКЦ – Римская Католическая церковь.

РПП – Рабочая программа партнерства.

РПЦ – Русская Православная церковь.

СДК (КФОР) – Силы для Косово под натовским командованием.

СЕАП – Совет Евро-Атлантического партнерства (1997 г.) взамен ССАС.

СМО – Совет по международным отношениям.

СООНО – Силы ООН по охране в Республике Босния и Герцеговина.

СР НАТО – Силы реагирования НАТО.

СРЛН – Система радиолокационного наблюдения.

СРН – Совет Россия – НАТО.

ССАС – Совет Североатлантического сотрудничества (1991 г.).

СФОР – Международные силы стабилизации для поддержания безопасности в Боснии и Герцеговине в соответствии с Дейтонским мирным соглашением.

УЦОС – Учебный центр объединенных межвидовых сил.

ФРС – Федеральная резервная система США.

ФСЕАМ – Федеральный союз европейских национальных меньшинств.

ЦМБД – Центр межвидовых боевых действий.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

ШТОЛЬ Владимир Владимирович

Армия «Нового мирового порядка»

Налоговая льгота – общероссийский классификатор ОК-005-93

Код ОКП 95 3210